

С. Шенбаум

ШЕКСПИР

краткая документальная биография

Издательство Прогресс

S. Schoenbaum

WILLIAM SHAKESPEARE

A Compact Documentary Life

Oxford University Press 1977

С. Шенбаум

ШЕКСПИР

**краткая
документальная
биография**

Перевод с английского
А. А. Аникста и А. Л. Величанского

Вступительная статья
А. А. Аникста

Издательство Прогресс
Москва 1985

Редактор *Е. Л. Левина*

Редакция литературы по истории

© Oxford University Press, 1977

© Перевод на русский язык, вступительная статья и примечания,
издательство «Прогресс», 1985

III $\frac{0506000000-215}{006 (01)-85}$ 18-85

0506000000

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Интерес к Шекспиру неуклонно растет. Все больше людей приобщается к его произведениям, и в связи с этим, естественно, расширяется круг тех, кто хочет узнать о его жизни и о том, какой он был человек. Но если с его творчеством познакомиться легко, то личность Шекспира отнюдь не столь открыта для нас.

Теперь Шекспир признан одним из величайших писателей мира. Он — гордость человечества. Но в глазах современников Шекспир не был значительной величиной. Тогда его не считали таким великим, и известность его была гораздо меньшей.

Свои главные произведения Шекспир написал для общедоступного народного театра. В те времена театр считался развлечением сравнительно низкого рода. Достаточно сказать, что в пределах Лондона городские власти не разрешали строить театры и давать публичные представления. Буржуа-пуритане, управлявшие муниципалитетом столицы, видели в театрах источник разложения нравов и одну из причин распространения эпидемий чумы. Театры строили за городской чертой, там, где находились всякого рода злачные места и такие развлечения, как загоны для травли медведя и арены для петушиных боев.

Хотя актеров жаловали при дворе и приглашали туда давать представления, драма отнюдь не считалась высоким искусством. Признавался авторитет древнеримских драматургов — Сенеки, Теренция и Плавта. Современные авторы, писавшие для театров, в широких кругах уважением не пользовались. Зрители не интересовались, кто сочинил ту или иную популярную пьесу, так же как теперь публика не знает имен сценаристов, пишущих для кино.

В печати фамилия Шекспира впервые появилась в 1593 г. Он подписал ею посвящение поэмы «Венера и Адонис» своему покровителю графу Саутгемпτονу. Ему же посвятил он и вторую поэму — «Обесчещенная Лукреция», напечатанную в следующем году.

«Венеру и Адониса» Шекспир назвал «первым плодом моего творчества». Между тем к тому времени, когда вы-

шла поэма, на сцене было поставлено уже не менее шести пьес, среди них «Ричард III», «Комедия ошибок» и «Укрощение строптивой». Что означало признание поэмы первым плодом поэтического творчества? Может быть, то, что она была создана раньше пьес? Отнюдь нет. Дело просто в том, что настоящей литературой считались произведения, принадлежавшие к высоким и общепризнанным литературным жанрам. Пьесы для народного театра таковыми еще не признавались.

Первые издания пьес Шекспира, вышедшие вслед за поэмами, были анонимными. Фамилия автора не была обозначена. Не следует думать, будто это объяснялось «дискриминацией» в отношении Шекспира. Пьесы других писателей тоже сначала печатались так. Заметим, что в те времена авторского права еще не существовало. Продав пьесу театру, писатель переставал быть собственником своего произведения. Оно принадлежало театру. Как правило, группа пьес своего репертуара не продавала, чтобы их не ставили соперничающие театры. Но эпидемия чумы 1592—1594 гг. вызвала закрытие театров. Нуждаясь в деньгах, группы продали издателям много пьес. В числе их были и произведения Шекспира. Кроме того, если пьеса была популярна, издатели добывали ее нечестным «пиратским» путем, иногда просто выкрадывали, а порой подсылали стенографов записать спектакль. «Пиратскими» были и издания некоторых пьес Шекспира.

Лишь в 1597 г. фамилия Шекспира в первый раз появилась на титульном листе издания пьесы. То была комедия «Бесплодные усилия любви». А в следующем году вышла книжечка одного любителя литературы и театра Фрэнсиса Мереза «*Palladis Tamia*, или Сокровищница ума». Она содержала обзор английской литературы, причем отечественные писатели сопоставлялись с древнеримскими и итальянскими авторами. Здесь Шекспиру воздается должное. Он охарактеризован как драматург, «наипревосходнейший в обоих видах пьес», то есть в трагедии и комедии. При этом Мерез перечислил десять пьес Шекспира.

Из этого, однако, не следует делать вывода о всенародном признании Шекспира. Его имя оставалось известным лишь узкому кругу литераторов и актеров. Достаточно

сказать, что шесть лет спустя после издания книги Мере-за чиновник, плативший за спектакли при королевском дворе, не знал даже, как пишется фамилия автора «Комедии ошибок», «Венецианского купца», «Меры за меру» и «Отелло». Вместо Shakespeare он написал: Shaxbird.

Повторим, положение Шекспира как драматурга не было ни почетным, ни уважаемым. Писателям еще предстояла долгая борьба за достойное положение в обществе. Конечно, люди, понимавшие толк в искусстве, уже при жизни ценили Шекспира, о чем свидетельствует ряд отзывов его современников. Но его общественное положение ни в малой степени не идет в сравнение с тем, как к нему стали относиться полтора столетия спустя и позже. В середине XVIII в. его признали классиком. Возник и развился подлинный культ Шекспира, и в начале XIX в. его провозгласили величайшим поэтом.

Ничего подобного даже отдаленно при жизни Шекспира не было и не могло быть. Поэтому не следует удивляться, что никому из современников не пришло тогда в голову собрать сведения о нем и написать его биографию. Впрочем, если быть точным, то надо упомянуть, что современник Шекспира драматург Томас Хейвуд (1573—1641) начал писать «Жизнеописания поэтов», но не закончил это сочинение, и, как большинство его пьес — а он утверждал, будто один и в соавторстве сочинил их свыше двухсот, — оно не сохранилось.

Вообще жизнеописаний в те времена удаивались лишь царственные особы, высшие прелаты и лица, причисленные к лику святых. Гуманисты эпохи Возрождения хотели преодолеть эту дурную традицию, создав биографии поэтов и художников. Английский мыслитель и писатель Томас Мор (1478—1535) перевел биографию итальянского философа Пико делла Мирандола. О самом Томасе Море написал его зять Ропер. Но ни об одном другом писателе XVI и первой половины XVII в. в ту пору не было создано биографического сочинения.

Жанр биографии деятелей культуры начал развиваться в Англии лишь четверть века спустя после смерти Шекспира, когда Айзек Уолтон написал биографию поэта Джона Донна (1640). Затем появились жизнеописания других писателей.

Тогда-то впервые спохватились, что надо собрать сведения о знаменитых людях прошлого. Одним из собирателей стал священник Томас Фуллер (1608—1661), окончивший Кембриджский университет. Написанная им «История знаменитостей Англии» (History of the Worthies of England) вышла в свет уже после его смерти (1662). Он еще застал в живых современников Шекспира и записал их рассказы. Они приведены в этой книге, и С. Шенбаум рассматривает степень их достоверности. Собрал разные сведения о Шекспире и выученик Оксфордского университета Джон Обри (1626—1697). По свидетельству знавших его, он был не слишком тщателен в проверке сведений, и собранные им предания о Шекспире точностью не отличались. Его записи не были окончательно обработаны, их обнаружили и впервые опубликовали в XVIII в. Читатель познакомится с ними в трактовке С. Шенбаума.

Итак, как при жизни Шекспира, так и после его смерти биографические данные о нем оставались почти неизвестными. Что-то рассказывали о нем стратфордские старожилы, какие-то предания сохранились и передавались из поколения в поколение в актерской среде. Но ничего достоверного о жизни Шекспира не было известно.

Серьезное изучение Шекспира началось в XVIII в. Появились литераторы и ученые, занявшиеся изучением жизни и творчества Шекспира. Первое почетное место в ряду их принадлежит драматургу Николасу Роу (1676—1718). В 1709 г. он издал собрание сочинений Шекспира, сопроводив его биографией поэта. Он собрал для нее разные сведения, как достоверные, так и сомнительные. Как бы то ни было, он создал первое связное жизнеописание Шекспира, легшее в основу всех последующих биографий.

В то время как несколько ученых и критиков XVIII в. занялись редактированием и изданием все более совершенных текстов сочинений Шекспира, происходило также собирание сведений о жизни Шекспира, о его эпохе, о других писателях того времени, о театре и актерам, и в итоге возник особый раздел знаний — шекспироведение.

Не следует удивляться тому, что ученым приходилось заниматься и текстами сочинений Шекспира. В его время издательское дело находилось на сравнительно ранней стадии развития. Первая книга в Англии была напечатана

на в 1475 г., то есть всего за девяносто лет до рождения Шекспира. Набор и печать производились еще довольно примитивным способом. Норм английского языка и даже упорядоченной, единой для всех грамматики еще не существовало. Орфография не устоялась. От наборщика зависело писать слова, как они были в рукописи автора, или вводить свое написание. Не разобрав того, что было написано в рукописи, типограф мог по-своему прочесть и изменить текст. В таком виде и появились пьесы Шекспира при его жизни. Редакторам XVIII в. пришлось изрядно потрудиться, чтобы очистить первопечатные тексты от ошибок, и эта работа продолжается до сих пор.

Могут спросить: разве Шекспир не сам следил за публикацией своих произведений? Увы, мы можем быть уверены в точности шекспировского текста лишь в отношении поэм «Венера и Адонис» и «Обещанная Лукреция»: их отдал в печать сам Шекспир, набирал и печатал их его земляк, ставший лондонским типографом. Что же касается остальных произведений Шекспира, то дело обстоит так: ряд изданий были «пиратскими», и, следовательно, Шекспир не имел возможности следить за тем, как их набирали. Но и в других случаях дело обходилось без него. Театр продавал рукопись пьесы издателю, а тот уже сам следил за набором и печатью. Так появились в свет девятнадцать из тридцати семи пьес Шекспира. Восемнадцать пьес при его жизни вообще не были напечатаны. Первое собрание его пьес, так называемое фоллио 1623 г., появилось семь лет спустя после смерти Шекспира. Оно было издано его друзьями, актерами Джоном Хемингом и Генри Конделом. Следовательно, Шекспир не следил и за публикацией первого полного собрания своих пьес.

Все это читателю следует иметь в виду, когда он пытается понять судьбу Шекспира. Она непохожа на судьбу таких великих писателей, как Гёте, Бальзак, Пушкин, Тургенев, Толстой, Достоевский, Ибсен, — словом, тех писателей нового времени, чей жизненный путь известен до мельчайших подробностей.

Если, однако, мы теперь имеем представление о жизни Шекспира и условиях, в каких он творил, то этим мы обязаны многим поколениям ученых, долго и старательно искавших сведения о великом драматурге.

История установления биографии Шекспира описана в ряде трудов. Из них самый новейший и самый обстоятельный создан автором данной книги — известным американским шекспироведом Сэмом Шенбаумом. Это его «Шекспировские биографии» (Shakespeare's Lives. Oxford — New York, 1970). На восьмистах с лишним страницах здесь изложена вся история собирания материалов о жизни Шекспира. Как показывает Шенбаум, при восстановлении биографии Шекспира не обошлось без ошибок, хуже того, некоторые, скажем мягко, «энтузиасты» пытались восполнить недостаток материалов сфабрикованными ими «документами».

Шекспироведение имеет своих корифеев. Я имею в виду не текстологов, проделавших гигантскую работу по очистке текстов, и не критиков, создавших глубокие трактовки произведений Шекспира, а тех, кто обогатил данный раздел шекспироведения — биографию писателя. Ограничусь упоминанием наиболее значительных ученых.

В XVIII в. таких ученых было два. Они обобщили итоги исследований своих предшественников и создали фундаментальные труды. Джордж Стивенс (1736—1800) сопроводил свое издание сочинений Шекспира (1778) обширным собранием документов и разного рода материалов о жизни Шекспира и театре его времени. Титаном шекспироведения был Эдмунд Мэлон (1741—1812), начавший работу в сотрудничестве со Стивенсом, а затем пошедший своим путем. Второе из подготовленных им изданий Шекспира вышло уже после его смерти в 1821 г. Оно явилось мостом от шекспироведения XVIII в. к шекспироведению XIX столетия. 21 том этого издания — наиболее богатое собрание комментариев к сочинениям Шекспира, дополненное исследованиями разного рода.

Среди шекспироведов XIX в., занимавшихся биографией Шекспира, следует выделить Джеймса Орчарда Холиуэл-Филипса (1820—1889). Неутомимый собиратель и исследователь материалов о жизни Шекспира, он опубликовал свою первую книгу о нем в 1848 г. Три десятилетия спустя он подготовил «Очерки жизни Шекспира» (1881). Наконец, в 1887 г. он выпустил окончательный вариант своих очерков.

Холиуэл-Филиппс строго придерживался фактов. Собрал он их множество. Но интерпретацию их предоставил другим. В XIX в. вышло несколько добротных работ, сочетавших факты, собранные шекспироведами, с попытками связать их с творчеством Шекспира. Пожалуй, наиболее значительный из опытов такого рода — обширный труд датского критика и литературоведа Георга Брандеса (1842—1927). Его «Вильям Шекспир» (1896) увязывает биографию Шекспира с культурой эпохи Возрождения в Европе и в Англии, предлагая одновременно психологический портрет Шекспира как мыслителя и художника. Сочинение Брандеса существует в двух русских переводах.

В XX в. самое солидное исследование всех фактов о жизни и деятельности Шекспира создал Эдмунд Керчевер Чемберс (1866—1954). Его двухтомный труд «Уильям Шекспир. Исследование фактов и проблем» (E. K. Chambers. William Shakespeare. A Study of Facts and Problems. Oxford, 1930) остается непревзойденным по основательности и точности трактовки фактов. Чемберс обобщил работу всех поколений шекспироведов. С. Шенбаум признает свой долг Чемберсу, отмечая вместе с тем важный вклад в изучение биографии Шекспира таких исследователей, как Эдгар Фрипп и Марк Эклз.

Роу, Мэлон, Холиуэл-Филиппс, Чемберс — таковы главные вехи на пути установления биографии Шекспира. Надо сказать, что труд Чемберса написан не для широкого круга читателей, а для специалистов. Это не связная биография, а собрание документов и преданий, тщательно прокомментированных ученым.

Предлагаемый вниманию советского читателя труд С. Шенбаума построен иначе. Американский ученый стремится изложить в четком хронологическом порядке все, что известно о каждом периоде жизни Шекспира. Творчества драматурга он совершенно не касается. Перед нами опыт биографии, основанной на документах. Но Шенбаум не исключает из поля рассмотрения и предания, сохранившиеся от тех далеких времен. Он тщательно рассматривает их, стремясь отделить достоверное от выдуманного.

Скажем прямо, сам Шекспир остается по-прежнему загадочным. Иначе и не может быть, поскольку не сохранилось никаких документов, приоткрывающих завесу над

личной жизнью писателя. Зато читатель получает широкую картину окружения Шекспира, нравов той эпохи, узнает, каким был Шекспир в повседневной жизни.

Иных читателей может разочаровать то обстоятельство, что многие документы свидетельствуют о том, как заботился великий драматург об имущественном достатке. До сих пор живо романтическое представление о великих поэтах как о существах не от мира сего, парящих в поднебесье. Документы показывают, что Шекспир не был таким. Да, он прилагал усилия к тому, чтобы заработать достаточно денег для приобретения недвижимости, купил самый лучший каменный дом в Стратфорде, приобрел несколько земельных участков.

Для того чтобы правильно оценить эти факты, надо вспомнить то, что говорилось выше о положении Уильяма Шекспира как драматурга. Г. Ибсен, Б. Шоу, Г. Гауптман могли обеспечить себя творческим трудом. Шекспиру это не было дано. Достаточно сказать, что за «Гамлета» он получил, по-видимому, десять фунтов стерлингов. Даже если учесть, что тогда деньги стоили раз в тридцать дороже, то едва ли можно считать такой гонорар достаточным за пьесу, признанную впоследствии едва ли не самой популярной в мировом репертуаре. Получив единовременную плату, драматург больше не имел от пьесы никакого дохода. Ему не платили за повторные исполнения ее, не получал он ничего и за издание пьесы.

Как же обеспечивал себя Шекспир? Он жил на доходы от участия в актерском товариществе. Шекспир вложил свои средства в общую кассу актеров-пайщиков. Часть средств пошла на аренду земельного участка, на котором был построен театр, другая часть — на постройку самого здания; надо было оплачивать текущие расходы по организации представлений, нанимать актеров на второстепенные роли. Таковы были основные статьи расхода труппы. Самую малую долю составляла плата за новые пьесы.

Доход же состоял из денег, которые сборщик получал у входа в театр с посетителей. Из суммы сбора вычитались деньги на покрытие расходов, а остаток делился между актерами-пайщиками соответственно доле, внесенной в общий капитал.

Деловой стороной труппы занимался не Шекспир, а, по-видимому, кто-то другой — одно время Огастин Филипс, потом Джон Хеминг. Но свою долю Шекспир исправно получал и вкладывал, как сказано, в недвижимость. Нет ничего зазорного в том, что он проявил достаточно деловитости в накоплении имущества, позволившего ему жить безбедно.

Ошибемся ли мы, предположив, что Шекспир стремился к независимости? Ему, человеку низкого звания и общественного положения, хотелось занять такое место в обществе, которое делало бы его сравнительно свободным и независимым от вышестоящих по сословному положению и богатству. В его время многие не чурались самых бесчестных средств для обогащения. Даже философ Ф. Бэкон был отстранен с высокого государственного поста за то, что брал взятки. Документы показывают, что в имущественных делах Шекспир был совершенно чист. Вот на что следует обратить внимание тем, кому покажется, что имущественные дела занимают слишком много места в шекспировской документации. Более того, документы же говорят о том, что, обладая средствами, Шекспир, когда это требовалось, помогал землякам и они были уверены в том, что к нему можно обращаться с просьбой ссудить деньги.

Не приходится отрицать, что факты и документы раскрывают прозаическую сторону жизни Шекспира. Но эта сторона есть в биографии всех великих поэтов и писателей. Только у многих из них мы знаем и другие стороны, поэтому пренебрегаем прозой их жизни. Но она была у всех. Многие жили не по средствам, и им их не хватало, но об этом мы забываем, увлекаясь более интересными обстоятельствами их жизни. Как пайщик театра и актер, Шекспир заработал достаточно, чтобы не одалживаться. Одалживали у него. Это ли не свидетельство характера и способностей человека?

Что подействовало на молодого Шекспира в этом отношении? Может быть, внезапное разорение отца, может быть, жалкая судьба Грина, драматурга и писателя, умершего на постоялом дворе, не оставив денег даже на похороны... Так или иначе, Шекспир сумел устроить свою жизнь достойным образом. Странно, что находятся люди, чуть ли не осуждающие его за это.

Хуже того, находятся и такие, кто из известных нам фактов о жизни Шекспира делает вывод, будто бы не он был автором пьес, которые известны под его именем.

Этого вопроса необходимо коснуться, ибо клевета, отрицающая авторство Шекспира, получила широкое распространение.

Боюсь, что книга С. Шенбаума может укрепить мнение скептиков и не верящих в авторство Шекспира. Автор все время имеет дело с документацией, а она в основном не связана с творческой деятельностью Шекспира. Лишь небольшое количество не столько документов, сколько преданий касается Шекспира — драматурга и поэта.

Несомненный разрыв между прозаическими фактами житейской деятельности Шекспира и его поэтической драматургией издавна вызывал вопрос: как совместить заботливого собирателя имущества и владельца прекрасного дома Нью-Плейс с автором «Ромео и Джульетты», «Гамлета», «Отелло», «Короля Лира», «Антония и Клеопатры»?

Приходится опять напомнить, что сентиментальные представления о великих художниках не имеют ничего общего с действительностью. Вольтер был богатым и прижизненным помещиком. Гёте сумел добиться от издателей самых высоких по тому времени литературных гонораров, Бальзак и Достоевский мучились в тисках кредиторов, и денежные вопросы были для них весьма важными. Напомним слова Пушкина: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Конечно, печально, что иные из великих писателей, композиторов, художников умерли в нищете, но в этом повинны неблагоприятные социальные обстоятельства. Если Моцарту не удавалось выбраться из бедности, то не из-за отсутствия предприимчивости. Деловитость и умение постоять за свои интересы не принижают талант.

Откинем поэтому мнимо нравственные соображения.

Другие противники Шекспира основываются на скудости документов о его жизни. Действительно, мы знаем о Шекспире меньше, чем хотелось бы, и ряд обстоятельств его жизни остался неясным (С. Шенбаум очень верно показывает, какие именно). Но разве нет неясностей в биографиях людей более близкого нам времени?

Ни об одном из современников Шекспира мы не знаем

так много, как о нем. Даже о Бене Джонсоне, заботившемся о своей посмертной славе, в отличие от Шекспира, который к ней был равнодушен, мы знаем меньше.

С. Шенбаум не стремился в своей книге дать полное представление о Шекспире. Он четко определил свою задачу — говорить только о фактах, документах, преданиях, не допуская никаких домыслов. В книге совсем почти не затронута деятельность Шекспира-драматурга. Между тем эта сторона жизни Шекспира по-своему документирована. Удалось установить, когда были созданы те или иные его пьесы. Мы знаем иногда, когда они шли на сцене, точно знаем, когда были напечатаны. Есть большое количество фактов, бесспорно связанных с личностью Шекспира. Они здесь не затронуты, но они существуют. Читателю достаточно обратиться к любой книге о творчестве Шекспира, чтобы узнать, когда была написана та или иная пьеса, где почерпнул Шекспир ее сюжет, когда ее поставили и напечатали. Иногда нам даже известно мнение современников о произведениях Шекспира.

Биография Шекспира — это не только его путь к благополучию, но и путь художника, поэта и драматурга, и об этом мы знаем очень много. Знаем, как связаны, например, пьесы с теми или иными злободневными событиями. Знаем, что в прологе к «Генри V» есть хвалебный намек на графа Эссекса, который был фаворитом королевы Елизаветы. Знаем, что восшествие на престол короля Джеймса I, шотландца по происхождению, вызвало появление в репертуаре труппы «Макбета», пьесы на сюжет из шотландской истории, в которую вставлен лестный намек на нового монарха. Знаем, что упоминания о недавних затмениях небесных светил в «Короле Лире» были откликом на эти астрономические явления, что чудеса далеких земель, о которых рассказывали мореплаватели, ездившие в Америку, навеяли фантастику шекспировской «Бури». Было бы долго перечислять все, что в произведениях Шекспира прямо или косвенно отражало то, чем жили он и его современники.

Тот, кто внимательно и не раз читал Шекспира, получает свое представление о его личности так же, как любящие Пушкина, Толстого или Достоевского создают в душе свой облик этих писателей. Конечно, у каждого свое вос-

приятие гения. Но у любого гения есть черты определенные и общепризнанные. Так и у Шекспира.

Одним из главных «обвинений» против уроженца Стратфорда является недостаток образования. Он действительно не окончил университета, как его предшественники Кристофер Марло и Роберт Грин, но это не помешало ему превзойти их в художественном отношении.

Высказывались сомнения, окончил ли Шекспир школу, поскольку списка учеников Стратфордской грамматической школы не сохранилось. Но отсутствие документа об образовании не означает отсутствия образования.

Иные говорят, будто бы Шекспир вообще не умел писать. Но даже самые ярые противники стратфордца не отрицают, что он был актером. А для владения этой профессией требовалось умение прочесть и выучить наизусть роль. Если он умел читать, то как-нибудь, надо полагать, ухитрился научиться и письму.

Если, с одной стороны, противники авторства Шекспира всячески принижают знания и способности актера Шекспира, то, с другой, они необыкновенно высоко ставят ум и знания того, кто написал пьесы, и считают, что автором их мог быть только человек, принадлежавший к кругам высшего общества. Давно потерпела крах «теория», будто пьесы Шекспира написал философ Ф. Бэкон, хотя сторонники авторства Бэкона существуют до сих пор.

Но большинство противников стратфордца выдвигают в качестве автора пьес Шекспира таких представителей елизаветинской знати, как граф Оксфорд, граф Дарби, граф Ретленд, лорд Стрендж. Поскольку биографии их мало кому известны, сторонники этих «теорий» вольны придумывать всякого рода «факты» и совпадения, якобы подтверждающие их авторство. Приведу показательный пример. Если принять версию сторонников графа Ретленда, то первую пьесу Шекспира он должен был написать, когда ему было лет двенадцать. Трудно поверить, что этот вундеркинд уже в пятнадцать лет создал «Ричарда III».

Кроме графов, в качестве автора пьес Шекспира был предложен драматург Кристофер Марло. Создатель этой версии американец К. Гофман утверждал, что Марло не был убит в потасовке 1593 г., а скрылся и продолжал писать пьесы, одна лучше другой, которые актер Шекспир

передавал труппе, сохраняя тайну авторства. Но уж если говорить о документах, то смерть Марло документирована весьма обстоятельно. Фантастичность версии Марло — Шекспир очевидна. Но это еще не самая нелепая «теория». Кому-то пришло в голову, что пьесы Шекспира написал не кто иной, как королева Елизавета. Кто-то выдумал, что писательством занималась жена Шекспира, а он только устраивал ее пьесы в театре и сам играл в них.

В чем главный порок всех антишекспировских гипотез? Даже не в том, что авторы их стараются на место Шекспира поставить человека с более или менее романтической биографией (по большей части недостоверной и выдуманной), а в том, будто создатель пьес Шекспира отразил в них свою жизнь, был по очереди Ромео, Гамлетом, Отелло, Лиром, Просперо. Тут получается, однако, неувязка. Если пьесы Шекспира — отражение жизни их автора, то не следует ли признать его жестоким и коварным убийцей наподобие Ричарда III или Макбета?

Наивное отождествление личности автора с его героями опровергается всей историей мировой литературы. Правда, писатели всегда использовали личный опыт при создании образов своих героев, но редко когда впрямую. Во времена Шекспира исповедальные мотивы в драматургии еще не встречались. Они стали появляться лишь в романтическом искусстве, и то не столько в драме, сколько в поэзии и романах. В XVI—XVII вв. это еще не имело места.

В этом отношении авторы антишекспировских «теорий» обнаруживают полное непонимание природы драматургии Шекспира. Давно уже общепризнано, что Шекспир объективен в своем творчестве, и поэтому тщетно искать в его пьесах личные мотивы. Вообще надо отметить, что для антишекспиристов произведения Шекспира сами по себе как явления искусства не представляют интереса, они служат им лишь для поисков «ключа» к мнимой загадке авторства Шекспира.

На самом деле никакой загадки нет. Пьесы Шекспира написал актер Уильям Шекспир. Именно он! Сомнений в этом быть не может, и по очень простой причине. Весь мир признал Шекспира величайшим драматургом. Мог ли какой-нибудь из названных выше графов в часы досуга, между прочим написать пьесы, выдержавшие испытание

временем и до сих пор волнующие зрителей глубиной постижения жизни и мастерством изображения человеческих характеров? Нет, конечно. Пьесы Шекспира — плод высокого профессионального мастерства. Их мог написать только человек, досконально знавший театр, глубоко постигший законы воздействия на зрителей.

Пьесы Шекспира написаны были не для театра вообще, а для вполне определенной труппы. Начиная с 1594 г., когда сформировалось актерское товарищество, взятое под покровительство лорд-камергером, Шекспир создавал пьесы, рассчитанные на актеров своей труппы. Главные роли в каждой пьесе предназначались пайщикам актерского товарищества. Внимательно читая пьесы, можно определить, на какие актерские амплуа рассчитаны роли в хрониках, трагедиях и комедиях Шекспира.

Премьером труппы был Ричард Бербедж (1568—1619). Для него были написаны роли Ричарда III, Ромео, Брута, Гамлета, Отелло, Макбета, Лира, Кориолана, Антония, Просперо. Но в составе труппы имелись актеры на вторые по значению роли. Так, во второй половине 1590-х гг. Шекспир писал роли для актера, обладавшего горячим и бурным темпераментом. Он играл забияку Тибальта в «Ромео и Джульетте» и пылкого, воинственного Гарри Перси, прозванного Горячей Шпорой. Совершенно очевидно, что труппа имела великолепного комика, толстого и немолодого актера, который так блеснул в роли Фальстафа в первой части «Генри IV», что Шекспир написал для него продолжение — вторую часть «Генри IV» и «Виндзорских насмешниц».

Актрис в ту пору еще не было, и женские роли исполняли мальчики, специально обученные взрослыми актерами, в семьях которых они жили. Судя по количеству женских ролей в пьесах Шекспира, можно определить, сколько актеров-мальчиков было в труппе в тот или иной период. В 1590-е гг., когда Шекспир создал свои жизнерадостные комедии, в труппе было до четырех мальчиков, три во всяком случае. В «Сне в летнюю ночь» четыре женские роли — Ипполита, Титания, Гермия, Елена. Впрочем, две роли — Ипполиты и Титании — мог играть один и тот же мальчик, ибо эти два персонажа не встречаются вместе. В «Много шума из ничего», «Как вам это понравится»,

«Двенадцатой ночи» три женские роли. В начале XVII в. мальчиков-актеров в труппе стало меньше. В «Гамлете», «Юлии Цезаре», «Троиле и Крессиде» — по две женские роли. Такие факты не случайны. Шекспир всегда приспособлял свои пьесы к особенностям актеров труппы, использовал их физические и голосовые данные.

Бросив взгляд на список действующих лиц любой пьесы Шекспира, нетрудно увидеть, что число их доходит до тридцати, а то и больше. Между тем в труппе обычно было не больше восьми основных актеров (пайщиков) и восемь — десять актеров, нанятых на второстепенные роли. Установлено, что актеры, работавшие в труппе по найму, обычно исполняли не меньше двух ролей — одну в начале пьесы, другую во второй ее половине.

Актеры более позднего времени, игравшие роли шекспировских героев, сделали любопытное открытие. Оказалось, что Шекспир учитывал физические возможности актера и на протяжении пьесы создавал для него паузы, когда он не участвовал в действии и мог отдохнуть за кулисами, готовясь для следующей сцены, требовавшей большого напряжения сил. Особенно это заметно между третьим и пятым актами пьесы; в четвертых актах трагедий исполнитель главной роли в некоторых сценах совсем не появляется перед зрителями. Какому графу, якобы писавшему пьесы, могли прийти в голову такие расчеты? Только драматург, бывший одновременно актером, мог учитывать все детали, необходимые для успешного исполнения пьесы на сцене.

Прочитав написанное здесь, иной читатель все же не поверит нам и потребует безоговорочного документального свидетельства о том, что именно актер Шекспир написал все приписанные ему пьесы. Такие свидетельства оставили современники Шекспира, в первую очередь те, кто был связан с театром. Свидетельства эти либо приведены в книге С. Шенбаума, либо кратко упоминаются в ней. Так как сам С. Шенбаум не сомневается в принадлежности пьес Шекспиру, то он рассматривает высказывания современников в несколько другом аспекте.

Признанием того, что Шекспир был одновременно актером и драматургом, является отзыв писателя Роберта Грина. Умирая, он предостерегал собратьев по перу про-

тив актеров: «Не верьте им [актерам]; есть выскочка-ворона среди них, украшенная нашим опереньем, кто «с сердцем тигра в шкуре лицедея» считает, что способен помпезно изрекать свой белый стих, как лучшие из вас, и он — чистейший «мастер на все руки» — в своем воображении полагает себя единственным потрясателем сцены в стране».

Шекспир не назван здесь своим полным именем, но нетрудно догадаться, что игра слов «единственный потрясатель сцены» (shake-scene) направлена против того, кого звали Shakespeare (потрясающий копьем). Отзыв Грина является осуждающим, а не хвалебным. Из него ясно, что для Грина Шекспир-актер и Шекспир, пишущий пьесы, — одно и то же лицо.

Джон Марстон в 10-й сатире «Бича злодеяний» (The Scourge of Villanie, 1598) осмеял светского хлыща, «из чьих уст льются только чистые Джульетта и Ромео», иначе говоря, он пригоршнями изрекает цитаты из пьесы Шекспира. И он же завел записную книжку, чтобы вносить в нее все, что ему становится известно об актерах и пьесах*.

Габриел Харви в своих личных записях такого же рода, сделанных между 1598 и 1601 г., отмечает: «Молодежи весьма нравятся «Венера и Адонис» Шекспира, а те, кто более зрел умом, предпочитают его «Лукрецию» и «Гамлета, принца Датского»**.

Поэт Джон Уивер одну из своих «Эпиграмм» посвящает Уильяму Шекспиру, озаглавив ее по-латыни: «Ad Guilielmum Shakespeare». «Медоточивый Шекспир, когда я увидел твои создания, то готов был поклясться, что их породил сам Аполлон». Он называет не только героев поэм — Адониса, Венеру, Лукрецию и Тарквиния, — но также Ромео и Ричарда (очевидно, Ричарда III) и призывает Шекспира при помощи своей музы создать новые образы***.

Эпитет «медоточивый» — honey-tongued — первым применил к Шекспиру Ф. Мерез в 1598 г., и он, как видим, быстро закрепился за ним.

* Chambers E. K. William Shakespeare. A Study of Facts and Problems. Vol. II, p. 195—196.

** Ibid., p. 197.

*** Ibid., p. 199.

Студенты Кембриджского университета, решив посмеяться над незадачливыми графманами, поставили сатирические пьески-пародии наподобие наших «капустников» — «Паломничество на Парнас» и «Возвращение с Парнаса» (1599—1601). В первой из них остряк Индженнозо предупреждает зрителей относительно дурака Галлио, любящего говорить цитатами: «Мы сейчас получим не что иное, как чистого Шекспира и лоскутки поэзии, подобранные в театрах»*. Сам Галлио говорит: «Пусть дураки восхищаются Спенсером и Чосером, я буду поклоняться сладостному г-ну Шекспиру и, чтобы почтить его, положу его «Венеру и Адониса» под подушку, как я читал о ком-то (не могу вспомнить его имени, но я уверен, что это был какой-то король), кто спал, положив под изголовье кровати Гомера»**. С. Шенбаум справедливо указывает, что в глазах кембриджских ученых вкус Галлио был не лучшим, ибо Чосера и Спенсера они ставили выше Шекспира.

Особенно важно одно место из «Возвращения с Парнаса». Здесь в числе действующих лиц оказываются актеры труппы Шекспира, комик Кемп и трагик Ричард Бербедж. Кембриджские педанты и здесь не жалеют народный театр. Они изображают Кемпа невеждой. Это явствует из его рассуждения: «Редко кто из этих университетских умеют хорошо писать пьесы. Они слишком пропахли этим писателем Овидием и этим писателем Метаморфозием и много толкуют о Прозерпине и Юпитере...»*** Это — выпад против общедоступного народного театра в защиту драмы академической, следующей образцам римских классиков. А дальше мы слышим от Кемпа прямое противопоставление «неуча» Шекспира «образованным» писателям: «А вот наш приятель Шекспир всех их кладет на лопатки. Да и Бена Джонсона в придачу»****. Сторонники академической драмы с горечью признают, что у зрителей большим успехом пользуются драматурги «неученые», как Шекспир. Кембриджцев это возмущает, и они смеются над вкусами «толпы».

* Chambers E. K. William Shakespeare, vol. II, p. 200.

** Ibid., p. 201.

*** Ibid.

**** Ibid.

В этом отрывке особого внимания заслуживают слова актера Кемпа «наш приятель Шекспир», «our fellow Shakespeare». Их можно перевести также — «наш товарищ Шекспир», «наш коллега». Иначе говоря, в речи Кемпа Шекспир фигурирует одновременно как драматург и актер. Факт знаменательный.

Сохранилось предание, рассказанное Т. Фуллером, о словесных стычках между Шекспиром и Беном Джонсоном. С. Шенбаум подвергает сомнению достоверность рассказа (см. с. 329). Позволю себе не согласиться с автором книги. Есть стихотворение Фрэнсиса Бомонта, адресованное Бену Джонсону, в котором тот вспоминает о встречах литераторов в таверне «Сирена». Правда, Шекспир здесь прямо не назван по имени, но сами сборища писателей описаны весьма красочно. А в другом стихотворном послании Ф. Бомонта о Шекспире говорится впрямую. Бомонт пишет о своей любви к Бену Джонсону, стремясь выразить ее безыскусственно. «Даже если бы я обладал ученостью, — пишет Бомонт, — я отбросил бы ее, чтобы в моих строках не было никакой учености, как в лучших строках Шекспира, которые учителя будут приводить нашим потомкам в качестве примера, что иногда смертный может находить дорогу при туманном свете Природы»*. Бомонт говорит о Шекспире то же самое, что мы читаем в рассказе Т. Фуллера, а именно что Джонсон превосходил Шекспира «объемом своей учености» (см. с. 328 данной книги). И сам Бен Джонсон в поэме, посвященной памяти Шекспира, заявил, что покойному недоставало учености: он «немного знал латынь и еще меньше греческий». Тем не менее Джонсон нашел возвышенные слова для оценки Шекспира как великого поэта: «Душа века! Предмет восторгов, источник наслаждения, чудо нашей сцены»**. Шекспир, по его словам, «затмил нашего Лили, смелого Кида и мощный стих Марло». Более того, поклонник античности Джонсон изрек, что Шекспир стоит «выше сравнения с тем, что гордая Греция и надменный Рим оставили нам»***.

* Chambers E. K. William Shakespeare, vol. II, p. 224.

** Ibid., p. 208.

*** Ibid.

Хвалу Шекспиру воздали и другие современные ему поэты и драматурги. Ни у кого не было даже тени сомнения в том, что он автор созданных им пьес, поэм и сонетов.

Особый интерес представляют те отзывы, которые указывают на личное знакомство написавшего их с Шекспиром. С. Шенбаум приводит в своей книге отзыв писателя Джона Девиса, который сострил, сказав, что игравший королем Шекспир сам был бы достойным собеседником монархов, и отметил, что в его личности было нечто царственное. Свою эпиграмму Девис озаглавил: «Нашему Теренцию, г-ну Уильяму Шекспиру». Здесь прямо говорится о Шекспире как актере и драматурге одновременно.

Смешны и нелепы сомнения в авторстве Шекспира. Ведь известно даже, *как* он писал. Об этом свидетельствуют его друзья-актеры, издавшие первое собрание пьес Шекспира, Хеминг и Кондел: «Его мысль всегда поспевала за пером, и задуманное он выражал с такой легкостью, что мы не нашли в его рукописях никаких помарок». Бен Джонсон тоже знал шекспировскую манеру письма, но относился к ней иначе, чем актеры. С. Шенбаум приводит его слова о том, что Шекспир «писал с такой легкостью, что порой его необходимо было останавливать».

Нужны ли еще какие-нибудь доказательства того, что Шекспир был автором своих произведений?

Книга С. Шенбаума погружает читателя в мир той повседневности, которая окружала Шекспира. Бытовые мелочи и детали не должны, однако, заслонять великого поэта и драматурга. Удовлетворив, насколько это возможно, любопытство в отношении обстоятельств жизни Шекспира, обратимся к его произведениям. Именно в них он предстает перед нами во весь свой гигантский рост как великий знаток человеческих душ, мыслитель, понимавший ход мировой истории, драматург, умело выражавший противоречия и конфликты действительности, замечательный мастер поэзии, в совершенстве владевший словом. Именно этот Шекспир больше всего требует нашего внимания. Шекспир-художник неисчерпаемо богат открытиями о жизни и человеке.

ОТ АВТОРА

Эта книга является документальной биографией. Этим она отличается от большинства бесчисленных популярных книг о жизни Шекспира, где факты дополнены авторскими умозаключениями, гипотетическими реконструкциями или критическими толкованиями пьес и стихов. Особенно располагают к излишним биографическим вольностям «Сонеты». Эти биографии часто увлекательны, порой поучительны, но, на мой взгляд, чем больше таких жизнеописаний, тем насущней необходимость в повествовании, в котором было бы сведено воедино и изложено в современном духе все, что нам действительно известно о Шекспире по документам. Число таких документов гораздо больше, чем обычно предполагают. Смысл некоторых из них является спорным, и полемика, кажущаяся нескончаемой, довольно часто порождает скорее больше жара, чем ясности. Указывают ли записи о браке на то, что брак был вынужденным? Означает ли упоминание в завещании о «второй по качеству кровати» — запись сделана между строк — нежное внимание или насмешку? За что упрекал Шекспира Роберт Грин на смертном одре? Я стремился рассматривать такого рода вопросы беспристрастно, анализируя такое обилие деталей, которых не встретишь в большинстве биографий Шекспира. Я не побоялся также углубиться во всякого рода подробности, например, когда на нескольких страницах говорил о дате рождения моего героя. Мне думается, что исследование такого рода деталей представляет интерес и само по себе, но еще важнее то, что они открывают нам повседневную жизнь былых времен, ибо повседневные события на жизненном пути Шекспира — брак, рождение детей, доходы и расходы, судебные тяжбы, раздел имущества — происходили в его жизни так же,

как в жизни тех простых смертных, среди которых он жил.

Избрав свою путеводную нить в этом хорошо исследованном лабиринте, я воздержался от соблазна выдвинуть новые теории. Я не могу назвать непостоянной в своих привязанностях любопытствующей публике никакой новой «смуглой дамы»; лишь изредка я даю волю моему скептицизму относительно тех или иных ревностно выдвигаемых кандидатур. На страницах этой книги я стремился отобрать подлинные факты и обобщить их, а не предлагать новые гипотезы. Поскольку факты порой доступны лишь в специальных монографиях или в изданиях, предназначенных главным образом для ученых, я писал эту книгу, имея в виду прежде всего широкий круг читателей, которые хотели бы больше знать о жизни нашего величайшего поэта-драматурга; но я склонен думать, что и ученому не все представленные здесь данные покажутся чересчур знакомыми.

Я позволил себе расширить сферу рассмотрения настолько, чтобы включить в нее апокрифические истории и легенды, так или иначе возникающие вокруг имен великих людей сразу же после их смерти. Так, я посвятил несколько страниц эпизоду браконьерской охоты на оленей в Чарльоте, состязанию в винопитии в Бидфорде, слухам о связи Шекспира с г-жой Давенант и другим любопытным эпизодам, входящим в состав преданий о Шекспире. Большая часть такого материала имеет развлекательный характер, но предания заслуживают внимания наряду с историческими данными и порою могут таить в себе слабые зачатки истины. Однако я старался не перегружать читателя еще и примечаниями. Сколько бы ни было на странице ссылок, в них все равно невозможно перечислить всех тех, кому я обязан полученными сведениями, а обязан я слишком многим. В том случае, когда на одну тему написано так много, попытка конкретно назвать всех, кому я обязан, скорее собьет читателя с толку, чем поможет. (Должен чистосердечно признаться, что в нескольких случаях я не смог вспомнить или установить тот или иной источник и оставил приведенную информацию без ссылки.) Но тех, перед кем я более всего в долгу, мне хочется упомянуть уже здесь. Как и у каждого серьезного биографа, моим важнейшим

общим пособием было великолепное обобщающее исследование Эдмунда К. Чемберса «Уильям Шекспир: исследования фактов и проблем» (1930). Значение труда Роланда Льюиса «Шекспировская документация» (1940) не раз приносило, однако эта работа является ценным пособием, если ею пользоваться с осмотрительностью. Если говорить о более специальных исследованиях, то чаще всего я обращался к книге Марка Экклза «Шекспир в Уорикшире» (1961), являющейся своего рода чудом сжатого обобщения. Вопросы, связанные со Стратфордом, с любовью изучены Эдгаром Фриппом в нескольких трудах, представляющих собой серьезный вклад в шекспироведение, из которых наиболее полным является его последняя книга «Шекспир. Человек и художник» (1938). Столь же ценны и четыре тома «Протоколов и счетов городской корпорации Стратфорда-на-Эйвоне» (1921—1930), которые Фрипп подготовил к печати вместе с Ричардом Сэвиджем. Из более ранних биографов Мэлон и Холиуэл-Филиппс остаются по-прежнему весьма полезными. Сведения об образовании, религии, театрах, а также о Стратфорде и Лондоне елизаветинских времен — в этих вопросах я не могу претендовать на специальную компетенцию — я с особой благодарностью черпал из надежных источников, например труда Т. У. Болдуина о тогдашних школах и книги Чемберса «Елизаветинский театр» (1923) о театральных помещениях. Что касается трудов популярных биографов, то я назову в первую очередь Джозефа Куинси Адамса («Жизнь Уильяма Шекспира», 1923) и А. Л. Рауза («Уильям Шекспир», 1963). У первого, хотя его книга предшествует обширным трудам Болдуина, есть раздел, посвященный образованию поэта, с которым и сейчас полезно ознакомиться. Книга Дж. И. Бентли «Шекспир: биографический справочник» скромна по объему и непретенциозна, однако весьма авторитетна как источник информации. Подробности, касающиеся второстепенных фигур, я с благодарностью почерпнул из «Национального биографического словаря». Я хорошо сознаю, что приведенный выше перечень имен неполон, и хочу вместе с тем выразить безграничную благодарность тому ученому, который олицетворяет собой лучшие традиции шекспироведения, ему я и посвящаю эту книгу.

Я оказался также перед необходимостью использовать некоторые материалы из своей книги «Жизнеописание Шекспира» (1970), однако пересмотрев при этом некоторые свои прежние высказывания; кроме того, говоря о пьесе «Сэр Томас Мор», я вновь коснулся темы, уже рассмотренной мной (в ином контексте) в книге «Внутренние свидетельства и вопросы авторства в елизаветинской драме» (1966). Я выражаю свою признательность издательству «Пингвин букс лимитед» за разрешение привести цитаты из предисловия к «Сну в летнюю ночь» под редакцией Стэнли Уэллса («Новый Шекспир», 1967), а также издательствам «Джонатан Кейп лимитед» и «Альфред Кнопф инкорпорейтед» за использование книги Энтони Берджеса «Шекспир» (1970).

Приношу свою благодарность и отдельным лицам — тем друзьям и коллегам, которые, щедро даря мне свое время и знания, читали эту книгу целиком или по частям в том или ином ее варианте. Это доктор Леви Фокс, профессор Роланд Машет Фрай, Ричард Хозли, Джеймс Макменеуей, Кеннет Мюр, доктор Валери Перл и доктор Стэнли Уэллс. Хотя я и воспользовался их советами, они, разумеется, не несут ответственности за мои ошибки. Среди прочих, помогавших мне в решении отдельных вопросов, я должен упомянуть Роберта Бэрмана, Майкла Фелтовика, доктора Дэвиса Джорджа, Стивена Хиткоута, Артура Кина, преподающего Эрика Макдерметта, Ричарда Праудфута, Роду Серлин и Кэтрин Уильямс. Мне оказывали содействие директора библиотек, архивариусы и библиотекари, но особо я хотел бы поблагодарить Хорейса Гровса за фотографии, сделанные в Фолджеровской шекспировской библиотеке, за его заботу об их тщательном выполнении.

Мне повезло иметь такого опытного и преданного делу секретаря, как Тина Тинкхем Фланинган. Она весьма тщательно перепечатала окончательный вариант рукописи. Внимательно и доброжелательно рукопись прочитал редактор Стефени Голден. Шон Мэги великодушно вызвался читать гранки, а Роберт Даффи в рукописи и в корректуре сверил цитаты с их печатными источниками. Вновь, и, боюсь, не в последний раз, моя жена Мерилин бодро мирилась с теми испытаниями, которым я подвер-

гал ее терпение. Оскар Комапдер продолжает вдохновлять меня, хотя теперь, увы, издалека.

Фолджеровская шекспировская библиотека,
округ Вашингтон
6 октября 1976 г.

С. Ш.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Несколько слов о датах. В рассматриваемую эпоху год (который в Англии все еще отсчитывался по юлианскому календарю) официально начинался на благовещение, 25 марта, хотя в пароде в отличие от юридических и государственных установлений Новый год отмечали по-разному. Так продолжалось до тех пор, пока в 1762 г. не был введен григорианский календарь. Чтобы устранить возникшее несоответствие между этими двумя календарями, были опущены 11 дней, и 1 января официально стало первым днем нового года. Приводя даты, я следую общепринятой практике и изменяю дату года (там, где это необходимо), но не касаюсь дней и месяцев. Так, дневниковая запись Джона Мэннингема о постановке «Двенадцатой ночи» в «Миддл темпле» датирована 2 февраля 1601 г., однако я датирую ее 2 февраля 1602 г. Проблема в целом авторитетно освещена в работе У. У. Грега «Старый стиль — новый стиль», опубликованной в его «Сборнике статей» под редакцией Дж. Максвелла (Оксфорд, 1966) на с. 366—373.

В ссылках на источники приведены в сокращении имена авторов только трех трудов, на которые я чаще всего ссылаюсь. Это — Э. К. Чемберс (ЕКС) — E. K. Chambers, William Shakespeare: A Study of Facts and Problems (Oxford, 1930) 2 vols.; М. Экклз (МЕ) — Mark Eccles, Shakespeare in Warwickshire (Madison, Wis., 1961); С. Шенбаум (SS) — S. Schoenbaum, William Shakespeare: A Documentary Life (Oxford, 1975).

Отсутствие указания на место издания книги означает, что она вышла в свет в Лондоне. Следует также отметить, что я воздержался от соблазна модернизировать надписи на памятниках.

ГОРОД СТРАТФОРД И СТРАТФОРДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Рассказ о жизни Уильяма Шекспира — это повесть о двух городах. Стратфорд породил его; Лондон буквально и фигурально стал той сценой, на которой прошла его жизнь. Он появился на свет в скромном рыночном городке, рос в одном из его домов, который чудом избежал разрушения, вызванного временем и развитием туризма. Не достигнув совершеннолетия, женился на местной девице не первой молодости. Она родила ему троих детей; один из них, единственный сын, умер в малолетстве. В Лондоне Шекспир был сначала простым драматическим актером, затем стал известным драматургом — наиболее известным в свою эпоху, хотя отнюдь не все тогдашние *литераторы* согласились бы с этой оценкой. Со временем он стал пайщиком своей театральной труппы, наиболее выдающейся в стране. Денежное вознаграждение за свои блестящие успехи в искусстве он благоразумно вкладывал в дома, землю, а десятую часть своих доходов добровольно жертвовал церкви. Шекспир помещал капитал в основном в своем родном Стратфорде, хотя жил в столице. Последние годы жизни он провел в прекрасном доме, называвшемся Нью-Плейс, который приобрел в родном городе. Там незадолго до смерти он составил завещание, в котором упомянул, помимо своей родни, простых людей, стратфордских соседей, а также коллег, своих «собратьев», наиболее ценимых им в труппе «слуг его величества короля». Он пренебрег упоминанием знатных лордов, хотя одному из них в молодые годы посвятил две поэмы. В Стратфорде Шекспир умер и был похоронен. Через семь лет собрание его пьес было напечатано в солидном томе форматом ин-фолио. Это произошло в Лондоне, который тогда, как и теперь, был центром издательского дела в Англии.

Это простая история жизни Шекспира, и об этих двух ее эпицентрах рассказывалось неоднократно. Здесь мы

вновь изложим ее, опираясь на документы, сохранившиеся рукописные и печатные издания, воздерживаясь от умозрительных построений и романтических излишеств. Нашим исходным пунктом будет город Стратфорд и стратфордская церковь.

Начинаясь с источника, называемого «Эйвонский ключ», в селении Нейзби в графстве Нортгемптоншир, река Эйвон течет на запад через графство Уорикшир мимо церквей, селений и деревушек, мимо утеса Гая, названного так по имени легендарного графа, мимо Уорика, крепости Делателя Королей* с ее величавым замком и увенчанными башенками стенами, мимо полей Фулбрука (здесь река становится полноводной) и Чарлкота (где расположены поместья семейства Люси и где, согласно преданию, Шекспир занимался бракошьерской охотой на оленей), пока, наконец, став шире, не достигает Стратфорда-на-Эйвоне¹. Здесь на большой дороге (в старом произношении — «страт»), ведущей из Лондона на север к городу Хенли-в-Ардене, была переправа, или брод (форд), через эйфон, что на уэльском языке означает «река». В этом месте берега Эйвона полого переходят в плоскую равнину, покрытую крупным светлым песком, на которой первые поселенцы построили небольшие дома на каменных фундаментах, с каркасами из балок и с соломенными крышами. К югу находилась местность под названием Фелдон, с полями, пригодными для выпаса и (как заметил историк-картограф Джон Спид) «легко поддающимися обработке для посева пшеницы». За этой плоской открытой равниной, за долиной Ред-Хорс, поднимались невысокие Котсуолдские холмы. Расположенный севернее Арденский лес с густым подлеском давал приют множеству оленей и различной мелкой дичи. Река, отделявшая равнину от лесистой местности, обеспечивала свежей водой и служила средством сообщения.

У поселения, из которого вырос Стратфорд, довольно почтенная история. По дошедшим до нас сведениям,

* Р. Невиль граф Уорик (1428—1471) играл видную политическую роль в войнах Алой и Белой розы, за что был прозван Делателем Королей.— *Прим. перев.*

вскоре после проникновения христианства в Мерсию, королевство англов, возле Стретфорда был основан монастырь. Согласно местным преданиям времеп Тюдоров, эта обитель была построена там, где сейчас стоит большой храм св. Троицы. В земельной описи Англии, произведенной Вильгельмом Завоевателем, Стратфорд фигурирует как небольшое поместье, принадлежавшее благочестивому Вульфстену, епископу Вустера. Оно занимало площадь более чем четырнадцать с половиной хайдов (более тысячи четырехсот пятидесяти акров) вместе с церковью и мельницей. В течение нескольких веков владельцами этого поместья оставались преемники епископа. Позже, когда сельскохозяйственные рабочие стали свободными держателями земли, выплачивающими определенную денежную ренту за свои участки по системе, известной как арендная собственность, частное и общинное предпринимательство стало поощряться, и Стратфорд превратился в преуспевающий город с базаром, где продавали сельскохозяйственные продукты.

«Насколько мне известно,— замечает елизаветинский топограф Уильям Харрисон в своем «Описании Англии»,— в Англии мало больших городов, в которых не было бы базаров, одного или нескольких; на них покупают и продают раз в неделю с разрешения государя всякого рода продукты питания, что удобно и выгодно для жителей окрестного края»². Ричард I был тем государем, который в XII в. разрешил устраивать в Стратфорде еженедельные базары по четвергам. Вполне возможно, что первый такой базар был открыт на улице Ротер-маркит (слово «ротер» англосаксонского происхождения и означает «крупный рогатый скот»; оживленная улица, где находился рынок, по сей день известна под этим названием) и, может быть, потом — на месте пересечения Бридж-стрит, Хенли-стрит и Хай-стрит. При жизни Шекспира высокий каменный крест, поставленный в древние времена на этом перекрестке, был снесен и на его месте построено деревянное здание крытого рынка с открытыми фасадами, с четырьмя столбами, поддерживавшими верхний этаж, и куполом, на котором были башенные часы. В 1730 г. эти часы были заменены другими, а в 1821 г. отцы города снесли целиком все здание. В наши дни на том месте, где оно стояло,— зеленый

газон в центре кольцевого транспортного разъезда. Приезжий может увидеть его сквозь поток современного автомобильного движения, находясь возле стратфордского информационного бюро рядом с тем местом, где когда-то жила дочь поэта Джудит в доме, который называли Кейдж. Каменное основание первоначально стоявшего здесь рыночного креста сохранилось, никем не замеченное, посреди посыпанной гравием дорожки, которая идет через тихий сад возле дома-музея Шекспира. Каждую пятницу торговцы по-прежнему выставляют всякого рода товары на базаре, расположенном на улице Ротер-маркит, но базар, где торгуют крупным рогатым скотом, теперь устраивается по вторникам возле железнодорожной станции.

В XIII в. епископ Вустера добился королевских привилегий на проведение нескольких ярмарок. Первая из них проходила накануне праздника св. Троицы, в самый праздник и на следующий день после него, совпадая с торжеством освящения приходской церкви, привлекавшим много народу из окрестных селений. Затем последовала вторая ярмарка (начавшаяся накануне воздвиженья) и третья, происходившая между вознесением и пятидесятницей. Четвертая, объявленная в 1309 г., длилась целых шестнадцать дней. Эти ярмарки способствовали расцвету средневековой торговли. Фермеры привозили на рынок свою продукцию и скот, в то время как ткачи, красильщики, столяры, сапожники и другие ремесленники, которых теперь в городе было достаточно, выставляли свои товары. Ярмарки были выгодны не только местным жителям. Путешественники, направлявшиеся в Ковентри, город, славившийся производством сукна и изготовлением головных уборов, или в Бристоль, второй по значению порт после Лондона, или в промышленный Бирмингем, теперь имели возможность остановиться на отдых в трактирах «Медведь» или «Лебедь», покупая и продавая товары на стратфордских ярмарках.

Таким образом город процветал. По королевской грамоте, полученной на шестой год царствования Эдуарда VI, городу была предоставлена местная независимость; городская корпорация, имевшая свою печать, возглавлялась бейлифом и советом из четырнадцати членов муниципалитета и четырнадцати олдерменов. Молодые люди из окре-

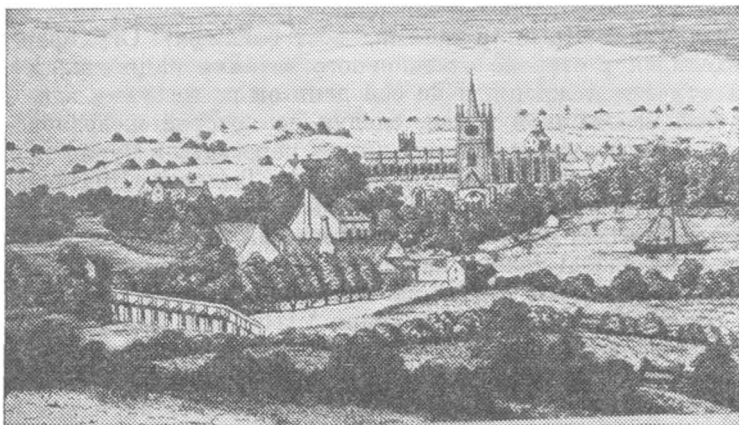
стных селений, недовольные наследственным положением земледельцев, переселялись в город, чтобы научиться ремеслу и добиться лучшей участи. Одним из таких молодых людей был отец нашего поэта. В XVI в. после возникновения в Лондоне большого театрального дела ведущие труппы актеров стали заезжать в Стратфорд во время своих турне по провинции. Первыми приехали «слуги ее величества королевы» и «слуги графа Вустера» (они играли в здании стратфордской ремесленной гильдии летом 1569 г., когда Джон Шекспир занимал пост бейлифа). Стратфорд находился в стороне от основного течения национальной политической жизни, и по сей день он расположен вдали от той наезженной колеи, следуя по которой железнодорожные пассажиры должны делать пересадку в курортном городе Лимингтон; однако во времена Тюдоров Стратфорд не был, как утверждают некоторые историки, сонной заводью*. Это был весьма привлекательный город, утопавший в зелени вязов: только на земле, принадлежавшей корпорации, по данным 1582 г., их было чуть меньше тысячи.

Во время царствования Генри VIII Джон Леленд, хранитель королевских библиотек, производил обследование древностей Англии, разыскивая сохранившиеся литературные произведения старинных авторов в монастырях и духовных общинах. Около 1540 г. Леленд прибыл в Стратфорд. «В нем две или три весьма большие улицы, помимо переулков помельче,— замечает он.— Одна из главных улиц идет с востока на запад, другая с юга на север... Город довольно добротнo построен из строевого леса»³. (Много лет минуло с тех пор, как опустошительные пожары уничтожили те деревянные дома, которые видел Леленд, но средневековый порядок расположения улиц старого города не изменился: три магистрали, параллельно сбегающие к реке, пересекаются тремя другими под прямым уг-

* Услугами железной дороги, ограниченными в будние дни, совершенно невозможно воспользоваться по воскресеньям. «В 1976 г. на то, чтобы добраться поездом до Стратфорда, требовалось больше времени, чем до второй мировой войны... Этого никак нельзя простить британской железной дороге». Стратфорд расположен не там, где следует,— вдали от основной железнодорожной магистрали. Но до Ковентри вы доберетесь со всеми удобствами (*The Sunday Times Magazine*, 27 June, 1976, p. 34).

лом.) Леленд упоминает о «больших ярмарках», которые проводились ежегодно 14 сентября на воздвижение. В «весьма красивой часовне» на Чёрч-стрит он задержался, чтобы полюбоваться пляской смерти, «любопытным образом изображенной» на ее стенах — Реформация еще не изуродовала подобные изображения.

Эта часовня принадлежала гильдии монашеского брат-

Юго-восточная панорама Стратфорда-на-Эйвоне, 1746 г. Гравирована с рисунка Ричарда Грина, опубликованного в «Джентельменс мэгэзин».

ства «Святой крест». Быстрое развитие городской общины, начавшееся сразу после ее образования в XIII в., свидетельствует о процветании Стратфорда. Обогащаясь за счет пожертвований своих духовных братьев и сестер, гильдия нанимала четырех священников, служивших мессы в упомянутой часовне, помогала своим нуждавшимся членам и поддерживала престарелых в соседних богадельнях. В начале XV в., когда гильдия весьма активно занималась строительством, среди прочих построек она возвела здание школы возле своей часовни. Так в Стратфорде было положено начало системе бесплатного обучения в грамматической школе, где в следующем столетии юный Шекспир смог получить определенную сумму знаний. К тому време-

ни управление школой перешло в руки городской корпорации, поскольку гильдию постигла участь католических учреждений после реформации церкви: земли ее были захвачены, доходы конфискованы, сама гильдия распущена.

Часовня гильдии, произведшая столь сильное впечатление на Леленда, была перестроена заново и украшена в царствование Генри VII одним из наиболее преуспевших уроженцев Стратфорда, сэром Хью Клоптоном. Он родился не в самом городе, а в миле от него, в поместье Клоптонов, однако всегда считал Стратфорд своей родиной. Лишенный, как младший брат, наследства, Клоптон уехал в Лондон искать счастья. Став там торговцем шелком, он составил огромное состояние и был избран олдерменом, затем шерифом и, наконец, в 1491 г. (в тот год, когда он был посвящен в рыцари *) — лорд-мэром. В конце концов Клоптон вступил во владение особняком своих предков и, возможно с еще большим удовлетворением, наследством своего старшего брата. «Никогда не имевший ни жены, ни детей», этот человек, обязанный всем достигнутым только самому себе, решил стать великим благодетелем Стратфорда. Помимо того, что он перестроил упомянутую часовню, он заменил также деревянный мост, переходить через который во время паводков было опасно, новым, «большим и роскошным» (по выражению Леленда). Огороженный стеной с обеих сторон и замощенный камнем в западной своей части мост состоял из четырнадцати массивных стрельчатых арок. На одном из быков моста была установлена каменная колонна, украшенная гербом города Лондона и родовым гербом Клоптонов, а под последним была сделана следующая надпись: «Сэр Хью Клоптон, рыцарь, лорд-мэр Лондона, построил этот мост на свои собственные средства в царствование короля Генри VII». Во время гражданской войны войска парламента разрушили одну из арок, однако восстановленный мост и по сей день являет собой шедевр инженерного искусства эпохи Тюдоров. Путешественник, направляющийся из Лондона в Стратфорд через Хай-Уайкомб и Оксфорд, по-прежнему должен перейти через Клоптонский мост, чтобы попасть

* Титул, следующий за пажем и эсквайром, перед баронетом.—
Прим. перев.

в город; точно так же его переходил Шекспир почти чetyреста лет тому назад.

Сэр Хью построил для себя еще одно превосходное здание, «весьма привлекательный дом из кирпича и деревянных балок» к северу от часовни гильдии. Согласно Леленду, оставившему его описание⁴, Клоптон провел последние дни своей жизни в этом доме и умер в нем. Однако королевский хранитель древностей ошибается. Клоптон пожаловал право на пожизненное владение этим домом некоему Роджеру Пейгету и в своем завещании, составленном за день до смерти в Лондоне, отказал этот «большой дом» своему внучатому племяннику Уильяму Клоптону. В конце XVI в., когда дом перешел во владение другого уроженца Стратфорда, добившегося триумфа в столице, он уже давно был известен как Нью-Плейс.

Через несколько лет после рождения Шекспира Уильям Кемден, впоследствии знаменитый глава Вестминстерской частной школы, объехал Англию по следам Леленда, собирая материал для своего большого топографического и антикварного обзора под названием «Британия», который он написал на изысканной елизаветинской латыни. Продвигаясь вдоль течения Эйвона, Кемден прибыл в Стратфорд через Уорик и Чарлкот. Город произвел на него благоприятное впечатление — «небольшой красивый рыночный городок, который достиг своего нынешнего положения исключительно благодаря двум своим уроженцам». Одним из этих великих благодетелей был Клоптон, построивший мост, другим — Джон из Стратфорда. Последний на короткое время появляется в пьесе Марло «Эдуард II» в качестве непримиримого епископа Уинчестерского, требующего и получающего от Эдуарда его корону, с тем чтобы передать ее королеве Изабелле, нарушившей супружескую верность, и ее любовнику юному Мортимеру. При следующем правлении Джон возвысится до епископского престола Кентербери; в конце концов в 1330 г. он становится лорд-канцлером и трижды занимает этот пост. Когда он не был поглощен государственными раздорами, он обращался к городу, в котором родился, и к приходской церкви, в которой в молодые годы был священником. Он перестроил церковь св. Троицы к вящей славе господней и придал ей в основном тот вид, который открывается пе-

ред современным паломником. Соответственно и прах его покоится в алебастровой гробнице возле главного алтаря этой церкви.

Церковь св. Троицы, построенная много веков тому назад, прочно стоит у берегов Эйвона в южной части Стратфорда, в районе, именуемом Старым городом⁵. Длинная липовая аллея ведет к северному фасаду церкви. Липы простояли здесь несколько столетий, и их ветви «так переплелись, что под ними всегда густая, но благодатная тень», — писал в 1814 г. автор книги «Красоты Англии и Уэльса». Величественное здание, достигающее почти 60 метров в длину и 20 в ширину, отражается в спокойных водах реки. Красота церкви св. Троицы, так же как ее романтическое местоположение, вызывала у созерцателей странные порывы к сочинению слабых виршей:

Церковь креста господня — господне тело —
С возрастом чуть смягчилась и поседела.
И христиане, и пастыри божьи их
Любят помедлить у этих мест святых⁶.

В плане церковь имеет форму креста: алтарный неф, протянувшийся с востока на запад, пересекается с северным и южным поперечными нефами. Прямоугольная башня на месте их пересечения увенчана очень высоким восьмиугольным каменным шпилем, который является результатом позднейшей перестройки; шпиль, знакомый Шекспиру, был деревянным и менее крупным. В XVIII в. прихожане решили, что этот шпиль слишком убог и невелик и, кроме того, постоянно нуждается в ремонте; поэтому они наняли архитектора, чтобы тот заменил старый шпиль другим, сложенным из уорикского тесаного камня.

По обеим сторонам липовой аллеи похоронены жители Стратфорда. Здесь покоятся отец и мать поэта и его дочь Джудит. Внутри церкви погребены более известные жители Стратфорда, и над некоторыми из них возвышаются внушительные надгробные памятники. Один из памятников поставлен сэру Хью Клоптону, несмотря на то что сам он покоится в Лондоне, в приходской церкви св. Маргариты в Лотбери. Хотя Джонсон, превознося Шекспиру, называл его монументом без могилы, Шекспиру не было по этой причине отказано в каменном надгробье, которое завершает его бюст в северной стене алтаря. В наши дни

он более всего привлекает посетителей. В средние века главной достопримечательностью этой церкви были хоры с резными изображениями, выкрашенными в красный и золотой цвета. Они давно исчезли — это было частью той дани, которую церковь заплатила Реформации. Одновременно с хорами с потолка исчезли росписи, выполненные местным мастером и изображавшие св. Георгия и дракона, страшный суд и историю святого креста.

Однако внутренняя часть церкви с ее гармоничными пропорциями уцелела после всех злоключений (алтарь разрушился и был заколочен досками; через два года, после того как Шекспира похоронили возле него, алтарь был объявлен «разрушившимся»).

Этим мы в основном обязаны Джону из Стратфорда. Сооружение некоторых частей древнего здания — поперечных нефов и частично алтарного нефа и башни — датируется началом XIII в., однако Джон из Стратфорда многое изменил и многое добавил. Он расширил северный поперечный неф и устроил в нем часовню пресвятой девы; впоследствии она была целиком занята надгробьями и памятниками Клоптонов, так что теперь ее называют «часовней Клоптонов». Джон перестроил также южный неф и разместил в нем часовню св. Томаса Бекета. В 1331 г. он учредил фонд на отправление заупокойных служб в этой часовне и назначил постоянное содержание пяти священникам, с тем чтобы те служили у тамошнего алтаря мессы в честь него и его семьи, в честь королей Англии и в честь вустерских епископов. Племянник Джона, Ралф Стратфорд, в 1351 г. построил в качестве жилища для этих священников дом из квадратного тесаного камня, примыкавший к западной стене кладбища. Это здание впоследствии стали именовать стратфордской духовной общиной в честь тамошнего церковного капитула или духовной общины священников, которые обитали там под началом церковного старосты и служили в этой церкви. Вот почему церковь св. Троицы называют общинной церковью.

В XV в. декап Личфилда назначил содержание для четырех мальчиков-певчих; их поселили в двух- или трехэтажном доме с крутой остроконечной крышей, в который вела лестница из алтаря через дверной проем, расположенный прямо под бюстом Шекспира. Постепенно это

жилище пришло в упадок и было превращено в склеп. Нам известно из документа, датируемого концом XVII в., что в этом склепе скопилось такое огромное количество скелетов, что ими можно было нагрузить множество телег⁷. Это помещение было склепом уже при жизни Шекспира. Возможно, именно его он имел в виду, вкладывая в уста Джульетты слова, обращенные к брату Лоренцо:

С рычащими медведями сцепи
Иль на ночь заточи в могильном склепе,
Где свалепы скрипучие скелеты,
Где смрад и черепа без челюстей.

Этот склеп был снесен в 1799 г., но дверной проем, заложенный снаружи, все еще цел.

Последователи Джона из Стратфорда продолжали украшать церковь. Наиболее значительным из них является доктор Томас Бэлшелл, церковный староста упомянутой духовной общины в царствование Эдуарда IV. Он перестроил алтарь снизу доверху, устроив по пять ниш с каждой его стороны. В них были одинаковой формы большие окна с остроконечным зубчатым верхом и контрфорсы, украшенные в стиле поздней готики изображениями ангелов, драконов и чудиц. Вероятно, одному из мастеров-каменщиков Бэлшелла мы обязаны и купелью. От нее сохранилась лишь разбитая чаша на своем новом основании вблизи могилы Шекспира, поскольку в свое время эту купель заменили новой, выполненной в манере позднего Ренессанса*. Замененная купель была выброшена, и лишь много позже ее откопали в саду приходского псаломщика, некоего Томаса Пейна, умершего в 1747 г. Он использовал ее как резервуар для воды. Это та самая купель, в которой крестили Уильяма Шекспира, его братьев и сестер⁸. Записи о крещении заносили в приходскую книгу, в которой также регистрировали погребения и бракосочетания. Такого рода приходские книги были впервые введены в 1538 г., когда лорд-главный правитель Англии Томас Кромвель издал указ о хранении этих необходимых данных в каждом приходе. Однако они не всегда должным образом сохранялись. Этот порядок был возобновлен в 1547 г., когда королем был Эдуард VI, а через несколько

* Эта реликвия прежде хранилась в задней части нефа.

лет королева Елизавета повелела каждому приходскому священнику подписаться под следующей клятвой: «Я буду вести приходскую книгу согласно повелению ее величества королевы». Самая старая из стратфордских приходских книг — большого размера фолиант, переплетенный в коричневую кожу с латунными наугольниками, украшенными розой Тюдоров, — начинается с 1558 г., первого года царствования Елизаветы. Однако запись о крещении Уильяма Шекспира, равно как и другие записи вплоть до середины сентября 1600 г., не является оригинальной — это лишь старинная копия, сделанная при Ричарде Байфилде, который стал приходским священником Стратфорда в 1597 г., сразу же после провозглашения нового епархиального устава. Архиепископ Кентерберийский от имени короны потребовал, чтобы каждый приход обеспечивал себя за свой счет пергаментными приходскими книгами, куда следовало перенести из бумажных книг, бывших прежде в употреблении, имена крестившихся, сочетавшихся браком или погребенных в царствование Елизаветы. Более того, приходский священник и церковные старосты были обязаны просматривать и заверять каждую страницу этих книг. Это объясняет, почему сохранившиеся стратфордские приходские книги начинаются с 1558 г. и почему на переплете первого тома указан 1600 г.⁹ Наиболее ценные из этих записей были открыты для обозрения в церкви св. Троицы до сентября 1966 г., когда преподобный Т. Блэнт поместил их на хранение в архив, расположенный в нескольких шагах от дома-музея Шекспира.

В этих приходских книгах отмечены наиболее значительные события, происходившие в семье Джона Шекспира и его потомков: рождения, браки, смерти. Естественно было бы ожидать, что такого рода записи, являющиеся перечислением имен и дат, окажутся достаточно понятными, но одно обстоятельство сбивало с толку самых первых исследователей приходских книг. Дело в том, что еще один Джон Шекспир, живший одновременно с нашим, оставил свой след в этих приходских книгах, равно как и в других стратфордских документах. Этот Джон Шекспир был башмачником, или сапожником, из окрестностей Уорика, унаследовавшим фамильное дело после того, как его брат утонул в Эйвоне. Он был женат по меньшей мере

дважды, и записи о крещении его отпрысков — Урсулы, Хэмфри и Филипа — сделаны в приходской книге соответственно 11 марта 1589 г., 24 мая 1590 г., 21 сентября 1591 г. После того как этот Шекспир неоднократно занимал незначительные посты в городской корпорации и стал главой своей гильдии, он, видимо, в середине 90-х гг. навсегда оставил Стратфорд. Какой-то Джон Шекспир похоронен на кладбище при церкви пресвятой девы Марии в Уорике 7 ноября 1624 г. Однако это совпадение, хотя оно и любопытно, не должно нас смущать, поскольку Шекспиров, чья фамилия писалась чрезвычайно разнообразно, было довольно много на территории графства Уорикшир и примыкающих к нему графств. Уже в 1248 г. некий Уильям Сакспир* из Клоптона, расположенного в графстве Глостершир, был повешен за разбой; в записи, сделанной в июне 1487 г. в приходской книге Мертон-Колледжа в Оксфорде, упоминается учащийся Хью Сондерс, который прежде носил фамилию Шекспир (Shakspere), а затем сменил ее, поскольку она считалась банальной. («Hugo Sawnder alias dictus Shakspere, sed mutatum est istud nomen eius, quia vile reputatum est.») [«Хуго Саундер, иначе именуемый Шекспир, но имя это изменено, ибо оно почиталось грубым»]¹⁰. Путаница, связанная с существованием двух Джонов Шекспиров — энергичному отцу поэта приписывают трех жен и одиннадцать детей, — была успешно устранена к концу XVIII в. стараниями крупнейшего шекспироведа Эдмунда Мэллона.

Жизненный путь Джона Шекспира многократно и достоверно отражен в документах. К нему и его предкам мы и обратимся теперь.

* На основании документов времен Шекспира автор приводит множество разнообразных написаний его фамилии, особенно когда говорит о его родственниках и однофамильцах. Найти русский эквивалент этим орфографическим и фонетическим искажениям трудно потому, что русская традиция происхождения фамилии Шекспира уже содержит фонетическое искажение (Шекспир вместо Шейкспир), а русская орфография не позволяет отразить ее различные написания, такие, как Shekspeare, Shaxpeare, Shaxspere. Поэтому, пользуясь традиционной орфографией при написании фамилии Шекспира, мы будем давать в скобках английский вариант, за исключением тех случаев, когда искажение в написании столь очевидно, что его можно передать по-русски (Сакспир, Шейкстаф). — *Прим. перев.*

СЕМЕЙСТВО ШЕКСПИРОВ: ИЗ СНИТЕРФИЛДА В СТРАТФОРД

В трех с половиной милях к северо-востоку от Стратфорда и непосредственно к северу от старого тракта, ведущего из этого рыночного городка в Уорик, высоко на холме расположено небольшое тихое селение Снитерфилд. Здесь около 1529 г. поселился дед Шекспира, Ричард. В те дни, как и сейчас, одно-единственное здание господствовало над селением — большая и красивая приходская церковь св. Джеймса Великого с ее длинным нефом и внушительной башней, расположенной в западной части. Верхний ряд окон, освещавший хоры, в те времена выглядел иначе, так же как и аспидная крыша, снятая (как некоторые утверждают) с замка Фулбрук-Касл. Алтарные сиденья, выполненные в стиле Ренессанса, увитые искусно вырезанной из дерева лозой, а также восьмиугольная купель датируются началом XIV в.; по всей видимости, отец поэта был крещен в ней — мы не располагаем столь ранними записями о крещениях. Старая мельница, стоявшая у Хилл-Филда, возле ручья, давно исчезла; мало что сохранилось от небольших домов с каркасом из деревянных балок и с такими же амбарами и деревянными голубятнями. Селение Снитерфилд расположено в красивой холмистой местности, на которой много небольших рощ, зарослей невысоких деревьев и кустарников, а также зарослей вереска и утесника с его желтыми цветами. Здесь Ричард Шекспир арендовал в нескольких поместьях землю, обрабатывал плодородную почву и пас скот¹.

Протоколы гражданских и манориальных судов свидетельствуют о повседневных неприятностях и (гораздо реже) об отрадных событиях в жизни фермера. Вероятно, Ричарду пришлось чинить свои ограды, когда в 1538 г. было приказано чинить их. Суд присяжных обвинил его в том, что он выгонял слишком много своего скота на общин-

ный выпас. Он платил штрафы за то, что, несмотря на запрещение, выпустил свиней пастись без ошейника, а также за то, что позволял своему скоту без привязи пастись на лугах. Это произошло в 1560 г., когда каждому держателю земли Снитерфилда было предписано «построить свои изгороди и вырыть канавы между концом проулка, где жил Ричард Шекспир, и оградой, называемой «оградой Докинсов». Когда ему не удавалось найти приемлемое оправдание, как, например, в 1529 г. (упоминание об этом — первый письменный документ, касающийся Ричарда Шекспира, которым мы располагаем), он предпочитал заплатить штраф в размере двух пенсов, вместо того чтобы являться на заседания мапориального суда, происходившие дважды в год в Уорике, до которого от Снитерфилда было шесть миль пути. Один преуспевающий олдермен из стратфордской гильдии, виноторговец и торговец сукном Томас Этвуд по прозвищу Портной, завещал Ричарду упряжку из четырех быков, которой последний уже пользовался. В январе 1560 г. Ричард Шекспир, по всей вероятности дед поэта, входил в состав суда двенадцати йоменов и утверждал обвинительный акт при расследовании, которое Томас Люси проводил в Уорике по делу о поместьях сэра Роберта Трокмортон; Ричард вовсе не был таким уж провинциалом и деревенщиной². Он помогал оценивать имущество одного скончавшегося приходского священника, а также других жителей селения. (Это была обязанность друзей и добрых соседей, «по крайней мере двух лиц, которым умерший задолжал»; таков был порядок вещей, установленный в королевстве, говоря о котором Генри Суинберн, крупнейший специалист времен Елизаветы по вопросам, связанным с передачей наследства, добавляет: «Недостаточно составить опись, в которой перечислены все до единого предметы имущества покойного; каждый из них в отдельности должен быть оценен честными и умелыми людьми, назначающими справедливую стоимость сообразно со своим суждением и совестью...»³) После смерти Ричарда, умершего до 10 февраля 1561 г., его собственное имущество было оценено в 38 фунтов и 17 шиллингов — почти на 5 фунтов дороже, чем имущество упомянутого приходского священника. Дом Ричарда Шекспира находился на Хай-стрит, являвшейся, возможно, главной дорогой в

Уорик. При доме был земельный участок, граничивший с ручьем, который протекал через Снитерфилд и далее в направлении Эйвона. Это имущество он арендовал у Роберта Ардена из Уилмкотта. У Ардена была дочь Мэри, впоследствии вышедшая замуж за Джона Шекспира.

У Ричарда было по крайней мере два сына. Некий Томас Шекспир, плативший самую высокую арендную плату (4 фунта стерлингов) среди арендаторов, обрабатывавших землю в поместье Хейлз, расположенном в Снитерфилде, возможно, тоже был его потомком, но это еще требуется доказать. Однако Генри Шекспир, несомненно, был сыном Ричарда. Так же как Томас, он арендовал землю в поместье Хейлз и к тому же обрабатывал участок в близлежащем Ингоне, в приходе Хэмптон-Люси, который был расположен на левом берегу Эйвона и простирался до водораздела, отделяющего эту плодородную долину от Арденского леса. Его брат Джон также арендовал землю на Ингонской луговине. Генри был довольно незадачливым малым. Он учинил драку с неким Эдвардом Корнуэллом (который впоследствии стал вторым мужем тетки поэта Маргарет), ранил его до крови и был оштрафован, но не явился в суд, чтобы ответить за это. Его заключили в тюрьму за нарушение права владения; он наделал долгов и не смог в срок уплатить их. Был случай, когда Генри отказался платить и церковную десятину — несколько должностных лиц оспаривали право на ее получение — и на какое-то время был отлучен от церкви. Власти штрафовали его за то, что он носил шляпу, а не берет, посещая церковь. Возможно, это было связано с некоей пормой поведения, так как многие, особенно пуритане, отвергали устав о ношении беретов, введенный для поощрения приходившего в упадок ремесла изготовителей беретов. Кроме того, Генри был наказан за то, что не трудился вместе с теми, кто должен был производить ремонтные работы на тракте ее величества королевы, а также «за то, что его канава между полями Ред-Хилл и Бёрмен оказалась в запущенном состоянии». (Местонахождение этих полей, которые все еще называются Ред-Хилл и Бёрмен, можно и сейчас установить на небольшом расстоянии к востоку от снитерфилдской церкви с правой стороны от дороги, ведущей в Ласком.) Однажды, когда Генри находился в тюрьме на Хай-стрит за не-

уплату долга, его поручитель Уильям Раунд отправился в его дом и присвоил себе двух быков, которых последний купил, но, что было характерно для него, еще не заплатил за них. Когда Генри умер, в его доме, по утверждению очевидца, было обнаружено довольно много денег в сундуках, в амбаре — пшеница, сено «на большую сумму» и кобыла в конюшне. Таков был дядя поэта, Генри. В приходской церкви Хэмптон-Люси (перестроенной в начале XIX в.) Генри крестил двух своих детей: Летис в 1582 г. и Джеймса в 1585 г. Вполне вероятно, что Шекспир мальчиком не раз ходил через поля в Ингон навесить дядю, тетку, а также своих двоюродных брата и сестру. Маленький Джеймс умер в 1589 г. Генри был похоронен в Слитерфилде 29 декабря 1596 г., и менее чем через два месяца «Маргарет Сакспир (Sakspere), вдова, бывшая в свое время женой Генри Шекспира (Shakspere)», последовала за ним в могилу. Второй сын Ричарда Шекспира был человеком совсем иного рода. Не пожелав возделывать землю и пасти скот со своим отцом в Слитерфилде и с братом в Ингоне, он в 50-е гг. переселился в Стратфорд, где стал перчаточником и шорником, то есть кожевником и дубильщиком, и изготавливал мягкую белую или окрашенную в светлые тона кожу. Занимаясь этим ремеслом, он «выделывал» оленьи и лошадиные кожи, а также козы, овечьи и собачьи (но не коровьи и не свиные), пропитывая их (после предварительной обработки) раствором квасцов — сульфатом алюминия — и солью. Он производил и продавал не только перчатки, но и всякого рода изделия из мягкой кожи: поясные ремни, кошельки, фартуки и прочее. (Наш драматург вспомнил этого перчаточника в «Виндзорских насмешницах»: миссис Куикли, пытаясь определить внешность мистера Слендера, спрашивает: «Уж не тот ли, что носит большую бороду? Широкою и круглою, как нож у перчаточника?» *) Заниматься этим ремеслом было выгодно, так как перчаточники были защищены от иностранной конкуренции постановлением парламента. В базарные дни и во время ярмарок перчаточникам выделяли наиболее выгодно расположенные стоячие места для торговли на базарной площади, у рыночного креста под часами.

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч. М., 1957—1960, т. 4, с. 270.

Живший в XVII в. известный сплетник Джон Обри, прославившийся своими «Краткими жизнеописаниями», сообщает, что Джон Шекспир был мясником, но это маловероятно; строгие постановления, обеспечивавшие доброкачественность мяса, не допускали сочетания этих двух занятий⁴. Во всяком случае, в Стратфорде были свои мясники, Ральф Коудри и Томас Роджерс, занимавшиеся своим делом с разрешения совета корпорации.

Хотя в тот период перчаточники формально еще не объединились в гильдию (это произошло около 1606 г.), они, вероятно, уже установили порядок, при котором для посвящения в тайну ремесла требовалось семь лет поработать подмастерьем. Приобщению Джона к ремеслу способствовали связи его отца. Как мы уже видели, Ричард знал Томаса Эдвуда, одного из олдерменов стратфордской гильдии, еще до того, как Стратфорд получил хартию о правах. Возможно, он также познакомился в Снитерфилде с Джоном Таунсендом из Уолда. У Таунсенда была дочь Джоан, которая вышла замуж за видного стратфордского гражданина Томаса Диксона по прозвищу Водонос, олдермена, вошедшего в первый состав муниципального совета и владельца постоянного двора «Лебедь» на Бридж-стрит. По профессии этот Диксон был перчаточником и, возможно, тем мастером, у которого Джон был подмастерьем.

Имя Джона Шекспира появляется в исторических записях 29 апреля 1552 г. при описании довольно бесславных обстоятельств, когда он заплатил шиллинг в качестве штрафа за то, что вопреки запрету властей свалил кучу нечистот (*sterquinarium*) на Хенли-стрит. В данном случае Джон не был единственным правонарушителем, наказанным за невыполнение постановления о пользовании «общей свалкой нечистот», возвышавшейся там, где кончалась улица у дома колесного мастера Уильяма Чемберса. В тот же день по той же причине были оштрафованы Хэмфри Рейнольдс и Адриан Куини. Куча нечистот Джона Шекспира (по мнению нашего выдающегося авторитета в вопросах, связанных с чумой в елизаветинской Англии) стала символом тюдоровских методов улучшения санитарных условий⁵. Нечистоты были рассадником чумы; и наложение столь строгих штрафов, равных двухдневному жалованью ремесленника, свидетельствует о том, что община

заботилась о здоровом состоянии своих улочек и сточных канав. Эта запись вызывает дополнительный интерес, так как позволяет сделать вывод, что к весне 1552 г. Джон Шекспир проживал как квартиросъемщик или как домовладелец на Хенли-стрит. Должно быть, он жил в западной части большого сдвоенного дома, в том его крыле, которое впоследствии стало известно как дом, где родился Шекспир, и благодаря которому Стратфорд стал местом вечного поклонения.

Вскоре Джон обзавелся новым имуществом. В 1556 г. он купил у Джорджа Тернера право на безусловное владение усадьбой с садом и огородом (*unum tenementum cum gardino et crofto*) на Гринхилл-стрит — загородной дороге, которую впоследствии стали называть Мор-таунс-энд. В том же году у Эдварда Уэста он покупает на Хенли-стрит другой дом с примыкающим к нему садом. Вероятно, восточное крыло этого дома стало известно впоследствии как мастерская по обработке шерсти. Спустя какое-то время, когда точно — неизвестно, строители соединили эти два дома в одно строение, образовав таким образом сохранившееся до наших дней впечатляющее здание, которое имеет теперь вид единого, построенного из дерева и кирпича дома с тремя фронтонами. Купленный дом был построен в конце XV или начале XVI в. Благодаря связанным с ним ассоциациям этот дом не нуждается в дополнительных выразительных описаниях. «В стропилах — тени и таинственные шорохи, в дымоходах — ветер, за очагом — сверчки, эльфы мелькают в свете потухающего огня, сквозь свинцовые стекла светит луна, снаружи — уханье * милой сердцу бурой совы»⁶.

Это жилище состоит из каменного основания, или низкой стены, служащей фундаментом, на которой покоится крепкий дубовый каркас постройки. Обмазанные штукатуркой плетни заполняют собой прямоугольное пространство между балками. Расположенная в середине массивная труба дымохода скрепляла строение, у которого была крыша из дранки; со временем ее сменила черепица. В конце XVI в. к задней части дома был пристроен фли-

* Имеется в виду звукоподражание в рефрене песни из «Бесплодных усилий любви». — См.: Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 2, с. 511. — *Прим. перев.*

гель, также из дерева и штукатурки; он вдавался в живописный сад. Джон Шекспир все еще жил на Хенли-стрит, когда в 1597 г. за 50 шиллингов продал узкую и длинную полосу земли всего около полуметра шириной и длиной

Внешний вид дома Нью-Плейс, около 1762 г. Акварель Ричарда Грина.

19 метров; она проходила вдоль западной стороны его владений от Хенли-стрит до Гилд-Пите (так назывался королевский тракт) на севере. Покупатель, драпировщик Джордж Беджер, по всей вероятности, намеревался возвести на ней стену. Примерно в это же время Джон отделил участок своей земли площадью примерно 5×5 метров, расположенный в восточной ее части, Эдварду Уиллису из Кинг-Нортон, графство Вустершир, где последний планировал перестроить два небольших дома в трактир, который он собирался назвать «Колокол». Эти свидетельства о передаче имущества указывают на то, что в течение почти полувека Джон Шекспир обитал на Хенли-стрит. Обосновавшись таким образом, он избрал себе в невесты Мэри Арден, дочь состоятельного фермера. Ардены гордились тем, что их фамилия — одна из самых старинных в графстве Уорикшир; Дагдейл описывает их как «наиболее древний и достойный род». Они были «хозяе-

вами Уорика» до завоевания Англии норманнами, а в Англии не так уж много семейств, которые могут проследить свое столь древнее происхождение. Некоторые Ардены были очень богаты. В кадастровой книге список земель, принадлежащих Терчиллусу из Эрдайна (Turchillus de Eardine), занимает четыре столбца — никто больше не владел таким количеством земли. Наши Ардены были проще — богатыми йоменами, постепенно переходившими в класс мелкопоместного дворянства. К какой именно ветви принадлежал Роберт Арден, неясно, несмотря на тщательные розыски специалистов по генеалогии⁷. Возможно, Роберт Арден происходил от кого-нибудь из младших сыновей Арденов из Парк-Холла, который расположен в Касл-Бромуиче, в приходе Астон, неподалеку от Бирмингема. Его дедом мог быть Роберт Арден, бывший бейлифом Снитерфилда в середине XV в., и он, несомненно, был сыном Томаса Ардена из Уилмкотта. Это селение расположено в приходе Астон-Кантлоу, оно протянулось вдоль долины реки Оли, которая ограничена с востока низкими, кое-где покрытыми лесом холмами, отделяющими ее от долины Эйвона. Этот Томас купил землю и дом в Снитерфилде и передал их своему сыну. Трудно сказать, насколько обширны были владения Роберта Ардена в Снитерфилде, однако у него было два жилых дома, один из которых он сдавал в аренду Ричарду Шекспиру и вместе с домом, возможно, 100 или более акров земли.

Когда вскоре после 21 апреля 1548 г. Арден женился на Агнессе Хилл, урожденной Уэбб, вдове зажиточного крестьянина с фермы Берли, он уже был далеко не молод и имел от предыдущего брака — или браков — восемь дочерей. Должно быть, они были привлекательными молодыми женщинами, так как по крайней мере шестеро из них нашли себе мужей, а две выходили замуж дважды. Новая жена Ардена имела двух сыновей и двух дочерей от предыдущего брака, так что семья была большая. Семья жила в Уилмкотте. Где именно — неизвестно, хотя в конце XVIII в. Джон Джорден, самоучка, собиравший по собственной инициативе сведения о Шекспире, определил один из домов с бревенчатым каркасом на Федер-Лейн как дом Мэри Арден, и в качестве такового этот дом по сей день посещается туристами. Слова Джордена никогда не

следует принимать на веру (это был «один из тех скромных гениев», согласно снисходительной оценке одного его современника, «для которых обладание небольшой эрудицией если и не опасно, то, как потом оказывается, почти совершенно бесполезно»), и все же Мэри должна была расти если не в этих, то в весьма похожих условиях. Расположенное вблизи заросшего зеленью селения на северной стороне дороги, ведущей в Стратфорд, это жилище представляет собой большой красивый сельский дом XVI в., двухэтажный, с каменным фундаментом и двумя сложенными из камня каминами на каждом этаже (большой очаг есть и на кухне), с площадкой перед камином в углу гостиной, с грубо отесанными дубовыми балками деревянных оштукатуренных потолков и с остроконечными окнами для освещения верхнего этажа. В последнее время жук-точильщик и мебельный жук создали угрозу для деревянных деталей первоначального интерьера, побудив вечно настороженных попечителей принять меры по предупреждению и устранению повреждений.

Джон, видимо, был на несколько лет старше Мэри, возможно на десять или больше; она была самой младшей из своих многочисленных единопутробных сестер, а Джон был старшим сыном. Ему предстояло прожить до семидесяти с лишним лет, а ей — пережить его на семь лет. Мэри являлась соблазнительной партией: вероятно, она была любимицей своего отца и одной из его наследниц, хотя (как представляется) она не умела ни читать, ни писать и вместо подписи ставила под документами свой знак.

Осенью 1556 г. Роберт Арден находился при смерти. Согласно его завещанию, составленному 24 ноября, когда он был уже болен телом, но находился в «доброй и твердой памяти», он завещал свою душу «всемогущему богу и нашей благословенной госпоже пресвятой деве Марии и всему сонму небесному» согласно католической формуле, естественной в завещании, написанном в царствование католички Марии. Роберт благоразумно позаботился о своей жене, завещав ей 10 марок (6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса). Но более нежную заботу он проявил о младшей дочери. Помимо обычных 10 марок, Арден оставил ей наиболее ценное имущество: имение в Уилмкотте, называвшееся «Эсбис», «и урожай на земле, засеянной и возделанной».

Несмотря на свою молодость, Мэри была названа в числе двух душеприказчиков, так что через месяц она присутствовала при описи имущества и движимости. Опись свидетельствует о достаточном состоянии покойного. Среди его имущества было целых одиннадцать пестрых холстов — их использовали в те дни для украшения стен вместо более дорогих гобеленов; на широких полосах холста были грубо написаны темперой сцены библейского или мифологического содержания, под которыми имелись соответствующие нравоучительные надписи. (Шекспир упоминает их в «Обещанной Лукреции»: «Кто старческих боялся строгих слов, тот ужаснется крашенных холстов».) Предметом гордости в доме Арденов были два таких холста в прихожей, пять в соседней большой комнате и еще четыре, развешанные в спальнях на втором этаже. Среди имущества были также шкафы и другая дубовая мебель (включая столик с полками), достаточное количество постельного белья, а также медные котлы и латунные сковороды, жаровня, небольшая ручная мельница и квашня. В опись вошли также орудия труда фермера, сельскохозяйственные приспособления, амбар, наполненный пшеницей и ячменем, большое количество скота — быки, волы, жеребята, свиньи и уже подросшие телята, — а также пчелы и домашняя птица, запас дров во дворе и бекона под крышей. Арденны жили в достатке.

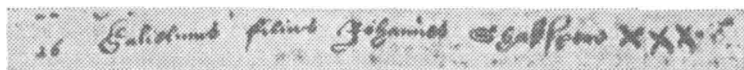
Свое тело Роберт завещал похоронить на церковном кладбище в Астон-Кантлоу. Его вдова осталась жить в Уилмкотте (очевидно, как и надеялся Арден, она никому не причинила неприятностей из-за своего небольшого наследства, а, напротив, позволила дочери своего мужа, Алисе, спокойно жить вместе с ней). В 1580 г. «старая и бесильная» (по ее словам), она умерла и была похоронена на том же кладбище. Где-то между ноябрем 1556 г., когда отец Мэри Арден составлял свое завещание, и сентябрем 1558 г., когда родилась ее первая дочь, Мэри вышла замуж за Джона Шекспира. Вполне возможно, что церемония бракосочетания происходила в Астон-Кантлоу — в приходской церкви Иоанна Крестителя. Приходские книги в тех местах были введены позже, и поэтому никакой записи о женитьбе Джона Шекспира не сохранилось.

ПОТОМКИ ДЖОНА ШЕКСПИРА

У Шекспиров было много детей; об этом свидетельствуют приходские книги за период, охватывавший приблизительно 20 лет — с 1558 по 1580 г. Разумеется, в них отмечены погребения, равно как и крестины, но в течение этих двух десятилетий число рождений в семье превосходит число смертей. Поскольку еще царствовала Мария Тюдор, первый ребенок Шекспиров был крещен по католическому обряду: с чтением на латыни и с миропомазанием. Остальных восемь детей крестили по обряду англиканской церкви.

Первенцем Джона Шекспира была дочь Джоан, крещенная (как свидетельствуют приходские книги) 15 сентября 1558 г. Обряд совершал священник Роджер Дайос. В следующем году, когда на трон взошла новая королева, католические религиозные убеждения Дайоса стали многим не по вкусу, и, так как он не пожелал ни добровольно отказаться от должности, ни умереть — обычные основания для замещения, — корпорация вынудила его уйти с занимаемого поста, попросту отказав ему в жалованье. Дайос уединился в Литл-Бедуине, графство Уилтшир, и семнадцать лет таил там свои обиды. Затем, в 1576 г., он предъявил иск бейлифу Стратфорда в связи с тем, что его «ежегодная рента» не выплачивалась ему полностью. Между тем город некоторое время обходился без пастыря. Посещавшим город проповедникам приходилось как-то восполнять этот пробел, пока в январе 1561 г. не был официально введен в должность новый приходский священник. Джон Бретчгердл, прибывший из Уиттона, графство Норидж, был магистром искусств Крайст-Чёрч-Колледжа в Оксфорде и безупречно придерживался принципов англиканской церкви. Он был холостяком (сестра, возможно две се-

стры, вела хозяйство в его доме) и книголюбом — в его библиотеке (по стоимости составлявшей около половины его состояния) были Новый завет на английском языке в переводе Тиндейла, труды Эзопа, Саллюстия, Вергилия, Горация, два труда Эразма Роттердамского, латино-английский словарь и «Деяния апостолов, переведенные английским метром... Кристофером Тайем... с примечаниями к каждой главе, пользуясь которыми можно петь и играть

Запись о крещении Уильяма Шекспира, 26 апреля 1564 г.

на лютне, что весьма необходимо учащимся для их упражнений после занятий наукой, а также для всех христиан, которые не могут петь, но смогут прочесть благие и божественные предания о жизни Христа и апостолов»¹. Джон Бретчгердл крестил второго ребенка Шекспиров, дочь Маргарет, 2 декабря 1562 г. и присутствовал на ее похоронах через несколько месяцев. 26 апреля 1564 г., «осторожно и осмотрительно» (как предписано в «Молитвеннике» или «Книге общих молитв»), он крестил Уильяма Шекспира. Запись в приходской книге гласит: «Gulielmus, filius Johannes Shakspeare» [Гильельм, сын Иоганна Шекспира]. Следующей весной этот приходский священник умер, оставив свой словарь учащимся грамматической школы в Стратфорде, и был похоронен в приходской церкви.

Итак, мы знаем дату крещения Шекспира, но когда же поэт родился? Возможно, этот вопрос не столь важен, однако выяснить его необходимо, ибо биограф обычно желает иметь в качестве точки отсчета точную дату рождения своего героя. Разумеется, по традиции мы отмечаем рождение Шекспира 23 апреля. Эта дата чрезвычайно привлекательна, так как совпадает с церковным праздником св. Георгия. Начиная с 1222 г. день св. Георгия отмечался в Британии как национальное торжество, кроме того, св. Георгий стал покровителем Англии со времен Джона из Стратфорда. Как было бы уместно, если бы день св. Георгия был бы еще ознаменован рождением национального

поэта! Мы почти склонны забыть, что желание порождает множество традиций.

Эта традиция, в частности, возникла два столетия назад. В одной из заметок на полях своего экземпляра книги Джерарда Лэнгбайна «История драматических поэтов Англии» (1691 г.) собиратель древностей XVIII в. Уильям Олдис, очевидно, первым объявил 23 апреля днем рождения Шекспира, хотя он и ошибся на один год, считая, что Шекспир родился в 1563 г. Его современник Джо-зеф Грин, викарий Стратфорда и глава Стратфордской грамматической школы, передал через Джеймса Уэста выдающемуся ученому-шекспироведу Джорджу Стивенсу выписку из приходской книги с пометкой: «Родился 23 апреля 1564 г.». Стивенс принял эту дату в своем вышедшем в 1773 г. издании сочинений Шекспира, и с тех пор редакторы и биографы следовали его примеру.

Каковы же факты? У нас есть дата крещения. Во времена королевы Виктории весьма эрудированный Холиуэл (впоследствии Холиуэл-Филиппс) как-то заметил, что обыкновенно между рождением и крещением проходило три дня. Эта вскользь брошенная фраза была повторена как положительное утверждение в книге Сиднея Ли «Жизнь Уильяма Шекспира», долгое время считавшейся образцовой. «В то время ребенка обычно крестили, — пишет Ли, — на третий день после рождения»². В действительности же нет никаких данных, доказывающих, что когда-либо существовал такого рода основанный на обычае промежуток времени. «Молитвенник» 1559 г. дает более определенные указания. Он рекомендует родителям не откладывать крещение далее чем до первого воскресного дня или до праздника какого-либо святого, следующего непосредственно за рождением ребенка, «если для более длительной отсрочки нет какой-либо значительной и обоснованной причины, которая должна быть сообщена священнику и одобрена им». Во второй половине апреля 1564 г. воскресные дни выпадали на 16-е, 23-е и 30-е числа, а религиозные праздники приходились на среду, 19 апреля (Альфеджа архиепископа и благословенной памяти великомученика), и на вторник, 25 апреля (св. Марка евангелиста), не считая праздника св. Георгия. Таким образом, если Шекспир родился 23 апреля, его следовало, согласно

упомянутому «Молитвеннику», крестить не позже 25 апреля. Но, возможно, тут не обошлось без суеверий — в народе день св. Марка считался зловещим. Его называли «черные кресты». Почти до самых шекспировских времен кресты и алтари в этот день завешивали черным и (по преданию) призраки тех, кому суждено было умереть в течение года, бродили в этот день по кладбищу. Замечая, что внучка Шекспира, Элизабет Холл, вышла замуж 22 апреля, де Куинси задается вопросом, не избран ли ею этот день в память о своем знаменитом предке. Надпись на мемориальной доске под бюстом в стратфордской церкви гласит: «obiit anno... aetatis 53» [скончался в году ... в возрасте 53 лет]. Поскольку Шекспир умер 23 апреля 1616 г., эти слова, по-видимому, подразумевают, что он родился не ранее чем 24 апреля 1563 г. или после 23 апреля 1564 г. Если это не так, то получается, что Шекспир скончался в возрасте 52 или 54 лет. Однако можно предположить, что анонимный автор эпитафии имел в виду скорее текущий, нежели завершившийся год, и что он сопоставлял новый год с годовщиной рождения (таков порядок отсчета, официально принятый в наши дни), а не первый миг жизни, если о таковом было тогда известно. Но мы не знаем его мыслей, хотя оба предположения достаточно обоснованны; мы можем благоразумно заключить, что Шекспир родился 21, 22 или 23 — в пятницу, субботу или воскресенье — апреля 1564 г., и отмечать годовщину его рождения либо 23-го, либо в один из двух других дней³.

В то лето чума поразила Стратфорд. В приходской книге, где регистрировали смерти, рядом с записью, сделанной 11 июля о кончине некоего подмастерья Оливера Ганна, имеется зловещая фраза: «hic incepit pestis» [в то время началась чума]. Наше представление о чуме в эту пору чаще всего связано со столицей с ее скученным населением, тесными жилищами и узкими проулками; однако путешественники заносили бактерии чумы и в более чистый воздух таких славных рыночных городков, как Стратфорд. Изучая в XVIII в. по приходской книге списки погребенных во второй половине 1564 г., Мэлон высчитал, что эпидемия чумы унесла более двухсот душ — от одной шестой до одной седьмой части всего населения Стратфорда. Его подсчеты точны: в указанной приходской книге между

1 января и 20 июня 1564 г. упомянуто 22 погребения, а затем число их возрастает до 237 в оставшуюся часть года⁴. Разумеется, эта статистика включает в себя смерти от всевозможных причин.

«Возблагодарим судьбу за то, что «это любимое дитя воображения» не погибло еще лежа в колыбели,— восклицает Мэлон.— К счастью для человечества, она [чума] не достигла дома, в котором лежал младенец Шекспир, ибо ни один из носивших эту фамилию не указан в списке умерших. Можем ли мы предполагать, что, подобно Горацию, он лежал, не зная тревог и страхов, среди заразы и смерти, хранимый Музами, которым он должен был посвятить свою жизнь...»⁵ Такого рода риторическая несдержанность вовсе не была чужда Мэлону, однако трудно переоценить опасность, которой подвергался младенец. Во время чумы колокол чаще всего звонит по очень юным или по ослабленным старостью. Городской клерк Ричард Саймонс похоронил двух своих сыновей и дочь; живший на Хенли-стрит, на одной улице с Шекспирами, Роджер Грин лишился четырех детей. В августе муниципалитет провел чрезвычайное заседание. Чтобы избежать заразы, он заседал не в тесном помещении городской гильдии, а на солнце в саду, возле упоминавшейся часовни, среди благоухавших груш и яблонь и обсуждал, как помочь жертвам чумы. На совете присутствовал и Джон Шекспир: он был в то время членом муниципалитета. К декабрю, с наступлением холодов, чума стала утихать.

13 октября 1566 г. второй сын Шекспиров, Гилберт, был крещен в церкви св. Троицы. Возможно, его назвали Гилбертом в честь Гилберта Брэдли, который жил в нескольких шагах от Шекспиров на той же Хенли-стрит и, подобно Джону, был перчаточником и членом корпорации. Брэдли стал членом муниципалитета в 1565 г. И тот и другой имели отношение к ремесленному и городскому управлению. Гилберт Шекспир родился в типично буржуазной среде и в своей жизни придерживался норм, принятых в средних слоях общества. Хотя бы в этом отношении он походил на своего брата Уильяма, который стал не только поэтом, но и добился успеха в мирском понимании этого слова. В 1597 г. некий «Гилберт Шекспир (Gilbert Shackspere)» упоминается в качестве галантерейщика в

приходе св. Бригитты. В том году вместе с сапожником из того же прихода он внес в Суд королевской скамьи залог в размере 19 фунтов стерлингов за Уильяма Сэмпсона, часовщика из Стратфорда. Приход св. Бригитты находится в Лондоне, но Гилберт жил и в Стратфорде⁶. Он находился там 1 мая 1602 г., когда получил распоряжение о праве пользования землей в Старом Стратфорде от имени своего брата Уильяма.

В ноябре 1609 г. Гилберт Шекспир был вызван в Суд по ходатайствам вместе с Питером Росуэлом, Ричардом Миттоном и другими. Что явилось причиной вызова, мы не знаем, однако страсти разгорелись, поскольку, когда Элинор Варни, стратфордская служанка 21 года от роду, предъявила Росуэлу вызов в суд, «он силой вырвал у нее это предписание и отказался вернуть ей его, а также нанес удар имевшимся в его руках посохом одному из стоявших рядом с ним, а тот сейчас же напал на этого свидетеля и, нанося последнему удары, выдворил его из помещения»⁷. Этот Росуэл (или Розуэл) упомянут вместе с Миттоном в одном-единственном дошедшем до нас письме, адресованном Уильяму Шекспиру⁸. Мы имеем дело с небольшим городом и с ограниченным кругом соседей и знакомых.

В следующем году, 5 марта, «Гилберт Шекспир (Gilbert Shakesper)» выступал свидетелем при сдаче в аренду имущества на Бридж-стрит и подписал свое имя красивым итальянским почерком. 3 февраля 1612 г. в стратфордской приходской книге было зафиксировано погребение «Гилбертуса Шекспира (Gilbertus Shakspeare adolescens*)». Слово «adolescens» иногда вызывало недоумение, но, возможно, оно означает «не вступивший в брак», так как слова «adolocentulus» и «adolocentula» не раз встречаются в этих приходских записях, когда речь идет о холостяках и старых девах⁹.

В апреле 1569 г. у Шекспиров родилась еще одна дочь. Ее крестили 15 апреля и дали ей имя Джоан. По-видимому, первая Джоан умерла еще в младенчестве, в 1559 или 1560 г., когда записи о погребениях в приходской книге

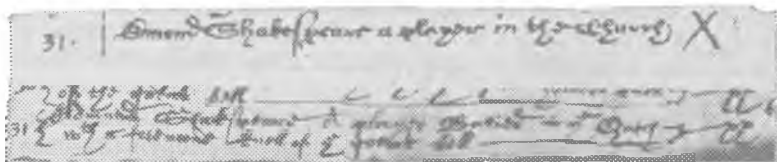
* Латинское слово «adolescens» означает «юный», «молодой». — *Прим. перев.*

велись беспорядочно. Из четырех дочерей, родившихся в семье, выжила только вторая, Джоан, и из восьми умерших в детстве единоутробных братьев и сестер, не считая Уильяма, вступила в брак. Ее мужем был ничем не примечательный шляпочник Уильям Харт, и их брак, заключенный незадолго до 1600 г., не зарегистрирован в приходских книгах. Возможно, Харт перебрался в Стратфорд уже после свадьбы. В 1600-м и в следующем году Харта преследовали в судебном порядке за долги. Кажется, главным достижением его жизни было то, что он произвел на свет четырех детей: Уильяма (1600—1639), Мэри (1603—1607), Томаса (1605—1661) и Майкла (1608—1618). Этот шляпочник был похоронен 17 апреля 1616 г., за неделю до похорон своего шурина-драматурга. Шекспир позаботился о сестре, в некотором роде бедной родственнице, в своем завещании, оставив ей (помимо 20 фунтов стерлингов и всей своей одежды) право на пожизненную аренду помещения в западном крыле сдвоенного дома на Хенли-стрит, «в коем она обитала», платя номинальную годовую арендную плату в размере одного шиллинга. Джоан Харт пережила мужа и брата на тридцать лет. Ее внук Томас стал владельцем этого старого жилища — и восточного и западного домов — согласно условиям завещания леди Бернارد, внучки Шекспира, последней из его прямых потомков. История дома, где родился Шекспир, с этого момента и на долгое время становится историей семейства Хартов¹⁰.

Еще о двух детях Шекспиров мы почти ничего не знаем. Один сын умер в юности. Последняя дочь, Энн, была крещена 28 сентября 1571 г. и похоронена, прежде чем ей исполнилось восемь лет, 4 апреля 1579 г. Из казначейского отчета видно, что Джон Шекспир заплатил 8 пенсов «за колокольный звон и покрывало на гробе». Предполагаемый сын Ричард был крещен 11 марта 1574 г. Все наши сведения о нем сводятся к недавно установленному факту, что 1 июля 1608 г. его вызвали в стратфордский церковный суд по поводу неизвестного правонарушения: выразилось ли оно в несоблюдении воскресных установлений? Он заплатил один шиллинг штрафа, употребленный «на нужды стратфордских бедняков»¹¹. Ричард похоронен 4 февраля 1613 г.

Когда 3 мая 1580 г. Джон Шекспир в последний раз

стоял перед церковью св. Троицы с младенцем на руках, он был уже пожилым человеком. Всего через три года ему предстояло стать дедом, и он находился в стесненных обстоятельствах. Шекспиры при крещении назвали своего последнего ребенка Эдмундом, возможно (хотя это имя довольно обычно) в честь дяди, Эдмунда Лэмберта, которому они незадолго до того заложили часть унаследованного ими имущества; в состав этого имущества вошли дом и земля в Уилмкотте. (Тетушка Джоан, жена Лэмберта, возможно, была крестной матерью двух дочерей Джоан,

Запись о погребении Эдмунда Шекспира, 31 декабря 1607 г.

названных этим же именем.) Более чем кто-либо другой в семье, Эдмунд, видимо, походил на своего брата-драматурга, поскольку, став достаточно взрослым, последовал за Уильямом в Лондон и стал профессиональным актером, но в какой именно труппе, нам не известно. На этом поприще Эдмунд не достиг каких-либо высот, однако ему было всего 29 лет, когда он умер. Имеются сведения, что в Лондоне он стал отцом ребенка, рожденного вне брака и похороненного на кладбище церкви св. Джайлза за городскими воротами Криплгейт 12 августа 1607 г. В приходской книге упомянут «Эдвард, сын Эдварда Шекспира (Shackspeare), актера низкого происхождения». Как мы видим, фамилия записана неверно, однако причетник в этом приходе не был склонен делать тонких различий при записи похоже звучащих имен вроде Джоэн и Джоан, Ортон и Хортон, Эдмунд и Эдвард¹². Всего через несколько месяцев, в канун Нового года, сам актер был погребен в церкви пресвятой девы Марии Овери (сокращение over-the-river — за рекой) в Саут-Уорке «с погребальным звоном большого колокола от восхода солнца до полудня». Это были дорогие похороны, стоившие 20 шиллингов. Похороны на церков-

ном кладбище обошлись бы всего в 2 шиллинга, а погребальный колокол меньших размеров — самое большое в 1 шиллинг. Очевидно, кто-то имевший средства позаботился об Эдмунде. Вероятно, это был его преуспевавший брат Уильям. Церковь пресвятой девы Марии (также называвшаяся церковью Спасителя) находилась возле Лондонского моста, откуда было рукой подать до театра «Глобус». В будущем там же будут похоронены Джон Флетчер и Филип Мэссинджер — ведущие драматурги труппы «слуг его величества короля». Не затем ли Шекспир заказал утреннюю, а не вечернюю (как это было принято) службу, чтобы его собратья по театру могли присутствовать на похоронах в этот очень холодный день, когда дети играли, а мужчины и женщины прогуливались по замерзшей Темзе? ¹³

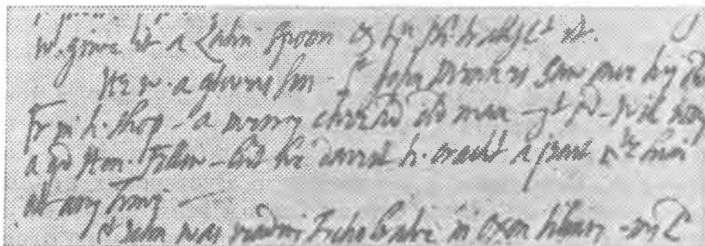
Четырех сыновей и четырех дочерей имел Джон Шекспир. Семь простых смертных и один бессмертный — все они были крещены, и все, кроме одного, похоронены в общинной церкви св. Троицы в Стратфорде-на-Эйвоне.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

Когда зимой 1560/61 г. умер Ричард Шекспир, в документах, содержащих распоряжения об имуществе, его старший сын был назван земледельцем (*agricola*) из Снитерфилда. Возможно, это ошибка: в Вустерских записях много описок, но мы не можем быть в этом уверены. Во всяком случае, Джон получил в наследство землю своего отца в Снитерфилде; такой вывод мы можем сделать исходя из того, что в следующем октябре с него был взыскан штраф за плохое содержание оград на этой земле. Вскоре после этого Джон Шекспир отказался от своего арендного права, очевидно в пользу свояка Александра Уэбба, который переехал из Берли в Снитерфилд со своей женой Маргарет (урожденной Арден) и четырьмя маленькими детьми¹. Видимо, земледелие не очень привлекало его.

В стратфордских документах Джон неоднократно упоминается как перчаточник. В 1556 г. землевладелец из Армскота в графстве Вустершир, некий Томас Сич (или Сач), безуспешно пытался взыскать в судебном порядке с «Иоганнема Шекспира (*Shakyspere*) из Стратфорда... перчаточника» восемь фунтов стерлингов; в 1587 г. «Иоганнес Шекспир (*Shakspere*)... перчаточник» вместе с Томасом Джонсом, медником, взял на поруки какого-то местного жестянщика, обвиненного в уголовном преступлении². В других записях за 1573 и 1578 гг. Джон упомянут как шорник. Одно официальное денежное обязательство, датированное 10 октября 1592 г., именуется «Джоном Шэкспиром (*Shackspeare*), перчаточником», и на нем проставлен его знак — крест, оттиснутый перстнем-печатью³. В единственном дошедшем до нас рассказе о Джоне Шекспире, записанном в 1657 г. Томасом Плумом, архидьяконом из Рочестера, о нем говорится как о перчаточнике. Плум вспоминал о том, что сэр Джон Мэннис видел одна-

жды «улыбчивого старика» в его мастерской; «Уилл был добрым и честным малым,—говаривал отец драматурга,—и он в любое время готов был отпустить какую-нибудь шутку». Сэр Джон Мэннис родился в 1599 г., за два года до смерти Джона Шекспира, так что уж эти-то двое вряд

Сообщение Плума о Джоне Шекспире.

ли могли обмениваться шутками. Может быть, Плум спутал этого Мэнниса с его старшим братом Мэтью, родившимся около 1593 г. (хотя и это допущение мало что проясняет в данной ситуации); или, возможно, кто-то рассказывал сэру Джону об этом. Нам важно то, что в следующем столетии Джона Шекспира помнили как перчаточника и представление о нем, даже уже старике, было связано с его мастерской.

Эта мастерская, должно быть, занимала то помещение, которое в наши дни является восточным крылом сдвоенного дома на Хенли-стрит, ту его часть, которая издавна известна как «мастерская по переработке шерсти». Однако неясно, почему по переработке шерсти, если Джон Шекспир имел дело с кожей? Существует стратфордское предание, о котором впервые сообщил Роу в 1709 г. и достоверность которого подтвердил всегда готовый услужить Джорден, о том, что Джон был «известным перекупщиком шерсти». В начале XIX в., через много лет после того, как этот дом стал постоянным двором, хозяин постоянных дворов «Лебедь» и «Дева» уверял одного из посетителей, что, «когда он перестилал полы, в гостиной под старым настилом были обнаружены остатки шерсти и очесы, смешан-

ные с землей в засыпном фундаменте»⁴. Первые биографы Шекспира упорно называли Джона торговцем шерстью, однако только в наш век неожиданно были обнаружены документальные подтверждения его вероятного участия в торговле овечьей шерстью: материалы одного из судебных дел в суде общегражданских исков говорят о том, что во время летней судебной сессии в 1599 г. Джон Шекспир предъявил иск суконщику Джону Уолфорду, трижды избывавшемуся мэром Марлборо в графстве Уилшир, обвинив его в неуплате по требованию двадцати одного фунта стерлингов за 21 тод шерсти — сделка была заключена за тридцать лет до возбуждения иска, но долг есть долг. Поскольку один тод весил около 13 кг, эту сделку нельзя считать пустяковой. Мы не можем сказать, какое решение вынес суд. Известно лишь, что слушание дела должно было продолжиться на следующем заседании, однако документы этого судебного заседания до нас не дошли⁵. Это открытие заставляет сделать полезный вывод: предание, которое часто ставится под сомнение и к которому всегда относятся скептически, может таить в себе зерно истины.

При других обстоятельствах Джон Шекспир продал городской корпорации на три шиллинга строевого леса и возбудил дело против Генри Филда, кожевника с Бридж-стрит, из-за 18 четвертей ячменя; это большое количество ячменя, так как одна четверть соответствует 8 бушелям, или 328 кг. Ячмень употребляется в той отрасли промышленности, которая с давних пор и до недавнего времени оставалась ведущей в хозяйстве Стратфорда — в производстве пива и эля. (Если не считать этого эпизода, Джон, казалось бы, был в достаточно дружеских отношениях с Филдом. Когда последний умер летом 1592 г., Джон помогал оценивать его имущество. У Филда был сын Ричард, с которым, как мы увидим, наш поэт имел дела в столице.) Вероятно, Джон Шекспир торговал и другими сельскохозяйственными продуктами, храня их вместе со своими кожами в помещении, которое называют «мастерской по переработке шерсти».

Он покупал также дома и отдавал их внаем. В октябре 1575 г. Джон заплатил Эдмунду и Эмме Холл из Халлоу, что в приходе Гримли, неподалеку от Вустера, сорок фунтов за два дома с палисадниками и фруктовыми садами в

Стратфорде (*duobus mesuagiis, duobus gardinis et duobus pomariis, cum pertinenciis, in Strætforde-super-Avon*). Незадолго до начала 1582 г. он сдал внаем один из своих домов Уильяму Бербеджу (не принадлежал ли тот к актерской семье Бербедж?). Последний спустя некоторое время пытался расторгнуть договор и вернуть семь фунтов, которые он заплатил по нему. Третейские судьи приказали Джону вернуть деньги, но Бербеджу стоило это многих хлопот (он все еще пытался вытребовать эти деньги через десять лет), и, возможно, ему так и не удалось вернуть их. От одного из могущественных Клоптонов Джон получил право на аренду 14 акров земли на луговине Овер-Ингон в Хэмптон-Люси, где его брат Генри занимался земледелием. После смерти сестер Мэри Шекспир, Джойс и Элис, Шекспиры унаследовали девятую часть имущества, состоявшего из двух домов, и 100 акров земли в Снитерфилде.

Подобно другим людям своего класса, Джон Шекспир не раз бывал в суде в качестве истца или ответчика. Порой речь шла о значительных суммах. В 1572 г. суд гражданских исков в Вестминстере присудил ему 50 фунтов стерлингов, которые, согласно иску, ему задолжал некий перчаточник из Банбери. На следующий год Генри Хигфорд из Соллихалла, бывший представитель корпорации Стратфорда, предъявил Джону иск на 20 фунтов в том же самом суде. Последний, однако, не явился на судебное заседание. Через пять лет Хигфорд трижды пытался взыскать тот же долг через суд гражданских исков и трижды Джон не являлся в назначенный день. Так это и продолжалось⁶. Это были в основном удачные годы, во всяком случае поначалу, для сына снитерфилдского фермера.

В 1553 г., примерно тогда, когда Джон Шекспир поселился в Стратфорде, город (как мы уже знаем) получил от короны право на создание корпорации. Теперь наделенный имуществом и полномочиями гильдии, обладая властью принимать постановления, совет членов муниципалитета принял на себя управление местными делами, хотя граф Уорик, лендлорд, сохранил за собой право назначать приходского священника и школьного учителя, а также мог наложить вето на кандидатуру бейлифа, избранного корпорацией. Предприимчивый Джон Шекспир бы-

стро проник в эту новую систему управления и стал подниматься по ступеням ее иерархической лестницы. В сентябре 1556 г. он был избран одним из двух «контролеров эля». На эту должность назначались «лица способные и рассудительные». «В течение всей недели» «контролеры эля» должны были осуществлять «усердный надзор» за тем, чтобы пекари выпекали полновесные хлеба, а пивовары продавали доброкачественные эль и пиво по предписанной цене в запечатанной посуде. Нарушавших правила вызывали в поместный суд или в собиравшийся дважды в год уголовный манориальный суд и наказывали штрафом, поркой или унижительными процедурами заключения в колодки, привязывания к позорному столбу или сажания на позорный стул (этот стул иногда имел форму закрытого ночного горшка; к нему привязывали смошенничавшего торговца и погружали в реку под презрительные насмешки наблюдавших горожан)⁷. Это было налаженное хозяйство. В июне, уже после своего назначения, Джон сам был оштрафован за то, что, будучи «контролером эля», пропустил три заседания суда письменного производства. У него были другие заботы. Этой весной более неотложные личные дела, вероятно, заставляли его наведываться из Стратфорда в дом Мэри Арден в Уилмкотте.

Осенью 1558 г. Джон принял присягу в качестве одного из четырех констеблей — крепких горожан, которым вменялось в обязанность поддержание порядка. Для тех, кто жил во времена Елизаветы, констебли были предметом постоянных шуток. Их тупость, буквально вошедшая в поговорку («Да ты констебль, судя по уму»), долго являлась поводом для шуток*. Таким легкодоступным источником смеха сын констебля не мог пренебречь. Констебль Тупица в «Бесплодных усилиях любви» — «тупейший, честнейший Тупица», который предлагает станцевать или сыграть на барабанах в шествии девяти героев древности, — является лишь незначительным предварительным наброском к бессмертному образу Кизила из «Много шума из ничего». В его наказе Хью Овсянке и соседу Угольку, этим столпам ночной стражи, неперемненные обязанности

* Или, согласно более позднему варианту (записанному в 1674 г.): «Те, кого в констебли выбирают по уму, рая не увидят».

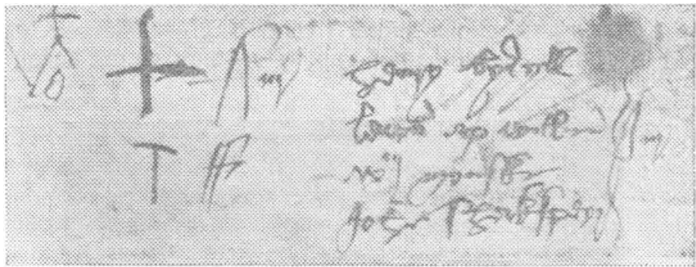
констебля проглядывают сквозь туман комически неправильного словоупотребления: «Хватай всех праздношатающихся и останавливай всех именем принца... Не... производить на улицах шума. Разговаривать да болтать для ночных сторожей — дело самое дозволительное и никак недопустимое... падо вам в пивные заходить, и кого там найдете пьяных — гнать их домой спать... Если встретите вора, то в силу вашего звания можете его заподозрить, что он человек непорядочный. А чем меньше с такими людьми связываться, тем лучше для вашего достоинства» *. Хотя советы Кизила излишне благоразумны, на хранителей закона и порядка все же возлагалась достаточно серьезная ответственность в беспокойный период истории развития города. Констебли должны были разоружать раздраженных граждан, доставлять в суд задир, начинавших кровавые уличные драки. Такого рода происшествия не раз случались во время пребывания Джона Шекспира в этой должности. Констебли были также ответственны за принятие мер по предупреждению пожаров в уязвимой для огня общине⁸. В качестве хранителей общественной нравственности они помогали церковным старостам записывать тех, кто играл в шары, в карты или пьянствовал в то время, когда в церкви шла служба.

Повышения Джона в должности следовали одно за другим. В следующем, 1559 г. он заверяет протоколы манориального уголовного суда в качестве удостоверителя; в его задачу входило определять размеры штрафов, не предусмотренных установлениями. Вскоре, когда именно — не ясно, отцы города избрали его одним из четырнадцати членов муниципалитета, регулярно собиравшихся «в девять часов утра» в здании гильдии.

С 1561 по 1563 г. Джон как член муниципалитета служил одним из двух казначеев, распорядившихся имуществом города. Джон Тэйлор, мастер по обработке тканей, был его старшим коллегой по службе. В конце года Ричард Саймонс, помощник городского головы, производил официальную ревизию — простое составление списка доходов и расходов, и Тэйлор, как полагалось, поставил в качестве подписи на обороте этого списка свой крест. Джон

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 549—550.

Шекспир, видимо, хорошо справлялся со своей должностью, так как по истечении срока службы остался исполняющим обязанности казначея. О счетах за 1575 г. сообщают, что они были «составлены Джоном Шекспиром (Shakspeare) и Джоном Тэйлором». Счета же за 1566 г. составлены одним Джоном Шекспиром (Shakspeare). Никто в Стратфорде не исполнял более самоотверженно, чем Джон, обязанностей, связанных с местным управлением. В те годы у тех, кто распоряжался финансами Стратфорда,

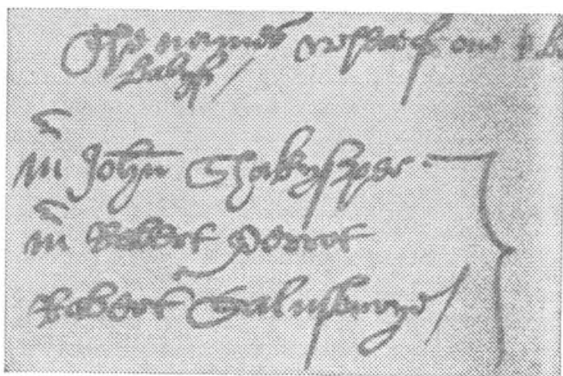

Свидетельство Джона Шекспира в качестве удостоверителя в уголовном манориальном суде, 4 мая 1561 г.

было много дел. Здание часовни перестраивалось на протестантский манер — рабочие белили фрески и сносили хоры, устанавливали скамьи для священника и его псаломщика и, возможно, стол для совершения евхаристии на месте бывшего алтаря. В доме приходского священника Бретчгердла был произведен необходимый ремонт. Новая классная комната на верхнем этаже здания гильдии заменила собой прежнее здание школы во дворе. Тем временем началась и прекратилась чума. Все это нашло отражение в книгах исполняющего обязанности казначея, хотя он, с некоторым опозданием, представил свой отчет о годе, когда случилась чума.

Джон Шекспир, как мы видели, присутствовал на заседании в саду часовни, где собирался совет корпорации, для того чтобы обсудить, как помочь пострадавшим от чумы. Этот сад был расположен в нескольких метрах от дома ольдермена Уильяма Ботта. В мае 1565 г. этот Ботт был «из-

гнан» собратьями из совета, после того как не явился по их вызову, чтобы дать объяснения в связи с обвинением его в том, что он оскорбительно отзывался о совете олдерменов и бейлифе. 4 июля совет избрал Джона Шекспира на место Ботта одним из четырнадцати олдерменов. Официальное введение в должность произошло 12 сентября. С этого времени его должны были почтительно называть мастером Шекспиrom. В зале заседаний, в церкви и во всех случаях, когда он появлялся перед публикой, ему было дано право носить черную суконную мантию, отделанную мехом, а на большом пальце — перстень олдермена. («Когда я был примерно в твоих годах, Хел,— хвастает Фальстаф в трактире «Кабанья голова»,— моя талия была не

Запись о Джоне Шекспире как о кандидате в бейлифы, 4 сентября 1568 г.

толще орлиной лапы; я мог бы пролезть сквозь перстень с большого пальца олдермена» *.)

Каждый год в первую среду сентября городская корпорация большинством голосов выбирала своего бейлифа. В 1567 г. Джон Шекспир вошел в число трех кандидатов на этот пост, а в следующем году был избран бейлифом. В должность он вступил 1 октября. Мастер Шекспир

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 53—54.

председательствовал (раз в две недели, если требовалось) на заседаниях суда письменного производства, который являлся судом короны, и на собраниях совета. В своем городе бейлиф был алмонером, коронером, лицом, производящим конфискацию выморочного имущества, и чиновником по сбору пошлины и надзору за рынком вместе с одним олдерменом, ежегодно выбираемым на этот пост. Он выполнял в городе функцию мирового судьи, отдавал распоряжения об аресте, рассматривал судебные дела о неуплате долгов, о нарушении местных постановлений и вел переговоры с лендлордом. Каждый четверг вечером, после того как на базаре закрывались лавки, пекари и пивовары так и вились вокруг него, поскольку бейлифу принадлежало исключительное право назначать недельные цены на зерно, а следовательно, на хлеб и эль. Высокому общественному положению бейлифа соответствовал определенный церемониал. Он и его помощник

были одеты на людях в свои мантии, отделанные мехом; от дома до здания гильдии их сопровождали сержанты, несшие перед собой свои жезлы. Раз в неделю эти одетые в кожаную форму должностные лица получали от бейлифа и его помощника инструкции и сопровождали их на базаре по четвергам и на ярмарке в ярмарочный день к приходским приделам возле Рогейшен, а также в церковь и из церкви по воскресеньям. В церкви у них были свои почетные места. На представлениях в здании гильдии они, вероятно, сидели вместе со своими женами в первом ряду⁹.

Пробыв год в должности бейлифа и проведя в качестве председателя тринадцать заседаний суда письменного производства, Джон сделал первый шаг вниз: собрать не избрали его вновь в бейлифы, хотя иные занимали этот пост и более одного раза (пивовар Роберт Солсбери был удостоен такой чести трижды). Однако городская корпорация продолжала использовать опыт Джона. В 1571 г. он был назначен главным олдерменом и помощником нового бейлифа Адриана Куини, торговца шелком и бархатом, соседа Джона по Хенли-стрит. В январе следующего года во время зимней судебной сессии они вместе отправились в Лондон по делам города, имея разрешение от ол-

дерменов и членов муниципалитета действовать «по своему усмотрению».

Как общественное лицо и человек, пользовавшийся безусловным доверием, Джон заверял официальные документы корпорации своим знаком. Обычно он использовал в качестве такого знака изящное изображение двух циркулей; с помощью этих инструментов снимали мерки и наносили узоры на лицевой стороне перчаток. Однажды он употребил другой знак, который, по некоторым предположениям, изображает распорку, употреблявшуюся при простегивании перчаток, или, как ее называли, «ослик»¹⁰. Правовые документы (например, опись имущества и движимости Генри Филда) он заверял крестом. Исходя из этого, естественно сделать вывод, что он был неграмотным. Но так ли это на самом деле? Грамотные люди, как утверждали некоторые крупные специалисты, порой предпочитали употреблять знак, например Адриан Куини, чей знак или эмблема (перевернутая прописная буква Q) украшает ту же страницу судебных документов, что и знак Шекспира. Нам известно, что Куини умел подписывать свое имя, так как до нас дошли написанные им письма. Крест на документе символизировал крест господень и свидетельствовал о благочестии подписавшегося; другими словами, его изображение было равносильно клятве. Некоторые исследователи высказывали предположения, что знак циркуля означает «бог окружает нас», а распорка имеет еще какое-то, не поддающееся расшифровке аллегорическое значение, но для пишущего эти строки, не скрывающего своего скептицизма, знаки Джона Шекспира символизируют только ремесло последнего, и не больше. Точно известно, что Джон вел сложные муниципальные дела и что грамотность была необходима человеку, ведущему счета. Верно, однако, и то, что неграмотные люди могут обладать тонкой деловой проницательностью. Возможно, некоторый свет на эту проблему прольет один весьма любопытный документ, составленный в 1596 г. Это иск вдовы Маргарет Янг (сестры Ричарда Филда) против другой вдовы, Джоан Перрот, из-за «обманном путем» присвоенного имущества, где при перечислении предметов сказано: «Мистер Шекспир (Shaxpere), одна книга». Вероятно, запись имеет отношение скорее к Джону Шекспиру, чем к Уильяму, но

нельзя утверждать это наверняка; и хотя наличие книги указывает на умение ее владельца читать, иметь книгу — еще не значит пользоваться ею. Итак, Джон Шекспир, возможно, умел читать и писать — есть несколько убедительных доводов в пользу такого заключения. Однако ни одного его автографа не сохранилось. Его муниципальные обязанности вовсе не требовали от него такого рода умения (писец, всегда готовый к услугам, находился рядом с пером в руке), и, поскольку Джон рос как сын фермера-арендатора в селении, где не было школы, возможность получить образование была для него ограничена.

Нам хорошо известно, что, достигнув самой высокой выборной должности в Стратфорде, мастер Шекспир намеревался обратиться в геральдическую палату с просьбой о присвоении фамильного герба. В качестве бейлифа города с муниципальным статусом он занимал одну из тех «многих достойных и почтенных должностей, находясь на которой мог заслужить фамильный герб, подобно тем, кто занимал такие же должности». Так писал сэръ Джон Ферн в 1586 г. в своей книге «Описание гербов мелкопоместного дворянства». «Если какое-либо лицо достигало некоей должности или звания по службе — церковной, военной или гражданской... — говорилось далее в книге, — чиновник геральдической палаты не должен отказывать оному гражданину в учреждении герба, если указанное лицо обращается к нему с непосредственной просьбой и обязуется носить оный герб безусловно; с этого времени его герб заносился в матрикул и становился гербом его семьи и его потомков, а имя его заносилось в официальный список знатных и благородных»¹¹. Однако никаких последствий ходатайство Джона не имело, хотя он и получил из геральдической палаты «образец», или эскиз, своего герба. Много лет спустя, когда его сын обратился с такой же просьбой (вероятно, от имени отца), геральдмейстер Кларенсью отметил: «А человек этот был мировым судьей в Стратфорде-на-Эйвоне. Будучи мировым судьей, он женился на дочери и наследнице Ардена, был хорошо обеспечен и *habileté* (правоспособен)»¹².

Что же произошло? Есть основания предполагать, что для Джона Шекспира наступили тяжелые времена. Прежде столь педантично посещавший собрания городского

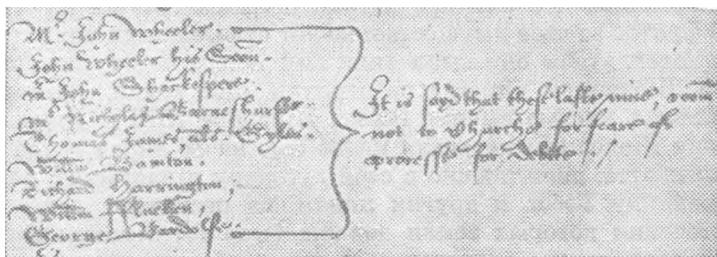
совета, он перестал являться на них после 1576 г., пропустив все, кроме одного заседания, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней протоколы. Его собратья по совету, очевидно, продолжали надеяться на его возвращение, так как год за годом — дольше, чем в случае отсутствия какого-либо другого члена совета, — они сохраняли его имя в списке олдерменов. Свое внимание к нему они выказывали и иными способами. Когда в совете встал вопрос о налоге для экипировки солдат, они потребовали с Джона всего лишь три шиллинга и четыре пенса, то есть сумму, которую выплачивали члены муниципалитета, вместо того чтобы потребовать двойной налог, который взимался с олдермена. Однако прошло больше года, а он все еще не выплатил даже эту урезанную сумму. В день выборов в 1578 г. городская корпорация строго оштрафовала (на 20 шиллингов) одного из отсутствовавших, Джона Уилера, но мастера Шекспира оставила безнаказанным. В следующем ноябре совет проголосовал за то, чтобы каждый олдермен давал четыре пенса в неделю на нужды бедных, кроме «г-на Джона Шекспира (Shaxpeare) и мистера Роберта Братта, которые не должны платить каких-либо сборов». Братт был старым и немощным и, во всяком случае, не считался больше олдерменом: ему оставалось жить меньше года. Наконец 6 сентября 1586 г. совет избрал двух новых олдерменов, «ибо г-н Уилер желает выйти из нашего общества, а 1-н Шекспир (Shaxpeare) не является на объявляемые заседания в течение долгого времени».

Картина получается довольно цельная. Джон Шекспир наделал долгов и теперь обменивал землю на наличные деньги. 14 ноября 1578 г. он выручил 40 фунтов стерлингов, заложив часть наследства своей жены (дом и 56 акров земли в Уилмкотте) ее зятю Эдмунду Лэмберту из Бартона-на-Хите, которому уже был должен. В тот же самый день Роджер Сэдлер, пекарь с улицы Хай-стрит, составил завещание, отметив, что Эдмунд Лэмберт и Эдвард Корнуэл (второй муж Маргарет Арден) должны ему 5 фунтов «в счет долга мистера Дж. Шекспира (Shaksper)». Когда на михайлов день в 1580 г. наступил срок уплаты 40 фунтов, Джон не смог вернуть их. Таким образом, Лэмберт продолжая удерживать за собой заложенное имущество и владел им еще семь лет до самой своей смерти. После этого

началась тяжба в Суде королевской скамьи в Вестминстере — Джон пытался взыскать свое имущество с сына и наследника Лэмберта, Джона. В исковом заявлении Шекспира против Лэмберта от 1588 г. перчаточник утверждал, что Джон Лэмберт обещал ему уплатить к 26 сентября 1587 г. дополнительные 20 фунтов стерлингов в обмен на формальную передачу последнему в полное владение уилкоттского имения Джоном и Мэри Шекспирами, а также их старшим сыном Уильямом (*Johannes Shackespere et Maria uxor eius, simulcum Willielmo Shackespere filio suo*). Лэмберт заявлял, что не давал каких-либо подобных обещаний. В другом иске, возбужденном через десять лет. на этот раз в канцлерском суде, Джон и Мэри Шекспиры утверждали, что они предлагали старшему Лэмберту эти 40 фунтов за свое имущество, но тот отказался их принять: он хотел, чтобы они выплатили ему деньги по другим долгам. Шекспиры никогда не вернули себе земли, которая являлась частью имения Эсбис. В ноябре 1578 г. Джон и Мэри Шекспиры передали право еще на 86 акров земли в Уилкотте, включавшие в себя луговину и пастбище, родственнику Уэбба и другим лицам на несколько лет, по истечении которых земля должна была быть возвращена первоначальным владельцам, с тем чтобы перейти в собственность наследников Мэри; и вновь нужда в наличных деньгах, безотлагательная нужда, видимо, побудила их заключить эту сделку. Шекспиры были вынуждены также отказаться от своей девятой части во владении двумя домами и 100 акрами земли в Снитерфилде, от имущества, которое они сдавали в аренду Александру Уэббу, первому мужу Маргарет Арден. Все это они продали в 1579 г. сыну Уэбба Роберту за ничтожную сумму в 4 фунта стерлингов¹³.

Неприятности происходили одна за другой. Во время летней судебной сессии 1580 г. Джон был оштрафован на 20 фунтов стерлингов за неявку в Суд королевской скамьи для представления доказательств своей лояльности по отношению к общественному порядку. (В это время королевские власти подобным же образом наказали по всей Англии более 140 человек, наложив на них штрафы в размере от 10 до 200 фунтов стерлингов; за что — неизвестно.) Тот же самый суд оштрафовал Джона на 20 фунтов, взятых с

него в качестве залога за некоего шляпочника, который не представил вовремя гарантий своего хорошего поведения. Вместе оба этих штрафа составили сумму, равную той, которую Шекспиры задолжали Лэмберту по закладной. Удалось ли когда-либо взыскать с них эту сумму после того, как их дело было передано в казначейство, из имеющихся в настоящее время документов неясно. Очевидно, Джон Шекспир не всегда имел верные суждения о тех, за кого поручался. Так, 10 фунтов, которые он заплатил, беря на поруки Майкла Прайса, злонамеренного жестянщика из Стратфорда, были для него потеряны. То же самое произошло с 10 фунтами, вложенными им в качестве гарантии

Запись о непосещении церкви Джоном Шекспиром, 25 сентября 1592 г.

за брата Генри, задолжавшего 22 фунта. В данном случае последовал иск, и, чтобы избежать тюрьмы, Джон обратился к своему другу, олдермену Хиллу, за поручительством и даже истребовал судебный приказ о защите неприкосновенности личности от произвольного ареста, с тем чтобы передать дело в другой суд.

Помимо того что обстоятельства не благоприятствовали Джону, его удручали и недоброжелатели. Летом 1582 г. он ходатайствовал о залоге мирных намерений от четырех лиц — Ралфа Коудри, Уильяма Рассела, Томаса Логгинджа и Роберта Янга, — «боясь смерти и членовредительства»¹⁴. Старый Коудри, мясник с Бридж-стрит, был в то время бейлифом, но в молодости его не раз штрафовали за драки. Коудри вновь встретился с Джоном Шекспиром,

когда тот в последний раз присутствовал на заседании городского совета 5 сентября 1582 г. Они вместе способствовали избранию нового бейлифа, уладив, видимо, свои разногласия, в чем бы те ни состояли.

Осенью 1591 г. Тайный совет, подстрекаемый ревностным архиепископом Кентерберийским, начал одно из периодических расследований состояния духовного здоровья подданных королевства. На сей раз Тайный совет приказал уполномоченным в каждом графстве сообщить о всех тех, кто предоставлял убежище священникам из римско-католических семинарий, иезуитам или «беглецам» и «всем тем, кто упорно отказывается обратиться к церкви». В Стратфорде примерно в марте следующего года осведомители (вероятно, церковные старосты) составили список «уклоняющихся», которые не посещали раз в месяц церковь, как того требуют законы ее величества, и в заключение добавляли: «Мы подозреваем, что поименованные ниже девять лиц отсутствуют на службах из боязни вызова в суд». Среди этих людей назван и Джон Шекспир (Shakespeare). Во «втором свидетельстве» от 25 сентября следующего года уполномоченные — сэр Томас Люси и другие судьи — с удовлетворением сообщили имена католиков, которые в течение года подчинились или обещали подчиниться церкви. В том же самом свидетельстве уполномоченные повторили сказанное их осведомителями об этих девяти: «Говорят, что последние девять человек не ходят в церковь из страха перед вызовом в суд за долги»¹⁵.

Кое-кто рассматривает этот эпизод как свидетельство того, что трудное положение, в котором оказался Джон Шекспир, является следствием не столько его денежных затруднений, сколько его уклонения от официальной идеологии. Они видят в нем этакого нонконформистского мученика католической или пуританской веры, отважно или лукаво бросавшего вызов власти и принимавшего участие в отправлении запрещенных обрядов при безмолвной поддержке других «уклоняющихся» из городской корпорации, или же человека, телесно и духовно сломленного властью и потому удалившегося от общественной жизни. Такие толкования не лишены романтической привлекательности, однако Джон Шекспир был торговцем, а не мыслителем. Религиозные воззрения Джона (каковы бы они ни были) во-

все не должны были мешать ему присутствовать на тех заседаниях, где его собратья пуритане вроде Роберта Перрота, состоятельного пивовара, и католики вроде представителей рода Коудри — сохраняли свою веру и свои должности (если их не смещали за упрямое нежелание сотрудничать с властью). Осведомители и уполномоченные в двух случаях ясно констатировали, что Джон Шекспир боялся вызова в суд за неуплату долга. Ни один из этих девяти стратфордских жителей не значился в списке «уклоняющихся» в 1593 г., и большинство из них испытывало финансовые затруднения, например несчастный Джон Уилер-младший: мы знаем, что через несколько лет его дом «совсем разрушился», а амбар «так прогнил, что, того и гляди, рухнет». В ту эпоху помощники шерифа могли производить аресты по воскресеньям и церковь была наиболее вероятным местом, где можно было настичь намеченную жертву. Не являлись ли они туда разыскивать Джона Шекспира по требованию Уильяма Бербеджа, в течение многих лет тщетно пытавшегося взыскать с него причитающиеся ему 7 фунтов плюс возмещение судебных издержек? ¹⁶

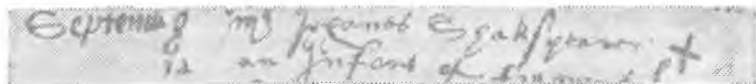
Документы ничего не говорят нам о причинах финансовых затруднений Джона Шекспира, однако мы знаем, что и другие горожане сталкивались с подобными проблемами. Те, кто бывали в западной части центральных графств, а также государственные чиновники отмечали наличие того, что сегодня мы называем «экономическим спадом». По мере приближения конца столетия условия жизни все более ухудшались. В год смерти Джона Шекспира в Стратфорде насчитывалось более 700 бедняков, молодых и старых, что составляло приблизительно половину населения города. Нищета порождает разные беды. Число незаконных рождений, случаев насилия и беспорядка в городе возрастало, и корпорация соответствующим образом наказывала содержателей пивных, торговавших элем, за то, что они содействовали «посредством продажи чрезмерно крепких напитков увеличению в своих заведениях числа ссор и других судебно наказуемых проступков, а также дальнейшему и все большему унижению многих бедняков, часто посещающих названные заведения, в то время как их жены и дети доведены до крайних пределов нищеты» ¹⁷.

На этом фоне несчастья Джона Шекспира кажутся

менее драматическими. Он еще мог добыть 10 фунтов, чтобы поручиться за кого-нибудь, и суд, оштрафовавший его в общей сложности на 40 фунтов, должен был считать его достаточно состоятельным гражданином. О том, что он не лишился уважения своих сограждан, говорит тот факт, что летом 1592 г. его дважды просили помочь в ответственном деле составления описей имущества умерших соседей — торговца шерстью Ралфа Шоу и кожевенника Генри Филда. В некоторых отношениях Джон мог считать себя удачливым. Вслед за дождливым летом 1594 г., «удивительно холодным, как зима», замечает в своем дневнике современник, 22 сентября, в воскресенье, начался большой пожар, охвативший весь Стратфорд. Ровно через год и один день, тоже в воскресенье, город вновь лежал, опустошенный пожаром, испосланным [как с удовлетворением замечали пуританские проповедники] «прежде всего за осквернение праздников господних и за пренебрежение словом его, вложенным в уста его верных служителей»¹⁸. 120 жилых помещений и 80 других построек подверглись полному или частичному разрушению во время этих двух пожаров; южную сторону Вуд-стрит огонь уничтожил целиком. На Хенли-стрит небольшой дом, в котором проживал жестянщик Прайс, сгорел дотла, так же как и помещение, которое арендовал шорник Уильям Уилсон. Каким-то чудом дом, где родился поэт, избежал огня. В течение этих беспокойных лет жестокие обстоятельства заставляли Джона Шекспира расставаться со своим имуществом, но это имущество было в основном унаследованным. Он действительно продал свой дом на Гринхилл-стрит незадолго до 1590 г.; этим временем датируется сохранившееся описание его имущества, однако сдвоенный дом на Хенли-стрит, где Джон занимался своим ремеслом и растил детей, он в неприкосновенности сохранил за собой до своего смертного часа и передал сыну-драматургу.

В 1601 г., в последний год жизни Джона Шекспира, городская корпорация была занята защитой своих установленных привилегий, например права самим замещать должность сборщика налогов на базаре, которое оспаривал цепкий лендлорд Элвард Гревилль. В том году во время летней судебной сессии Ричард Куини (сын Адриана) отправился в Лондон, чтобы ответить на обвинения, предъ-

явленные его брату. Он вез с собой исковое заявление, на котором собственноручно написал «Джон Сэксспир (Sack-sper)» наряду с именами других достойных представителей города, включая таких старейшин, как ножовщик Саймон Биддл и Томас Барбер, арендовавший постоянный двор «Медведь», который находился напротив «Лебедя» на

Запись о погребении Джона Шекспира, 8 сентября 1601 г.

Бридж-стрит. Эти люди были уполномочены выступать в защиту прав города. Однако Джон Шекспир не дожил до того дня, когда бы он смог защитить интересы города, которому служил полвека. В начале сентября он умер, по тогдашним понятиям, глубоким стариком — ему было за семьдесят. 8 сентября его похоронили на кладбище возле церкви св. Троицы. Камень на его могиле давным-давно исчез.

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОНА ШЕКСПИРА

Если бы Джон Шекспир оставил завещание, оно должно было бы оказаться в бумагах приходского священника, правда при условии, что вся собственность завещателя находится в приходе¹. Завещания, описи и несколько бумаг с полномочиями душеприказчика, оставшиеся от приходского священника, хранятся теперь в архивах дома-музея Шекспира, но среди них нет завещания, сделанного старшим Шекспиром. Возможно, он не оставлял никакого завещания, и его вдова или кто-нибудь из пяти оставшихся в живых детей распоряжались имуществом. Однако более чем через полтора столетия после его смерти другого рода завещание, связанное с именем Джона, таинственным образом обнаружилось в западном крыле дома на Хенли-стрит.

В апреле 1757 г. тогдашний владелец этого дома, Томас Харт, в пятом поколении прямой потомок сестры поэта Джоан, нанял рабочих, чтобы сменить черепицу на крыше. 29 апреля мастер-каменщик Джозеф Мозли, о котором отзывались как о «весьма честном, трезвом и трудолюбивом» человеке, работая со своими людьми, обнаружил небольшую бумажную книжечку между стропилами и черепичным покрытием. Эта книжечка, или буклет, состояла из шести сшитых вместе листов бумаги. Католическое исповедание веры, изложенное в четырнадцати статьях, стало впоследствии известно как духовное завещание Джона Шекспира.

С ведома Харта через некоторое время Мозли передал его стратфордскому олдермену Пейтону из Шотери. Прошли годы. В 1784 г. постоянному гиду по шекспировским местам Джону Джордену было позволено снять копию с этого документа, у которого к тому времени не хватало первого листа. Он пытался опубликовать ее в журнале «Джентельменс мэгэзин». «Оригинал,— сообщил Джорден

издателю, — написан красивым и разборчивым почерком, а правописание в точности такое же, как в посланной мною копии»². Однако документ не произвел впечатления, и журнал не напечатал его. Между тем крупнейшие ученые-шекспиروهеды того времени, прослышав об этом открытии, через посредство наводившего справки стратфордского приходского священника, преподобного Джеймса Дейвенпорта, вышли на хранившего документ Шейтона. Последний охотно разрешил Дейвенпорту послать эту реликвию Эдмунду Мэлону.

Мэлон в своем кабинете в окружении документов XVI и XVII вв. внимательно прочел завещание. «Почерк, несомненно, не настолько древен, чтобы походить на тот, которым *обычно* писали около 1600 г., — заключал Мэлон, — но вот сейчас передо мною рукопись, писанная актером Аленом в период с 1599 по 1614 г., и другая, написанная драматическим поэтом Фордом в 1606 г. Обе написаны почти тем же самым почерком, что и интересующий нас документ»³. Итак, Мэлон объявил, что он «совершенно убежден» в подлинности документа. Отрывок из него Мэлон опубликовал в своем «Историческом описании английского театра» во второй части первого тома «Пьес и поэм Уильяма Шекспира», изданных под его редакцией, в 1790 г.

Духовное завещание включает в себя несколько параграфов, вроде следующих, начиная с неполной третьей статьи:

III

«...хотя бы духовно, по воле возлюбив и смиреннейше моля спасителя моего, да соблаговолит он помочь мне в столь опасном странствии моем, и да сохранит меня от сетей и коварства лукавых врагов моих, и да введет меня в беспечальные небеса вечного блаженства своего.

IV

Сим я, Джон Шекспир, заявляю, что и я уйду из жизни сей, приняв последнее причастие и соборовавшись, однако ежели из-за каких-либо препятст-

вий и помех я не осуществлю обряда, то сейчас на этот случай прошу и умоляю господа в его величье божьем, да соблаговолит он излить на чувства мои, внешние и внутренние, святой елей безграничной милости своей и да простит мне все грехи мои, совершенные зрением, речью, чувством, обонянием, слухом, осязанием или любым иным способом.

IX

Сим я, Джон Шекспир, заявляю, что воздаю бесконечную благодарность господу в его величье божьем за все дары, полученные мной тайно и явно, а именно за дар сотворения моего, искупления, очищения от грехов, продления жизни моей, и за то, что он призвал меня к святому познанию его и к познанию истинной его католической веры; но более всего за его великое упование на покаяние мое, когда возжелает он в вящей праведности своей взять меня из жизни сей в тот час, когда я менее всего буду помышлять о том, и даже тогда, когда буду погружен в нечистые прегрешения мои. Благословенны посему и прославленны да будут его безграничные терпение и любовь.

XII

Сим я, Джон Шекспир, подобным же образом молю и прошу всех возлюбленных друзей, родителей, родных и родственников моих ради милосердия спасителя нашего Иисуса Христа, чтобы они, памятуя неизвестность грядущего жребия моего и из боязни, как бы я из-за грехов своих не был ввергнут и оставлен надолго в чистилище, соблаговолили помочь мне и укрепили меня святыми молитвами своими и благими трудами и наипаче святым таинством евхаристии, каковое есть самое действенное средство для избавления душ от муки и страдания, и ежели по милосердной благодати господней и благодаря добродетельным стараниям ближних моих я освобожусь от муки, то обещаю не оставить их благодарностью моей за столь великое благодеяние.

XIV

Сим я, Джон Шекспир, заявляю наконец, что с готовностью приму смерть, каким бы образом она ни постигла меня, подчинив волю мою воле божьей, принимая оную смерть во искупление грехов моих и славя господа в его величье божьем за ту жизнь, коей он одарил меня. И ежели заблагорассудится ему продлить или сократить оную жизнь мою, да будет благословен еще тысячу и тысячу раз он, в чьи святейшие руки предаю душу мою и тело, жизнь мою и смерть и молю его о том, чтобы никогда не попустил он мне, Джону Шекспиру, как-либо изменить это вышеизложенное завещание мое. Аминь.

Я, Джон Шекспир, написал настоящее заявление, исповедание и грамоту перед ликом благословенной девы Марии, ангела-хранителя моего и всего чертога небесного, и заверяю их — таков смысл сказанного мной, таким да пребудет он ныне и присно и во веки веков, имея силу и значение завещания, дополнения к оному и распоряжения на случай смерти, сим подтверждаю его вновь, пребывая в совершенном здравии душевном и телесном, и подписываю сие собственноручно; желаю унести оное с собою, или, яснее выражаясь, мой воля и желание в том, чтобы завещание сие под конец было погребено со мною после смерти моей.

Pater noster, Ave Maria, credo
 [Отче наш, богородица дева, верую]
 Иисусе, сын Давидов, помилуй мя.
 Аминь»⁴.

Прежде чем этот том был отпечатан, Дейвенпорт передал Мэлону небольшую, в четверть писчего листа, записную книжку, принадлежавшую Джордену и содержащую полный текст этого духовного завещания. Озадаченный внезапным появлением недостающей первой страницы, Мэлон поставил несколько четких вопросов Джордену, чьи уклончивые и противоречивые ответы не устранили подо-

зрения ученого. Тем не менее Малон опубликовал дополнительные статьи в своих «Исправлениях и дополнениях», включенных в тот же самый том:

I

«Во имя господя, отца, сына и святого духа, пресвятой и благословенной девы Марии, матери божьей, святого воинства архангелов, ангелов, патриархов, пророков, евангелистов, апостолов, святых мучеников и всего чертога небесного и множеств его я, Джон Шекспир, недостойный сын святой католической церкви, будучи во время настоящего писания моего в совершенном здравии телесном, в здравом уме, твердой памяти и разумении, вспомнив, однако, о сомнительности жизни и несомненности смерти и о том, что, возможно, срезан буду во цвете грехов моих и призван держать ответ за все прегрешения мои, явные и сокровенные, и о том, что, возможно, неподготовлен буду к ужасному испытанию сему через причастие, покаяние, пост, молитву или какое-нибудь иное очищение, я в названном выше присутствии, в согласии со своей свободной и доброй волей, распорядился о моем духовном завещании, признании и исповедании веры, надеясь сим снискать прощение всех грехов моих и беззаконий и через оное прощение приобщиться жизни вечной единственно через благодати Иисуса Христа, спасителя моего и искупителя, принявшего образ человеческий, испытавшего смерть и распятого на кресте во искупление грешных.

II

Сим я, Джон Шекспир, заявляю, признаю и исповедуюсь в том, что в прошедшей жизни моей был наисквернейшим и величайшим грешником и посему недостойн прощенья без истинного и чистосердечного покаяния в грехах оных. Но веруя в бесконечное милосердие благословенного спасителя и искупителя моего, я, ободренный упованием на свя-

ценное слово его, надеюсь на спасение и приобщение к царству небесному его одним из небесного множества ангелов, святых, мучеников, чтобы веки вечные пребывать в чертоге господ моего.

III

Сим я, Джон Шекспир, свидетельствую и объявляю, будучи уверенным в неизбежности ухода моего из преходящей жизни сей в иную, вечную, нижайше прошу и молю благого ангела-хранителя моего наставить меня в священных приготовлениях моих — признании, исповедании, хотя бы духовно...» etc.

Позднее Мэллоном овладели глубокие сомнения, и в своей работе 1796 г. «Исследования подлинности различных бумаг и юридических документов», содержавшей его знаменитое разоблачение подделки шекспировских документов Уильямом Генри Айрлендом, он отказался от своей прежней веры в исповедание веры Джона Шекспира. «В моих предположениях относительно авторства этого исповедания я, несомненно, ошибался, — заявляет он, — ибо позднее я получил документы, ясно доказывающие, что это завещание не могло быть составлено кем-либо из членов семьи нашего поэта, что и будет полностью показано в его жизнеописании»⁵. Однако Мэллон умер, не закончив работу над обширной биографией, для которой все эти предварительные изыскания были лишь своего рода вступлением, и исполнитель его литературного завещания, Джеймс Босуэл-младший, не смог найти среди бумаг Мэллона того документального свидетельства, на которое ссылался последний. Возможно, рассуждал Босуэл, Мэллон располагал необнаруженными данными, позволявшими ему приписывать авторство этого завещания другому Джону Шекспиру. Но каким образом католическая декларация некоего сапожника из Уорика оказалась в крыше дома на Хенли-стрит?

Записная книжка из пяти листов, которую Мэллон держал в своих руках, впоследствии исчезла. Жаль, ибо методы современного научного исследования, возможно, помог-

ли бы ответить на несколько интригующих вопросов. Был ли этот текст переписан в Англии (где отдавалось предпочтение секретарскому почерку) или на континенте (где был популярен итальянский почерк)? Где была изготовлена бумага? Водяной знак позволил бы установить место ее производства, а также послужил бы ключом для датировки. Было ли имя Шекспира вписано тем же самым почерком, которым написан остальной текст? Ответ на этот вопрос помог бы выяснить, изготовлен данный документ в Англии или импортирован. Был ли на нем (подписанном, как сказано в последнем параграфе, собственной рукой завещателя) поставлен крест или другой характерный знак Джона Шекспира — циркуль перчаточника? Все эти вопросы остаются без ответа ⁶.

Другой, более общий вопрос был разрешен в нашем столетии. Не был ли целиком весь документ измышлением Джордена? Такого рода подозрение высказывал знаменитый викторианец Холиуэл-Филиппс, и в написанной Томасом Сидни Ли биографии, которая долгое время считалась образцовой, такая возможность принималась за доказанный факт. «Весьма дурную известность, — пишет Ли, — приобрел Джон Джорден (1746—1809), проживавший в Стратфорде-на-Эйвоне, наиболее значительным достижением которого явилась подделка завещания отца Шекспира...» ⁷ Несомненно, Джорден был мошенником и не раз втирал очки Мэлону; но это еще не означает, что названное завещание было одним из его мошенничеств.

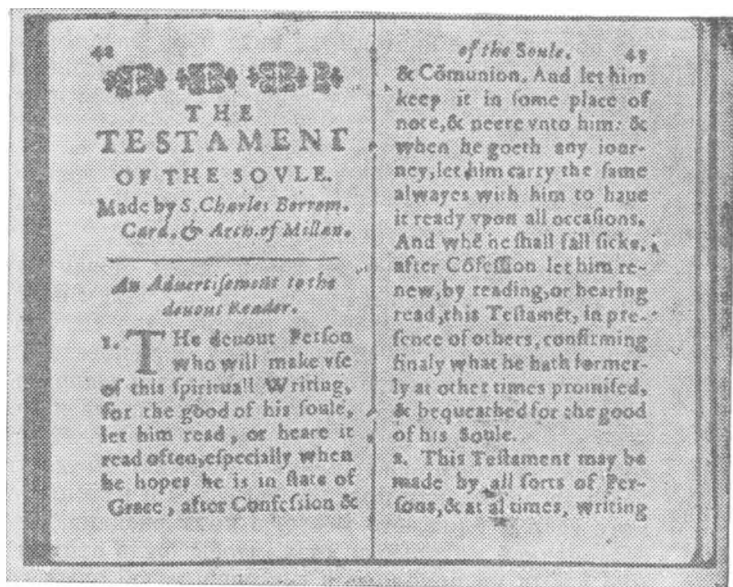
Более ранние исследователи, каковы бы ни были их сомнения, вовсе не сомневались в подлинности самой формулы духовного завещания. Теперь мы знаем, что они были правы. Около 1923 г. ученый-иезуит священник Герберт Терстон обнаружил в Британском музее испанский вариант такого рода духовного завещания, напечатанного в 1661 г. в Мехико. Эта «Последняя воля души, составленная во исцеление христианина, с тем чтобы обезопасить его от соблазнов дьявола в смертный час» ⁸ была составлена Карло Борромео, кардиналом и архиепископом Миланским, умершим в 1584 г. и канонизированным в 1610 г. Его знаменитое благочестие было подвергнуто ужасному испытанию в конце 70-х гг. XVI в., когда чума охватила Милан и унесла (как говорят) 17 тыс. человеческих жиз-

ней. В связи с этим событием Борромео составил эти несколько страниц, которые стали излюбленным орудием контрреформации и двумя веками позже были извлечены на свет из-под черепичной кровли дома Джона Шекспира в Стратфорде.

Весной 1580 г. группа английских иезуитов-миссионеров во главе со священниками Эдмундом Кэмпнионом и Робертом Персонсом (или Парсонсом), воспользовавшись гостеприимством знаменитого кардинала, остановилась в Милане по пути из Рима в Англию. Изнуренный вид кардинала и его неистовая проповедь презрения ко всему мирскому произвели глубокое впечатление на английских гостей. Оправляясь в дорогу, они, очевидно, захватили с собой экземпляры «Последней воли души», написанной Борромео. Такой вывод мы можем сделать на основании письма, отправленного 23 июня 1581 г. ректором английского университетского колледжа во Франции своему коллеге в Риме, где была сформирована упомянутая миссия. «Отцу Роберту [Персонсу] необходимы три или четыре тысячи или даже больше таких духовных завещаний, — замечает в своем письме доктор Уильям Аллен, — ибо много людей желает иметь их»⁹. Эти люди были католиками или, возможно, новообращенными в Англии. В их дома миссионеры имели доступ и, найдя у них приют, одевали священническое облачение, которое всегда имели с собой. Они устраивали тайные совещания, исповедовали, служили мессы, собирали подписи под этими завещаниями, а затем уходили. Странствуя — каждый своим путем, — и Кэмпнион, и Персонс обошли центральные графства Англии. В своем доме (Бушвуд в Лэпворде), всего в 12 милях от Стратфорда, сэр Уильям Кетсби принимал Кэмпниона, был за свое неблагоразумное гостеприимство арестован и заключен в тюрьму Флит. Каждый, кто давал убежище папским священникам, подвергал себя серьезному риску, ибо этот проступок квалифицировали как тяжкое уголовное преступление и за него могли наказать смертью. Во время царствования Елизаветы около 200 католиков были казнены на основании законов против папистов.

Первое издание этой формулы вышло в свет на английском языке только в 1966 г. Текст «Договора и духовного завещания», напечатанный в 1638 г. (возможно, на кон-

тиненте), весьма схож с мэлэновским текстом, за исключением первых двух параграфов и части третьего.

Текст «Последней воли души» Карло Борромео.

I

«Во-первых, сим я свидетельствую и объявляю ввиду и перед лицом господя вседержителя, отца, сына и святого духа, единого в трех лицах бога, и благословенной девы Марии и всего чертога небесного в том, что буду жить и умру в послушании католической римской и апостольской церкви, твердо веруя во все двенадцать догматов веры, коим учили святые апостолы через толкования и утверждения оной святой церкви, сообразно с тем, чему она учит, что утверждает и провозглашает. И в заключение я свидетельствую в том, что я верую во все, во что подобает верить доброму и верному христианину,—

и в оной вере намерен жить и умереть. И ежели когда-либо (от чего избави боже) доведется мне по наущению диавола поступить, помыслить или высказаться противу этой веры моей, на тот случай я сейчас посредством настоящего акта беру назад, отменяю и отрекаюсь от оных поступков, помышлений и речей — да не будут зачтены за сказанное и сделанное мною.

II

Во-вторых, этим моим завещанием я заявляю, что при смерти моей я приобщусь таинствам покаяния и исповеди; если же по какому-либо случаю я не в состоянии буду причаститься и исповедаться, посредством настоящего свидетельства я решаюсь с этого мгновения и на тот случай совершить причастие сие в сердце своем, обвиняя себя во всех прегрешениях моих, совершенных помышлением, словом или делом, как противу бога, так и противу самого себя и ближнего моего, в коих раскаиваюсь с бесконечной печалью и хочу, чтобы было отпущено мне время на покаяние и сокрушение об оных грехах моих; ибо провинился перед владыкой господом и богом моим, ради которого следовало жить мне и служить ему прежде всего, что ныне твердо, по милости его вознамерился делать, доколе буду жив, никогда более не провинившись перед ним.

III

Сим я свидетельствую в том, что при скончании жизни моей сподоблюсь наиблагословеннейшего причастия, отправляясь в мой *viaticum*, или последний путь, чтобы через посредство столь священного залога я мог бы совершенно примириться с господом моим и приобщиться к нему. Если же почему-либо я не в состоянии буду исполнить сего, я на тот случай сейчас заявляю, что получу его...»¹⁰

Таким образом, данный документ является подлинным. В этом не может быть никаких сомнений, если не считать поддельного первого листа, доставленного Джорденом. Но действительно ли несчастный грешник Джон Шекспир набожно опускался на колени перед каким-то импровизированным алтарем и подписывал это свидетельство? Если он на самом деле так поступал, странно, что после 1580 г. (поскольку этот документ не мог ранее распространяться в Англии) он в параграфе XII просил не только возлюбленных друзей, родных и родственников, но и своих родителей молиться за избавление его души от мук чистилища. Оба его родителя к тому времени уже умерли. Были высказаны предположения, что завещатель употреблял слово «родители» в его первоначальном смысле — «родственники», которое соответствует слову «parentes» в итальянском и испанском вариантах документа. Если верить более простому объяснению, то Джон Шекспир подписал завещание, составленное по стандартной форме, без учета конкретных обстоятельств. Возможно, Джон Шекспир получил свой экземпляр завещания от Кэмпбона в доме Кетсби в 1580 г. и спрятал его между стропилами своего дома три года спустя, после того как попытка одного душевнобольного местного католического фанатика убить королеву вызвала волну гонений; в то время благоразумные жители графства Уорик «весьма потрудились, очищая свои дома от всего, что могло вызвать подозрения»¹¹.

Но делал ли он в действительности такое католическое заявление? Вопрос о вере, в которой воспитывался Уильям Шекспир, имеет отнюдь немалое значение как для простых читателей, так и для богословов. Но мэлоновский документ исчез, и слишком много интригующих вопросов остаются без ответа. Кроме того, одно обстоятельство в жизни Стратфорда, казалось бы, должно насторожить непредубежденного биографа. В 1563 г. городская корпорация приступила к протестантской переделке интерьера часовни гильдии «Св. крест», славившейся папистскими стенными росписями на такие сюжеты, как убийство Томаса Бекета, сон св. Елены и судный день. Ранее часовни не коснулся ревностный вандализм, поскольку она оставалась вне сферы действия церковных законов. Возможно, могущественные Клоптоны, отец и сын — католики, защи-

щали ее. Однако старший Клоптон умер в 1560 г., и через три года его сын Уильям-младший уехал за границу. И тогда стал действовать муниципалитет. Работники, вооруженные остро заточенным инструментом, изуродовали фрески, особенно изображения распятий, затем побелили их и покрасили краской. Настенные росписи были открыты вновь лишь в 1804 г. во время реставрации этого величественного здания. Этот акт насилия был совершен в то время, когда бейлифом был Хамфри Плимли, а главным олдерменом — Адриан Куини. Джон Шекспир в то время служил казначеем. В январе следующего года он составил финансовый отчет, включив в статью расхода два шиллинга, «выплаченные за порчу изображений в известной часовне». Изуверства протестантской реформации продолжались. В 1565 г. городская корпорация выложила еще два шиллинга на снос хоров в часовне. В середине лета 1571 г. стекольщик заменил витражи в часовне прозрачными стеклами. В том же году в присутствии Джона Шекспира городская корпорация дала согласие на то, чтобы новый бейлиф, Адриан Куини, продал католические накидки и облачения, собиравшие пыль в часовне, и представил отчет о вырученной сумме¹².

Принимая все это во внимание, можно было бы соблазниться сделать вывод о протестантских пристрастиях такого видного и влиятельного горожанина, каким, бесспорно, являлся Джон Шекспир; и некоторые выдающиеся ученые-исследователи сделали такой вывод. Но скептик поступит правильно, если не будет слишком уверен в этом. Мы не знаем, в какой мере члены муниципалитета руководствовались собственными чувствами и в какой мере действовали под давлением извне. Нет также свидетельств, которые позволили бы узнать о настроениях членов корпорации, которая все еще допускала в свои ряды людей, сочувствовавших католицизму и даже признававших себя католиками. Что же касается духовного завещания Джона Шекспира, нам остается лишь удовлетвориться (так же как в других случаях) тем, что в данном случае невозможно установить истину и искать в иных источниках данные, которые раскрыли бы содержание религиозных воззрений его сына-поэта.

ВЕРА И ЗНАНИЕ

Если характер религиозных взглядов, привитых юному Уильяму Шекспиру, остается для нас тайной, то в том, что касается его отношений с церковью, нет никакой неясности. Несомненно, он посещал утренние и вечерние службы, причащался по крайней мере три раза в год и приходский священник наставлял его в катехизисе. В шекспировском Стратфорде по воскресеньям и в дни религиозных праздников лавки и пивные закрывались; торговля на ярмарках и базарах прекращалась. Законы королевства обязывали посещать церковь, и слушание наказывалось штрафом. Нарушителей привлекали к церковному суду. В стратфордских судебных протоколах говорится, что местный суд сделал предупреждение (среди прочих) Уильяму Флюэллину, чтобы он не держал открытыми окна своей лавки по воскресным дням; Ралфу Лорди за то, что разрешал своим домашним есть и пить во время церковных служб, а Ричарду Пинки-младшему за то, что играл в коит (игра, состоявшая в метании железных колец) в то время, как его соседи молились. Элизабет Уилер, вызванная в суд за скандалы и непосещение церкви, никак не желала раскаиваться, она бранилась и выкрикивала проклятия на открытом судебном заседании, за что и была отлучена от церкви.

Более чем через полвека после смерти драматурга Ричард Дрэйвис, бывший некогда капелланом Корпус-Кристи-Колледжа в Оксфорде, а затем приходским священником Сэппертона, присовокупил такого рода краткое заявление к заметке о Шекспире: «Он умер папистом»¹. Однако подобные сообщения, какими бы интересными они ни были, фактически не обоснованы и относятся скорее к области предания. Религиозное воспитание, полученное Шекспиром в общине, было ортодоксальным и протестантским.

Принципы умеренного протестантизма приходских церквей были изложены в «Молитвеннике», введенном в употребление при королеве Елизавете постановлением о единоверии, которое было принято 24 июня 1559 г. первой сессией парламента, собравшегося при королеве. Помимо этого «Молитвенника», церквям приказано было обзавестись «новым календарем, псалтырем, библией на английском языке самого большого формата и двумя книгами — «Поучений» и «Парафразами» Эразма Роттердамского в переводе на английский язык»². Большого формата библией, разрешенной епископатом к пользованию в церквях, была так называемая Епископская библия, изданная в 1568 г. и представлявшая собой не вполне удовлетворительную переработку Большой библии 1539—1541 гг. Однако некоторые церкви по-прежнему пользовались Женевской библией, несмотря на то что она ассоциировалась с Кальвином, и эту книгу, недорого стоившую и с разборчивым латинским шрифтом, в большинстве семей среднего класса предпочитали другим. Шекспир знал это издание.

Священники являлись на службу в «благопристойных стихарях с рукавами». (Это, казалось бы, безобидное облачение стало причиной неприятностей в некоторых районах страны, где оно было запрещено как проявление нонконформизма. «Ничего не поделаешь — служба не пуританка, — выговаривает шут графине в комедии «Конец — делу венец», — и придется ей натянуть белый стихарь смирения на черную рясу строптивости»^{*3}.) Для святого причастия, совершавшегося в первое или второе воскресенье каждого месяца, в церкви был устроен «скромный стол на помосте... с добротной льняной тканью поверх одного и с несколькими покрывалами из шелка или клееного холста, или какой-либо иной материи в этом роде для содержания его в чистоте». Утренняя служба начиналась рано, в семь часов утра, а вечерняя заканчивалась к трем часам пополудни. В те времена свечи зажигались в церквях лишь на рождество, и потому службы должны были совершаться при свете дня.

И утренняя, и вечерняя службы начинались с чтения какого-нибудь отрывка из Священного писания. В течение

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 5, с. 486.

года прочитывались все отрывки из Ветхого завета, считавшиеся «поучительными», — так предписывалось в «Молитвеннике». Чтения из Ветхого завета были выборочными — для каждой службы выбирался соответствующий отрывок. С апокрифами поступали точно так же. Однако в течение каждого месяца прихожане (то есть все те, кто посещал церковь ежедневно) пели или произносили полный текст псалмов, который был напечатан в «Молитвеннике» по тексту Большой библии (а не Епископской библии), где начальные слова каждого псалма из латинской вульгаты использованы в качестве заглавий. За год трижды прочитывался весь текст Нового завета, кроме Откровения, Евангелия и Деяния апостолов на утренях, апостольские и епископские послания — на вечернях. Определенные отрывки из Нового завета оглашались только в праздничные дни и в некоторые определенные воскресные дни. Для ежедневных церковных служб были утверждены песнопения, и хор пел *Te Deum, Benedictus* и *Magnificat*, а также (на Великий пост) *Benedicite* ⁴.

После чтения и песнопений следовала проповедь; однако, если священник был лишен «дара проповеди и умения наставлять людей», он мог вместо проповеди «внятно и ясно прочесть несколько текстов «Поучений» ⁵. Но как бы ни был приходский священник красноречив на кафедре, он мог лишь отсрочить чтение «Поучений», а не отменить их вовсе. «Поучения» были официально «назначены королевой [так написано на титульном листе «Поучений», изданных в 1582 г.] для оглашения и чтения всеми пасторами, приходскими священниками и vicaribus в каждое воскресенье и каждый праздник в своих церквях... для вящего вразумления простонародья». Эти «избранные проповеди» включали в себя подобранные рассуждения на страстную пятницу, первый день пасхи, на молебственную неделю, а также на случай свадебных богослужений. В них разъяснялись истинное назначение церкви, действенность молитвы и опасность идолопоклонства. После подавления восстания на севере в 1569 г. и после того, как в следующем году папа Пий V отлучил Елизавету от церкви, эти проповеди, уже включавшие «призыв к послушанию» в трех частях, были расширены за счет «Поучения о непослушании и умышленном мятеже» в шести частях. Каждая часть

этого поучения заканчивалась молитвой о королеве и о защите королевства. Эти поучения о послушании и мятеже оглашались в течение девяти воскресных и праздничных дней, внушая простонародью политическое смирение.

Перед вечерней каждый воскресный и каждый праздничный день приходский священник наставлял детей обоего пола в катехизисе. Он выкликал их по имени и слушал, как они читают заученный наизусть урок. Преподавание велось на английском. В школе же мальчишки изучали «Катехизис» Ноуэла на латыни.

Таким образом, библия, «Молитвенник» и «Поучения» давали юному Шекспиру достаточно пищи для воображения. Один из специалистов по библии, исследовавший все произведения Шекспира, за исключением «Перикла» и поэм, обнаружил в них цитаты и использования выражений из сорока двух книг библии — по восемнадцати из Ветхого и Нового заветов и шесть из апокрифов⁶. Почти каждая фраза в первых трех главах Книги бытия была косвенно использована в его пьесах. Книга Иова и апокрифическая книга Екклесиаста были любимыми книгами Шекспира, однако история Каина произвела на него особенно сильное впечатление — Шекспир обращается к ней по крайней мере двадцать пять раз. По всей видимости, он продолжал обращаться к библии и спустя много лет после своих юношеских штудий. Мы можем это заключить по некоторым деталям в текстах «Генри V» (где он, видимо, использовал при создании образа дофина «Завещание» Детурне, изданное в Лионе в 1551 г.) и «Мера за меру», где описание, которое дает Бернардину Клавдио —

Так крепко спит, как утомленный путник,
Здоровую усталостью сраженный *,

имеет своим источником книгу Екклесиаста (глава V, стих II), очевидно, в том переводе, который дается в одном из исправленных вариантов Женевской библии, изданной в 1595 г. или позднее: «Сладок сон странника». Шекспир гораздо чаще обращается к первым, а не последним главам библейских книг, например к главам с 1-й по 4-ю из 50 глав Книги бытия, и демонстрирует более основа-

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 6, с. 238.

тельное знакомство с Книгой бытия и Евангелием от Матфея, нежели с какой-либо из последующих книг Ветхого или Нового заветов⁸. Неудивительно, что он допускает неточности, в основном незначительные. Как свойственно непосвященным, он не усматривает различия (определенного отцами церкви) между Люцифером и сатаной; он путает Саваофа, бога сил из *Te Deum*, со св. субботой Шейлока и его братьев*. Но даже явная ошибка Шекспира может при ближайшем рассмотрении проиллюстрировать сложный метод его обращения с источниками. Ричард II, выведенный к народу, чтобы публично отречься от короны, спрашивает: «И не они ли мне кричали «Славься» — Иуда так приветствовал Христа»; в евангелиях от Матфея и от Марка Иуда приветствует Иисуса словами: «Радуйся, Равви!» (или другим приветствием, но не выражением «Славься»)**, и это разночтение приводится как пример недостаточного знания библии Шекспиром, однако существует прецедент употребления такого приветствия Иуды в пьесе о страдании и предательстве в йоркском средневековом цикле мистерий***.

Круг религиозных ассоциаций Шекспира не ограничивается библией. Порой он цитирует писание по тексту «Молитвенника», как в том случае, когда пятая заповедь («Не убий») превращается в «Ты не должен совершать убийства», а слова псалмопевца «Мы теряем лета наши, как рассказанный рассказ» («Мы теряем лета наши, как мысль» — в Женевской библии) трансформируются в рассказ какого-то слабоумного. Не забыл Шекспир и катехизиса: в «Бесплодных усилиях любви» Бирон напоминает королю, что человеком управляет не могущество, а «особая благодать»; Гамлет предлагает Розенкранцу посмот-

* В английском языке эти два слова более чем в русском сходны фонетически: «Sabaoth» («сэбейот») и «Sabbath» («сэбэт»).— *Прим. перев.*

** На английском языке выражения более созвучны: «All hail» («славься») и «hail» («радуйся»).— *Прим. перев.*

*** Питер Милуорд заметил, что это приветствие появляется в честерской мистерии на ту же самую тему, и предполагает, что «оно вполне могло быть употреблено также в пьесе, представлявшейся в Ковентри, которая, к сожалению, не сохранилась» «Shakespeare's Religious Background» (Bloomington and London), 1973, p. 33—34.

реть на свои руки, на этих «воров и грабителей» («удержи мои руки от воровства и кражи»). Наиболее квалифицированный специалист по «Поучениям» считает их «новым собранием шекспировских источников» и приходит к выводу, что драматург брал идеи о божественном праве королей, о долге повиновения подданных, о вреде и греховности мятежа — идеи, которыми так полны его пьесы, связанные с историей Англии, — не из письменных источников, не из Холиншеда и прочих, а прямо или косвенно из политико-религиозного кредо, изложенного в «Поучениях»⁹. Службы в церкви св. Троицы, утрени и вечерни, крещения и святое причастие остались в памяти Шекспира и эхом отозвались во всех его пьесах.

Однако была ли вера, которую он воспринял, англиканской? Многие пришли к такому заключению. Один из современных биографов Шекспира А. Л. Рауз уверенно отвечает на этот вопрос, как и на прочие вопросы: «Он был ортодоксом, признавал авторитет той церкви, в которой был крещен, пребывая в которой он вырос и сочетался браком, в которой воспитывались его дети и которая в конце концов предала его земле»¹⁰. Согласно Раузу, для Шекспира существовало только два таинства — крещение и святое причастие, а не семь таинств католических. Главным вещественным доказательством его правоты является вступление к завещанию драматурга, где употреблена «постоянная протестантская формула», и «можно всегда сказать в зависимости от наличия этой формулы в современных [Шекспиру] завещаниях, умер человек протестантом или католиком»¹¹. Но такая уверенность в данном случае неуместна: завещатели — и католики и протестанты — могли употреблять одну и ту же начальную форму завещания (или за них ее употребляли их нотариусы), не считая его открытым признанием своей принадлежности к вероучению определенной церкви¹². Однако все крещения, браки и погребения действительно происходили в церкви св. Троицы. Несомненно, Шекспир признавал обряды елизаветинской церкви и присутствовал на протестантских службах. Если бы он пренебрегал ими, то, будучи заметной фигурой в театре, едва ли ускользнул бы от пристального внимания муниципальных властей, враждебно относившихся к театру по религиоз-

ным соображениям. Известно, например, что «уклонение» Бена Джонсона не осталось незамеченным. И все же английская церковь отличалась достаточной широтой взглядов на религиозную практику, и лишь по разным сторонам *via media* [средний путь] стояли экстремисты-пуритане и неокатолики. Более того, можно было подчиняться церкви лишь внешне, для личного удобства, чтобы избежать преследований закона и при этом сохранять свою неортодоксальность или равнодушие.

Мы помним о завещании, найденном под черепицей. Фактом является и то, что дочь Шекспира Сьюзан была внесена в список тех, кто под папистским влиянием не причастился однажды в пасхальное воскресенье. Но даже если бы мы смогли точно установить, каковы были религиозные убеждения отца и дочери Шекспира, мы все же не нашли бы ключ к решению вопроса: какую веру исповедовал сам поэт. Именно поэтому-то склонные к богословским рассуждениям исследователи столь усердно изучают пьесы Шекспира в поисках доказательств его католических симпатий. Разве драматург не относится более уважительно к мелкому католическому духовнику, брату Лоренцо или к аббатисе Эмилии, чем к протестантам — сельским священникам, вроде Оливера Путаника и Натаниэля. Несомненно, его воображение не чуралось церковных сосудов и риз католицизма. Его не оставляли также равнодушным заброшенные аббатства и монастыри, превращенные в развалины Реформацией; в 73-м сонете о них напоминает горькая метафора: «Голые разрушенные хоры, где теперь поют сладкоголосые птицы». В «Короле Джоне», основанном на исторических фактах, прямо изображающих столкновение между английской короной и папской властью, Шекспир, разумеется, позволил своему непривлекательному главному герою метать громы против «захватнической власти» папы, этого «нахального попа»; но такого рода нападки незначительны в этой пьесе; сопоставьте ее для сравнения с пьесой протестантского полемиста Джона Бэйля «Король Джон» или с «Беспокойным царствованием короля Джона», пьесой анонимного драматурга, менее рьяного доктринера, чем Бэйль, но с более отчетливыми антикатолическими взглядами, чем у Шекспира. (Тем не менее правда и то, что, когда английский иезуит

Уильям Сэнки, уполномоченный святейшей канцелярией, был цензором шекспировских пьес в середине XVII в., он считал необходимым исключить более двадцати строк и выражений из «Короля Джона»¹⁴.) Внимательные читатели не раз отмечали в пьесах Шекспира отзвуки вышедших из употребления молитв и гимнов католической литургии, а также более полное осмысление таких католических обрядов, как пост, исповедь, и даже специальных терминов. Так, когда Джулия в «Двух веронцах» говорит о месячной памяти, то выражение это толкуется как «термин, сначала употреблявшийся для обозначения месяца поминовения, в течение которого ежедневные мессы служились по душам умерших; теперь же применяется для обозначения мессы, которую служат в их память через месяц после смерти»¹⁵. Но в конце XVI в. выражение «месячная память» могло означать просто тоску, вроде той, которая овладевает беременной женщиной. Еще пример — призрак отца Гамлета употребляет выражение «непомазан» («врасплох, непричащен и непомазан»), имеющее отношение к католическому таинству соборования. И если слово «чистилище» встречается лишь дважды во всем собрании сочинений Шекспира, сама идея чистилища производит сильное впечатление, когда о нем говорит тот же призрак:

Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,
Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла*.

Казалось бы, Шекспир заблуждается, единственный раз прямо упоминая о таинстве евхаристии, когда Джульетта спрашивает брата Лоренцо, следует ли ей идти на «вечернюю мессу», ибо папа Пий V и Трентский собор 1566 г. отменили вечерние мессы; однако через двенадцать лет уклоняющиеся, жившие на границе Уэльса, все еще служили их, и так или иначе упоминание о вечерней мессе есть в источнике Шекспира¹⁶. Эти факты слишком

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 6, с. 33. В английском тексте слово «purge» (дословно сказано «будут сожжены и очищены»); является однокоренным с «purgatory» («чистилище»).— *Прим. перев.*

двусмысленны, чтобы подтвердить вывод одного современного комментатора из иезуитов о том, что Шекспир тосковал по католическому прошлому Англии, хотя тот же самый автор обретает более твердую почву под ногами, когда утверждает, что Шекспир демонстрирует большую осведомленность, но некоторую неловкость в своем отношении к католическим обрядам и верованиям¹⁷.

Ясно лишь то, что наш художник не отдает предпочтения ни одному вероисповеданию, и старания апологетов той или иной церкви поместить его в рамки общепринятой богословской классификации безуспешны. Вероятно, Шекспир все же остался умеренным последователем англиканской церкви. В конце концов умом он мог понять, если не простить, Шейлока, и нас вовсе не должно смущать утверждение священника Дейвиса о том, что Шекспир умер папистом.

Образование, которое получил Шекспир, если оно велось в соответствии с законом королевства, должно было бы скорее всего сделать его сторонником англиканской церкви. Сорок первый пункт предписаний, изданных королевой в 1559 г., определял, «что все, кто учит детей, обязаны возбуждать и развивать в них любовь и должное почтение к истинно божественному религиозному учению, в настоящее время верно изложенному в соответствующих установлениях». Известный в те времена педагог, глава мужской средней школы Вестминстер-Скул, впоследствии декан школы Сент-Полз-Скул, заставил своего воображаемого педагога обратиться к одному из юных подопечных со следующими словами:

Поелику учитель должен быть по отношению к своим ученикам вторым родителем — отцом не тел их, но душ, я считаю своим неперменным долгом, милое дитя, не столько по-мирски наставлять тебя в знаниях и хороших манерах, сколько еще в незрелом возрасте твоем воспитывать душу твою посредством благих наставлений в истинном религиозном учении. Ибо детям в этом возрасте необходимо не в меньшей, а в большей степени приучаться

посредством добрых примеров к благочестию, нежели посредством добрых искусств, к привычкам человечества¹⁸.

Это «милое дитя» было мальчиком. Девочки из хороших семей обучались шитью, пению и игре на верджинеле и под присмотром домашних учителей овладевали элементарным умением читать и писать. Некоторые теоретики, например Людовикус Вивес и Ричард Малькастер, выступали за введение системы образования для женщин, а в Англии даже существовали грамматические школы, в которые допускались дети обоего пола. Женщины, однако, не допускались в университеты. В графстве Уорикшир не нашлось бы много Розалинд¹⁹.

До нас не дошел план обучения в Стратфордской грамматической школе, однако с достаточной уверенностью мы можем воссоздать его на основании того, что нам известно о подобных учебных заведениях в других районах Англии. К счастью, с «добрыми искусствами» дело обстояло лучше, чем это казалось некоторым теоретикам. Пергаментные списки учащихся в Стратфорде того времени, естественно, тоже не дошли до нас. Более чем через столетие, в 1709 г., Николас Роу заметил, что Джон Шекспир отдавал учиться своего сына-поэта «на некоторое время в одну из бесплатных школ, где, вероятно, тот приобрел свои небольшие познания в латыни». Это самое раннее из дошедших до нас упоминаний об образовании Шекспира, и оно, возможно, отражает традицию или же взгляды самого Роу. Если эта точка зрения Роу, то она достаточно обоснована: у нас нет никаких сомнений в том, что Шекспир получил образование, которое давали грамматические школы, а единственным местом, где он мог его получить, была Новая королевская школа в Стратфорде-на-Эйвоне. Помещение школы было расположено на Чёрч-стрит, за часовней гильдии, на расстоянии всего лишь четверти мили от дома на Хелли-стрит, где жила семья Шекспира.

Обучение детей начиналось в четыре-пять лет не в самой грамматической школе, а в существовавшей при ней подготовительной школе под руководством младшего

школьного учителя, или *abecedarius*-а *, который присматривал также за учащимися младших классов грамматической школы²⁰. Он таким образом освобождал учителей старших классов от «утомительной заботы» — как ее называли в городском совете — об обучении «молодых юношей» в городе. Эти младшие учителя, как правило, не были сами слишком хорошо образованны, и, если наш драматург попал в руки педагога столь же квалифицированного, как созданный им Олоферн, он мог считать, что ему повезло.

Ученики приходили в класс, имея при себе «роговую книгу»: лист бумаги или пергамента, вставленный в деревянную рамку и покрытый тонкой защитной пластинкой из прозрачной кости. На этом листе бумаги был напечатан алфавит — строчные буквы и прописные, сочетания пяти гласных звуков с буквами *b*, *c* и *d* — для начального обучения разделению на слоги и молитва «Отче наш». Над алфавитом стоял знак креста, поэтому он и назывался «ряд Христова креста». Так, герцог Кларенс в «Ричарде III» раздражается на склонность к суеверию короля Эдуарда:

Из азбуки ** изъял он букву Г.
Сказал ему какой-то черпокнижник,
Что буква Г опасна для него
И трон отнимет у его потомства.
Меня зовут Георг, и он решил,
Что это — я ***.

Шекспир также вспоминает свою «роговую книгу» в «Бесплодных усилиях любви». «*Monsieur* из образованных?» — Армадо спрашивает у Олоферна, и Мотылек отвечает за этого педанта: «О да! Мальчишек учит он по книге роговой. Что будет, если «э» и «б» прочесть наоборот, приставив к ним рога?» — и таким образом титулует Олоферна бараньей головой. Одолев «роговую книгу», дети переходили к «Азбуке с катехизисом». Она представляла собой перепечатку алфавита «роговой книги», за которым сле-

* Слово образовано на латинский манер из первых букв латинского алфавита. — *Прим. перев.*

** В тексте употреблено слово «*crossrow*», то есть «крестовый ряд». — *Прим. перев.*

*** Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 1, с. 435.

довали текст катехизиса из «Молитвенника» и несколько славящих бога благодарственных молитв до и после трапезы. «Позвольте мне спросить...— говорит насмешливый Фолконбридж в «Короле Джоне»,— и тут же, словно по катехизису, ответ»*. Третий, и последний учебник — «Букварь и катехизис», изданный форматом в $\frac{1}{8}$ листа,— состоял всего из двух собраний текстов, включавших в себя святцы и календарь, а также семь покаянных псалмов и другие благочестивые тексты. Имея их, ученики знакомились с тайнами prosodia — «выговаривания ртом букв, слогов и слов» — и с orthographia — «написания их посредством рук». Помимо чтения и письма, в некоторых подготовительных школах дети получали элементарные знания третьего «R»**, обучаясь счету и арифметике, а также, возможно, составлению счетов. В «Азбуке с катехизисом» приводились девять цифр «и сей кружочек (0), называемый нолем». После двух лет ученики считались подготовленными к обучению в грамматической школе.

По-видимому, Шекспир не сохранил особо теплых воспоминаний о школьных днях, если судить по упоминаниям о школах и школьниках в его пьесах. «Как школьники от книг, спешим мы к милой,— вздыхает Ромео под балконом Джульетты.— Как в школу, от нее бредем уныло»***. В «Укрощении строптивой» Греммо говорит, возвратившись с расстроившейся свадьбы Петруччо: «Я прежде так из школы убегал»****. Мальчишки-школьники («Много шума из ничего») очень радуются птичьим гнездам, которые они нашли, а не занятиям. Джек Кедр во второй части «Генри VI» приказывает немедленно обезглавить лорда Сея за то, что тот среди прочих чудовищных преступлений «воровски растлил юношей королевства, учредивши грамматическую школу». Во втором из семи действий «пьесы», о которых говорит Жак («Как вам это понравится»), нам попадаетеся:

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 320.

** Шуточное выражение «три R» — Reading, (W)riting и (A)ithmetic, то есть чтение, письмо и арифметика; второе слово по-английски произносится «раитинг». — *Прим. перев.*

*** Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 47.

**** Там же, т. 2, с. 243.

...Плаксивый школьник с книжной сумкой,
С лицом румяным, нехотя, улиткой
Ползущий в школу * —

малопривлекательная картина. Все эти упоминания соответствуют характерам героев, в чьи уста вложены эти слова: Кед — мятежный главарь бунтовщиков, невежественного и анархического сброда; «семь действий» Жака охватывают все без исключения этапы тщетной человеческой жизни. И все эти горькие воспоминания о школьных днях не уравниваются каким-либо более благожелательным высказыванием противоположного смысла.

Но, несмотря на это, Шекспиру повезло со стратфордской Новой королевской школой. Это было превосходное в своем роде заведение — лучшее, чем большинство провинциальных грамматических школ. Согласно хартии 1553 г., стратфордской школе надлежало иметь одного учителя, получавшего 20 фунтов стерлингов ежегодно и пользовавшегося бесплатным жилищем. Это было хорошее жалованье по тогдашним понятиям: в Глостере школьный учитель, «престарелый и не очень образованный горожанин», получал 10 фунтов. Были и другие провинциальные учителя, которым жилось не лучше. Патриоты Стратфорда подчеркивали, что жалованье тамошнего учителя было выше, чем у его коллеги, занимавшего ту же должность в Итон-Колледже. Хотя это и соответствует истине, подобное сравнение мало что проясняет, так как преподаватель в Итоне пользовался особыми дополнительными привилегиями (такими, как жилье и питание в колледже), в то время как школьный учитель в Стратфорде платил 4 фунта из своего жалованья младшему учителю «за обучение малолетних». (Такой порядок установился после 1565 г., когда учитель стал получать целиком 20 фунтов, а младшие учителя больше не фигурировали в счетах корпорации, так как учитель расплачивался с ними из собственного кармана.) Не может быть никаких сомнений в том, что все педагоги, учившие юного Шекспира, были хорошо подготовлены. Все они имели уни-

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 5, с. 47.

версптетские ученые степени, и, если выходили в отставку, городским властям не составляло труда пригласить на их место способных людей.

Упорные изыскания спасли от забвения имена и обстоятельства жизни полдюжины учителей, преподававших в школе в разное время, пока подрастал Шекспир²¹. В 1565 г. приходский священник Бретчгердл вызвал из Уорика своего друга Джона Браунсуорда, которому он когда-то преподавал, проживая в Уиттоне. Браунсуорд писал и публиковал стихи на латыни и спустя полвека был превознесен другим педагогом как «почтенный учитель... коего часто хвалили за исправную службу и за подготовленных им учеников»²². Он преподавал в Стратфорде всего три года, затем его ненадолго сменил Джон Эктен, окончивший Брейзнос-Колледж Оксфордского университета. В 1569 г. место Эктена занял другой учитель, Уолтер Роуч, также получивший образование в Оксфорде, уроженец графства Ланкашир, член совета Корпус-Кристи-Колледжа в Оксфорде. Он принял сан и примерно в то же самое время, когда ему предложили должность в Стратфорде, получил место приходского священника в Дройтвиче, которое впоследствии сохранил за собой. В 1571 г. Роуч оставил учительство и занялся юридической практикой (в качестве адвоката он помогал однажды родственнику Шекспира, Роберту Уэббу из Снитерфилда), так что вряд ли он учил Шекспира, за которым в это время скорее надзирал учитель начальной школы в той же классной комнате, где учились старшие мальчики. Роуч впоследствии стал соседом Шекспиров по Чэпел-стрит. Он жил в третьем по счету доме от Нью-Плейс. Следующий учитель, Саймон Хант, преподавал с 1571 по 1575 г., и, возможно, Шекспир был его учеником. Некий Саймон Хант был принят в университет Дуэ, считавшийся аванпостом континентальной культуры, где получали образование английские католики; Хант стал иезуитом в 1578 г. и сменил печально известного Персонса на посту духовника колледжа Сент-Питерз. Этот Хант умер в Риме в 1585 г. Возможно, он был стратфордским учителем, однако существовал еще один, менее примечательный Хант, умерший в Стратфорде около 1598 г.; он оставил состояние, оцененное в 100 фунтов. О следующем учителе —

основном преподавателе Шекспира — мы можем говорить более определенно. Томас Дженкинс был скромного происхождения. Он был сыном «бедняка» и «старого слуги» сэра Томаса Уайта, основавшего в Оксфорде колледж Сент-Джонз. В Сент-Джонзе Дженкинс получил степень бакалавра, а затем магистра искусств; он был членом совета колледжа с 1566 по 1572 г., когда колледж сдал ему в аренду дом Чосера в Вудстоке. В это же время Дженкинс принял сан. В 1575 г. граждане Стратфорда оплатили его расходы по переезду из Уорика, где он учительствовал. Дженкинс был женат: в приходских книгах церкви св. Троицы отмечено погребение его дочери Джоан и крещение сына Томаса. С согласия корпорации Дженкинс оставил пост учителя в 1579 г., но только после того, как ему был найден преемник — Джон Коттом, окончивший Брейзноз-Колледж и «недавно прибывший из Лондона». Младший брат Коттома, священник-миссионер, был привлечен к суду (вместе с Эдмундом Кэмпшоном), подвергнут пытке на дыбе и в 1582 г. казнен, а впоследствии канонизирован в качестве одного из католических мучеников. Его брат, школьный учитель, ушел со своей должности за год до этой казни. Возможно, что уйти его попросила корпорация. Коттом удалился в Ланкашир, где вступил во владение землями своего отца, признался в своем католицизме и платил штрафы как «уклоняющийся».

Таким образом, в грамматической школе елизаветинских времен можно было получать уроки у папистов и сочувствующих католицизму, несмотря на строгие наказания, которым подвергались «уклоняющиеся» учителя. Можно предположить, что внешне они оставались конформистами.

Следующий учитель, Александр Эспинел, магистр, появился на школьной сцене слишком поздно для того, чтобы быть учителем Шекспира, однако он был любопытным образом связан с последним. В 1594 г. Эспинел, много лет бывший вдовцом, женился на вдове Энн Шоу. Семейство Шоу дружило и соседствовало с Шекспирами по Хенлестрит. Джон Шекспир (как мы помним) помогал оценивать имущество Ралфа Шоу, а через четверть века сын Ралфа Шоу, Джули (или Джулинс), заверил своей подписью завещание Уильяма Шекспира. Много позже сэр

Френсис Фэйн из Бальбека (1611—1680) записал в своем дневнике следующее:

«Этот дар мал.

Вот все, что завещал

Эшейандер [то есть Александр] Эсбинал.

Шекспир по поводу пары перчаток, посланных этим господином своей госпоже»²³.

Высказывались догадки, порожденные скорее богатым воображением, чем стремлением установить истину, что Эспинел покупал перчатки для миссис Шоу в лавке Шекспира и что сын перчаточника, чьи чувства должны были вскоре воспламениться замыслом «Ромео и Джульетты», помогал пожилому школьному учителю в его ухаживаниях за вдовой стратфордского торговца шерстью.

О том, какого рода образования Шекспир удостоился, если здесь уместно такое выражение, под руководством своих учителей, можно высказать лишь предположения. Долгий учебный день начинался в шесть или семь утра. Уроки продолжались до одиннадцати с коротким перерывом на завтрак. Затем после второго завтрака, в час дня, занятия возобновлялись и продолжались обычно без всяких перерывов до пяти или шести часов вечера. (И так шесть дней в неделю почти круглый год.) Каждый день начинался и заканчивался молитвой. Все остальное время учащиеся усердно занимались латинской грамматикой. «Краткое введение в грамматику» Уильяма Лили, украшенное гравюрой с изображением отроков, стремящихся сорвать соблазнительный запретный плод на древе познания, было официально разрешенным учебником. Он состоял из двух частей. В первой излагались «основы и правила грамматики» на английском языке; вторая часть — «Brevissima Institutio» («Краткое поучение») — была целиком на латыни. Эту книгу учащиеся механически заучивали наизусть и таким образом одолевали склонения и спряжения.

Свои школьные годы Шекспир с горькой насмешкой вспоминает в IV акте «Виндзорских насмешниц». В комедии назойливый пастор-педагог сэр Хью Эванс, который, по выражению Фальстафа, несет уэльский вздор и «у ко-

торого во рту каша вместо английского языка», экзамену-ет несчастного Уильяма, проверяя его знания, чтобы успокоить недовольную мать мальчика. «Сэр Хью, мой муж говорит, что книги пока что не прибавили ни капли ума нашему сыну». Блистательно опровергая это обвинение, наставник ни на шаг не отступает от «Введения» Лили, порой цитируя его слово в слово, хотя содействие, которое ему оказывает миссис Куикли, не имеет никакого отношения к знанию грамматики.

Эванс: Ну, а как будет винительный падеж — accusativo?

Уильям: Accusativo — hinc.

Эванс: Запомни же, дитя мое, accusativo — hunc, hanc, hoc.

Миссис Куикли: Хунк, хок!.. Не понимаю, что это за язык такой — не то лай, не то хрюканье.

Эванс: Бросьте эти глупости, женщина! А ты, Уильям, скажи мне, как это будет в звательном падеже — vocativo.

Уильям: Гм, vocativo, гм...

Эванс: Запомни, Уильям, vocativo-careit [Отсутствует.— *Перев.*]

Миссис Куикли: Что, что? Покатила и шпарит? Ничего не понимаю!

Эванс: Утомонитесь, женщина.

Миссис Пейдж: Помолчите.

Эванс: Как будет родительный падеж множественного числа, Уильям?

Уильям: Родительный падеж?

Эванс: Да, родительный.

Уильям: Horum, harum, horum.

Миссис Куикли: Ничего не разберу... То ли хари поют хором, то ли харям дают корм... *

Кое-кто допускал, что школьный учитель Шекспира Томас Дженкинс, судя по его имени, был уроженцем Уэльса и усматривал в сэре Хью Эвансе слегка сатирический портрет этого педагога. Однако Дженкинс был (несмотря на его предполагаемую родословную) уроженцем Лондона. Всегда опасно читать пьесы Шекспира как некие pièces à clef [пьесы с ключом].

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 333—334.

Год за годом трудясь над латынью, дети находили необходимое применение грамматике Лили. За примерами они должны были обращаться к другим источникам, в первую очередь к такому собранию коротких изречений латинских авторов, как знаменитые «*Sententiae Pueriles*» [«Поучения для детей»], составленные Леонхардусом Кулманнусом, — к этой «куче сухих нравоучительных изречений...», по выражению одного из старинных педагогов, которую уместнее было бы назвать «*Sententiae Seniles*» [«Старческие поучения»]²⁴. Затем следовали нравоучительные септенции из «Катона» Эразма Роттердамского. Его читали во втором классе вместе с Эзопом в латинском переводе и с моральными поучениями. Иногда эти тексты ставились по воспитательному значению на второе место после Священного писания. «Насколько я могу судить, вслед за библией у нас нет лучше книг, чем *Catonis scripta* и *Fabulas Esopi* (труды Катона и басни Эзопа)», — говорил Мартин Лютер²⁵. Затем в программу обучения входил Теренций. Читали также Плавта, хотя не так часто, и в некоторых школах дети в качестве еженедельного упражнения разыгрывали сцены из этих авторов. Так Шекспир познакомился с классической комедией и пятиактной структурой пьес.

В третьем классе учеников знакомили с тогдашними латинскими нравоучительными поэтами. В их числе был Палингениус, у которого в «*Zodiacus Vitae*» [«Зодиак жизни»] Шекспир вычитал возвышенную банальность, что весь мир — театр. Он читал также Баптисту Спаньоли, которого называли Мантуанцем, этого кармелита, чьи буколические эклоги, плоды уединенья, обязательно изучали в английских грамматических школах. В Мантуе герцог увековечил славу Баптисты мраморной статуей, увенчанной лавром, которую он поставил рядом с памятником Вергилию. Шекспир прославил Баптисту в «Бесплодных усилиях любви»: «О добрый старый Мантуанец! — восторженно провозглашает Олоферн, перед тем как процитировать начальные строки из «*Vicolica*». — Смеею сказать о тебе то же, что путешественники о Венеции:

Venegia, Venegia,
Chi non te vede, non te pregia.

[Венеция, Венеция, кто тебя не видит, не может тебя оценить.]

Старый Мантуанец! Старый Мантуанец! Тебя не ценит лишь тот, кто не понимает*.

Поскольку эти похвалы изрекает педант, вряд ли они не приправлены иронией. Вполне возможно, что их создатель никогда не заглядывал дальше первой эклоги. На этих примерах мальчишки учили грамматику. Они пополняли свой словарь, заучивали наизусть «Краткий словарь» Уителза или подобного рода компиляции и после такой подготовки могли приступить к самостоятельному составлению латинских фраз, что и делали, переводя отрывки из Женевской библии. Латинской разговорной речи они учились по разговорникам Кордериуса, Галлуса или Вивеса или же по литературным диалогам Касталио и Эразма Роттердамского — все эти гуманисты ныне забыты, кроме Эразма и Вивеса (которого помнят по крайней мере в Англии). Так обучались в первые три или четыре года.

В 1574 или 1575 г. Шекспир должен был перейти от младшего школьного учителя к старшему и начать заниматься по курсу обучения высшей ступени. Теперь учащимся преподавали риторику и, для того чтобы последняя была хоть сколько-нибудь понятна, логику. В качестве текстов они использовали «Ad Herennium» [«Риторика к Гереннию»] Цицерона (для общего кругозора) и «Торика» [«Тописка»] (для *inventio* [изобретения]), Сузенбротуса (для *elocutio* — изучения тропов и речевых фигур), «Сориа» Эразма Роттердамского (для практического *elocutio*) и Квинтилиана, величайшего оратора. По этим образцам дети составляли послания, затем сочинения на заданную тему и, наконец (это была вершина изучения риторики в грамматической школе), речи и декламации. Вслед за прозой шли стихи. «Хотя поэзия служит скорее для украшения, нежели для необходимого применения, — снисходительно замечает один из тогдашних авторитетов, — ...учащимся не повредят также поэтические упражнения еще и потому, что они способствуют развитию остроты ума, и потому, что весьма похвально, когда учащийся умеет пи-

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 2, с. 446—447.

сать гладкие и правильные стихи, то есть умеет уместить большое количество превосходного материала на небольшом пространстве»^{26*}.

Итак, учащиеся знакомились с Овидием, Вергилием и Горацием. Излюбленным пособием в школе были произведения Овидия, особенно его «Метаморфозы», которые остались на всю жизнь любимой книгой Шекспира. К этим поэтам можно добавить Ювенала («каналья сатирик» Гамлета) и Персия. По истории мальчики читали Саллюстия и Цезаря, а в «De Officiis» [«Об обязанностях»] Цицерона они черпали нравоучительную философию. Таким образом, Шекспир приобрел «немного латыни», не столь уж малые знания по понятиям позднейших эпох, как это казалось Джонсону. В высшей ступени школы ему предстояло приобрести еще «меньше» знаний греческого языка, по Новому завету на этом языке — первому пособию для составления грамматических конструкций.

Таково в общих чертах то образование, которое давала грамматическая школа елизаветинских времен. Школа предлагала учащемуся столько знаний в литературе, сколько можно было предложить в то время начинающему литератору. Университеты мало что могли к этому добавить, так как в их задачу входило обучение молодых людей медицине, праву и прежде всего богословию. Разумеется, в юридических школах учащиеся оказывались в избранном литературном кругу, где кое-кто, например ворчливый сатирик Джон Марстон, почерпнул многое; но литературное окружение не может заменить литературного образования²⁷. Профессии литератора, как известно, тогда не существовало.

«Что из этого следует?» — так назвал Т. У. Болдуин последнюю главу своего монументального исследования

* Позднее Джон Кларк высказал более обывательскую точку зрения на искусство версификации: «В лучшем случае с его помощью можно лишь развлекаться, это искусство не намного выше игры на скрипке. ...Если бы ко мне обратились за советом, я бы полностью оградил мальчиков от подобных занятий... Маранье жалких стихов никак не развивает их способностей» (An Essay upon the Education of Youth in Grammar Schools, 1720, p. 65—67.— Цит. в: Baldwin T. W. William Shakspeare's Small Latine and Lesse Greeke (Urbana, Ill., 1944), p. 462—463.

«Шекспир: немного латыни и еще меньше греческого» и делает такой вывод:

Если Уильям Шекспир получил такое образование, какое давала грамматическая школа в его время или близкое к тому, то литературно он был образован ничуть не хуже, чем любой из его современников. По крайней мере нет необходимости ссылаться на какие-то чудеса, объясняя то знание классической литературы и ее приемов, которое обнаруживает Шекспир. Грамматическая школа в Стратфорде могла дать все, что требовалось. Чудо заключается в чем угодно, только не в этом,— это старое как мир чудо гениальности²⁸.

Это чудо обнаружило себя в Лондоне, а не в Стратфорде, и его масштабы были осознаны не тогдашним, а последующими поколениями. В глазах учителя Дженкинса другие его ученики могли подавать большие надежды, чем Шекспир. Разумеется, никто лучше не оправдал этих академических упований, чем Уильям Смит, крещенный через полгода после Шекспира, 22 ноября 1564 г., шестой сын олдермена Уильяма Смита, галантерейщика, который проживал в Нью-Хаус на Хай-стрит. Семейство Смитов, очевидно, пользовалось любовью приходского священника Бретчгердла, который на смертном одре и «наказанный рукой господней» завещал книги из своей библиотеки пяти мальчикам в этой семье и оставил шиллинг младшему Уильяму (Бретчгердл не упоминает в своем завещании никого из Шекспиров). Из двадцати мальчиков, крещенных в Стратфорде в год рождения Шекспира, только один — Уильям Смит, получил впоследствии университетское образование. Он был зачислен в Уинчестер-Колледж и в 1583 г. принят в Эксетер-Колледж Оксфордского университета. К этому времени семья Смитов переехала в Вустер. Получив степень бакалавра, Уильям Смит жил некоторое время в Уолтем-Кросс, а затем поселился в Лафтоне, в графстве Эссекс, где получил место школьного учителя. Вот кто был самым способным учеником в классе Шекспира.

В следующем столетии стало известно о другом неза-

урядном стратфордском юноше, современнике драматурга. Сплетник Обри, получавший сведения от «некоторых соседей», сообщал: «В то время в городе был другой мальчик, сын мясника, вовсе не уступавший ему [Шекспиру] в природной сообразительности,— он был сверстником [Шекспира] и его знакомым, но умер в юности»²⁹. Возможно, столь необычной природной сообразительностью был одарен Адриан Тайлер, сын мясника на Шип-стрит, служившего констеблем вместе с Джоном Шекспиром. Сам драматург вспомнил о брате Адриана Ричарде, когда составлял свое завещание, так что семьи, очевидно, поддерживали дружеские отношения в течение всех этих лет³⁰. Однако рассказ Обри не является документальным биографическим свидетельством; он принадлежит к области мифов, к тем легендам и преданиям, которые обычно связаны с именами знаменитых людей. История умалчивает, действительно ли Стратфорд воспитывал некоего второго барда, который рано умер, и последующим поколениям придется удовлетвориться одним Шекспиром.

РАННИЕ ЗАНЯТИЯ И РАННИЙ БРАК

Мы не можем с уверенностью сказать, как долго Шекспир оставался в Новой королевской школе в Стратфорде-на-Эйвоне. В одном из документов начала XVIII в. говорится о том, что он не закончил обучения: стесненные обстоятельства Джона Шекспира и «нужда в его [то есть Уильяма] помощи дома вынудили отца забрать его оттуда». Так писал Николас Роу¹. Даже если бы Уильяму было позволено закончить свое школьное образование (если бы такая благоприятная возможность существовала), все равно он, после того как ему исполнилось пятнадцать лет, столкнулся бы с необходимостью зарабатывать себе на жизнь.

Этих «самых способных и самых примерных учеников,— писал Томас Элиот в своем знаменитом трактате об образовании в высших сословиях,— после того как они овладевали разговорной латынью и знакомились с произведениями некоторых поэтов, родители забирали из школ»; они «либо отправлялись ко двору и становились лакеями или пажами, либо становились зависимыми от мастера подмастерьями»². Что касается Шекспира, то первая возможность казалась чрезвычайно привлекательной тем его биографам, которые жаждали наделить короля поэтов благородными связями. Узурпируя отцовские права, они давали его усыновить какому-нибудь аристократическому семейству, как будто столь возвышенные литературные творения никак не могли возникнуть на прозаической буржуазной почве. Вторая возможность — стать подмастерьем — более соответствует действительности, и ее поддерживают самые ранние исследователи. Роу говорит, что отец принял своего старшего сына в «собственное дело». В своих кратких записях, сделанных в XIX в., Обри сообщил: «Его отец был мясником, и я слышал от некоторых соседей, что мальчиком он занимался отцовским ремеслом, но когда он резал теленка, то делал это весьма изящно и

при этом произносил речь»³. Гений может говорить даже устами подручного у мясника. Хотя до Обри доходили местные стратфордские предания (он сам на это указывает), в данном случае он заходит в своей путанице слишком далеко.

Перчаточники, как мы видели, не имели возможности приглядывать за убоим скота, который осуществлялся для их же пужд; и эта картина, изображающая одаренного чудо-подростка, подвинутого на поэтические импровизации зрелищем бойни, весьма смехотворна. В одной из ранних пьес, во второй части «Генри VI», Шекспир вспоминает с характерным сочувствием к жертве жестокость скотобойни:

И как мясник берет теленка, вяжет
И тащит за собой к кровавой бойне...
И как с мычаньем мечется корова
И смотрит вслед невинному тельцу
И может только тосковать о нем...*

Но для юпоши, выросшего среди фермеров, такого рода опыт вполне естествен. Он мог приобрести его в Спитерфилде, где его дядя Генри занимался сельским хозяйством. Спускаясь к Эйвопу от Хенли-стрит, он должен был проходить мимо боен в Мидл-Роу, за которыми находились мясные лавки сварливого Ралфа Коудри. Но можно и иначе интерпретировать сообщение Обри. Нет ли в его рассказе намек на смутное и искаженное воспоминание об участии юного Шекспира (с чашей, ковром, рогами, ножом и фартуком мясника) в рождественской пьесе-паптомиме об убиении тельца? Эта традиционная паптомима разыгрывается и в наше время в некоторых английских селениях⁴. Впрочем, это не имеет значения. Во всяком случае, предположение о том, что Шекспир был подмастерьем в мастерской отца, представляется достаточно обоснованным.

Воспоминания об этом периоде жизни драматурга исследователи искали, и не напрасно, в собрании его сочинений, и с наибольшей любовью это делал собиратель древностей графства Уорикшир Эдгар Фрипп:

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 1, с. 246.

Уильям Шекспир упоминает о коже быков и лошадей, телячьей коже, овечьей коже, коже ягненка, лисы, собаки и о лайке. Он знает, что «волочья кожа» идет на башмаки, овечья — на уздечки. «Ведь пергамент выделывают, — спрашивает Гамлет, — из бараньей кожи?» Горацио отвечает: «Да, мой принц, и из телячьей также». Поэту было известно, что конский волос используют для тетивы луков, а «телячьи кишки» для скрипичных струн. Он упоминает о кожаных фартуках, о мужских кожаных куртках и кожаных флягах, о сумке «из свиной кожи», которую носили медники, и с юмором рассуждает о том, что дубленая кожа не пропускает воду. Он упоминает о «мясе и шкуре», о «сальных шкурах овец» и с очевидным удовольствием говорит про «белое руно» ягненка. Он знает, что оленья кожа дает лесничему дополнительный доход, и мы можем предположить, что его отец приобретал оленьи кожи у лесничих в окрестностях Стратфорда. Лайка (кожа козленка) упоминается весьма кстати. Благодаря своей мягкости и эластичности она использовалась для изготовления более изящных перчаток. Шекспир говорит о «податливой лайковой совести», которая может «вместить дары», если ее хозяин «соблаговолит растянуть ее», и об «остроумии» из «лайки, которая растягивается в ширину от дюйма до локтя». Это технический язык, заимствованный Шекспиром у отца-перчаточника. Он упоминает также о «лайковой перчатке», о том, как легко она выворачивается наизнанку⁵.

Будучи подмастерьем, Шекспир проводил свои дни среди груд товара, производившегося в отцовской мастерской и остро пахнувшего кожей, и все же он находил время и возможность для других занятий. Должно быть, в долгие летние вечера 1582 г. он не раз пробирался по узкой тропинке, которая вела на запад от его дома через зеленые поля к небольшому селению под названием Шотери, расположенному на расстоянии мили от Стратфорда, где проживало большое семейство Хетеуей. Шекспир ухаживал за старшей дочерью фермера и соблазнил ее, а

возможно, она сама обольстила юношу. И в ноябре им было дано разрешение на брак. В наши дни посетители идут той же тропой к дому, известному с 1795 г. как дом Энн Хетеуей, но предместья, которые разрастаются быстрее сорняков, уже не позволяют почувствовать всю прелесть пасторальной прогулки.

Несомненно, женитьба — решающее событие в жизни большинства мужчин, но, если такое событие происходит в жизни национального поэта, оно приобретает роковое значение⁶. Этот брак породил странные биографические фантазии — романтические, сентиментальные, женоненавистнические, более всего папоминающие ту «вымученную паутину учености», которую, по словам Фрэнсиса Бэкона, философы-схоласты плетут из «ограниченного материала и безграничного возбуждения ума». Серьезный биограф должен устранить эту паутину, с возможной объективностью исследуя те факты, которые обнаружились благодаря счастливой случайности или усердным поискам. Эти факты, по правде сказать, порой озадачивают.

Брак Шекспира был заключен через посредство вустерского епархиального консисторского суда, и относящиеся к этому событию записи и ныне открыты для исследователя в архиве этой канцелярии. Сам факт существования такого рода документов вызывает интерес, ибо во времена Шекспира, как известно, свидетельств о браке не существовало. Для заключения признаваемого законом союза, гарантирующего право на приданое и наследственные права, требовалось всего лишь трехкратное оглашение имен вступающих в брак, которое должно было производиться в церкви последовательно в течение трех воскресных или праздничных дней, с тем чтобы всякий, кто был осведомлен об обстоятельствах, способных помешать этому супружеству, мог выступить с протестом. После этого происходила церемония бракосочетания в присутствии семьи, друзей и соседей. Обычным местом ее проведения была приходская церковь невесты, и запись о бракосочетании вносилась в приходскую книгу. Но данный брак заключался в особых обстоятельствах. Жених не достиг совершеннолетия [21 года], а его невеста была беременна. Интересное положение Энн Хетеуей стало очевидно лишь позднее; ей предстояло рожать не раньше мая, но так или иначе с за-

ключением брака нужно было спешить, так как каноническое право запрещало просить об оглашении имен в течение определенного времени, а именно в период начиная с воскресенья, выпадавшего на рождественский пост, и до окопчания крещенской недели; в 1582 г. этот промежуток длился со 2 декабря по 13 января. В ноябре того года последние три дня, удобные для оглашения имен, вступающих в брак, приходились на воскресенье 18 и 25 ноября и на день св. Андрея — 30 ноября. Эта возможность была упущена. Может быть, юному Шекспиру потребовалось время, чтобы преодолеть сопротивление отца? Во всяком случае, лишь 27 ноября двое друзей семейства невесты отправились в Вустер, расположенный на расстоянии 21 мили к западу от Стратфорда, чтобы получить обычное разрешение, которое запрашивалось в таких случаях в консисторском суде, занимавшем западную часть южного придела вустерского кафедрального собора. Может быть, Уильям тоже ехал с ними, «возможно, с Энн, которая сидела позади него на коне», как услужливо предполагает один из биографов. Но будучи несовершеннолетним, он мало чего мог добиться своим присутствием. В те времена епископом Вустера был Джон Уитгифт, которого вскоре перевели в епархию Кентербери; он ревностно боролся против церковных злоупотреблений, а в отношении канонического права был сторонником строгого соблюдения законов. Консисторский суд возглавляли его чиновники: председатель (в 1582 г. этот пост занимал Ричард Коузин) и регистратор Роберт Уормстри, исполнявший функции его старшего помощника. Власть, которой они были облечены, позволяла им допускать исключения из обычных правил, определявших порядок заключения брака.

Такие допущения делались в форме разрешений, адресованных священнику (иногда поименованному) той церкви, в которой должно было происходить бракосочетание (необязательно в том приходе, где жила пара); в них излагались особые условия, касавшиеся оглашения имен. В некоторых случаях вступавших в брак «сначала по закону дважды допрашивали, а затем оглашали их имена»; иногда всего один раз, вероятно на пороге храма во время службы. Нам даже известно одно разрешение, в котором позволялось вовсе обойтись без оглашения. Получение та-

ких разрешений было делом довольно обычным; в 1582 г. вустерский консисторский суд выдал по меньшей мере 98 таких разрешений. Чтобы получить разрешение, просители должны были запастись несколькими документами, подтверждавшими отсутствие тех несообразностей, которые должны были устраняться посредством оглашения имен. Эти бумаги включали в себя: 1. Клятвенное заверение, в котором приводилось имя, адрес и род занятий жениха и невесты, свидетельство о согласии родителей или опекунов и перечень причин для освобождения от полного обряда оглашения; 2. Письмо от тех же родителей, или опекунов, или от лица, непосредственно известного суду, в котором бы удостоверялось, иногда клятвенно, что никаких препятствий со стороны закона для заключения брака не существует; 3. Гарантию или обязательство, освобождающее епископа и его чиновников от ответственности в случае, если какой-либо судебный иск будет следствием предоставления разрешения. После того как эти документы были приняты, просители выплачивали вознаграждение от 3 шиллингов 8 пенсов до 10 шиллингов 4 пенсов, в зависимости от условий освобождения от оглашения имен. Взамен им выдавалось разрешение, которое хранилось, вероятно, у приходского священника или того священника, которому оно было адресовано. Судебный клерк фиксировал это разрешение в епархиальной книге. После этого жених и невеста могли свободно сочетаться браком. Из этих перечисленных документов наибольший биографический интерес мог бы представлять первый, но, к несчастью, ни одного клятвенного заверения XVI в. в вустерской епархии не сохранилось. Не уцелело с тех времен и ни одного разрешения. Из брачных документов Шекспира у нас есть лишь гарантия и выписка из разрешения. Они отвечают на некоторые вопросы и ставят новые.

Изложенное в сухих официальных терминах подобных документов, это обязательство (датированное 28 ноября) устанавливает, что Уильям Шекспир и «Энн Хетеуей, девица из Стратфорда вустерской епархии», могут, имея согласие невесты, законным образом совершить торжественный обряд бракосочетания и затем жить вместе в качестве мужа и жены, после того как каждый из них объявит о предстоящем браке, то есть они могут вступить в брак,

доказав отсутствие каких-либо препятствий в виде ранее заключенных брачных контрактов или кровного родства и тому подобного. Если же законность этого союза будет впоследствии поставлена под сомнение, денежная гарантия в 40 фунтов стерлингов, представленная двумя поручителями, будет взыскана с них в качестве штрафа «в подтверждение непричастности его преосвященства сэра Джона, епископа Вустера, и его чиновников». В те дни 40 фунтов составляли значительную сумму, и рискнуть ею было не так-то просто. Интересно, что Энн фигурирует в документе как девица. Некоторые вустерские гарантии оскорбительным образом различают «девиц» и «одиноких женщин», но епископские чиновники, по всей вероятности, не проявили чрезвычайного любопытства относительно девственности или отсутствия таковой у невесты.

Поручители Фалк Сэнделс и Джош Ричардсон охарактеризованы в данной гарантии как стратфордские земледельцы («...Fulconem Sandells de Stratford in comitatu Warwicensi, agricolam, et Johannem Rychardson, ibidem agricolam»). В действительности они занимались сельским хозяйством в Шотери, селении, относившемся к стратфордскому приходу, и были друзьями отца невесты. Вот все, что мы могли заключить из завещания Ричарда Хетеуея, в котором он называет своего «верного» друга и соседа Сэнделса одним из двух наблюдателей (мы бы сказали — доверенных лиц); Ричардсон заверил своей подписью это завещание. То, что в названной гарантии не упомянут ни один представитель семейства Шекспиров, вызывало мрачные подозрения у тех, кто склонен к подозрениям. «Преимущественное положение земледельцев из Шотери во время переговоров, предшествовавших браку Шекспира, указывает на действительное положение дел», — писал вполне авторитетно сэр Сидни Ли:

Сэнделс и Ричардсон, представлявшие семейство невесты, несомненно, захватили инициативу в этом деле, так что Шекспир вряд ли имел возможность избежать того шага, который вследствие его близости с дочерью друга названных лиц представлялся необходимым для спасения ее репутации. Вероятно, брак был заключен без согласия родителей жениха,

возможно, даже без их ведома, вскоре после подписания этого акта⁷.

Более того, священник, совершавший обряд, был «явно» «легкомысленного нрава». Слова «несомненно» и «явно» в данном случае употреблены, чтобы подчеркнуть некие отклонения от нормы и тайный сговор, никаких подтверждений которым не существует. Как мы уже видели, выдача разрешения предполагала осведомленность или согласие отца жениха. Если бы последний захотел воспрепятствовать этому браку, ему нужно было бы лишь подать жалобу в консисторский суд. Судья консистории мог в редких случаях выдавать оспариваемое разрешение; однако никаких свидетельств о чрезвычайных обстоятельствах — таких, как попытка ограничить сына в правах или деспотическое упорство родителя, — в данном деле не существует. Вовсе не проявляя легкомыслия, священник, следовавший указаниям своего епископа, изложенным в разрешении, попросту исполнял свой долг. По обычаю того времени, поручители чаще всего бывали друзьями или родственниками невесты, так как именно незамужняя наследница — а не ее жених — более всего пуждалась в защите закона от охотников за приданым.

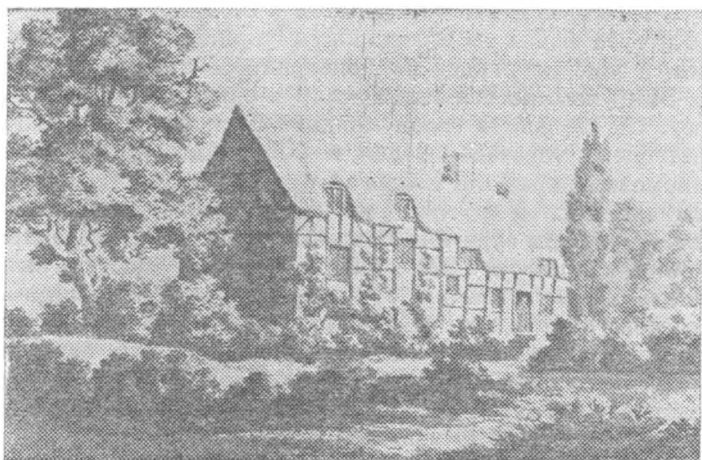
Энн Хетеуей действительно была наследницей. К такому заключению можно прийти даже в наши дни, судя по тому, насколько просторен и основателен был принадлежащий ей дом — не какой-нибудь сельский домишко, а состоявший из двенадцати комнат большой длинный жилой дом на ферме, который и сейчас стоит отчасти скрытый за поворотом узкой дороги, ведущей в Стратфорд, в нескольких метрах от небольшого ручья, протекающего через Шотери. Во времена Шекспира этот дом, должно быть, стоял почти на самой опушке Арденского леса. Дом расположен в местности, похожей на ту, которую описывает Селия в комедии «Как вам это понравится», говоря о жилище «на опушке леса... среди олив»:

На западе отсюда: там в лощине,
Где ивы у журчащего ручья,—
От них направо будет это место * —

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 5, с. 90.

хотя оливы Арденского леса не росли в реальном лесу Энн Хетеуей.

Этот дом, который оставался собственностью семьи Хетеуей до 1746 г., имел прочный каменный фундамент и бревенчатый каркас, проемы которого заполняла нанесенная на плетеную сетку штукатурка, а также открытые бревенчатые балки потолка. Самая старинная часть этого

Дом Энн Хетеуей. Из книги Сэмюэля Айерленда «Живописные виды верхнего или уорикширского Эйвопа» (1795 г.).

дома, которую датируют по крайней мере XV в., состоит из зала или гостиной, которая образована двумя нишами глубиной около 4 метров каждая, и двухэтажного восточного крыла. Сложенные из камня каминные с дубовыми ригелями, один шириной 2,5 метра, другой — около 3 метров, появились здесь в следующем столетии, когда был надстроен верхний этаж, на котором были устроены комнаты. Массивный старинный очаг сохранился в кухне до наших дней, а поднявшись по лестнице, можно видеть кровать четы Хетеуей со столбами, покрытыми искусной резьбой (в завещании Ричарда упомянута «двухспальная кровать в моей комнате»). Осталась невредимой и маслобойня,

или кладовая для хранения масла. Это было жилое помещение фермы, и в прежние времена его окружали другие хозяйственные постройки. Хетеуей называли свой надел фермой «Хьюлэндс», на земле которой площадью в пол-ярдленда * (от 10 до 23 акров) паслись овцы. Этого пастбища теперь нет. Однако палисадник с его лекарственными растениями, розами и цветущим горошком все еще существует, так же как и фруктовый сад, где благоухают цветы и яблони и жасмин лепится к стенам дома ⁸.

Хетеуей были состоятельными уорикширскими йоме-нами, и уже не первое их поколение обитало в Шотери. Дед Энн упоминается как лучник в списках военных наборов. Он служил в своем приходе церковным сторожем, констеблем, удостоверителем и был одним из двадцати полномочных граждан Старого Стратфорда (состоятельные граждане, числом не менее двадцати, заседавшие дважды в год в Большом суде или Открытом суде **). При распределении налогов в 1549—1550 г. его имущество было оценено в значительную сумму — 10 фунтов стерлингов. После его смерти его сын Ричард продолжал заниматься сельским хозяйством на еще пол-ярдленде земли, называвшейся «Хьюлэнд», а также на небольшом холме и на пол-ярдленде под названием «Хьюлинс», а также на ярдленде рядом с домом, которым впоследствии владел некий Томас Перкинс; в общей сложности владения Ричарда составляли от 50 до 90 акров земли. Ричард напимал пастуха, Томаса Уиттингтона, и в своем завещании не забыл уплатить тому сумму в 4 фунта 6 шиллингов 8 пенсов, которую был ему должен; мы еще вернемся к этому Уиттингтону. Хетеуей и Шекспиры знали друг друга, так как Джон Шекспир в сентябре 1566 г. выступал поручителем Ричарда на двух судебных процессах и был призван заплатить по задолженности Ричарда Джопу Пейджу и Джону Биддлу. Вероятно, Ричард Хетеуей был женат дважды и имел де-

* Ярдленд — старинная мера площади (около 30 акров). — *Прим. перев.*

** Таких судов было два — один для Стратфорда и другой для окрестных поселений — Старого Стратфорда, Шотери и Уэлкома. См.: «Minutes and Accounts of the Corporation of Stratford-upon-Avon», под редакцией Ричарда Сэведжа и Эдгара Фриппа, издание общества Дагдейл (Oxford and London, 1921—1930), I, p. XXIII.

тей от обеих жен. Семь из них были живы, когда он писал свое завещание. Джоан, его вторая жена, если она была второй женой, пережила своего мужа на много лет; к весне 1601 г. относится упоминание о ней как о «педавню скопчавшейся Джоан Хетеуей». К этому времени Ричард уже двадцать лет как лежал в могиле.

В завещании, которое он составил 1 сентября 1581 г., будучи «болеп телом, но в ясной памяти», Хетеуей по пунктам перечисляет завещанное трем своим дочерям и четырем сыновьям. Но он ни разу не упоминает Энн. Однако мы едва ли можем усомниться в том, что жена Шекспира послала именно это имя: оно трижды названо в упомянутой лицензионной гарантии, а также высечено на ее могильной плите⁹. Однако Ричард Хетеуей оставил 6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса своей дочери Эгнис на ее свадьбу. В то время имена Энн и Эгнис были взаимозаменяемы (последнее произносилось как Энпес), кроме того, в том же завещании Ричард отказал одну овцу дочери Томаса Хетеуея, Эгнис, хотя последняя была крещена как Энн. Существует много примеров такой же замены имен. Так, например, известный театральный антрепренер Филип Хенсло в своем завещании именует свою жену Эгнис, но погребена она как Энн¹⁰.

Ученый-шекспировед Холиуэл-Филиппс, изучивший эту лицензионную гарантию, полагал, что буквы приложенной к документу печати (Р. Х.) означают «Ричард Хетеуей». Печать эта уже давно рассыпалась на куски, однако (как мы можем судить по уцелевшему ее изображению) вторая буква больше походит на «К», а сама печать с буквами «Р. К.» очень напоминает печать, использовавшуюся в приходских записях 80-х гг. XVI в.¹¹ Так или иначе, Ричард Хетеуей был мертв, когда Энн выходила замуж, что очевидно из его завещания, обнаруженного Холиуэлом-Филиппсом в то время, когда печаталась его биография Шекспира. То, что дочь Ричарда Хетеуея стала женой Шекспира, подтверждает Роу. Он никогда не видел этой лицензионной гарантии, и все же он утверждает, что «его [Шекспира] женой была дочь человека по имени *Хетеуей*». Выяснить этот вопрос помогает завещание пастуха, верно служившего Хетеуею. «Также, — объявляет Томас Уиттингтон 25 марта 1601 г., — я отдаю и завещаю стратфордским

беднякам XL шиллингов, которые находятся в распоряжении Энн Шекспир (Shaxspere), супруги Уильяма Шекспира (Wullyam Shaxspere), и причитаются мне, как скоро названный Уильям Шекспир или назначенные им лица выплатят эту сумму моему душеприказчику в соответствии с моим завещанием». Это тот же самый Уиттингтон и то же самое завещание, в котором упомянуто несколько человек из семьи Хетеуей, включая вскоре скончавшуюся Джоан и ее сыновей Джона и Уильяма — братьев или лишь сводных братьев, которым пастух был должен в качестве платы за «три месяца папсона».

Из трех дочерей, упомянутых в завещании Ричарда Хетеуея, Эгнис — Энн, поименованная первой, вероятно, является старшей. Никаких записей о ее крещении не дошло до нас, так как она родилась, по-видимому, до 1558 г., когда были введены приходские книги, в которых регистрировались крещения. На медной доске, укрепленной на могильной плите Энн Шекспир в алтаре стратфордской церкви, сказано, что она *«ушла из жизни сей... в возрасте 67 лет»*. Скончалась она 6 августа 1623 г. Надписи на надгробных плитах того времени не всегда достоверны — не принял ли резчик по камню за цифру 7 небрежно написанную на его листке цифру 1, прибавив таким образом 6 лет к сроку жизни Энн? Но за отсутствием других свидетельств мы обязаны принять это недвусмысленное свидетельство. В таком случае Энн была на семь или восемь лет старше своего мужа, и в 1582 г. ей было 26 лет. По понятиям тех времен, она несколько засиделась в девках. Она завела любовника-подростка, забеременела и женила его на себе. Действительно ли Шекспир был вынужден подчиниться обстоятельствам, спасая репутацию увядающей сирены из Шотери, с которой он разделил ложе во время краткой интерлюдии пылкого лета? Ученые (как этого и следовало ожидать) исследовали его сочинения в поисках намеков на ретроспективные сожаления, и их усердие было вознаграждено. Итак, Лизандр и Гермия из «Сна в летнюю ночь»:

Лизандр:

Увы! Я никогда еще не слышал
И не читал — в истории ли, в сказке ль,—
Чтоб гладким был путь истинной любви.

Но — или разница в происхожденье...
Или различье в летах...

Гермия:

О насмешка!
Быть слишком старым для невесты юной! *

И еще более убедительно обращение герцога к переодетой Виоле.

Герцог:

Ох как старал
Ведь женщине пристало быть моложе
Супруга своего: тогда она,
Обыкновеньям мужа покоряясь,
Сумеет завладеть его душой.
Хотя себя мы часто превозносим,
Но мы в любви капризней, легковесней,
Быстрее устам и остываем,
Чем женщины.

Виола: Вы правы, государь.

Герцог: Найди себе подругу помоложе,
Иначе быстро охладеешь к ней.
Все женщины, как розы: день настанет —
Цветок распухнет и вмиг увянет. **

Кто дерзнет отрицать, что в этих словах, возможно, скрыта мудрость, приобретенная ценой собственного опыта? Однако, следует помнить, что эти мысли высказывает не сам автор, выражая свое собственное мнение, а те тени, которые он создал, и что сказанное ими непосредственно связано с контекстом пьесы. В конце концов герцог сентиментален и довольно глуповат.

Все эти недоумения ничтожны в сравнении с теми, которые возникли в связи со второй записью о браке Шекспира в вустерских документах. Когда судебный клерк отмечал выдачу разрешения в епископской книге записей 27 ноября 1582 г. (само разрешение датировано 26 ноября), он записал имя невесты как Энн Уэтли из Тэмпл-Графтона. Об этой второй Энн упоминается один раз в этом документе и больше нигде. Кто она? В связи с отсутствием каких бы то ни было других фактов биографы создали образ таинственной девы из Тэмпл-Графтона и сделали ее главным персонажем в любовном треугольнике

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 137.

** Там же, т. 5, с. 152.

романтической правоучительной мелодрамы, в которой пылкий Уилл должен выбирать между любовью и долгом. Один из вариантов этого сценария во всей его красе можно

Выписка из разрешения на брак Уильяма Шекспира и Энн Хетеуей, 27 ноября 1582 г.

найти в популярной биографии Шекспира, написанной Эптони Берджесом.

Есть основания полагать, что Уилл хотел жениться на девушке по имени Энн Уэтли... Возможно, ее отец был другом Джона Шекспира и мог дешево продавать последнему лайку. Мало ли из-за чего Шекспиры и Уэтли или их созревшие для брака дети могли подружиться. Посланный покупать кожи в Тэмпл-Графтон Уилл мог поддаться очарованию хорошенькой дочки — свежей, как май, и пугливой, как серна. Ему было восемнадцать, и он был очень впечатлительным. Кое-что смысла в девушках, он мог понять, что эта девушка — что надо. Наверняка его чувство к ней совсем не походило на то, которое он испытывал к госпоже Хетеуей из Шотери.

Но отчего, желая жениться на Энн Уэтли, он повел себя так, что возникла необходимость жениться на другой? Я предполагаю, что, говоря грубым языком старинных правоучительных журналов для женщин, он испытывал любовь к одной и вожделение к другой...

Я считаю, что такой привлекательный мальчик, каким, вероятно, был Уилл — с его золотисто-каштановыми волосами, нежным взглядом, с хорошо подвешенным языком, цветистыми фразами из латинской поэзии, — после того как он весной отведал тела Энн, с наступлением лета не очень-то стремился вернуться в Шотери, чтобы отведать его

вновь. Может быть, Энн уже поговаривала о преимуществах любви в семейной постели, вдали от коровьих лепешек и колкого жнивья полей, и слово «брак» так же испугало Уилла, как оно может испугать любого молодого человека. Но по иронии судьбы он влюбился в юную Энн и сам начал поговаривать о браке. Эта Энн была целомудренной, а не распутной и навязчивой, и с ее семейством, скорее всего, было не так-то просто, не дожидаясь брака, перейти от помолвки к делу.

Получив отпор, Уилл, чье чувство влечения было «сильно уязвлено», вернулся к своей Энн из Шотери, чтобы утолить «приступ вожделения в августовских полях»; после второй встречи дама забеременела. Вследствие сего Сэнделсы и Ричардсоны стали «грозить своими дюжими кулаками»; брак из-под палки стал вырисовываться перед отрезвевшим после соития Уиллом.

В особом разрешении было позволено огласить имена вступающих в брак два раза, а не три, как обычно. Энн с помощью своих дюжих и влиятельных друзей дала понять, что она своего не упустит.

Другая Энн вместе со своими родителями и родители Шекспира прослышали об этом. Уилл сделал беременной девицу (впрочем, вряд ли девицу) и пытался избежать наказания. С горечью покорившись, Уилл уступил, и его потянули, как на бойню, на брачное ложе. Ему была навязана роль достойного христианина и джентльмена.

Таково убедительное толкование документальных фактов, хотя ни один поклонник Шекспира не обязан соглашаться с ним ¹².

Это «убедительное толкование» и впрямь цветисто, если не сказать безвкусно. Однако это не столько биография, сколько вымысел, плод воображения, и, следовательно, он уместен лишь в романе, вроде «Вовсе не солнце», которым нас уже одарил Э. Берджес. Не меньшим легковерием было бы предположить (вместе с сэром Сидни Ли), что в тот знаменательный ноябрьский день второму

Уильяму Шекспиру, не связанному родством с драматургом, было выдано разрешение жениться на некоей второй Энн из графства Уорикшир¹³. Никаких «документальных данных» об Энн Уэтли нет, что хорошо известно Берджесу. Существует лишь один факт — регистрационная запись, так что мы не знаем, была ли эта Энн «целомудренной, а не распутной и навязчивой» или «свежей, как май, и пугливой, как серпа». Мы даже не можем сказать с полной уверенностью, существовала ли она вообще.

Вустерский клерк, видимо, был довольно небрежен. Так, например, он написал «Бейкер» вместо «Барбер», «Дэрби» вместо «Брэдли», «Эдгок» вместо «Элкок». Но почему он написал «Уэтли» вместо «Хетеуей»? Сходство имен весьма отдаленное. Из епархиальных протоколов видно, что в тот самый день, 27 ноября, когда было зарегистрировано разрешение для Хетеуей, консисторский суд разбирал 40 дел, и одно из них было связано с иском приходского священника из Кроула, Уильяма Уэтли, ополчившегося на Арнольда Лейта в связи с неуплатой церковной десятины. Этот Уэтли, возможно, был давно знаком суду, так как его имя встречается в нескольких записях за 1582 и 1583 гг. Можно предположить, что клерк переписывал наспех сделанную черновую запись или заявление, написанное незнакомым почерком, и, поскольку он только что имел дело с Уэтли, машинально написал его фамилию*. Разумеется, это прозаическое и умозрительное тол-

* Такую версию, подтверждая ее соответствующими доказательствами, предлагает Дж. У. Грей в главе «Хетеуей и Уэтли», опубликованной в его работе «Брак Шекспира» (Graу J. W. Shakespeare's Marriage. 1905, p. 21—35). Бринкуорт считает подобную ошибку клерка маловероятной, «поскольку сведения из сделанных прежде записей или из подборки составленных вчерне документов четко и аккуратно переносились в епископскую книгу позднее, а не в тот же самый день, когда выдавалось разрешение (Brinkworth E. R. C. Shakespeare and the Bawdy Court of Stratford. 1972, p. 8). Однако нельзя с уверенностью утверждать, что в епархиальной книге той поры записи копировались с черновики (см. книгу Грея, с. 24—25), и, имея в виду другие очевидные несоответствия, неясно, почему ошибка в данной записи не могла быть скопирована. Джозеф Хилл в вышедшей под его редакцией книге Дж. Т. Берджеса «Исторические достопримечательности графства Уорикшир», 1892, с. 102 (Burgess J. T. Historic Warwickshire, 1892, p. 102), предполагает, что ошибка клерка была скорее зритель-

кование, и оно должно быть чуждо романтическим настроениям. Но то, что Энн Уэтли — такая цветущая, такая скромная и целомудренная — обязана самим своим существованием небрежности какого-то путаника клерка, прекрасно само по себе.

Однако возникает еще один вопрос: каким образом в этот документ попало селение Тэмпл-Графтон? Оно расположено в 10 километрах к западу от Стратфорда, и в 6,5 километрах в том же направлении от Шотери, чуть южнее большой дороги, ведущей в Эльсестер. Из Тэмпл-Графтона, расположенного высоко на холме, можно видеть через долину Бредон-Хилл и Котсуолд. Ныне здесь осталось всего несколько старинных домов, а также старинный амбар и древняя каменная голубятня с причудливой конусообразной крышей; но во времена Шекспира земледельцы работали на четырех полях Тэмпл-Графтона и пасли свои стада на открытом общинном выгоне Кау-Коммон, в то время как рабочие, добывавшие камень, и каменщики зарабатывали себе на хлеб на окрестных сланцевых месторождениях и в известковых карьерах. Возможно, в начале 80-х гг. Энн Хетеуей жила в Тэмпл-Графтоне — в выписках из вустерских разрешений обычно называется местожительство невесты, или, возможно, там состоялось бракосочетание.

В пуританском обследовании состояния духовенства в графстве Уорикшир, предпринятом четыре года спустя, приходский священник Графтона Джон Фрит охарактеризован как «священник старый и некрепкий в вере; он не может ни проповедовать, ни как следует читать, его главным занятием является лечение охотничьих соколов, раненых или заболевших; и многие часто обращаются к нему за этим».

Судебные следователи епископа Уитгифта бдительно наблюдали за такими заблудшими; в 1580 г. они прислали Фриту почтовое распоряжение не заключать без разрешений браков «между какими-либо лицами в периоды вре-

ной, чем связанной с памятью, если «Эннам Хетуи» читается как «Эннам Уэтли» (цит. в: Minutes and Accounts of the Corporation of Stratford-upon-Avon. Ed. Richard Savage and Edgar J. Fripp. Публикация общества Дагдейл (Oxford and London, 1921—1930) iii, 111.

мени, когда заключение браков запрещено церковными законами», а также не совершать никаких бракосочетаний и во все остальное время, «не произведя в церкви торжественного оглашения имен в течение трех воскресных или праздничных дней»¹⁴.

Может быть, Шекспир и его нареченная подавали свои разрешения именно этому нетвердому в вере священнику? В связи с этим можно вновь вспомнить о завещании под черепичной кровлей дома, где родился поэт. Книга записей прихода Тэмпл-Графтон не дает никакого ключа к разгадке, так как она сохранилась лишь в виде неполной копии некоторых записей, производившихся с начала 1612 г.

Если не в Тэмпл-Графтоне, то где еще могла сочетаться браком наша пара? В вустерской церкви св. Михаила хорошо сохранились приходские книги, но этот брак в них не упомянут. Во всем стратфордском приходе имелось еще две церкви, не считая церкви св. Троицы, в которых можно было заключить брак. Одна епископальная, чуть севернее Шотери, и церковь в Ладдингтоне, в 5,5 километрах к западу от Стратфорда. Однако приходская книга епископальной церкви св. Петра начинается лишь с 1591 г., а в церкви Всех святых в Ладдингтоне сохранилась лишь епископальная копия, начинающаяся с 1612 г. Во времена королевы Виктории С. У. Фуллом посетил Ладдингтон в поисках информации и в своей «Истории жизни Уильяма Шекспира», вышедшей в 1862 г., рассказал любопытную историю:

Этот [старый] дом [приходского священника] занят теперь семейством Дайк, пользующимся уважением всей округи. Здесь вам об этом браке сообщат слухи столетидесятилетней давности. Миссис Дайк слышала об этом браке от Марты Кейсбрук, умершей в возрасте 90 лет. Последняя всю жизнь прожила в этом селении и утверждала, что ей не только говорили в детстве об этом браке, заключенном в Ладдингтоне, но что она сама видела древний фолиант, в котором этот брак был зарегистрирован. Действительно, как мы выяснили, посетив соседние дома, кое-кто из ныне здравствующих жителей помнит, что этим фолиантом владела Пикеринг — экономка последнего священника Коулза, которая

в один из холодных дней сожгла эту книгу, чтобы вскипятить себе чайник! ¹⁵

Хотя указания Фуллома часто эксцентричны ¹⁶, маловероятно, чтобы он создал на основании одного источника рассказ, столь обезоруживающий своими подробностями. И все же, если это сообщение верно, странно, что местные предания не сохранили его. Так, например, словоохотливый Джорден, созерцавший руины ладдингтонской часовни около 1780 г., не высказывался на этот счет. Однако Джозеф Грей, посещавший Стратфорд в начале XX в., слышал от Эдварда Флауэра, представителя большого семейства уорикширских пивоваров, о том, что Ладдингтон как место бракосочетания Шекспира «был признан повсюду в здешних краях в начале прошлого столетия» ¹⁷. На этом мы и оставим эту тему.

Независимо от того, где совершалась церемония, факт беременности невесты волновал некоторых ранних биографов, скорбно качавших головами по поводу предполагаемой «добрачной связи» поэта. Этот проступок, если его можно считать таковым, немногих в нашем более снисходительном обществе заставит поднять брови. Однако в своих произведениях, если не в жизни, Шекспир, скорее всего, показал себя сторонником добрачной сдержанности. Ромео и Джульетта в ту единственную ночь, которую они провели вместе, — «оба... невинны». «На тот же мох и я прилягу тоже, — говорит Лизандр Гермии, находясь с ней в лесу в окрестностях Афин. — Одно в нас сердце, пусть одно и ложе!» Однако та отказывает в близости возлюбленному, за которого собирается выйти замуж:

Нет, нет, Лизандр мой! Я тебя люблю,
Но ляг подальше, я о том молю!
...Для юпоки с девицей стыд людской
Не допускает близости такой...
Ляг дальше. Спи спокойно, без забот...*

Просперо предупреждает Фердинанда:

Но если ты кощунственной рукой
Ей пояс целомудрия развяжешь

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 156.

До совершенья брачного обряда —
 Благословен не будет ваш союз.
 Тогда раздор, угрюмое презренье
 И непаивсть бесплодная шипами
 Осыплют ваше свадебное ложе,
 И оба вы отрицете его *.

В «Зимней сказке» Флоризель сравнивает свою любовь с любовью Юпитера и «лучезарного» Аполлона, чьи

превращенья совершались
 Не ради столь высокой красоты,
 И не были так чисты их желанья,
 Как помыслы мои. Ведь я над сердцем
 Поставил долг, а над желаньем — честь **.

Желания творца Флоризеля, кажется, были несколько жарче. Следует ли нам предположить, что, пресытившись до совершения обряда, он сетует вместе со своей поруганной Лукрецией —

Как часто схватить сладость, а во рту
 Почувствуешь нежданно кислоту! *** —

и распространяя на себя циничную народную мудрость Пароля: «Все, поживившись, пожинаят скуку»? **** Многие приходят именно к такому заключению.

Но истолковать таким образом этот эпизод в жизни Шекспира — значит вновь соблазниться результатами выборочного цитирования. Альтернативная точка зрения состоит в том, что Шекспир вовсе не делал неохотных уступок назойливости родни и совести, а фактически сам, не дожидаясь формальностей, затянул этот узел до того, как были освящены узы брака. В елизаветинские времена считалось, что обряд обручения при свидетелях имеет силу гражданского брака, хотя (тогда, как и теперь) разногласия по поводу нравственных правил порождали самые разные мнения. Так, в начале XVI в. священник собора св. Анны в Олдербери Уильям Харрингтон настаивал на

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 8, с. 187.

** Там же, с. 69. Последняя строка дословно звучит: «Мои желанья не пынут жарче веры». — *Прим. перев.*

*** Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 8, с. 396.

**** Там же, т. 5, с. 516.

том, что невесте и жениху следует вступать в брак, ведя «чистую жизнь, сиречь будучи безгрешными»; более того, и после законного обручения «мужчина не может обладать женщиной как женой, а женщина — мужчиной как мужем. Они не могут жить совместно, не могут телесно сочетаться до той поры, пока брак сей не будет утвержден и освящен обрядом матери нашей святой церкви; не дожидаясь его, они совершают смертный грех»¹⁸.

Тем не менее некоторые пары «сочетались телесно» без благословения святой церкви, считая обручение достаточным для того оправданием. В такого рода предварительный союз «по данному слову» (*per verba de praesenti*) вступили в 1585 г. Элис Шоу из Хэттона и Уильям Холдер из Фулбрука. В присутствии двух свидетелей в доме будущего свекра невеста произнесла: «Я признаю, что я ваша жена и что ради вас я оставила всех своих друзей, и я надеюсь, что вы будете хорошо со мной обращаться». С этими словами она подала Уильяму руку, и он «произнес, в сущности, те же самые слова, обращаясь к ней, и взял ее за руку, и они поцеловались». Уильям и Элис отнеслись друг к другу не так хорошо, как предполагалось этим ритуалом, ибо вскоре после обручения жених возбудил против невесты судебное дело по поводу брачного контракта. Однако не может быть никаких сомнений, что консисторский суд считал их мужем и женой¹⁹.

Шекспир понимал смысл этих предварительных обручений достаточно ясно. Им придается важное значение в комедии «Мера за меру», где Клавдио, обвиненный в добрачной связи с Джульеттой, говорит в свою защиту:

я обручен с Джульеттой,
Но с ней до свадьбы ложе разделил,
Ее ты знаешь. Мне она жена.
Нам не хватает внешнего обряда*.

В соответствии ли с этим обычаем Шекспир разделил ложе с Энн Хетеуей, мы, разумеется, никак не можем установить, а раздумывать над такими гипотезами можно, лишь следуя (как выразился один биограф) «доброму чувству». Однако доброе чувство в той же мере претендует на исти-

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 6, с. 170.

ну, как и недоброе, а обычай обручения достаточно широко толковался в шекспировской Англии.

Ритуал ухаживания в каких-то формах продолжался и после обручения. Говоря о третьем акте в семи действиях человеческой жизни, Как описывает любовника, вздыхающего,

как печь, с балладой грустной
В честь брови милой *.

Может быть, Шекспир и сочинял грустные баллады для Энн Хетеуей, но нам они неизвестны, и образовавшуюся пустоту фальсификаторы поспешили заполнить балладами собственного сочинения, грустными, но в ином смысле. Однако в цикле «Сонетов» имеется одно любовное стихотворение, мало согласующееся с содержанием предыдущих и последующих стихов и достаточно неумелое, — это дает основание предположить, что оно создано в юности. Это 145-й сонет:

«Я ненавижу» — вот слова,
Что с милых уст ее на днях
Сорвались в гнев, но едва
Она заметила мой страх,—

Как придержала язычок,
Который мне до этих пор
Шептал то ласку, то упрек,
А не жестокий приговор.

«Я ненавижу», — присмирив,
Уста промолвили, а взгляд
Уже сменил на милость гнев,
И почь с небес умчалась в ад.

«Я ненавижу», — но тотчас
Она добавила: «Не вас» **.

В заключительном двустишии сочетание слов *hate away*, вполне возможно, является игрой слов — одним из тех натянутых каламбуров, в которых елизаветинцы находили

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 5, с. 47.

** Там же, т. 8, с. 499.

Две последние строки сонета: «I hate from hate away she threw // And sav'd my life, saying «not you» буквально переводятся: «(Слова) «Я ненавижу» она лишила ненависти // И спасла мне жизнь, сказав: «Не вас». — *Прим. перев.*

вкус, где обыгрывается фамилия Hathaway. Вот остроумное предположение Эндрю Гурра: «Будущая жена Шекспира, по словам поэта, лишает значения слово hate [ненависть], прибавив к нему соответствующее продолжение, и таким образом дает понять, что она не питает неприязни к поэту. Hate away²⁰. Словосочетание hate away не совсем точно соответствует фонеме hathaway, но ведь и не все рифмы в этом сонете точны [come (кам) — doom (дум), great (грейт) — day (дей)] и тогдашнее произношение, если его рассматривать в контексте с учетом уорикширского диалекта XVI в., делало игру слов более удачной, чем это может показаться на современный слух²¹. Это стихотворение действительно могло быть написано поэтом как признание в любви.

Естественно, мы стремимся мысленно представить себе ту, что привлекла к себе внимание стольких биографов. Была ли Энн такой же амазонкой-Венерой, как богиня, преследовавшая очаровательного Адониса в первой поэме Шекспира? Или она была полна (несмотря на годы) девической женственности, подобно Марианне, жившей на окруженной рвом ферме, сохраняя *свой* обет вероломному Анджело? Если любовник у Жака воспевает бровь возлюбленной, то по крайней мере один биограф решился поведать нам о «темной брови Энн Хетеуей, миловидной девы из живописного селения Шотери». Но пыльные рукописи из архивов не представляют нам никаких свидетельств ни о темных бровях Энн, ни о ее миловидности. Однако в одном из экземпляров третьего фолио сочинений Шекспира 1664 г. (второе издание) в библиотеке университета Колгейт в Гамильтоне, штат Нью-Йорк, уцелело выцветшее изображение молодой женщины в головном уборе XVI в. и в платье с круглым плоченым воротником. Приложенные к портрету стихи, пародирующие хвалебную надпись Бена Джонсона к портрету Шекспира в фолио, устанавливают личность модели:

В изображеньи этом ты
Жены Шекспира зришь черты.
Художник здесь вступает в бой
С природой, с жизнью самой.
Когда б он в меди до конца
Нрав отразил и цвет лица,

Затмил бы этот оттиск впрямь
 Все, что досель являла медь*.

Этот рисунок датирован 1708 г. и дает достаточно оснований предполагать, что он сделан в XVIII в. Художником был, по свидетельству правнука Керзона, Натаниэл Керзон из Кедлстоуна, и его работа, как сказано в Колгейтском томе, является копией. Скопировал ли Керзон портрет, давно исчезнувший, какой-то молодой, довольно привлекательной женщины былых времен и шутки ради представил его в качестве *imago vera* [правдивого образа] жены Шекспира? Такое предположение кажется более близким к истине (имея в виду игривый тон стихов), чем какая-нибудь теория о намеренной подделке в стиле позднейших фальсификаций; или куда более волнующая гипотеза о том, что Керзон каким-то образом наткнулся на подлинный портрет Энн Хетеуей. Достоверно известно лишь то, что за год до того, как Николас Роу заявил, что жена поэта «была дочерью некоего *Хетеуея*, который якобы являлся состоятельным йоменом из окрестностей Стратфорда», любители Шекспира начали проявлять интерес к внешнему облику его супруги. По времени это совпадает с датой рисунка Керзона, если эта дата заслуживает доверия²².

Данные о следующем событии в жизни Шекспира по милости судьбы точны. 26 мая 1583 г., на троицу, храмовый праздник стратфордской церкви, приходский священник Генри Хейкрофт крестил первую внучку олдермена Джона Шекспира. Родители назвали ребенка Сьюзан. Той же весной, в апреле, два других младенца при крещении получили такое же имя, однако, привлекая пуритан своими ассоциациями, оно было все же достаточно новым в Страт-

* Надпись Бена Джонсона:

Шекспира на портрете ты
 Зришь благородные черты;
 Художник здесь вступает в бой
 С природой, с жизнью самой;
 Когда б явил из-под резца
 Он разум, как черты лица,
 Затмил бы этот оттиск впрямь
 Все, что досель являла медь.
 Черты, которых в меди нет,
 Вам явит книга, не портрет.

форде и впервые появилось в приходской книге в 1574 г.²³ Менее чем через два года Энн родила двойню, мальчика и девочку. Упомянутый приходский священник перебрался тем временем в более богатый приход Роуингтон, в десяти

Супруга Шекспира.

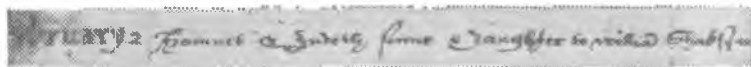
милях от Стратфорда, так что 2 февраля 1585 г. двойню крестил его преемник Ричард Бартон. Этот священник из Ковентри охарактеризован в одном из инспекционных пуританских отчетов как «священник ученый, ревностный и благочестивый и соответствующий своему духовному сану»²⁴. Шекспиры назвали своих близнецов Гамнетом и Джудит в честь соседей Сэдлеров, с которыми они поддерживали дружеские отношения и которые жили в доме на

20 Susanna daughter to William Shakspeare

Запись о крещении Сюзан Шекспир, 26 мая 1583 г.

углу Хай-стрит и Шип-стрит поблизости от хлебного рынка. Когда у Джудит и Гамнета Сэдлеров в 1598 г. родился сын, они назвали его Уильямом.

HAMNET & JUDITH sune & daughter to William Shakspeare

Запись о крещении Гамнета и Джудит Шекспиров, 2 февраля 1585 г.

После 1585 г. в семье Шекспира детей больше не было. До своего совершеннолетия Уильям Шекспир успел обзавестись женой и тремя детьми. Молодые Шекспиры еще не имели собственного дома; они приобрели его по прошествии десяти лет и жили, вероятно, в просторном доме родителей на Хенли-стрит. Нам неизвестно, сознавал ли Уильям, подобно мильтоновскому Адаму, что перед ним весь мир, но вскоре его опрямительные шаги привели его из Стратфорда на предназначенную ему одинокую стезю. Его жена не пошла с ним рука об руку, однако он не отвернулся навсегда от эдема своей юности, если здесь применимо такое выражение.

УТРАЧЕННЫЕ ГОДЫ

Никакими документальными сведениями о жизни Шекспира с 1585 г., когда родилась двойня, и до 1592 г., когда мы услышим о нем в несколько ином контексте, мы не располагаем *. Этот период времени называется в шекспироведении «утраченными годами». Однако об этих годах существует немало легенд, возникновению которых способствуют подобные пробелы.

Легендарные герои испытывают легендарную жажду. Если верить этим легендам, Шекспир пил захлеб добрый уорикширский темный эль. Он вполне мог быть накоротке с местными забулдыгами. В «Укрощении строптивой» Кристофер Слай, «сын старого Слая из Бертонской пустоши», твердит:

Да спросите вы Мериан Хеккет, толстую трактирщицу из Уинкота, знает ли она меня. Если она вам скажет, что я не задолжал по счету четырнадцать пенсов за светлый эль, считайте меня самым лживым мерзавцем во всем христианском мире. Что! Не одурел же я окончательно! Вот... *Третий слуга:* Вот почему скорбит супруга ваша! **

Конечно, Шекспир знал небольшое селение Бартон на Хите, расположенное на бесплодной земле в 27 км к югу от Стратфорда, так как там жил его преуспевавший родственник Эдмунд Лэмберт. Последний был женат на Джоан Арден, одной из семи сестер Мэри Шекспир. О том, встречался ли Уильям когда-либо с толстухой трактирщицей из деревушки Уинкот, расположенной примерно в 9 километрах к юго-западу от Стратфорда, история скромно

* О единственном упоминании о нем в судебном деле «Шекспир против Лэмберта» см. выше, с. 72—73.

** Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 2, с. 189.

умалчивает. Но некие Хеккеты действительно проживали тогда в том приходе. В XVIII в. хранитель библиотеки Радклиффа в Оксфорде Фрэнсис Уайтс предпринял поездку в Стратфорд и его окрестности, чтобы собрать рассказы о поэте. Среди прочих мест он посетил Уинкот, и его изыскания там обеспечили Томаса Уортона, профессора поэзии в Оксфордском университете, материалом для заметки в его глоссарии к изданным под его редакцией произведениям Шекспира: «Уилнкот — селение в графстве Уорикшир, вблизи Стратфорда, хорошо известное Шекспиру. Дом, который держала наша веселая хозяйка, все еще цел, но теперь в нем — мельница»¹. Комедия «Укрощение строптивой» весьма привлекает обилием ассоциаций.

Признательная публика впервые узнала об упомянутых подвигах юного Шекспира из журнала «Бритиш мэгэзин» в 1762 г., когда анонимный корреспондент, остановившийся в трактире «Белый лев», находившемся в начале Хенли-стрит, сочинил «письмо с родины Шекспира». «Веселый хозяин», сообщает корреспондент, отвел его к дому, где родился великий человек.

Мой хозяин был столь любезен, что отправился со мной посетить двух молодых женщин, являвшихся по прямой линии потомками великого драматурга: они держали небольшую пивную неподалеку от Стратфорда. По пути туда, в местечке Бидфорд, он показал мне среди зарослей кустарника дикую яблоню, которую называют шекспировским пологом, потому что однажды поэт ночевал под ней; ибо он, равно как и Бен Джонсон, любил пропустить стаканчик в компании; а поскольку он много слышал об обитателях этого селения как о лихих пьяницах и весельчаках, он однажды пришел в Бидфорд, чтобы выпить с ними. Он спросил у какого-то пастуха, где бидфордские пьяницы, и тот ответил, что пьяницы отлучились, но что любители выпить сидят по домам; и я предполагаю, продолжал овцепас, что вам за глаза хватит и их компании: они перепьют вас. И действительно, они его перепили. Он был вынужден проспать под этим деревом несколько часов...²

Эта история стала известна слишком поздно, чтобы приобрести большее значение, чем традиционный анекдот, и в дальнейшем обросла новыми подробностями. Около 1770 г. Джон Джорден, сомнительный хранитель стратфордских преданий, рассказал о том, что произошло утром после бидфордской попойки. Событыльники Шекспира разбудили его и стали уговаривать возобновить соревнование, однако, сказав, что с него было довольно, поэт окинул взглядом близлежащие деревушки и экспромтом произнес: «Со мною пили

Педворт с дудкой, танцор Марстон,
Чертов Хиллборо, тощий Графтон,
Эксхолл, папист Виксфорд,
Нищий Брум и пьяный Бидфорд³.

Четверть века спустя Сэмюэль Айерленд, охваченный душевным волнением, стоял перед деревом, которое когда-то раскинуло свою сень над Шекспиром «и укрыло его от ночной росы». Он не сомневался в правдивости услышанного: «Известно, что вся округа называет эту яблоню «дикой яблоней Шекспира» и ко всем упомянутым селениям применяются данные им в стихах эпитеты. Жители Педворта все еще славятся своей искусной игрой на дудке и барабанах, Хиллборо называют призрачным Хиллборо, а Графтон печально известен скудостью своей почвы»⁴.

Эта прекрасная яблоня, которую Айерленд зарисовал для своей книги «Живописные виды», давно не существует — ее истребили охотники за сувенирами. 4 декабря 1824 г. то, что осталось от дерева, вырыли и отвезли на телеге преподобному Генри Холиоксу в Бидфорд-Грандж. «В течение нескольких предшествовавших лет, — скорбно поясняет собиратель древностей из Стратфорда Роберт Белл Уэлер, — ее ветви почти совершенно исчезли в результате участвовавших набегах благочестивых почитателей, плесень проела кору до древесины, корни сгнили — и изъеденные временем остатки не представляют никакой ценности»⁵. Ничто не напоминает теперь современным паломникам о месте, где росла эта яблоня.

Возможно, рассказы о бражничестве Шекспира основаны не более как на (по выражению Чемберса) «измышлениях трактирщиков». Однако если верить другому, более

основательному достоверному преданию, уорикширские молодцы тешили себя гораздо более увлекательными и более опасными забавами, чем пьяные турниры. История о Шекспире — истребителе оленей во всей полноте изложена в предисловии Николаса Роу к его книге, изданной в 1709 г. Этот красочный рассказ, основанный, как и следовало ожидать, на местных стратфордских преданиях, дошел до актера Беттертона, к которому Роу обращался за фактами. Взяв на себя авторскую ответственность за все изложенное, Роу писал:

В такого рода поселении он оставался еще некоторое время, пока из-за одной выходки, в которой он был повинен, ему не пришлось оставить и свой родной край, и тот образ жизни, к которому он привык... По несчастью, как это нередко случается с молодыми людьми, он попал в дурную компанию; и молодые люди из этой компании, часто промышлявшие браконьерской охотой на оленей, неоднократно склоняли его совершать вместе с ними набеги на охотничий заповедник, расположенный неподалеку от Стратфорда и принадлежавший сэру Томасу Люси из Чарлкота. За это сей джентльмен преследовал его судебным порядком, по мнению Шекспира, пожалуй, излишне сурово, и, чтобы отомстить за это дурное обращение, Шекспир написал балладу, направленную против Люси. И хотя эта, возможно его первая, проба пера утрачена, говорят, баллада была настолько злобной, что судебное преследование против него возобновилось с новой силой и Шекспир был вынужден оставить на некоторое время свое дело и свою семью в Уорикшире и укрыться в Лондоне ⁶.

Просочились в печать и другие версии этой истории. Одна была обнаружена в памятной записке, наскоро составленной в Оксфорде в конце XVIII в. ничем не примечательным священником Ричардом Дейвисом. Возможно, он был вначале капелланом Корпус-Кристи-Колледжа, позднее стал священником в Сандфорде-на-Темзе, что в графстве Оксфорд, а затем приходским священником в Сэппер-

тоне, Глостершир. Свои дни он кончил архидьяконом в Ковентри, в епархии Личфилд; однако, когда он умер в 1708 г., его похоронили в Сэппертоне. Таким образом, он никогда не удалялся слишком далеко от родных мест Шекспира. Не отличавшийся благожелательностью собиратель древностей Энтони Вуд, который знал Дейвиса, писал, что тот всегда выглядел «красным и возбужденным, словно только что побывал в К[орпус]-К[ристи]-К[олледже] на постном обеде с последующим винопитием, как оно на самом деле и было». Мы не знаем, был ли Дейвис пьян, повествуя о том, что Шекспиру «весьма не везло, когда он крал оленину и кроликов, а именно у сэра... Люси, который часто приказывал высечь его, а порой заключить в тюрьму и в конце концов принудил бежать из родных мест, что и стало причиной его больших успехов...». Однако пострадавший отомстил, изобразив своего преследователя в качестве судьи Клодпейта, намекнув на личность этого «великого человека» упоминанием о «трех вшах, изображенных стоящими на задних лапах на его гербе». Память часто подводила веселого священника: он не мог вспомнить имя Люси и путал Клодпейта — «настоящего английского фата» из «Эпсонских колодцев», пьесы современника Дейвиса, Томаса Шэдуэлла, — с судьей Шеллоу из «Виндзорских насмешниц». Роу, которому не могли быть известны записки Дейвиса, так поясняет текст о Фальстафе:

Среди прочих его [Фальстафа] сумасбродств в «Виндзорских насмешницах» он [Шекспир] называет и браконьерство, которое могло напоминать ему порой его уорикширского преследователя, выведенного в комедии под именем судьи Шеллоу. Он дал ему почти такой же герб, который Дагдейл описывает среди древностей этого графства в качестве герба одного из местных родов, и заставляет своего уэльсца-священника шутливо рассуждать о нем⁷.

В этой пьесе Фальстаф «оскорбил» Шеллоу, «мирового судью в графстве Глостершир». «Рыцарь, — упрекает он толстого бражника, — вы побили моих слуг, подстрелили моего оленя, ворвались в дом моего лесничего». Чтобы отплатить за это, Шеллоу прибыл в Виндзор, с целью пере-

дать дело в Звездную палату. В начале первого акта пьесы «Виндзорские насмешницы» племянник судьи Шеллоу, Слендер, с восхищением говорит о судье, который подписывается Агмигеро [имеющий герб] или «эсквайр» на всех юридических документах.

7. William Shakespeare.

William Shakespeare was born at Stratford upon Avon in Warwickshire about 1563. & much given to all unbusiness in speaking verse & Latin particularly from 1570 (they who had him all whilst & sometimes imprisoned & at last made the City his Native Country to his great Advancement: but His manner was so good that he is his Justice Clodgale and calls him a good man in all things to his name from here from in like of Hages. he became a Conspirator

Stat. 25.

He dyed Apr. 23. 1616. probably at Stratford. for there he is buried. and hath a Monument on the Stage a bloody curse upon any one who shall remove his Bones He dyed a papist.

Запись Ричарда Дейвиса о Шекспире-браконьере и паписте.

Шеллоу: Что? Да, ты прав, племянник Слендер, ты совершенно прав — судью и природного дворянина, который носит свой герб по крайней мере триста лет.

Слендер: Все наши покойные потомки были джентльмены, и все наши будущие предки будут джентльмены. Они носили, носят и будут носить двенадцать серебряных ершей* на своем гербе!

Эванс: Двенадцать серебряных вшей на своем горбе?

Шеллоу: Да, на своем старом гербе!

* В подлиннике дословно «щуки». — Прим. перев.

Эванс: Я и говорю. На своем старом горбе... Ну что ж, человек давно свыкся с этой божьей тварью и даже видит в ней весьма хорошую примету: счастливую любовь, говорят.

Слендер: Я имею право рассчитывать по крайней мере на четверть этой дюжины. Не так ли, дядюшка? *

«Luces» [«щуки»] и «louses» [«вши»] — весьма типичная для елизаветинских времен игра слов. Исследователи, писавшие после Роу, заметили, что Люси из Чарлкота, играя словами, приняла в качестве своей геральдической эмблемы изображение щуки, пресноводной рыбы, которую чаще обозначают в ее взрослом состоянии словом «pike». Люси носила герб [vaigr], на котором были изображены на фоне беличьего меха три всплывающие серебряные щуки, и на одном из надгробий Люси в Уорике изображено по три щуки в каждой четверти геральдического щита, что в сумме дает ту дюжину, о которой упоминает Слендер. Судя по приведенному отрывку из пьесы, Шекспир спустя более десяти лет после упомянутого случая, используя неясный намек, мстит провинциальному судье, наказавшему по всей строгости закона за незначительный проступок резвых юношей, занимавших более высокое социальное положение, чем сын бейлифа⁸.

Третья версия содержит ту балладу, о которой упоминает Роу. Мэлон обнаружил ее в конце XVIII в. и опубликовал, не пытаясь скрыть своего скептического отношения к ней.

В рукописи под названием «История театра», изобилующей всякого рода подделками и лживыми утверждениями, написанной, как я подозреваю, суфлером Уильямом Четвудом, между апрелем 1727 и октябрем 1730 г., есть отрывок, которому читатель может доверять настолько, насколько ему покажется уместным:

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 252. В переводе «ерши» и «вши» являются эквивалентом игры слов «luse» («люс») и «louse» («лаус»). — *Прим. перев.*

«Здесь мы должны упомянуть о том, что весьма образованный Джошуа Барнз, покойный профессор греческой литературы в Кембриджском университете, остановился около сорока лет тому назад на одном из постоянных дворов Стратфорда и услышал, как какая-то старуха поет начало песни. Он так высоко ценил гений Шекспира, что отдал ей новое платье за две приведенные ниже строфы, а если бы старуха смогла пропеть ему всю песню целиком, он (как он часто говаривал в компании, когда речь заходила о нем [Шекспире]) дал бы ей десять гиней:

Своих оленей так берег
 Сэр Томас от врага,
 Что и у Томаса на лбу
 Вдруг выросли рога.
 Оленей, вапа милость, нет
 У вас, но есть жена —
 Пусть о рогах для вас всю жизнь
 Заботится она⁹.

Джошуа Барнз (1654—1712) был профессором греческой литературы и собирателем древностей; он занимал должность в Эмманьюэл-Колледже Кембриджского университета.

Иная версия этой баллады была примерно в середине XVIII в. включена Уильямом Олдисом в его заметки к биографии Шекспира, которую он так никогда и не собрался написать. Эти заметки исчезли вместе с замыслом, однако Джордж Стивенс успел просмотреть «несколько десятков бумаг» с заметками из «громоздких собраний» Олдиса и сделал выписки из них для своей книги «Шекспир», вышедшей в 1778 г.

Уильям Олдис... отмечает, что «в окрестностях Стратфорда проживал престарелый джентльмен (где он и умер пятьдесят лет тому назад), который не только слышал от нескольких стариков в этом городе о правонарушениях Шекспира, но даже мог припомнить первую строфу той злой баллады, которую он, много раз пересказав, оставил в виде записей одному из своих знакомых: вот эта строфа, не ухудшенная и не улучшенная, а точно переписан-

ная с того списка, который мне любезно предоставил его родственник»:

Судья мировой и в парламент прошел —
 Он пугало дома, в столице — осел,
 С кем именем схож он? — Походит на вошь он,
 Но с вошью не только по имени схож он;
 В величьи своем остается ослом,
 И мы по ушам заключили о том.
 С кем именем схож он? — Походит на вошь он,
 Эх, с вошью не только по имени схож он¹⁰.

Еще до начала следующего столетия другой выдающийся шекспировед, Эдвард Кейпел, установил личность этого престарелого джентльмена.

Томас Джонс, проживавший в Тарбике, одном из селений графства Вустершир в нескольких милях от Стратфорда-на-Эйвоне и умерший в 1703 г., когда ему было за девяносто, вспоминал о слышанной им от нескольких стариков из Стратфорда истории о том, как Шекспир занимался браконьерством в заповеднике сэра Томаса Люси; и их рассказ об этом согласуется с рассказом, приведенным Роу со следующим дополнением: дескать, баллада, написанная Шекспиром против сэра Томаса, была наклеена на ворота его заповедника, что побудило обзленного рыцаря обратиться к юристу в Уорике, с тем чтобы возбудить иск против Шекспира; Джонс записал первую строфу этой баллады — это все, что он из нее помнил, — а Томас Уилкс (мой дед) сообщил ее моему отцу на память, и отец тоже записал ее, и вот его список: «Судья мировой и в парламент прошел...» *

* Shakespeare. Works. Ed. Edward Capell. Note on «The Merry Wives of Windsor». Notes (1780) ii, p. 75. Малон изучил отрывок и напечатал его в примечании с таким комментарием: «Я старался пересказать то, что сохранилось по этому вопросу после Кейпела внятным языком; но не уверен, что сам правильно понял его. В качестве образца его стиля привожу его собственные слова, и пусть читатель толкует их, как может» (Shakespeare. Plays and Poems. Ed. Malon (1821) ii, 139 n. Погрешности стиля Кейпела были замечены и членами Литературного клуба. «Если бы этот человек пришел ко

Возможно, здесь какая-то ошибка, так как в приходской книге, в которой отмечались погребения в селении Тардбиг, как его называют в наши дни, не значится никакого Томаса Джонса ни в 1703 г., ни около этого времени, хотя в ней отмечена смерть некоего Эдварда Джонса в том же году.

Пустив корни, легенда о браконьерской охоте на оленей принесла причудливые плоды в виде романтических прикрас. Из одной заметки к краткой биографии Шекспира 1763 г., подписанной латинской буквой «Р» (под ней скрывался, как выяснилось, Филип Никольс, издатель «Британской биографии»), мы узнаем о непримиримой вражде между сильными противниками — сыном перчаточника и мировым судьей — и о тех любопытных обстоятельствах, при которых в конце концов состоялось их примирение. Злая баллада была, оказывается, не «единственной стрелой», которую Шекспир «выпустил в своего преследователя, чей гнев привел его на край гибели, когда он был вынужден выполнять самую черную работу, чтобы обеспечить себе средства к существованию. Как долго этот рыцарь оставался неумолимым, неизвестно; но несомненно, что Шекспир в конце концов был обязан освобождению от преследования доброте королевы»¹¹.

Гораздо позже, в следующем столетии, один из потомков рода Люси говорил, что не королева, а ее ближайший фаворит, Роберт Дадли, граф Лестер, стремился удержать мстительного рыцаря от возбуждения дела о преступлении, которое карается смертью; и впоследствии Шекспир написал «Виндзорских насмешниц», чтобы доставить удовольствие Лестеру¹². Такого рода запоздалые вымыслы, плоды склонного к фантазии воображения не должны более задерживать трезвого биографа, и все же существенная часть истории о браконьерстве, поимке, судебном преследовании и бегстве дошла до нас в четырех отдельных версиях — Дейвиса, Роу, Барнза и Джонса (через Олдиса и Кейпела), — и каждая из них основана на слухах, распро-

мне, — признается доктор Джонсон своему уважаемому другу Беннету Ленгтону, — я бы постарался «вложить смысл в его слова», ибо он и впрямь «бормочет бессвязно» (Boswell's Life of London. Ed. George Birbeck Hill. rev. L. F. Powell, Oxford, 1934—1940, IV, p. 5).

странившихся в Стратфорде, в конце XVIII в. В какой же мере эта драматическая история правдоподобна?

Говорят, что она произошла в Чарлкотском заповеднике. Сто лет назад Генри Джеймс в летние сумерки стоял среди величественных дубов и древних вязов этого заповедника, «чья освященная веками растительность кажется пережитком древней Англии, чьи бескрайние пространства, протянувшиеся в свете раннего вечера до смутно виднеющихся вдаль стен времен Тюдоров, сохранились здесь, подобно отставшим от времени годам, уводящим в елизаветинский век»¹³. Большой дом с парком расположен на берегах Эйвона, в четырех милях вверх по течению от Стратфорда, на открытой равнине Фелдона. С западной стороны воды реки омывают ступени береговой террасы. Аллея величественных лип спускается на юг к старой проселочной дороге, ведущей в Стратфорд. Из рода в род семейство Люси проживало в Чарлкоте, но не раньше середины XVI в., когда вирус новой болезни, *la folie de bâtir* [мании строить], распространился среди английского нетитулованного дворянства, один из них, наш Томас (еще не посвященный в рыцари), перестроил свой старый помещичий дом. Здешние тенистые дубы пошли на балки кровли большого особняка, фасад которого выходил на берег реки. Над крышей возвышались крытые свинцом купола восьмигранных башенок по четырем углам многофронтонного дома и две одинаковые башенки надвратного помещения. Золоченые флюгера отражали лучи утреннего солнца. Этот роскошный дом, заверченный в 1558 г., был первым елизаветинским особняком в графстве Уорикшир¹⁴.

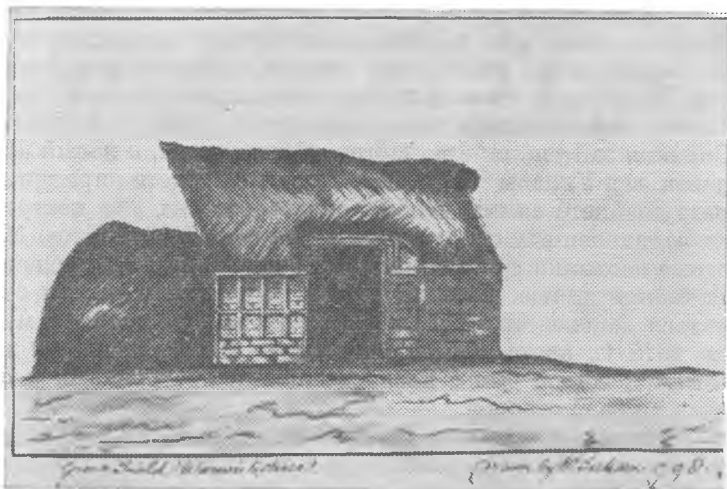
Разумеется, Шекспир должен был знать эти места. Бродя по полям вокруг фермы своего дяди в Снитерфилде, расположенном в двух милях от Чарлкота, он не мог не заметить эти флюгера в окружавшей их листве. В наши дни лани бродят по холмистой местности Чарлкота, но их развели здесь не ранее XVIII в. И в шекспировские времена это поместье не славилось никаким заповедником, в котором охотники могли бы соблазниться на незаконные действия. «Слово «заповедник» означает некое огороженное место». Однако не всякое поле и не всякая часть общинной земли, даже если какой-либо джентльмен огородил ее стеной или частоколом и использовал как пастбище для стада

олений, юридически признавались заповедником. Для учреждения заповедника требовалось разрешение короля или по крайней мере наличие исконного права на его учреждение. Так сказано у Блэкстона¹⁵. Никто из семейства Люси не испрашивал королевского разрешения на содержание заповедника в Чарлките до 1618 г. У нашего Люси был разве что свободно учреждаемый питомник, в густом подлеске которого укрывались кролики, зайцы и лисы, дикие голуби и фазаны, а также другие звери и птицы, которые водятся в такого рода питомниках. Ланей обычно причисляют к дичи. Тем не менее выдающийся судья и авторитетный юрист елизаветинских времен сэр Эдвард Коук относил косуль к животным питомника, так что они могли быть в Чарлките. Закон 1563 г. об охране дичи, очевидно, распространялся на оленей на любом огороженном участке, а не только на тех, которые содержались в заповедниках, огороженных с разрешения закона. Более того, Дейвис (как мы видели) упоминает кроликов наряду с оленями. В этих питомниках было достаточно дичи для того, чтобы оправдать наем нескольких лесничих, чьи имена встречаются в счетной книге сэра Томаса Люси: Энтони и Хамфри, Роберт Метью (каждый из этих трех именуется или «мой лесничий», или «один из моих лесничих»), Джордж Кокс, «лесничий моего кроличьего садка», и Джордж Скейлс, сокольничий. Ни один ли из этих слуг застиг нашего браконьера, когда тот склонился над своей добычей, и представил его, опустившего глаза и прячущего за пазуху обгавленную кровью руку пред очи властного хозяина имения, выехавшего верхом за ворота вместе со своей супругой, соколом и собаками? В таком виде воссоздает этот исторический эпизод для викторианской публики Джозеф Нэш на красивой формате ин-фолио литографии, сделанной для его собрания «Старинные усадьбы Англии».

Но Чарлкоту приходится состязаться с другой местностью, выбранной для того же мелодраматического эпизода. В конце XVIII в. хранители преданий, зная, что у сэра Томаса не было никакого заповедника в Чарлките, перенесли место действия этой сцены через реку в Фулбрук, примерно на 4 километра к северу от Чарлкота, на середине пути между Стратфордом и Уориком.

В своих «Живописных видах» Сэмюэль Айерленд сообщает:

В пределах заповедника, на месте, называемом Дэйзи-Хилл, ныне расположен сельский дом, который в былые времена был сторожкой лесничего. К этой сторожке, как рассказывают, был доставлен

«Олений амбар». Литография с рисунка У. Джэксона, 1798 г.; опубликована в книге Холта Брейбриджа «Шекспир — небраконьер» (1862 г.)

ваш Шекспир, и здесь его держали взаперти, пока против него, как предполагается, выдвигалось обвинение. Как бы слабо ни была обоснована такая гипотеза, я считаю, что и ее довольно для того, чтобы вызвать интерес к месту, где все это предположительно происходило...¹⁶

В 1828 г. знаменитый посетитель Чарлкота услышал от одного из потомков человека, строившего особняк, о том, что Шекспир убивал оленей в Фулбруке. «Предание гла-

сит, — записал Вальтер Скотт в своем дневнике 8 апреля, что олень был спрятан в амбаре, развалины которого еще сохранялись несколько лет назад, но теперь начисто сгнили»¹⁷. В наши дни несколько жилищ, построенных в XIX в. поблизости от Дэйзи-Хилл, по традиции все еще называются «домами у оленьего амбара»¹⁸.

Однако сам факт перенесения места действия не разъясняет сколько-нибудь удовлетворительно той цели, ради которой оно было предпринято. Действительно, Генри VIII доверил опеку над старым королевским заповедником в Фулбруке с его небольшим замком, построенным герцогом Бедфордом, одному из предков елизаветинских Люси. Однако впоследствии этот заповедник пришел в упадок. Сорняки заглушили его, частокол развалился, и новый владелец, сэр Уильям Комптон, вывозил на телеге кирпичи из разрушенного замка, чтобы использовать их при постройке великолепных сооружений в Комптон-Уайнгейтсе. Местные охотники считали немногих уцелевших здесь оленей ничейной дичью. Еще до 1557 г. Фулбрук перестал считаться заповедником и не был таковым по крайней мере до 1615 г., когда другой сэр, Томас Люси, приобрел эти земли и жилой дом с хозяйственными постройками и обнес их новой оградой.

Впрочем, где именно произошла эта история, не так уж важно, поскольку мировой судья мог арестовать браконьера где угодно в пределах территории, на которую распространяется его юрисдикция. Но никто из должностных лиц не мог отдать приказ о порке, так как преступление (согласно действовавшему закону об охране дичи) квалифицировалось как вторжение в чужое владение с причинением ущерба, а не как уголовное преступление и наказывалось штрафом, составлявшим в сумме тройную стоимость нанесенного ущерба, или заключением в тюрьму не более чем на три месяца; кроме того, преступник должен был представить гарантию своего хорошего поведения в течение последующих семи лет. Если же этот проступок можно было истолковать как бесчинство, наказание полагалось более суровое, и, если Шекспир действительно написал злую балладу, можно было прибегнуть к положениям, касающимся преступной клеветы.

Легенда подчеркивает строгость мирового судьи, а в

балладе высмеиваются рога обманутого мужа и ослепшие уши члена парламента; так что неплохо бы представить себе характер сэра Томаса Люси. Он был старшим ребенком в семье, где росли десять детей, и ему исполнилось всего четырнадцать лет, когда отец устроил его брак с тринадцатилетней Джойс Эктоп, единственной наследницей состоятельного вустерского землевладельца. Благодаря ее состоянию удалось перестроить Чарлкот, где в 1565 г. фаворит королевы Роберт Дадли от ее имени посвятил Томаса в рыцари; а спустя семь лет сама Елизавета почивала на перинах из гусиного пера в Большой спальне и подарила дочери Люси прелестный драгоценный камень. Этот человек с прямым носом, квадратной челюстью и с аккуратно подстриженной бородой (таким он выглядит на гипсовом изображении) приобрел в Уорикшире большую силу. В парламенте он был занят благочестивыми трудами, назначая наказания служившим и слушавшим католические мессы. Кроме того, он составил законопроект, навсегда оставшийся в комиссии, о «более тщательной охране полевых и дичи» посредством объявления браконьерства уголовным преступлением. В качестве мирового судьи ее величества королевы этот пуританин-помещик употреблял свои силы главным образом на борьбу с «уклоняющимися», одного из которых он буквально сам обнаружил умирающим от голода в стог сена; и будучи ревностным инквизитором во время своей службы в одной из комиссий Тайного совета, он заслужил благосклонность этой внушавшей ужас могущественной организации. Признательный парламент провел в 1584 г. билль, наделив сэра Томаса Люси и ему подобных «определенными» землями, которые, вероятно, были конфискованы у эмигрировавших католиков. Город Стратфорд потчевал сэра Томаса испанским вином и бордо в трактирах «Медведь» и «Лебедь». И если общество он заставлял бояться и уважать себя, то в личных отношениях был не столь суров. Он написал рекомендательные письма для одной благородной дамы и для одной служанки. В 1584 г. благодаря его хлопотам была улажена тяжба между сыном одного из его слуг и другом Шекспира Гамнетом Сэдлером¹⁹. Отношение к своей жене этот сквайр выразил в эпитафии, украшающей родовую гробницу в церкви св. Леонарда в Чарлкоте:

Когда все уже сказано, остается добавить, что женщина, наделенная и украшенная добродетелью, которую нельзя было превзойти и которой никто не обладал в равной мере, прожила жизнь добродетельнейшим образом и скончалась как нельзя благородно. Надпись сия сделана тем, кто лучше всех знал истинность написанного

Томасом Люси²⁰.

Когда в 1600 г. Люси умер, великий Кемден, герольд-мейстер Кларенсью, устроил похороны, на которых присутствовали и другие герольды. По правде сказать, сэр Томас не очень похож на того деспота, которым его рисует предание, или на рога носца из баллады. Не соответствует он и карикатурному изображению недалекого Шеллоу из «Виндзорских насмешниц».

Сомнение вызывает другое. Мировой судья не сам определяет приговор для правонарушителя, которому он предьявляет иск. Если щука была геральдической эмблемой сэра Томаса, то такая же эмблема была (среди прочих) у Гаскоинов, графов Нортгемптон и у Общества торговцев вяленой рыбой²¹. Некоторым ученым, которые исходят из представлений о личности и творчестве Шекспира, основанных на его драматургии, кажется невероятным, чтобы он мог таить злобу в течение десяти лет и затем излить ее, уязвив свою жертву в какой-то пьесе. Но даже если предположить, что это было именно так, многие ли лондонские зрители, даже среди придворной публики, могли понять скрытые намеки на какого-то провинциального джентльмена и на событие, давным-давно происшедшее в его имении? Более того, если даже эти намеки были понятны нескольким посвященным, стал бы такой профессиональный драматург, как Шекспир, рисковать, оскорбляя высокопоставленных друзей человека, имевшего заслуги перед государством? Это было бы безрассудно и к тому же непоследовательно, ибо Шекспир отнесся с уважением к сэру Уильяму Люси, предку сэра Томаса, упомянув его в первой части «Генри VI»; и более ранний судья Шеллоу во второй части «Генри IV» изображен без злобы, и, как кажется, без конкретных намеков. Интересно было бы знать,

не зародилась ли эта легенда много позже написания «Виндзорских насмешниц», и после смерти автора среди местных жителей, которые прочли эту пьесу и, припомнив шутки про щук и вшей, истолковали этот отрывок в соответствии с собственным чувством негодования, вызванным могуществом соседнего рода. Время шутит с нами шутки: события совпадают. В 1610 г. другой сэр Томас Люси, третий по счету, действительно предъявил в Звездную палату иск против браконьеров, которые с оружием в руках проникли в его заповедник в Сеттоне, убили олеца и впоследствии похвалялись этим в пивной²². Возможно, по косвенной ассоциации этот более поздний случай проник в предание.

Тем не менее начальные строки «Виндзорских насмешниц» содержат отчетливый намек, и, хотя этот вопрос и без того уже достаточно запутан, другой прототип судьи Шеллоу был предложен уже в наш век. Этим кандидатом, о существовании которого стало известно скорее благодаря исследованиям одного из ученых, а не изменчивости легенды, является Уильям Гардинер, мировой судья из графства Суррей. Он гордился изображением той же пресноводной рыбы на своем гербе, так как его первая жена была вдовой Фрэнсиса Уэйта, урожденной Люс или Люси. Этот Гардинер, косвенно связанный с театром «Лебедь», жил в Лондоне в те же годы, что и Шекспир, и мы еще вернемся к нему в одной из следующих глав книги.

Каковы бы ни были все связанные с ней сложности, чарлкотская история не вполне утратила свое очарование. «Легенда о браконьерстве настолько нравится публике, что любые доводы здесь бессильны», — утверждает нынешняя обитательница Чарлкота, Элис Фейерфакс-Люси.

Если эта легенда будет авторитетно опровергнута, будущие поколения лишатся того, что в течение веков делало нашего поэта живым в представлении читателей. Портреты Шекспира немногочисленны, и подлинность их оспаривается. В толпе великих теней его фигура достаточно безжизненна. Но поместите его на фоне питомника в Чарлкоте или заповедника в Фулбруке на исходе ночи, когда опасный лунный свет бледно освещает траву, и вы полу-

чите нечто реальное. Кража, поимка, наказание, побег — все это связано с подлинной жизнью²³.

Возможно, что это и так, и несколько авторитетных специалистов в нашем веке — Эдмунд Чемберс, Дж. Э. Бенгли и (из более недавних) А. Л. Рауз — полагают, что в этом предании есть доля правды.

Даже если эти легенды приукрашивают, довольно прихотливо, подлинную проделку, они повествуют о забавах и развлечениях, а не о серьезных жизненных занятиях. Шекспир не мог прокормить свою растущую семью случайным куском оленины. Неужели молодой супруг так и проводил все дни, недели и месяцы, будучи подмастерьем в течение семи лет до рокового дня своего отъезда из Стратфорда? Такой точки зрения придерживается возродившееся недавно предание, которое повторяет историю, рассказанную Обри о подручном мясника. Пока Даудел стоял перед надгробной плитой и эпитафией Шекспиру в церкви св. Троицы в 1693 г., престарелый приходский псаломщик и церковный сторож, сопровождавший его, рассказал и о том, что «Шекспир прежде подвизался в городе подручным мясника, но сбежал от своего хозяина в Лондон и там был принят в один из театров в качестве слуги и таким образом получил возможность стать тем, кем он впоследствии стал»²⁴. Хотя в этом рассказе не утверждается, что хозяином был отец Уильяма, нам представляется, что своим источником он имеет уже известное нам недоразумение в определении рода занятий Джона Шекспира и потому он не более убедителен, чем любой неправдоподобный слух.

Под впечатлением формальных знаний драматурга из области права Мэлон, превратившийся из адвоката в ученого лигатуроведа, предположил, что Шекспир, «еще находясь в Стратфорде, был принят на службу в контору местного адвоката, который в то же время был мелким нотариусом и, возможно, был также сенешалем в каком-нибудь поместном суде»²⁵. Будущие юристы примут во внимание это предположение, и им найдется что возразить на него. Однако если бы Шекспир в течение нескольких лет занимал место в какой-нибудь уорикширской адвокатской конторе, «присутствуя на судебных заседаниях и выездных сессиях уголовного, манориального и других су-

дов, и, возможно, его посылали в столицу во время судебных сессий, чтобы предоставлять дела лорд-канцлеру или высшим судебным инстанциям, ведающим гражданскими делами в Вестминстере» (как это себе представлял один главный судья в викторианскую эпоху)²⁶, несомненно, его подпись обнаружилась бы в делах или в завещаниях, которые он обязан был заверять; но ни одной такой подписи обнаружено не было*. В 1859 г. мирный антиквар У. Дж. Томс призвал нашего поэта на военную службу в Нидерланды. Некий Уильям Шекспир, торжествующе заметил он, внесен в 1605 г. в список личного состава обученных солдат в селении Роуингтон, округ Барличуэй, где расположен Стратфорд²⁷. Но, разумеется, Томс путает поэта с каким-то его однофамильцем: в Роуингтоне было несколько своих Шекспиров. Моряки, печатники, цирюльники-лекари, врачи, все кто угодно претендуют на Шекспира, но самой интригующей является версия, оглашенная Обри.

Ссылаясь на авторитет Уильяма Бистона, он сообщает, что, хотя Шекспир, по словам Бенджамина Джонсона, знал «немного латыни и еще меньше греческого», он все же «довольно хорошо знал латынь, так как в молодые годы был учителем в провинции»²⁸.

Обри считал, что Бистон лучше всех знал обстоятельства жизни Шекспира и, несомненно, тот вполне мог быть хорошо осведомлен. Уильям, актер, игравший во времена Карла I, а также в эпоху Реставрации (он умер в 1682 г.), был сыном Кристофера Бистона. Последний начал свою карьеру с исполнения незначительных ролей в труппе «слуг лорда Стренджа», а впоследствии занял высокое положение импресарио целого ряда театральных предприятий, таких, как «слуги ее величества королевы Анны», «слуги ее величества королевы Генриетты», «мальчики Бистона», и в 1616—1617 гг. построил помещение театра «Феникс». С этого времени и до своей смерти он был наиболее значительной фигурой в лондонском театральном мире²⁹. В 1598 г. Бистон входил в шекспировскую труппу

* Об этом сообщил Чарлзу Найту Роберт Белл Уэлер, тщательно изучивший сотни документов о передаче родового титула и других правовых документов, начиная с 80-х гг. XVI в.; (Schoenbaum S. Shakespeare's Lives. (Oxford. 1970), p. 387).

«слуг лорд-канцлера», поскольку в том году он играл вместе с Шекспиром в пьесе Джонсона «Всяк в своем нраве». Так что актер и актер-драматург знали друг друга, но насколько хорошо, мы не можем сказать.

Но следует ли из этого, что сообщение Обри заслуживает доверия? В конце концов Шекспир никогда не учился в университете, а у стратфордских учителей (как мы видели) были ученые степени, полученные в Оксфорде или Кембридже. Однако он мог занять более скромную должность *abecedarius*³⁰. Обри говорит только о том, что Шекспир преподавал «в провинции», то есть в любом месте за пределами Лондона, а во многих городах, в отличие от Стратфорда, муниципальные власти часто предъявляли менее строгие требования к преподавателям. Не позже чем в 1642 г. в своем труде «Священное и светское государство» Том Фуллер — «великий Том Фуллер», как называет его Пипс, — говоря о профессии преподавателя, жалуется на то, что «молодые учащиеся используют эту профессию, требующую призвания, как прибежище даже до получения ученой степени в университете, становясь школьными учителями в провинции, как будто для этого рода деятельности не требуется ничего, кроме умения владеть розгами и тростью, которой наказывают школьников»³¹. Например, Саймону Форману, который впоследствии оставил о себе память как врач, астролог и развратник, едва исполнилось девятнадцать лет, когда он начал преподавать, но вскоре оставил это занятие и поступил в Оксфорд, «чтобы подучиться»³². Возможно, что и Шекспир нашел место репетитора в каком-нибудь высокопоставленном семействе. Предание, согласно которому поэт был сельским учителем, мусолящим Плавта, которого впоследствии он использовал, создавая одну из своих самых ранних пьес — «Комедию ошибок», не может быть документально подтверждено, но его также не следует с порога отвергать. Во всяком случае, оно чрезвычайно привлекает педантичных биографов.

Чем бы юный Шекспир не занимался — сек ли (по снизводительному выражению Джонсона) детишек, чтобы заработать себе на жизнь, или служил клерком у нотариуса, или помогал своему отцу в перчаточном деле, — он занимался этим недолго. Когда Петруччо спрашивают,

какой счастливый ветер занес его из старой Вероны в Падую, он отвечает:

Тот ветер, друг, что гонит молодежь
Искать свою судьбу вдали от дома
И опыт приобрести *.

Незадолго до 1592 г. этот ветер увлек и Шекспира в Лондон.

Ему не нужно было ждать прибытия в Лондон, чтобы впервые познакомиться с актерской игрой и пьесами. Пятнадцатилетним мальчиком неподалеку от Ковентри он смотрел последние представления большого цикла мистерий, разыгрывавшихся ремесленными гильдиями. Пока его отец состоял на службе, он не раз имел возможность видеть игру профессиональных трупп, приезжавших в город. Время от времени в Стратфорде устраивались по какому-либо случаю любительские представления. «На троицын день», — вспоминает переодетая мальчиком Джулия в «Двух веронцах», —

Когда мы с ней в комедиях играли,
Мне часто роли женщин доставались,
И были платья Джулии мне впору,
Как будто шил портной их для меня **.

Однажды стратфордская корпорация выделила деньги на представление в троицын день. В 1583 г. корпорация выплатила Дэйви Джонсу и его труппе 13 шиллингов 4 пенса за устройство развлечений в канун троицы. Дэйви Джонс был женат на Элизабет, дочери Адриана Куини, а после ее смерти в 1579 г. взял в жены некую Фрэнсис Хетеуей. Был ли Шекспир одним из юношей, наряжавшихся для этих троицких празднеств? ³³

Недавно было выдвинуто увлекательное предположение, что Шекспир вступил на жизненный путь актера до троицких празднеств 1583 г., даже до женитьбы на Энн. Согласно этому предположению, еще совсем мальчиком Шекспир примкнул к группе гастролировавших актеров и затем был представлен богатому семейству Хафтонов из

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 2, с. 207.

** Там же, с. 379.

Ли-Холла, расположенного вблизи Престопа в графстве Ланкашир.

Сильно изменившаяся со временем, но сохранившаяся до наших дней усадьба Ли-Холл расположена среди полей поблизости от Салвик-Брук, неподалеку от омываемого океаном северного побережья. 3 августа 1581 г. хозяин этого поместья, не имевший наследника мужского пола, Александр Хафтоп, будучи при смерти, составил завещание, в котором установил выплату ежегодной ренты тем, кто верно ему служил. Своему сводному брату Томасу он «настоятельнейшим образом» наказывал отнестись «дружелюбно к Фоуку Гильому и Уильяму Шексшафту (Shakshafte), ныне пребывающим со мной, и либо взять их к себе на службу, либо помочь устроиться к хорошему хозяину...». Тому же самому Томасу передавались «все мои музыкальные инструменты и всякого рода костюмы, если он намерен и будет держать актеров»; в противном же случае «названные инструменты и костюмы» должны были перейти к шурину завещателя, сэру Томасу Хескету из Рафффорда, расположенного примерно в 20 километрах от поместья. В 1914 г. Шарлот Стоупс обратила внимание на одну из записей в протоколах манориального суда, относившихся к 33-му году правления Генри VIII (1541—1542) и хранившихся в колледже Сент-Мэри в Уорике. В ней упоминался некий Ричард Шейксшафт (Shakeshafte). Поскольку поместье, о котором говорится в записи, расположено в Спитерфилде, речь идет, несомненно, о деде поэта, Ричарде, несмотря на несколько иное написание фамилии. Таким образом, Шекспиры, наши Шекспиры, могли быть упомянуты как Шейксшафты (Shakeshaftes); из этого следует, что Уильям в возрасте семнадцати лет и еще неженатый уже начал свою театральную карьеру в частном семейном театре, возможно слегка изменив фамилию, чтобы избежать отцовских нареканий по поводу своей юношеской затеи. Предположение о том, каким образом Шекспир приобрел к сцене, было впервые выдвинуто Оливером Бейкером в 1937 г. в его работе «В шекспировском Уорикшире», написанной после того, как он наткнулся на копию завещания Александра Хафтона, напечатанную в 1860 году в публикации Четемского общества.

Положение усложнилось. Сэр Эдмунд Чемберс, изучая историю семейств Хафтонов и Хескетов, отыскивал некоторые дополнительные данные. Упомянутый в завещании Хафтона сэр Томас Хескет был в дружеских отношениях с могущественными Стэйли, графами Дерби. Есть данные, что сэр Томас несколько раз навещал четвертого в роду графа Генри и его сына Фердинандо, лорда Стренджа, в их загородных домах в Латоме и Ноузли. В приходо-расходных книгах управляющего имением Стэйли, Уильяма Фарингтона, имя Хескета стоит в одном ряду с актерами: запись за декабрь 1587 г. гласит: «Сэр То[мас] Хескет, актеры уехали». В течение многих лет семейство Стэйли покровительствовало гимнастам и акробатам, а также актерам. Хорошо известная труппа «слуг лорда Стренджа», которую содержал Генри, вероятно, перешла к Фердинандо, ставшему в 1593 г. пятым в роду графом Дерби. Более того, гастролирующие труппы включали поместье Стэйли в свои провинциальные маршруты, о чем свидетельствуют счета в приходо-расходных книгах. После смерти Александра Хафтона Уильям Шейксшафт, возможно, поступил на службу к Хескету, с его помощью установил связь с лордом Стренджем и получил доступ на лондонскую сцену.

К этой замысловатой картине Лесли Хотсон добавил еще один штрих. Оказалось, что лондонский ювелир Томас Севидж, являвшийся в 1599 г. одним из двух доверительных собственников, когда Шекспир и несколько его коллег заключили соглашение об аренде земли для театра «Глобус», был родом из Ланкашира, а именно из Рафффорда, и, кроме того, был связан через брак с семьей Хескет.

Известно, что несколько стратфордских школьных учителей также были родом из этого северного графства и, как мы видели, один из них, католик Джон Коттом, прибыл в Стратфорд, когда Шекспиру шел пятнадцатый год. Этот Коттом проживал неподалеку от принадлежавшего Хафтону поместья Элстон-Холл; у отца Коттома были деловые отношения с отцом Хафтона. Нельзя ли, учитывая это обстоятельство, подобно Хотсону и его последователям, по-повому истолковать замечание Обри о том, что Шекспир в ранней юности был провинциальным учителем? Возможно, он служил одновременно репетитором и актером в семействе Хескетов. У последнего сын был «укло-

нящимся», а его вдова, леди Элис, оказывала помощь папистам и однажды приютила какого-то священника-миссионера. Графство Ланкашир в какой-то мере пользовалось дурной славой как «рассадник папизма». Возможно, это даст ключ к разгадке существа религиозных воззрений Шекспира. Все эти обстоятельства с их сложными взаимосвязями, естественно, привлекают внимание апологетов католицизма. Так, преподобный Питер Миллуорд воображает, что Шекспир был послан на север своим отцом, возможно, после представления, которое давали в Стратфорде актеры графа Дерби, «имея с собой рекомендательное письмо от упомянутого школьного учителя к Александру Хафтону. О его последующем пребывании в Раффорде свидетельствует, как говорят, местное предание, сохранившееся в этом селении, и оно подтверждается его более поздней связью с Томасом Севеджем...».

Ученые тешат себя подобного рода предположениями, однако данная тщательно разработанная конструкция оказывается несостоятельной при ближайшем рассмотрении. Во-первых, Ш. Стоупс допустила неточность. В снитерфилдском манориальном протоколе она неверно прочла не только дату (на самом деле был указан 1533 г.), но и фамилию Ричарда, которая звучит как «Шекстаф» (Shakstaff), а не «Шейксшафт» (Shakeshafte). Нет никаких свидетельств о том, что кто-нибудь в семье поэта прибегал к написанию «Шейксшафт» как варианту фамилии. Во-вторых, в Ланкашире жило достаточно Шейксшафтов, и среди них много Уильямов. И действительно ли те костюмы для игры, о которых беспокоится в своем завещании Александр Хафтон, — актерские костюмы? В них могли облачаться и музыканты. А о чем говорит заметка Стюарта Фарингтона «сэр То[мас] Хаскет, актеры уехали»? Запятая появилась при редактировании текста, однако в последнем нет никакого притяжательного местоимения. Скорее Фарингтон упоминает не об актерам Хаскета, а о том, что и актеры, и Хаскет уехали одновременно. Однако решающее значение для опровержения этой гипотезы имеют завещательные отказы недвижимости в названном завещании (своего рода порядок тонтины), согласно которому слуги — одиннадцать из тридцати — награждаются по старшинству. Уильям Шейксшафт с его годовой рентой

в 2 фунта был скорее человеком тридцати-сорока лет, нежели подростком лет семнадцати. Самые молодые наследники получали по 13 шиллингов 4 пенса каждый. Такой беспощадный логический анализ завещания XVI в. был сделан Дугласом Хамером в феврале 1970 г. К сожалению, отец Милуорд, опубликовавший свою работу три года спустя, проглядел его. Такие опасности подстерегают ученого при научном исследовании³⁴.

Мы станем на более твердую почву, если сосредоточим свое внимание на сообщениях, как бы они ни были скудны, о труппах, посещавших Стратфорд в конце 80-х гг. В пору летнего зноя, когда солнце или чума, или то и другое вместе делали столицу безлюдной, а также в другие периоды актеры ведущих лондонских трупп, закинув за спину свои узелки и блистая яркими атласными костюмами, отправлялись в турне по провинции. В сезоны 1583/84 г. три труппы в ливреях слуг графа Оксфорда, Эссекса и Вустера давали представления в здании ремесленной гильдии и, возможно, на постоянных дворах на Бридж-стрит. Но более всего щес Стратфорд увидел с декабря 1586 по декабрь 1587 г. Возвещая о своем прибытии барабанным боем и звуком труб, пять трупп — ее величества королевы, графа Эссекса, графа Лестера, лорда Стаффорда и еще одна безымянная труппа — побывали в городе. Об этом свидетельствуют счета корпорации. Среди них «слуги графа Лестера» и «слуги ее величества королевы» заслуживают особого внимания.

С начала царствования Елизаветы эти актеры носили эмблему лорда Роберта Дадли в виде белого зазубренного жезла; с тех пор как Джеймс Бербедрж стал ведущим актером труппы, она выдвинулась на первое место и могла гордиться королевским патентом и постоянным местом для представлений, «Театром», в качестве своего основного помещения. Для Шекспира особое значение имели связи графа в Уорикшире, которых тот не утратил. Когда летом 1565 г. он в течение двенадцати дней пышно принимал королеву в своем замке в Кенильворте в 22 километрах к северо-востоку от Стратфорда, все местные жители собрались, чтобы увидеть блестящий проезд Елизаветы и поглазеть на забавы, которые устраивались днем, или на фейерверк, освещавший ночное небо. Кое-кто тепил себя при-

ятной и не столь уж неправдоподобной картиной, изображавшей олддермена Шекспира проталкивающимся в эту толпу вместе со своим одиннадцатилетним сыном. На большом озере возле замка в живых картинах на воде изображался Арион верхом на дельфине, которого тянула лодка с веслами в виде плавников. Под аккомпанемент музыкантов, находившихся в брюхе дельфина, Арион пел, по словам очевидцев, «восхитительную песенку, хорошо сочетающуюся с музыкой»³⁵. Если юный Уильям 18 июля был свидетелем этого зрелища, он не мог его забыть. «Ты помнишь», — напоминает Пэку Оберон, —

Как слушал я у моря песнь сирены,
Взобравшейся к дельфицу на хребет?
Так сладостны и гармоничны были
Те звуки, что сам грубый океан
Учтиво стихнул, внемля этой песне,
А звезды, как безумные, срывались
С своих высот, чтоб слушать песнь...*

А капитан корабля в «Двенадцатой ночи» говорит о брате Виолы, который «поплыл по морю», // как на спине дельфина — Арион. // Я это видел сам» **.

Через десять лет после этих великолепных празднеств в Кенильворте, когда граф возглавил английские войска, поддержавшие Нидерландский союз против Испании, несколько его актеров отправились с ним в Голландию. 24 марта 1586 г. сэр Филип Сидни в письме к Уолсингаму из Утрехта упоминал об «Уилле, комическом актере моего господина лорда Лестера». От таких слов у поклонников Шекспира замирает сердце; но, вероятно, Сидни имел в виду Уилла Кемпа, знаменитого шута и исполнителя жиги, которым два месяца спустя Лестер прельщал датский двор. В год гибели Армады граф умер. Некоторое время его труппа продолжала существовать, возможно под покровительством графини, затем она распалась. Несколько актеров присоединились к актерам старшего брата Лестера, графа Уорика; другие — Кемп, Брайан и Поуп — примкнули к труппе Стренджа или к «слугам адмирала». «Слуги графа Лестера» могли завербовать Шекспира до роспуска труппы, когда положение ее было неустойчивым³⁶.

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 150.

** Там же, т. 5, с. 117.

Одно событие в судьбе постоянной труппы «слуг ее величества королевы» открывает более захватывающие возможности для исследователей. Составленная распорядителем празднеств в 1583 г. из лучших актеров Лондона, блиставшая своими пурпурными одеяниями, эта труппа находилась тогда в зените славы. Звезда труппы, несравненный шут Ричард Тарлтон повсюду собирал толпы зрителей и вызывал смех. В 1588 г. он умер, и все предприятие лопнуло как мыльный пузырь. Однако летом 1587 г. «слуги ее величества королевы» были выдающейся труппой в стране. В Абингдоне толпа так жаждала видеть Тарлтона и его собратьев, что высадила окна в здании гильдии. «Слуги ее величества королевы» посетили еще полдюжины городов, в том числе и Стратфорд. 13 июня, когда труппа была в Тейме, графство Оксфордшир, между девятью и десятью часами вечера на огороженной площадке, называвшейся Уайт-Хаунд, произошел драматический эпизод. Один из актеров, Уильям Мелл (он играл принца Хела, вероятно, в анонимной пьесе «Славные победы Генри V»), обнажил оружие и напал на своего собрата Джона Тауна, йомена из Шордича. Загнанный в угол и опасаясь за свою жизнь, Таун насквозь пронзил Мелла своим мечом. Последний через полчаса умер. Производивший дознание коронер признал, что Таун действовал, защищая свою жизнь, и королева помиловала его. Вдова Мелла, Ребекка, менее чем через год вышла замуж за актера Джона Хемингса, который впоследствии стал таким достойным другом Шекспира. Тем временем «слуги ее величества королевы» продолжали свои гастроли. Мы не знаем в точности, когда они играли в Стратфорде в 1587 г. Из отчета казначея за период «от рождества 1586 г., XXIX года царствования Елизаветы, за целый год» ясно лишь то, что корпорация вознаградила актеров щедрой суммой в 20 шиллингов (самая большая сумма из когда-либо выплаченных актерам) и впоследствии выделила 16 пенсов на починку скамей, сломанных, как можно предположить, вследствие устроенной зрителями давки.

Если эти актеры прибыли в Стратфорд после 13 июня, в их труппе недоставало одного человека. Может быть, до своего отъезда из Стратфорда они пополнили труппу, зачислив в нее двадцатидвухлетнего Шекспира? ³⁷

ЛОНДОН И ЛОНДОНСКИЕ ТЕАТРЫ

К сожалению, в истории не зафиксировано, когда именно наш молодой супруг надолго простился со своей семьей — с Энн, которой, вероятно, было уже около тридцати, с Сьюзан и с близнецами, с родителями, старевшими в доме семьи Шекспиров на Хенли-стрит, — и, перейдя Клоптонский мост, зашагал один или вместе с актерской труппой по большой дороге, ведущей в столицу. Когда он прославится и станет состоятельным горожанином Стратфорда, он будет нанимать лошадей, а пока вполне уместно предположить, что юный Шекспир из соображений экономии шел пешком.

Он мог выбрать один из двух маршрутов — либо через Оксфорд, либо через Банбери. Первый путь был более коротким и прямым; любой мужчина мог проделать его за четыре дня, покрывая по сорок километров ежедневно; ночью за один пенс можно было обеспечить себя чистыми простынями на постоялом дворе. Эта дорога вела путника через Шипстоун-на-Стауре и Лонг-Комптон, через невысокую гряду холмов, разделяющих графства Уорикшир и Оксфордшир; затем мимо знаменитого круга из камней, называвшегося «Ролл-рич-стоунс», через голую безлесую возвышенность к королевскому заповеднику Вудсток, где густо росли старинные дубы и буки, и дальше к Оксфорду. За Оксфордом — Хай-Уайкоумб и Биконсфилд. Второй маршрут, который Обри называет той самой дорогой, которая ведет из Лондона в Стратфорд, проходил мимо Пиллerton-Херси через Эджхилл, затем через Банбери («славившийся сладкими пирогами, сыром и религиозным рвением»), через Бакингам, Эйлсбери (в который вступаешь по небольшому каменному мосту и каменной дамбе) и через два Чалфонта — в Аксбридж. Здесь эти два тракта встречались. Шекспиру был знаком последний маршрут, если верить ходившим в XVII в. сомнительным слухам о том, что драматург провел одну летнюю ночь в Грендоне

и там повстречал щеголявшего неправильным словоупотреблением констебля, который послужил прообразом Кизила [в комедии «Много шума из ничего». — *Перев.*]; сомнительным потому, что Грендон-Андервуд был расположен на окольной дороге в пятнадцати километрах к югу от Бакингема¹. От Аксбриджа шел уже только один оживленный тракт мимо Шепердс-Буш, мимо виселиц Тайберна и дома на Оксфорд-роуд, где лорд-мэр давал торжественные обеды. Затем, поворачивая на юг, дорога (теперь здесь проходит Шафстбери-авеню) приводила к церкви, стоявшей посреди живописного поселка, окруженного открытыми полями, и потому называвшейся церковью св. Джайлза-в-поле. За ней находилось предместье Холборн, и, миновав церкви св. Эндрю и св. Сепульхрия, путешественник наконец входил в великий город через ворота Ньюгейт².

Это были одни из семи ворот, через которые главные дороги вели в город, окруженный, как во времена Чосера, «высокой и массивной стеной со множеством башенок и бастионов» (по описанию Томаса Мора). Сложенная из необтесанного камня, покрытая черепицей и завершенная кирпичными и каменными зубцами с бойницами, эта стена огромной дугой длиной около четырех километров окружала город с трех сторон. Часть этой стены, протянувшуюся вдоль улицы Темз-стрит и защищавшую столицу со стороны реки, давно заменили пристани, склады и причалы процветающего порта. Другие участки стены, разумеется, тоже исчезли, а решетки ворот тяжело опустились, и сами ворота захлопнулись в последний раз в XVIII в. Однако их названия сохранились в названиях районов: Олдерсгейт — в восточной части города; Бишопсгейт, Мургейт, Криплгейт — в северной; Ньюгейт, Ладгейт, самые древние ворота, — в западной, очертив таким образом для современного лондонца границы старого города.

Если приезжий стоял с внешней стороны этих стен, в районе Сарри, скажем, возле внушительной башни храма пресвятой девы Марии-Овери (ныне Саутуоркский собор), ему открывался захватывающий дух вид на пространство столицы, отраженный в удивительно подробных панорамах Виспера и Холлара. С востока на запад, насколько видел глаз, протянулась могучая артерия великой, толкаемой вспять приливами реки. Ни один город в христианском

мире не мог гордиться такой большой рекой. «Неспешнее, Темза, кати свои свежие воды», — звучит припевом у поэта. Воды Эйвона были куда свежей; экскременты из городской канализации сбрасывались в Темзу, трупы собак и прочая падаль плавали на ее поверхности. Но рыба, несмотря на эти стоки, все еще водилась в больших количествах, и множество лебединых верениц, скользивших по реке, удивляло приезжих с континента *. Оживляло реку и другое движение. Важные персоны держали собственные суда, которые швартовались у ступеней, спускавшихся от великолепных особняков к самой воде. Простой народ занимал лодки на общественных причалах, где лодочники кричали: «Эй, на восток!» или «Эй, на запад!» Их клиентами по большей части были искатели развлечений, направлявшиеся в театры, загоны для травли медведей и публичные дома Банксайда или возвращавшиеся отсюда. В лице Джона Тейлора эти лодочники нашли своего увенчанного лаврами плебейского поэта, а река — своего наиболее восторженного певца. Темза, неблагозвучно пел он,

Несет хромых: тучнее тощий с ней,
 При ней всяк город чище и свежей;
 Без Темзы на безрыбьи даже рыбы,
 Страхась огня, мы жарить не смогли бы;
 И пивоварам без нее — беда:
 Дороже солода была б для них вода...³

Шекспир должен был иметь дело с лодочниками, поскольку, где бы он ни проживал — в Клинке или в Бишопсгейте, — пользовался их услугами, переезжая через реку, когда его и его труппу вызывали для придворных спектаклей, показывавшихся в Уайтхолле, в Гринвиче или в Ричмонде; он мог нанять речное такси у причалов возле Блэкфрайарз или у Пэрис-Гарден на противоположном берегу. Костюмы и реквизит доставлялись особо — на барке. Река была бесшумной серебристо струящейся дорогой. На людных пристанях и возле торговых складов высокие трехмачтовые суда разгружали свой товар. В Биллингсгейт при-

* С тех пор как загрязнение вод Темзы уменьшилось, рыба, как пишут газеты, стала возвращаться: около восьмидесяти ее видов водится в настоящее время в устье Темзы, включая семгу, не заходившую в реку в течение полутора веков.

бывала не только рыба, но всевозможное продовольствие, за исключением бакалейных товаров (пряностей, сушеных фруктов и тому подобного). Когда королева всходила на свою золоченую монаршую барку с развевавшимися вымпелами, на Темзе воцарялась атмосфера праздника. Однажды в день св. Марка портной и неутомимый предприниматель Джон Мэйчин записал в своем «Дневнике», как после ужина королева разъезжала на своей барке вверх и вниз по реке, окруженная сотней судов, под звуки труб, барабанов, флейт и пушек, освещавших небо разрывами петард, пока в десять часов ее величество не решило, что уже наступил вечер, и все это время тысячи людей стояли вдоль берегов, глядя на королеву⁴. В 1581 г. Елизавета поднялась на борт барка «Золотая лань», чтобы посвятить в рыцари Дрейка; теперь этот древний барк, совершивший кругосветное плавание, лежит, истлевая, возле Дентфорда, где, по преданию, Кристофер Марло встретил свою насильственную смерть.

Вдоль реки непрерывный ряд особняков, связывавший Лондон с Вестминстером, демонстрировал богатство и мощь столицы. Вдали от берега теснились ряды небольших домов, и над их остроконечными крышами возвышалось более сотни колоколен и приходских церквей; некоторые из них представляли собой шедевры английской готики. Лондон, по словам поэта,

схож с серпом луны.
При свете оков звезд веспушки не видны;
А шпилей лес стоит, подобно тростнику,
Чьи острия растут на лондонском берегу⁵.

Все это изображено на панорамах Лондона.

Три внушительных сооружения господствуют над этим пейзажем.

Лондонский мост, связывающий Саутуорк с городом возле Фиш-стрит, был единственной переправой через Темзу; «каменный мост длиной более 25 метров поразительной работы» — так писал некто приехавший из Германии в 1598 г.⁶ Певцу воды нужны рифмы, чтобы выразить свой восторг:

Мост Лондонский не даром всех славней
Величьем зодчества и прочпостью своей.

Входивший в город с юга видел насаженные на железные пики головы, гирлянда этих голов варварски украшала надвратное помещение. Более привлекательно выглядели довольно богатые, красивые и хорошо построенные дома, в которых жили состоятельные торговцы⁷. Эти дома были выстроены вдоль всего моста, над всеми двенадцатью его арками, делая его более похожим на продолжение улицы, чем на мост. Торговцы жили в верхних этажах и демонстрировали свои товары в лавках, расположенных внизу по обе стороны такого узкого проезда, что (как с усмешкой замечает венецианский посол) два экипажа не могли разъехаться на нем, не подвергаясь опасности. Торговцы галантереей с их наиболее привлекательным товаром держали здесь свои лотки. Только сквозь три просвета между домами этого узкого проезда пешеходы могли мельком увидеть реку и ромбовидные бревенчатые конструкции, так называемые волнорезы, построенные вокруг быков моста. У десятого по счету, «Большого быка», во время отливов на волнорезе открывалась площадка, служившая основанием для каменных ступеней винтовой лестницы, которая вела в знаменитую часовню, называемую «св. Томас-на-мосту». Эта внушительная часовня (в которую также можно было проникнуть с моста), с ее теснящимися колоннами и множеством стрельчатых окон, построенная когда-то в память блаженного мученика, теперь превращена в склад и служит маммоне.

К западу от моста — собор св. Павла, самый большой и величественный в Англии, подавляет своими размерами окружающий городской пейзаж. Этот кафедральный собор, в том виде, в котором его знал Шекспир, отчасти уже был лишен своего великолепия, так как в 1561 г. молния разрушила деревянную колокольню, возвышавшуюся более чем на 50 метров. Благочестивые христиане собирали средства на ее восстановление, но она так никогда и не была вновь построена. Интерьер храма представлял собой разнородное зрелище. В среднем нефе, называемом «галереей Хамфри» или «галереей Павла», юристы — каждый у своей колонны — совещались с клиентами, слуги, лишившиеся хозяев, искали себе панимателей, мошенники срезали кошельки у других мошенников, а кавалеры щеголяли своими плюмажами, затевали ссоры и назначали

свидания сговорчивым девчонкам, в то время как портные примечали новейшие фасоны и демонстрировали свои ткани и кружева. Посыльные использовали этот неф как кратчайший путь на Флит-стрит, хотя теперь они уже не проводили (как в былые дни) своих лошадей и мулов через кафедральный собор. Тем временем церковные службы шли своим чередом на клиросе. На паперти возле креста св. Павла, стоявшего с северо-восточной стороны храма, по утрам в воскресные дни проповедники клеймили порок. Временами внутри церковной ограды устраивались лотереи, но в основном здесь торговали книгами. Многие печатники, проживавшие непосредственно на церковном дворе или поблизости от него, открыли здесь свои лавки. Под вывесками, на которых были изображены красный лев, белая лошадь или чернокожий мальчик и все что угодно, они выставляли на своих прилавках самые последние проповеди или изданные отдельными книгами пьесы. На переплете большинства пьес Шекспира, опубликованных при его жизни, стоит эмблема книгоиздателей с паперти храма св. Павла. Сам драматург некоторое время снимал комнату в нескольких шагах от собора св. Павла в районе Криплгейт. Должно быть, он не раз листал здесь книги, в которых находил источники сюжетов для своих пьес, или просто наблюдал ежедневно повторяющееся представление человеческой комедии, в своем роде не менее занимательное, чем те спектакли, которые ставились в театре «Глобус».

К востоку от моста находилось массивное здание, куда более зловещее: Тауэр — огромный комплекс фортификационных сооружений. Ров, окружавший его с трех сторон, подъемный мост, мощные стены, внутренние дворы, центральная крепость Уайт-Тауэр [Белая башня] с ее зубчатыми стенами и четырьмя луковичной формы башенками, венчавшими более низкие башни цитадели. В «Ричарде II» Шекспир упоминает Тауэр, который «на горе нам построил Юлий Цезарь»⁸. Говоря так, он просто вторит народному преданию, ибо строительство Тауэра начал Вильгельм Завоеватель. Назначение этой крепости объясняет Джон Стоу в своем «Обзрении Лондона»:

Этот замок является цитаделью, призванной защищать город, господствуя над ним, королевской

резиденцией, где проводятся ассамблеи и заключаются договоры, государственной тюрьмой для наиболее опасных преступников, единственным местом, где чеканится монета для всей Англии, арсеналом военного снаряжения, сокровищницей утвари и драгоценностей короны, вместительным хранилищем большинства протоколов королевских судов в Вестминстере⁹.

Здесь не перечислены лишь одна или две функции. В Тауэре можно было сочетаться браком. Гуляющая публика посещала зверинец в Лайон-Тауэр [Львиная башня], которая была расположена у нынешнего главного входа; здесь в 1598 г. Пауль Хенцнер, учитель из Бранденбурга, с интересом разглядывал львов, тигра и рысь, «чрезмерно старого» волка, орла и дикобраза.

Известковый раствор кладки стен Тауэра, согласно Фитцстивену, монаху из Кентербери, жившему в XII в., смешивался с кровью диких зверей. Человеческая кровь также вошла в плоть Тауэра; недаром одну из его башен называют Блади-Тауэр [Кровавой башней]. Конвоиры доставляли узников в крепость по крытому каналу, проведенному под пристанью Тауэра. Этот въезд назывался «Воротами изменников». (Однажды в дождливое вербное воскресенье, когда вода билась о ступени, юная Елизавета проехала через эти ворота и торжественно объявила: «Сейчас на этот берег в качестве узника сходит самый верный из подданных, когда-либо ступавших на этот причал»¹⁰.) Узкую пристань охраняет равнодушная пушка, пока лебедки разгружают товары. За крепостными укреплениями на Тауэр-хилл стоит деревянный эшафот и виселица. Ночью призраки являются в коридорах и на лестницах Тауэра; среди них есть те же самые призраки, которые тревожили покой Ричарда III накануне битвы на Босуортском поле. Ни одно другое здание не играет такой важной роли в пьесах Шекспира.

Однако город славился и множеством других зданий, представляющих исключительный интерес. Возле замка Бэйнардз на берегу реки, там, где на него выходит Темз-стрит, Ричард Глостер «среди епископов, отцов ученых» ожидал возможности с притворным смирением отвергнуть

предложенную ему корону. Дом Лестера в районе нынешней улицы Стрэнд (этот район не являлся в те времена в точном смысле частью Лондона — он входил в состав герцогства Ланкастер) был «первым среди зданий, памятных своими внушительными размерами». Здесь жил Роберт Дадли, фаворит королевы, а после него Роберт Девере. Впоследствии это здание стало известно как дом Эссекса. В этот дом граф вернулся после ирландского похода, приветствуемый хором из «Генри V». Здесь он замыслил неудавшийся мятеж, закончившийся для него опалой и плахой. Обращенное фасадом на Корнхилл, высилось здание королевской биржи, построенное сэром Томасом Грешемом по образцу Большой биржи в Антверпене. Оно было четырехугольным, с огромными входными арками в северной и южной части. Внутри иноземные купцы и торговцы ходили вдоль сводчатой двухэтажной галереи с лавками. На этом большом северном базаре при свете восковых свечей они разглядывали доспехи, мышеловки, драгоценности, обувные рожки и всякого рода изделия. В полдень и в шесть часов вечера большой колокол созывал этих торговцев решать свои дела. Хотя Шекспир прямо не упоминает это «око Лондона» (как восторженно именует биржу Манди), биржа могла снабдить его материалом для аллюзий, связанных с Риальто в «Венецианском купце».

Как показывают панорамы Лондона, на севере за собором св. Павла и за колокольнями церковей тянулись необработанные поля — местность с разбросанными там и сям небольшими участками леса. Зеленая зона в те времена была ближе к городу, и путь от фермы до рынка был короче. Лондон кончался возле Кларкенуэлла. Приходы Сейнт-Панкрас и Чаринг-Кросс были еще сельскими поселениями. Излингтон был деревушкой, стоявшей при дороге, которая вела в Сейнт-Олбенс; деревья густо покрывали холмы Хэмпстеда. Но огороженный стеной город с трудом вмещал население, разросшееся до ста шестидесяти с лишним тысяч человек, так что здания стали строиться за пределами стен, образовав неопрятные окраины.

На северо-востоке неподалеку от Или-Плейс, где на огородах росла та самая клубника, отведать которую впоследствии возжелал горбатый Ричард, были расположены пуб-

личные дома Кларкенуэлла, куда часто навевывались падкие на удовольствия кавалеры из юридических школ. Судья Шеллоу был в их компании в ту пору, когда его называли «весельчаком Шеллоу».

Там учился вместе со мной маленький Джон Дойт из Стаффордшира, и черный Джордж Барнс, и Франсис Пикбон, и Уилл Скуил из Котсолда. Таких четырех головорезов не сыскать было во всех колледжах. Смею вас уверить, уж мы-то знали, где раки зимуют, и к нашим услугам были всегда самые лучшие женщины*.

На рождественских пирушках господа из юридических школ произносили шуточные здравицы в честь «Люси Негро, аббатисы из Кларкенуэлла», и в честь хора ее монахинь, которые при пылавших светильниках пели «Я буду угодна» (первое песнопение заупокойной вечерни) для назойливых джентльменов из юридической школы. Профессор Дж. Б. Харрисон полагает, что она могла петь и для Шекспира, обретя таким образом бессмертие в качестве «смуглой дамы» в «Сонетах»¹¹. Лесли Хотсон, также заинтригованный этой возможностью, думал, что этой Люси Негро была некая Люс Морган, Черная Люс, которая, к сожалению не будучи негритянкой, в лучшие дни была фрейлиной королевы. Позднее она завела публичный дом на улице Сейнт-Джон в Кларкенуэлле и «наживалась на продажной любви»¹². Однако она вполне может соперничать с другими претендентками на роль «смуглой дамы»¹³.

К востоку от больницы св. Кэтрин в тени Тауэра, у самой глубокой отметки уровня воды в Темзе, и до Уаппинга, где казнили пиратов, оставляя их висеть, пока прибой трижды не омоет их, «в течение сорока лет никто не построил ни одного дома; но потом, когда виселицы передвинули еще дальше, там появилась бесконечная улица, скорее напоминавшая грязный узкий коридор с проулками между небольшими домами, где снимали жилье подрядчики, снабжавшие продовольствием моряков; улица тянулась вдоль Темзы почти до Редклиффа на добрых полтора

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 180.

километра от Тауэра»¹⁴. Эти перемены заставили Стоу, страстно любившего этот город, в котором он прожил семьдесят лет, тосковать о временах, описанных столь милым ему Фитцстивенном:

Со всех сторон за домами окраин — сады и огороды горожан, засаженные деревьями — большими, красивыми и соединенными в аллеи. С северной стороны — пастбища и пологие луга, через которые бегут ручьи, с благозвучным шумом вращающие колеса водяных мельниц. Неподалеку — большой лес, неогороженный и густой, надежный приют для оленей, вепрей и зубров. Хлеба растут не на тощей песчаной почве, а на нивах, плодородных, как в Азии, дающих обильный урожай и наполняющих зерном житницы. Вблизи от Лондона, в северных пригородах, есть особые источники пресной, целебной и чистой воды. Среди них наиболее известны источники Холиуэлл, Кларкенуэлл и Сейнт-Клемон. Их чаще всего посещают учащиеся и молодые люди, когда летними вечерами выходят пройтись и подышать свежим воздухом¹⁵.

Теперь летними вечерами воздух в этих местах стал не так полезен для здоровья, как во времена Фитцстивена. Ибо жизнь в столице стала нездоровой. Чума тучей нависала над городом, временами поражая его — в 1592—1594 гг. и вновь в 1603 г.; и тогда театры закрывались, а жители, которым это было по средствам, бежали. Население увеличивалось не столько за счет естественного роста, сколько благодаря притоку извне: его пополняли бежавшие от религиозных гонений во Франции и Нидерландах или сельские жители, лишившиеся своих наделов в результате превращения пахотной земли в пастбища. В Лондоне было много бедняков. Они теснились в убогих трущобах, снимая жилье в домах, бревенчатые каркасы которых были заполнены штукатуркой, смешанной с грязью; эти жилища вытесняли зеленые церковные дворы, надстраивались над конюшнями, проникая во все углы и щели города. Состоятельные приезжие иностранцы дивились чисто-

те этих проездов. «Улицы в этом городе весьма красивы и чисты,— замечает Хенднер,— но та, которая названа в честь ювелиров, населяющих ее, превосходит все остальные: на ней есть позолоченная башня и бьющий фонтан»¹⁶. Но как большинство туристов, куда бы они ни приезжали, он видел лишь наиболее привлекательные районы, а не перенаселенные приходы и не кварталы за пределами приходов, вроде прихода св. Джайлза в Криплгейте или св. Леонарда в Шордиче, так что он ничего не говорит о той запущенности, на которую Тайный совет обращал внимание мировых судей Миддлсекса в 1596 г., на это «множество жалких сдававшихся внаем жилищ и домов на окраинах — прибежище беззакония и беспорядка» и на «большое число беспутных, распущенных и дерзких людей, нашедших себе пристанище в такого рода и подобных зловонных и содержащихся в беспорядке домах, а именно: в бедных лачугах и убогих жилищах нищих и людей, не имеющих ремесла, в конюшнях, постоянных дворах, пивных, тавернах, беседках, обращенных в жилье, в харчевнях, игорных домах, кегельбанах и борделях»¹⁷. В боковых проулках проезды были слишком узки для экипажей, а выступающие верхние этажи жилищ заслоняли солнечный свет. Мусор, выбрасываемый из окон, лежал кучами; моча и экскременты загрязняли сточные каналы. В Мурфилдсе и в Финсбери-Филдсе валялись разлагавшиеся трупы собак, кошек и лошадей. Бойня прихода св. Николая в Ньюгейте размещалась в самом центре города; здесь зловонная кровь текла по улицам, а потрохами кормились местные коршуны и вороны, их (как и лебедей) было запрещено уничтожать. На Сколдинг-Эллей торговцы птицей публично палили кур и продавали их на соседнем птичьем рынке. Окружавший большую стену города ров, в котором когда-то водилась рыба, стал зловонным источником заразы. Все это способствовало размножению черных крыс, наводнивших сдававшиеся внаем жилища и лачуги, и распространяло блох, переносивших бациллу чумы. Впоследствии более свирепая бурая крыса, предпочитавшая размножаться не в жилищах, а в норах или в водостоках, помогла искоренить черную крысу. Способствовало этому и улучшение жилищных условий. Но это произошло уже после Шекспира и не без помощи Великого пожара, унич-

тожившего значительную часть того Лондона, который он знал¹⁸.

И все же, несмотря на скученность, грязь, засилье крыс и болезни, столица была ярко украшена всевозможными цветами и зеленью. Вдоль берегов реки старинные резиденции, естественно, были окружены обширными садами с цветочными клумбами и плодовыми деревьями. В весенний день 1596 г. Эдмунд Спенсер вполне мог пройти там,

Где берег серебристый Темзы цвел,
Чьи отмели — его реки подол,
Раскрашен был различными цветами,
И убрал драгоценно всякий дол.

На небольшой высоте в стыках каменной кладки стены, идущей вдоль Темзы, возле Савоя росла дикая редька, и ее можно было сорвать, когда вода в реке спадала. Под городской стеной в саду одного лондонского аптекаря цвел сельтис. Даже часть городского рва была покрыта садами. Трава росла и среди развалин бывших монастырей, еще не превращенных в жилые помещения. На Поп-Лейн в районе Олдерсгейт, где когда-то (как иные говорят) росли ивы возле приходской церкви св. Анны-в-ивах, ив больше не было — «ныне здесь нет места, на котором могли бы расти ивы», но несколько высоких ясеней еще украшали церковный двор. Окраина Холборн в основном состояла из садов; в Хэки женщины из окрестных селений собирали некрупную репу и продавали ее у рыночного креста в Чипсайде. Ползучая лапчатка (или пятилистник) обвила кирпичную стену на Лайвер-Лейн; задняя стена улицы Чансери-Лейн заросла ползучей травой ногтеедой, и она же нависла над входом в гробницу Чосера в старом дворце Вестминстерского аббатства¹⁹.

Большой город контрастов порождал величественные особняки и трущобы, сады и заваленные отбросами закоулки. Находясь в непосредственной близости от королевского двора, город был жизненно важным нервным центром ремесел, торговли, коммерции, а также искусств; Лондон питал английское Возрождение. Только в столице гениальный драматург мог сделать карьеру. Но и у захолустного Стратфорда, расположенного в ста восьмидесяти километрах от столицы, были свои проблемы. Горожане по-

старше помнили чуму шестьдесят четвертого года, хотя с тех пор им больше не доводилось переживать ее. Летом, перед гибелью испанской армады, вода в Эйвоне внезапно поднялась, с двух сторон разрушив Клоптонский мост и залив все скошенное сено в долине. Разрушительные пожары три раза бушевали в Стратфорде при жизни Шекспира. Однако на берегах Эйвона летними вечерами можно было вдыхать более свежий воздух. Лани и олени все еще укрывались в Арденском лесу, и нивы давали богатые урожаи — не менее богатые, чем в окрестностях Лондона во времена Фитцстивена. Так что нам не следует удивляться тому, что (как гласит предание) поэт каждый год приезжал в свой родной город, или тому, что он приобрел большую часть своей собственности в нем, а не в столице, или тому, что, будучи на вершине своей лондонской славы, предпочел провести сумеречные часы своей жизни в Стратфорде.

Если какая-либо столица привлекает к себе приезжих иностранцев, они порой могут рассказать нам о ее главных достопримечательностях больше, чем местные жители. Это действительно так в отношении одной значительной особенности Лондона, о которой мы как раз собираемся говорить. Никто более тщательно не изучил в нем каждый камень и каждую улицу, чем Джон Стоу, и все же он странным образом мало говорит о театрах, которые в наших глазах составляют славу елизаветинской Англии. В связи с исчезновением религиозной драмы Стоу сообщает, что

в последнее время вместо этих драм вошли в употребление комедии, трагедии, интерлюдии и хроники, как правдивые, так и вымышленные; для представления коих сооружены определенные публичные здания, такие, как «Куртина» etc. [На полях: «Театр» и «Куртина» — для комедий и других зрелищ]²⁰.

В другом месте, описав Холиуэлл, Стоу мимоходом добавляет: «И вблизи от мест сих построены два обществен-

ных здания для развлечения, в коих разыгрывались и представлялись комедии, трагедии и хроники. Одно из них называется «Куртина», другое — «Театр»; оба находятся в юго-западной части здешнего поля»²¹. Вот и все, но даже эти лаконичные упоминания он изъясил из второго издания «Обозрения» в 1603 г. К тому времени, правда, «Театр» перестал существовать, и слуги лорд-камергера больше не играли в «Куртине». Однако в «Глобусе» за песколько пенни можно было посмотреть «Юлия Цезаря» или «Гамлета». Стоу ни разу не упоминает шекспировский театр. Отнюдь не пуританин, этот «славный старик» был слишком респектабельным буржуа, чтобы его могли привлекать такие пустяки, как театральные пьесы. Описаниям елизаветинских театров и того, что с ними связано, мы обязаны путешественникам с континента. Так, Томас Хейвуд, который сам был драматургом, с гордостью говорит о том, что «театральные представления суть украшение этого города и чужестранцы всех племен и народов, часто бывающие здесь, рассказывают у себя на родине, с каким восторгом они смотрели их, ибо есть ли еще в христианском мире город, который мог бы состязаться с Лондоном в разнообразии зрелищ?»²². К счастью, несколько кратких записей, сделанных этими путешественниками, уцелело.

Летом 1598 г., методически обзревая город, Пауль Хенцнер тщательно осмотрел мраморные гробницы в соборе св. Павла и в Вестминстере, а также доспехи в Тауэре и множество товаров на королевской бирже. В Гринвиче он получил доступ в приемный зал (какой-то друг похлопотал за него) и мельком видел королеву, шестидесятипятилетнюю, с обнаженной грудью и почерневшими зубами; англичане, как заметил он в своей записной книжке, употребляют слишком много сахара. В поисках развлечений Хенцнер отправился в Банксайд.

За пределами города есть несколько театров, где английские актеры почти ежедневно представляют трагедии и комедии перед весьма многочисленной публикой; эти зрелища завершаются превосходной музыкой, разнообразными танцами и излишне бурными рукоплесканиями присутствующих.

Неподалеку от этих театров, которые все постро-

ены из дерева, возле реки находится королевская барка...²³

Но по-видимому, Хенцнеру была по вкусу менее изысканная пища, чем театральные драмы, поскольку он подробно останавливается на другого рода зрелищах:

Есть здесь и другие помещения, построенные в форме театра, где происходит травля быков и медведей; животных держат на привязи, и на них спускают больших английских бульдогов, но собаки тоже весьма рискуют пострадать от рогов быка и зубов медведя; и порой случается так, что собак убивают на месте; новые псы немедленно замещают раненых и уставших. За этой забавой часто следует другая: пять или шесть мужчин окружают и нещадно бьют бичами ослепленного медведя, который не может избежать ударов, так как прикован цепью. Медведь защищается изо всех сил и со всей своей ловкостью, швыряя наземь всех, кого ему удастся достичь, и тех, кому не удается увернуться, вырывая у них из рук бичи и ломая их. На этих зрелищах, как и повсюду, английская публика постоянно курит табак... В этих театрах сообразно с временем года разносят и продают плоды, такие, как яблоки, груши и орехи, а также эль и вино²⁴.

Другие иностранцы, в основном германоязычные, также оставили записки. Сэмюэль Кихель, купец из Ульма, некоторое время проживавший в Англии, в 1585 г. описывал театры, должно быть «Театр» и «Куртину», как «особые (sonderbare, то есть besondere) дома, построенные так, что в каждом из них около трех галерей, расположенных одна над другой»²⁵. Неясно, почему эти галереи произвели на него такое впечатление. Возможно, он не видел прежде театров с подобным устройством сидячих мест или, может быть, он вообще никогда до этого не видел театров. Через десять лет принц Левис из Анхальт-Кетена был поражен прекрасными костюмами, в которые были одеты актеры, изображавшие королей и императоров в четырех театрах (vier spielhäuser), действовавших тогда в Лондоне. Свя-

ценник церкви пресвятой девы Марии в Утрехте Иоганнес де Витт, возможно посетивший Лондон в том же, 1596 г., оставил, помимо заметок, уникальный набросок интерьера одного из театров. И то и другое пропало, но, к счастью, друг де Витта, учившийся с ним в Лейденском университете, настолько заинтересовался записями и наброском, что скопировал их в свою записную книжку, которая прекрасно сохранилась и доступна теперь всем в скромной университетской библиотеке, расположенной в центре Утрехта. В конце XVI в. Томас Платтер из Базеля приезжал в Лондон и несколько лет спустя описал виденные им спектакли. Заметки Платтера и де Витта наряду с рисунком последнего — наиболее ценные свидетельства очевидцев о елизаветинском театре. Мы еще вернемся к ним.

Драматическое искусство процветало в Лондоне еще до сооружения специальных театральных помещений. Шестидесятыми годами датируются первые известия о трупях, дававших представления в трактирах «Бык» в Бишопсгейте; «Бел-Сэвидж» на Лудгейт-Хилл; «Колокол» и «Скращенные ключи», расположенные рядом на Грейсчерч-стрит; «Красный лев» и «Кабанья голова» в Уайтчепеле*. Снабженные постоянными сценами, артистическими уборными, а также местом, где могли стоять зрители, эти трактиры долгое время использовались актерами и после того, как с появлением театров они устарели. Известно, что даже в 1594 г. шекспировская труппа играла «зимой в пределах города в трактире «Скращенные ключи» на Грейшест-стрит».

И все же сооружение первого специального театра является событием огромного значения в истории английской драмы. Джеймс Бербедрж, «первый строитель театров», по профессии был плотником (или мастером-столяром) в предприятии Снага, а по нраву — «упрямым малым», так говорит о нем один из его современников. Не преуспев в своем ремесле, он стал профессиональным актером. В одном документе 1572 г. он упомянут как ведущий актер

* Июлем 1587 г. датируется упоминание о какой-то пьесе про Самсона, ставившейся в трактире «Красный лев»; упоминания о постановках пьес в других трактирах относятся к более позднему времени.

весьма уважаемой труппы графа Лестера, возможно, ее глава (его имя значится первым в списке), и подобным же образом он вновь упоминается вместе с этой же труппой в 1574 и 1576 гг. Этот странствующий актер сообразил, что можно извлекать «постоянную и значительную прибыль» из здания, предназначенного исключительно для драматических представлений. Он оказался прав. В 1576 г., когда у него было не более ста марок — вовсе не скудная сумма по тем временам, а требовалось куда больше, — он одолжил капитал у своего родича, преуспевавшего бакалейщика Джона Брайна, который десятью годами раньше вложил деньги в трактир «Красный лев». Теперь следовало найти место для строительства.

Поскольку сам Бербедрж жил на северной окраине, он присматривался к району Халиуэлл (или Холиуэлл), который являлся частью прихода св. Леонарда в Миддлсексе и Шордиче и был расположен всего в полумиле за городскими воротами Бишопсгейт. Эта местность, названная в честь старинного, считавшегося святым, источника, принадлежала когда-то небольшому бенедектинскому монастырю. Монастырь был распущен. Источник, затхлый и загрязненный, пополнил небольшой пруд для водопоя и купания лошадей, а участок перешел в собственность короны. Земля вокруг источника пустовала, если не считать нескольких покинутых жилищ, разрушившегося амбара и каких-то огородов. Здесь на небольшом участке пустыющей земли между этими брошенными домами и старой кирпичной стеной монастыря весной 1576 г. рабочие Бербедржа начали строить здание театра. Более чем через столетия Катберт Бербедрж (сын Джеймса) и его семья сделали памятную запись об этом событии и его последствиях:

Отец, давший нам, Катберту и Ричарду Бербедржам, жизнь, первым построил театр и сам в молодые годы был актером. Он построил «Театр», одолев много сотен фунтов под проценты. Актеры, жившие в те времена, получали прибыль лишь от части входной платы, теперь же актеры получают от хозяев помещения всю входную плату и половину платы за места на галереях. Он построил это здание на арендованной земле, из-за которой у него

впоследствии была большая судебная тяжба с землевладельцем, а после его смерти подобные же неприятности легли на нас, его сыновей. Тогда мы надумали сменить место и, израсходовав надлежащую сумму, построили «Глобус», заняв еще больше денег под проценты...²⁶

Но об этом событии речь пойдет в другой главе.

Ров с западной стороны отделял театр от широкого поля Финсбери. Поскольку Бербедрж не имел права пользоваться дорогой, идущей от Холиуэлл-Лейн, зрители должны были пересекать поле и проходить к театру через ворота в монастырской стене. «Мне нужно было попасть в «Театр» на спектакль», объявляет призрак Тарлтона, вернувшийся из чистилища, —

и, подойдя к нему, я обнаружил такое скопление буйного люда, что подумал, не лучше ли мне прогуляться в одиночестве по этим полям, чем попасть в такую страшную толчею. Мне пришло в голову по нраву эта затея, и я зашагал мимо часовни св. Анны, что у источника Клиру, и прошел позади часовни Хогдона. Там, очутившись на солнцепеке и увидев прекрасное дерево, дававшее прохладную тень, я присел, чтобы отдышаться, и, передохнув немного, заснул...

Тут я проснулся и увидел такое стечение народа, заполнившего поля, что сразу понял: спектакль кончился...²⁷

Второй театр был построен сразу же вслед за первым. Это был театр «Куртина», открывший свои двери осенью 1577 г., через несколько месяцев после того, как по нашим сведениям открылся «Театр». Здание получило свое имя («Curtain») от названия местности, в которой было расположено, — Кетн-Клоуз (Curtain-Close), всего в каких-то двухстах метрах к югу от здания «Театра» по другую сторону Холиуэлл-Лейн. Появление в столице двух таких сцен предвещало для иных неминуемое торжество Содомы и вызвало взрыв апокалипсической риторики. «Взгляните лишь на скверные пьесы, идущие в Лондоне, и посмотрите

на множество народа, стекающегося на них и следующего их примеру, — сокрушается некто «Т. У.», возможно Томас Уайт (приходский священник церкви св. Дунстана, что на Западе), во время воскресной проповеди, которую он читал у креста св. Павла 3 ноября 1577 г., — посмотрите

Помещение театра в Шордиче, около 1597—1600 гг. Деталь панорамы «Вид Лондона с севера на юг».

на роскошные помещения театров, эти неизменные памятники расточительности и безрассудства Лондона»²⁸. Уильям Харрисон вторит ему: «То, что актеры настолько разбогатели и могут строить подобные дома — явный знак наступления дурных времен»²⁹. Но Генри Лэнман, или Лейнман (который, по-видимому, построил театр «Куртина»), не был актером; это был средних лет лондонец, называвший себя джентльменом. Он арендовал земельный участок в Кетч-Клоуз в 1581 г. и получил доход от помещения театра в 1585 г. Он отнюдь не разбогател благодаря своему порочному предприятию, поскольку театр «Куртина» никогда не достиг такой славы, какой пользовался «Театр» Бербеджа. Между 1579 и 1583 гг. в «Куртине»

время от времени устраивались публичные состязания в фехтовании. Через два года театр «Куртина» стал «филиалом» (an «easer») «Театра», как он назван в документах, а Лэнман и Бербедрж договорились делить прибыли, и такое соглашение было заключено на семь лет. Труппа Шекспира, «слуги лорд-камергера», почти наверняка давала представления в театре Лэнмана с 1597 по 1599 г. Как раз в этот период «Ромео и Джульетта» «сорвали рукоплескания в «Куртине». Когда хор в «Генри V» говорит про «деревянное O», он, вполне возможно, имеет в виду «Куртину», а не (как часто думают) «Глобус» и таким образом увековечивает это в остальном мало чем примечательное здание.

«Куртина», должно быть, была тем самым бишопсгейтским театром, который в 1599 г. посетил Томас Платтер, поскольку «Театр» к тому времени перестал существовать:

В другой раз, тоже после обеда, я смотрел пьесу, которую, если мне не изменяет память, давали поблизости от нашей гостиницы на окраине возле Бишопсгейта... Под конец они еще танцевали весьма изящно на английский и ирландский манер. Ежедневно около двух часов пополудни в Лондоне играется две, а порой даже три пьесы в различных помещениях, чтобы развеселить публику (дословно: «чтобы один развеселил другого»), поэтому те, кто лучше делает это, собирают наибольшее число зрителей. Эти помещения построены таким образом, что игра происходит на высоком помосте и каждому все отлично видно. Однако там есть отдельные галереи с сидячими местами получше и поудобней, но и плата за них выше. Ибо тот, кто стоит внизу, платит всего лишь одно английское пенни, если же он хочет сидеть, его проводят через другую дверь, где с него берут дополнительное пенни, если же он желает сидеть на подушках, на самых удобных местах, где не только он все видит, но где все видят его, тогда, войдя в еще одну дверь, он платит еще одно английское пенни. А во время представления среди публики разносят еду и напитки, так что каждый к тому же может подкрепиться за свои деньги.

Актеры одеты весьма изысканно и элегантно, поскольку, по английскому обычаю, высокопоставленные лица или рыцари, умирая, завещают чуть ли не самые лучшие наряды своим слугам, а те не носят такую одежду, ибо это им не подобает, и в конце концов продают ее актерам за несколько пенсов.

Как много времени они [лондонцы] ежедневно проводят, таким образом, на спектаклях, хорошо известно всякому, кто хоть раз видел их [актеров] искусство и игру...³⁰

Здание «Куртины» просуществовало дольше, чем это было необходимо для театральных целей, и (согласно Мэлону) в последние дни его использовали лишь для кулачных боев. Оно все еще стояло на месте в 1627 г., когда, как свидетельствуют местные записи, территория Мидлсекса распространилась на «обширную землю возле театра «Куртина».

Таковы были театры северных окраин к тому времени, когда Шекспир явился на лондонской сцене. Однако центр притяжения актеров переместился на другой берег Темзы, в Сарри, где отлично удовлетворял запросы искателей развлечений. Широкий луг привлекал участников пикников и давал простор для игры в мяч или в шары атлетам — любителям бега и борьбы. («Видел ли кто такое невезение? — жалуется Клотен в «Цимбелине», — мой шар катился прямо к цели, как вдруг налетает второй шар... Пойду взгляну на этого итальянца! А то, что я проиграл в шары днем, отыграю у него сегодня вечером*.) Здесь упражнялись в стрельбе из лука — традиционном искусстве англичан, в том искусстве, о котором судья Шеллоу, дряхлеющий в буколическом Глостершире, вспоминает столь ностальгически: «Он отлично стрелял из лука. И вдруг умер... Да, отменный был стрелок. Джон Гант очень его любил и, бывало, ставил на него большие заклады. Умер! Он попадал в цель с двухсот сорока шагов, а легкую стрелу пускал с двухсот семидесяти; поглядеть на него — душа радовалась»**. Гуляющие танцевали вокруг

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 7, с. 655.

** Там же, т. 4, с. 181.

майского дерева. За плату они могли продолжить пляски в одном из борделей, разрешенных властью терпимого епископа Уинчестерского, которые располагались у самой реки и из-за которых окраинные беседки стали синонимом распутства. («Но неужели // Лишь на окраине твоих утех // Я жить должна? Иль Порция для Брута // Наложницею стала, не женой?» *) Они напивались в тавернах или проигрывались в игорных домах. Они смотрели Джорджа Стоуна и Гарри Ханкса, своих любимых медведей, отбивавшихся от свирепых английских догов в амфитеатрах, которые начиная с середины века изображались на картах Саутуорка; на одной из таких карт, выполненной Брауном и Хогенбургом и напечатанной в 1572 г., отмечены примыкающие конюшни и псарни. Банксайд был подходящим местом для этих грубых развлечений еще и потому, что тамошние мясники по дешевке продавали требуху в Пэрис-Гарден и обеспечивали зверям вдоволь корма³¹.

Первый театр на южном берегу Темзы историки называют «Ньюингтон-Батс» (в пору существования этого театра у него не было устоявшегося названия). Так именовался участок тракта ее величества в том месте, где сливались дороги, ведущие из Камберуэлла и Клампа в Саутуорк. Нет никаких свидетельств о существовании в этих местах древних стрельбищных валов для лучников (archery butts), как это предполагалось до недавнего времени. Этот театр, как теперь представляется, был построен или переоборудован из уже существовавшего строения по инициативе Джорджа Сэвиджа, ведущего актера в труппе «слуг графа Уорика», ставшего их покровителем в 1575 г. Возможно, театр был открыт вскоре после этого³². До театра можно было добраться пешком по дороге, являвшейся продолжением улицы Саутуорк-хай-стрит, пересекавшей поля Сейнт-Джордж, окружавшие церковь св. Георгия. Первые сообщения о пьесах, игравшихся в «Ньюингтон-Батсе», относятся к 1580 г., то есть ко времени, когда уже распалась труппа «слуг графа Уорика». Этот театр никогда не привлекал много публики, без всякого сомнения, из-за своего неудобного местоположения. В 1592 г. Тайный совет разрешил труппе «слуг лорда Стренджа» играть

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 5, с. 252.

в этом помещении, затем отменил это распоряжение «по причине утомительности пути к театру и потому, что в театре уже давно не ставились пьесы в будние дни»³³. Когда объединенная труппа «слуг лорда-адмирала» и «лорд-камергера» давала представления в «Ньюингтон-Батсе» в течение короткого сезона 1594 г., ежедневный заработок актеров составлял ничтожную сумму — 9 шиллингов, несмотря на то, что в их репертуар входили «Тит Андроник», «Укрощение строптивой» и загадочная утраченная пьеса «Гамлет». К 1599 г., по имеющимся сведениям, от этого театра осталось «лишь воспоминание»³⁴. Зрителям больше не нужно было пересекать поля для того, чтобы посмотреть спектакль.

Ибо в январе 1587 г. Филипп Хенсло и Джон Чолмли, лондонские горожанин и бакалейщик, в качестве компаньонов заключили соглашение об использовании «театра, который в настоящее время строится и вскоре будет возведен и открыт», на участке земли, что на углу улиц Роуз-Элли и Мейдн-Лейн. На этом свободном участке некогда был цветник роз. Теперь это был район публичных домов, удобно расположенный на берегу реки, неподалеку от города³⁵. Театр здесь едва ли мог прогореть. 19 февраля 1592 г. «слуги лорда Стренджа» дали первый спектакль в театре «Роза»; труппу возглавлял Эдвард Аллен — из всех трагиков того времени он был самым опасным соперником Ричарда Бербеджа. Согласно договору, этот английский Росций некоторое время был совладельцем, а затем полным хозяином театра «Роза» (Чолмли исчез из поля зрения; вероятно, он умер); это товарищество было скреплено жеманностью Аллена на падчерице Хенсло. Они заработали себе огромное состояние на театральном деле, и в 1613 г., удаляясь на покой в свое сельское поместье, Аллен щедро одарил Годс-Гифт-Колледж в Далидже. К этому времени в театре «Роза» больше не ставилось спектаклей (после 1603 г. нет никаких упоминаний о представлениях в нем), однако он сыграл свою роль, превратив Банксайд в жизненный центр лондонского театрального дела, а Хенсло — в наиболее могущественного театрального магната своего времени. Шекспир имел отношение к театру «Роза». 24 января 1594 г., когда в нем играли «слуги графа Сассекса», Хенсло отметил в своем «Дневнике» представление «Тита

Андроника» как «новое»³⁶ — странное выражение, означающее, возможно, что эта пьеса была вновь разрешена к постановке распорядителем дворцовых увеселений. «Тит» был единственной «новой» пьесой из числа тех, которые труппа играла во время своего кратковременного пребывания в «Розе».

Хенцнер упоминает о каком-то театре в западной части Банксайда вблизи от того места, где стояла на якоре королевская барка. Должно быть, это был театр «Лебедь» в Пэрис-Гардене. Когда Фрэнсис Лэнгли, лондонский торговец мануфактурой и золотых дел мастер (в данном случае последнее выражение является эвфемизмом и означает «ростовщик»), собрался строить этот театр, лорд-мэр громогласно выражал недовольство и тщетно пытался воспрепятствовать выдаче лицензии, так как эта земля являлась частью владений бывшего монастыря Бермондси и потому находилась в распоряжении короны. Лэнгли начал строительство в северо-восточном углу поместной земли, восточнее замка и в двадцати шести поулах (pole) (в среднем 130 метров; один поул соответствует примерно 4,6 метра) прямо к югу от причала Пэрис-Гарден, где лодочники ожидали клиентов³⁷. «Лебедь» открыл свои двери для публики летом 1596 г., ибо именно тогда (как кажется) Иоганнес де Витт предпринял свое знаменитое посещение этого театра. Шекспир имел какие-то дела с хозяином «Лебеда», так как их имена появляются вместе в 1597 г. в ходатайстве о предоставлении залога мирных намерений³⁸.

Таковы были постоянные общедоступные театры Лондона до того, как был построен «Глобус». Как актер и драматург Шекспир знал большинство из них; возможно, он знал их все. Историки театра усердно размышляли над тем, что послужило образцом для этих замечательных сооружений, хотя отдельные авторы в отличие от остальных считали образцами то амфитеатры для травли зверей, то трактирные дворы, то тюдоровские пиршественные залы с их крытыми галереями. Один авторитетный ученый указывал даже на классический авторитет Витрувия, однако вряд ли столяр и актер Джеймс Бербедрж, перед тем как его плотники начали строить «Театр», пытался одолеть латинский трактат «De architectura» [«Об архитектуре»]; едва ли вероятнее и то, что он мусолил французский пере-

вод этой книги в библиотеке математика и мага Джона Ди или будто бы сам Ди спроектировал «Театр» с помощью Бербеджа в качестве «сотрудника и исполнителя»³⁹. Нам нет необходимости задерживаться на этих соображениях. Кроме того, историки вели бесконечные споры о таких деталях, как размеры различных частей помещения театра, или о значении эффектных «открытий» (находящаяся за занавесом внутренняя сцена — излюбленное предположение первых театроведов — в наши дни не встречает поддержки). Нас интересуют характерные черты этих театральных помещений, известные нам по бесчисленным историям театра, по изображениям художников или по масштабным реконструкциям. Мы не сделаем большой ошибки, выбрав себе в гиды тогдашнего наблюдателя — де Витта.

Его заметки, озаглавленные (Ван Бухелем) «*Ex Observationibus Londinensibus Johannis de Witt* («Из лондонских наблюдений Иоанна де Витта»), следующим образом переводятся с латыни:

В Лондоне — четыре амфитеатра замечательной красоты, и каждый называется в соответствии с изображением на вывеске. В каждом из них ежедневно играется какая-нибудь пьеса для простоародья. Два наиболее великодушных из них расположены на южном берегу Темзы и, как показано на их вывесках, называются «Роза» и «Лебедь». Два других находятся за чертой города, к северу от него, на большой дороге, проходящей через епископальные ворота, в просторечьи именуемые Бишопсгейт. Кроме того, есть пятый амфитеатр, но построенный иначе и предназначенный для травли зверей, где содержится в отдельных клетках и огороженных местах множество медведей и огромных собак, которых держат для боев, и это зрелище является наиболее привлекательным для мужчин*. Из всех те-

* Среди содержащихся в неволе зверей, судя по заметкам де Витта, наряду с медведями и собаками были также быки (*multi ursi, tauri et stupendae magnitudinis canes*). (Много медведей, быков и поразительное множество собак.)

атров, однако, самым большим и самым великолепным является тот, на чьей вывеске изображен лебедь и именуемый в просторечьи театром «Лебедь», ибо в нем могут поместиться три тысячи человек; и построен он из большого количества песчаника (несметные залежи которого имеются в Британии) и имеет деревянные колонны, так искусно раскрашенные под мрамор, что даже наиболее опытный может обмануться. Поскольку здание своей формой напоминает римский театр, я зарисовал его выше⁴⁰.

Набросок изображает интерьер какого-то театра с тремя ярусами галерей вокруг центрального круглого двора; затем то, что некоторые называют ступенями (некое очертание, помеченное словом «ingressus» — «вход»), очевидно ведущими в нижнюю галерею; лестницы, обеспечивающие доступ в верхние галереи, нам не видны. Большая четырехугольная сцена (proscenium), неправдоподобно более глубокая, чем широкая — перед нами всего лишь грубый набросок, — господствует над не покрытым кровлей двором*. Эта сцена покоится на двух мощных опорах; пара коринфских колонн в свою очередь поддерживает «небо»**, образуя полог. Внизу на сцене — три фигуры, одна из которых, женщина, сидит на скамье. Что это — репетиция или настоящий спектакль? Скорее всего, спектакль, так как на галерее присутствуют зрители. В задней части сцены расположена артистическая уборная (timonium sedes), в которой актеры переодевались и хранили реквизит. Актеры выходили на сцену и уходили с нее через две массивные двустворчатые двери в фасаде артистической уборной; за дверным проемом, задернутым занавесками, можно было обнаружить, например, Фердинанда и Миранду, играющих в шахматы в «Буре». Ничто не ука-

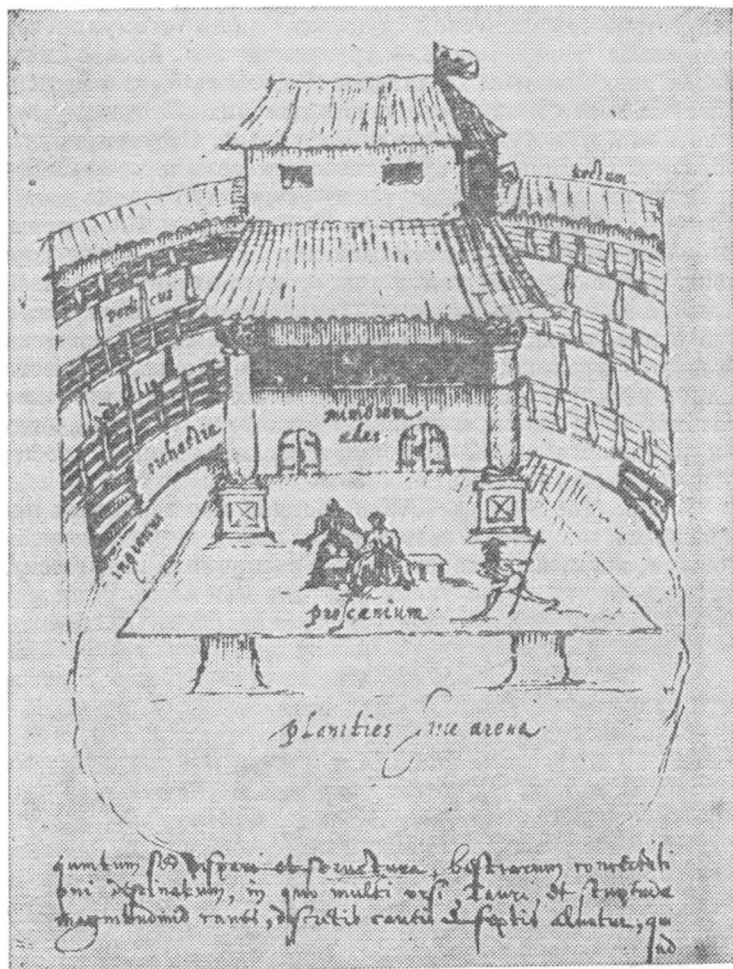
* Авторитетные исследователи расходятся во мнениях относительно пропорций интерьера (ср.: Chambers. Elizabethan Stage. ii. 528) с наиболее современным ученым Хозли, который считает, что «сцена изображена более глубокой, чем широкой» («The Playhouses and Stage. A New Companion to Shakespeare Studies. ed. Kennet Muir and S. Schoenbaum. (Cambridge. 1971). p. 23).

** «Небо» — полог с изображением знаков зодиака над сценой в английском театре времен Елизаветы.— *Прим. перев.*

зывает на существование какой-либо внутренней сцены. На рисунке де Витта не видно никакого люка, открывающегося в «ад», расположенный внизу, хотя театру необходимо было такое отверстие для призраков и могил, например в «Гамлете», и для изображения «окровавленной проклятой ямы» в «Тите Андронике». Второй ярус фасада образует собой ряд из шести окон; очевидно, это отдельные ложи, в которых зрители сверху смотрят на спектакль. Одна из этих лож могла служить помещением для музыкантов. Ложи могли освобождаться, если действие происходило наверху; это была та верхняя сцена, которой, кажется, пользовались не так часто, как думали первые историки театра. Над «небом» расположено чердачное помещение, где содержались подвесные приспособления для изображения полета — например, когда Юпитер спускается на землю в «Цимбелине». На крыше этого строения развевается флаг с изображением лебедя, поднятый для того, чтобы объявить, что в этот день дается представление, а в дверях стоит какой-то человек. Кажется, он поднес к губам трубу, с которой свисает другой, меньших размеров, флажок с эмблемой лебедя. Над верхней галереей есть крыша, обозначенная словом «tectum».

Старинные панорамы Лондона дают нам возможность взглянуть на помещения театров снаружи. Внешне они выглядят как цилиндрические или многоугольные строения, живописно расположенные среди деревьев, лужаек и коттеджей; на более поздних панорамах домишки теснятся непосредственно вокруг театров. Конечно, было бы ошибкой ждать от них картографической точности, однако наиболее подробная «Панорама» Лондона, выполненная Холларом, изображает круглые помещения театров «Глобус» и «Надежда»; вспомним «деревянное О». Две наружные лестницы, заделанные с внешней стороны известью и штукатуркой, обеспечивали вход на упомянутые галереи. Такой лестничный пролет можно рассмотреть в здании театра в Шордиче, на панораме «Вид города Лондона с севера на юг», выполненной около 1597—1600 гг., и во вторично построенном помещении театра «Глобус» возле «Медвежьего загона» на панораме Холлара. Де Витт говорит о «большом количестве песчаника» или, в зависимости от перевода, «о бетопирующей массе, сделанной из песчани-

ка», которая употреблялась при строительстве (constructum ex conservato lapide pyrritide), но большинство фактов, среди которых немаловажными являются сведения о

Театр «Лебедь». Рисунок де Витта.

пожарах, указывает на то, что основным строительным материалом было дерево, отделанное снаружи обычной штукатуркой. Над галереями были соломенные крыши.

Таковы существенные черты елизаветинских театров. Гений юного поэта-драматурга восполнял их недостатки. Отсутствие сценической иллюзии лишь стимулировало творческое воображение — Арденский лес ярче оживает перед влюбленными Орландо и Розалиндой, ибо шекспировский театр не воспроизводил для них обстановку леса с ветвями, птицами и журчанием ручьев. Отсутствие дугообразной сценической арки способствовало непрерывности драматического действия: такое устройство сцены давало простор необъятному размаху «Антония и Клеопатры». Шекспир может заставить свой хор называть сцену королевством и сокрушаться о том, что приходится показывать «с подмостков жалких // Такой предмет высокий», но эти ограничения не помешали ему блеснуть эпической мощью в хронике «Генри V». Все это хорошо известно миру, хотя старания редакторов с их иногда ненужной разбивкой на сцены и слишком буквальными сценическими ремарками порой заслоняют восхитительную свободу шекспировского искусства.

К середине 80-х гг. XVI в. Лондон мог гордиться прекрасно поставленным театральным делом и зрителями, готовыми, когда их призовет труба, воспринять поэтическую драму.

ВОРОНА-ВЫСКОЧКА

Время появления Шекспира в столице безнадежно теряется в провале утраченных лет, однако легенда восполняет этот пробел прелестной историей, которая подпадает под общую рубрику истории о скромном происхождении великих людей и сама поначалу скромна.

Первые предположения возникли в конце XVII столетия, более чем через полвека после смерти Шекспира. Мы уже сталкивались с неким Дауделом, написавшим, возвращаясь из Стратфорда, письмо с пересказом сплетен приходского псаломщика о подручном мясника, который сбежал в Лондон и «был принят в один из театров в качестве слуги»¹. Первый серьезный исследователь не мог добавить к этому рассказу ничего определенного: «Его приняли в существовавшую тогда труппу, сначала на весьма низкую должность; однако замечательный ум и природная склонность к драматическому искусству дали ему возможность отличиться если не как выдающемуся актеру, то хотя бы как превосходному автору»². В этих высказываниях утверждается то, что нам так или иначе пришлось бы предположить: Шекспир начал свою театральную карьеру, скорее нанявшись в театр, нежели будучи его пайщиком. Кроме этого, они мало что нам сообщают.

Красочной разработки, давшей пищу известному преданию, нам придется ждать до 1753 г., и это любопытное повествование мы найдем в краткой биографии Шекспира в «Жизнеописаниях великих поэтов Британии и Ирландии», опубликованных якобы «мистером Сиббером», но фактически в основном составленных Робертом Шайелсом (о чем доктор Джонсон уведомил Босуэла). Джонсон знал, о чем говорил, так как Шайелс был его секретарем-переписчиком. Шайелс предваряет свой труд родословной, которая вновь возвращает нас к сэру Уильяму Давенанту, автору множества сомнительных рассказов о Шекспире. Несмотря на эту родословную, сама история, которую

можно проследить как незакавыченную цитату из Роу, возможно, дошла до Шайелса через Джонсона. В своем отрывке Шайелс представляет дело так:

О первом появлении Шекспира в театре. Когда он пришел в Лондон, у него не было ни денег, ни друзей и, будучи чужаком, он не знал, к кому обратиться и каким образом заработать себе на жизнь... В то время экипажи еще не вошли в употребление, а поскольку джентльмены имели обыкновение приезжать в театр верхом, Шекспир, доведенный до крайней нужды, ходил к театральному подъезду и зарабатывал по мелочам, приглядывая за лошадьми джентльменов, приезжавших на спектакль; он отличился даже в этом ремесле — его усердие и ловкость были замечены; вскоре у него было столько работы, что он сам не мог с ней справиться и в конце концов стал нанимать себе в помощь мальчишек, которых так и называли — мальчишками Шекспира. Некоторые актеры, случайно разговорившись с ним, нашли его столь интересным и искусным собеседником, что, пораженные этим, рекомендовали его в театр, где он сначала занимал очень низкое положение, однако недолго, ибо вскоре выделился если не как выдающийся актер, то по крайней мере как превосходный автор³.

Для полноты апофеоза недостает лишь велеречивых фраз такого мастера, как Сэмюэль Джонсон, создавшего свой вариант этой истории, которую он опубликовал в своем издании Шекспира 1765 г.:

Во времена Елизаветы личные экипажи были еще редкостью, а наемных экипажей вовсе не существовало. Те, кто был слишком горд, слишком изнежен или слишком ленив для того, чтобы ходить пешком, ездили верхом в любой отдаленный пункт — по делу или чтобы развлечься. Многие приезжали верхом на спектакль, и, когда Шекспир сбежал в Лондон, страшась уголовного преследования, первый его промысел заключался в том, чтобы кара-

улить у подъезда театра лошадей тех, у кого не было слуг, и подавать лошадей после представления. На этой службе он так отличился своей старательностью и проворностью, что в скором времени каждый, выходя из театра, звал Уил. Шекспира, и едва ли кто доверил бы другому сторожить свою лошадь, если под рукой был Уил. Шекспир. Это было первым проблеском удачи. Шекспир, на руках у которого оказалось больше лошадей, чем он мог устеречь, стал нанимать мальчишек служить под своим присмотром, и теперь, когда выкликали Уил. Шекспира, те немедленно являлись со словами: «Я мальчик Шекспира, сэр». Со временем Шекспир нашел себе занятие получше, но, пока сохранялся обычай ездить в театр верхом, прислужники, караулившие лошадей, продолжали называть себя мальчишками Шекспира ⁴.

Этот рассказ явно под стать мифу о браконьерской охоте на оленей в Чарлките; предприимчивость начинающего капиталиста призвала смягчить впечатление от романтического рассказа о мнимом преступлении. Если эта история имеет хоть какие-нибудь серьезные основания, то, исходя из нее, можно предположить, что первыми театрами Шекспира были «Театр» и «Куртина», так как только до них добирались верхом ⁵. Но у этой истории нет никаких серьезных оснований. Роу и Поп, на которых ссылается Джонсон в качестве авторитетов, пренебрегли ею в своих изданиях Шекспира. Великий Мэлон подозревал, что она обязана своим существованием преувеличенным представлениям о бедственном положении Шекспира — юный Уилл без друзей и без связей, без положения в обществе, — и Мэлон отверг эту историю с августейшей решительностью: «Но наконец, этот рассказ по существу совершенно не заслуживает доверия, поскольку обстоятельства нашего автора и положение, в котором он находился в это время, как на то указывают различные извлечения из стратфордских записей, только что приведенные мной, решительно опровергают его» ⁶.

Сам же Мэлон тешил себя другой традицией, имевшей хотя бы то преимущество, что согласно ей Шекспир начи-

нал в театре, а не на уваженных подъездах к нему: «В театральном мире существует предание о том, что на своей первой должности в театре как помощник суфлера, он должен был напоминать актерам об их выходе столько раз, сколько по ходу пьесы им надлежало появляться на сцене»⁷. Это написано в 1780 г., однако, когда Мэлон пошел к созданию жизнеописания Шекспира, которое ему не удалось завершить, он уже больше не придавал серьезного значения этому преданию и даже не считал нужным повторить его. Вместо этого его внимание привлекли упоминавшиеся труппы — Уорика или Лестера или ее величества королевы, включавшие Стратфорд в свои провинциальные маршруты, и он заключает отрывок, касающийся легенды о присматривании за лошадьми, рассуждением, которое открывает гораздо больше, чем последующие варианты этой истории:

Мне кажется гораздо более вероятным, что благодаря своему собственному живому нраву он познакомился с некоторыми лучшими актерами, посещавшими Стратфорд, — со старшим Бербедежем, Неллом или Бентли — и что именно там он впервые решил посвятить себя этой профессии. «Слуги графа Лестера», среди которых был один из только что упомянутых исполнителей, Джеймс Бербедж, отец прославленного трагика, в 1574 г. удостоились чести получить королевскую лицензию. Таким образом, уместно предположить, что он договорился о принятии его в эту труппу или в труппу королевы, или в труппу комедиантов графа Уорика и что с одной из этих трупп он впервые посетил столицу⁸.

Итак, мы вновь вернулись к тому пункту, на котором остановились в предшествующей главе.

Историк, изучающий маршруты столичных трупп в 80-х гг., рискует вовсе потерять их след⁹. В жизни этих трупп не было постоянства. Они совершали длительные туры по стране, теряли одних актеров и приобретали новые таланты, они объединялись, распадались, а то и просто прекращали существование. Данные об их деятельности удручающе неполны. Однако ясно, что в течение почти

всего этого десятилетия пальма первенства в театральном деле принадлежала «слугам ее величества королевы» — той труппе, которой, как мы помним, в 1587 г. недоставало одного человека. Иногда они сталкивались лишь с незначительной конкуренцией. «Слуги графа Дерби», по-видимому какое-то время существовавшие отдельно от труппы лорда Стренджа¹⁰, совершенно исчезают из поля зрения. Труппа Стренджа во главе с гимнастом Джоном Саймонсом в течение почти всего этого десятилетия, очевидно, специализировалась главным образом в акробатике. Другие труппы — Лестера, Сассекса, Оксфорда и Хендона — выступали в провинциях, лишь совершая изредка набег на столицу. Труппа лорда-адмирала попыталась в 1587 г. добиться успеха в Лондоне, но ее постигла катастрофа. Во время одного из ноябрьских представлений актеры привязали своего коллегу к столбу, который на рисунке де Витта поддерживает «небо», с тем чтобы выстрелить в него, но стрелявший из аркебуза (к несчастью, заряженного), не попав в цель, убил ребенка, беременную женщину и ранил еще одного зрителя. Труппа благоразумно прекратила представления, и в течение года о ней ничего не было слышно. Тем временем «слуги ее величества королевы» по-прежнему занимали господствующее положение. Между зимними сезонами 1583/84 и 1587/88 гг. они не меньше семнадцати раз играли при дворе в спектаклях, репетиции которых проходили под присмотром многоопытного распорядителя дворцовых увеселений; за каждое из этих заказанных двором представлений они получали вознаграждение в 10 фунтов стерлингов. Ни одна из тогдашних трупп не играла при дворе так часто.

Но счастье в театральном деле переменчиво. В сентябре 1588 г. умер шут Тарлтон, который был до того потешен, что королева приказала удалить его со сцены, поскольку из-за него она слишком много смеялась. В краснокоричневом костюме, шапке с помпонами, со своим барабаном Тарлтон, любимец толпы, был попросту незаменим. Некий Джон Скоттоу элегически заметил по этому поводу:

Сей человек ушел,
Во прах он облачен —
Из шутников своей страпы
Один прославлен он¹¹.

Поступая по обычаю всех трупп, которых постигло несчастье, актеры ее величества пустились в дорогу, подбирая по пути беспризорные дарования, и добрели, двигаясь на север, до самого Ланкашира, где осенью 1588 г. развлекали представлением графа Дарби в его поместье Нью-Парк. В следующем году в своих скитаниях они зашли еще севернее, проведя десять дней в Карлайле. На некоторое время труппа распалась, и часть ее временно примкнула к «слугам графа Сассекса». Актеры разнообразили свой репертуар гимнастическими и акробатическими номерами, даже выпустили на сцену турецкого канатоходца, но все было напрасно. В 1591—1592 гг. «слуги ее величества королевы» играли при дворе всего один раз — на рождество, и ни разу в следующем году. Все объяснялось попросту тем, что они не могли соперничать с юным Алленом, который вдохновлял своим присутствием смешанную труппу, объединившую актеров лорда-адмирала и лорда Стренджа, которые играли в театре «Роза» в Банксайде. Для этой труппы писал Марло, волновавший театральные зрители возвышенными речами и новой драмой подлинно героического размаха. Возможно, Шекспир и состоял в труппе «слуг ее величества» в те времена, когда его присутствие начинало ощущаться в театре, однако мы не знаем ни одной пьесы, написанной им для этой труппы. Как бы мы к этому ни относились, «слуги ее величества», несомненно, сотрудничали с Робертом Грином, который имел не только литературный опыт, но прошел также суровую школу лондонского «дна»¹².

Он принадлежал к братству «университетских умов», небольшой группе интеллектуальной богемы; все входившие в нее родились в провинции в начале 60-х гг. и получили образование в Кембридже или Оксфорде. Они отрывались от своих корней, порывали со своими родными местами и тянулись в столицу, где снабжали книгоиздателей памфлетами, а актеров пьесами. Их лондонская жизнь была непристойно жестокой, блестящей и короткой. Говоря о Грине, мы не всегда можем отделить правду от вымысла в его фантазиях на автобиографические темы или от легенд, созданных о нем его современниками. Его жизненный путь, о котором приходится судить по отрывочным показаниям пристрастных свидетелей, типичен для того времени.

Он происходил из среды солидных горожан, был сыном шорника из Нориджа, который дал ему доступное в тех местах образование, без сомнения, в бесплатной грамматической школе, где под покровительством мэра и олдерменов обучались «шесть дюжин и еще восемь учеников». В 1580 г. Грин окончил Сент-Джонз-Колледж в Кембридже и получил степень бакалавра искусств. Путешествие за границу стало для него своего рода аспирантурой; в Италии и Испании, по его словам, он наблюдал такие «злодеяния, о которых мерзко даже упоминать», и сам принимал в них участие. Вернувшись в Англию, неугомонный распутник погряз в гордыне. Однажды он забрел в церковь св. Андрея в Норидже, и там проповедник Джон Мор, прославившийся как «нориджский» апостол, вызвал в его воображении ужасы Страшного суда. Грин раскаялся. «Помилуй мя, господи,— сказал он себе,— и ниспошли мне благодать, дабы я исправился и стал новым человеком». Переродившись таким образом, он получил звание магистра искусств в Клер-Холле в Кембридже и через два года женился на добродетельной и терпеливой Доротее. Но новый человек соскользнул на старую стезю. Доротея родила ему ребенка, а он, промотав ее приданое, отправил ее в Линкольншир и бросил там на произвол судьбы, а затем вернулся к своим беспутным лондонским товарищам. По его собственному выражению, он вновь, подобно псу, опустился до собственной блевотины.

Любовно-авантюрные романы так и текли из-под бойкого пера Грина; ему приходилось все время писать, чтобы иметь возможность вести расточительный образ жизни. Заложив плащ и шпагу, он находил временное пристанище в публичных домах, бесчинствовал в тавернах (он был любимцем хозяйки таверны «Красная решетка» на Тормойл-стрит) и бражничал с печально известным головорезом Боллом по прозвищу Болл-Нож, который в конце концов нашел смерть на виселице в Тайберне. Любовницей Грина была сестра Болла. Она родила ему сына, как будто в насмешку названного Фортунатом и умершего в юности. Жизненный опыт сына Грин использовал в созданной им в своем роде великолепной сенсационной журналистике. В серии памфлетов он сделал свои выдающиеся открытия в системе мошенничества, разоблачив приемы, с по-

мощью которых проходимцы, воры, грабители, карманники, жулики и охотники до того, что плохо лежит, обирают «кроликов» — молодых дворян, провинциалов и подмастеров. Между прочим, он каким-то образом ухитрился сочинять и пьесы: «Альфонс, король Арагона», «Джеймс VI», «Зерцало для Лондона и Англии» (в соавторстве со своим приятелем из числа «университетских умов» Томасом Лоджем) и маленький шедевр «Монах Бэкон и монах Банги». В жанре романа он господствовал безраздельно. Один случай, касающийся трупы ее величества, свидетельствует о его двурушничестве, которое он разоблачал в других. «Спроси актеров королевы, — писал некто, прикрываясь псевдонимом Катберта Ловца Кроликов в 1592 г., — разве не продал ты им «Orlando Furioso» [«Неистового Орlando»] за двадцать ноблей, а после их отъезда в провинцию разве не продал ты ту же самую пьесу «слугам лорда-адмирала» за двойную цену? Чем это отличается от обычной ловли кроликов, мастер R. G.?»¹³

Даже если это обвинение было обоснованно, оно уже больше не имело значения. В августе 1592 г., когда щегольские наряды были Грину уже не по средствам, он в последний раз разделил трапезу с Нэшем и другими закадычными друзьями. В тот вечер он слишком увлекся рейнским вином и маринованной селедкой, и это излишество довело его до болезни, которая стала для него смертельной. Вместе со своей любовницей, «несчастной оборванной шлюхой», и незаконнорожденным ребенком он ютился тогда в доме сапожника из Даугейта, у некоего Айсема, и его жены. В течение месяца Грин влачил жалкое существование в нищете, оставленный друзьями, однако посещаемый полчищами вшей. Миссис Айсем поднесла ему мальвазии на пенни, о чем он жалобно просил, в то время как Габриэль Харви ликовал по поводу гибели нечестивого:

Распутник, глупец из бумагомарак —
Среди неучей и средь ученых дурак.
Днесь хвор, словно пес, как был разумом хвор;
Такого беднягу кто знал до сих пор?¹⁴

В промежутках между молитвами Грин кропал свою последнюю исповедь, в конце которой с сожалением отозвался о брошенной Доротее, прося последнюю простить его и

заплатить десять фунтов, которые он задолжал хозяину. Когда он умер, миссис Айсем увенчала его лавровым венком согласно его последнему желанию. Менее чем через год на книжных прилавках паперти собора св. Павла красовались «Покаяние Роберта Грина, магистра искусств» и сочинение Грина «На грош ума, купленного за миллион раскаяний, описывающее безрассудство юности, ложь изменчивых льстецов, бедствия, которыми чревата неосмотрительность, а также зло, исходящее от вероломных куртизанок. Написанное перед смертью и опубликованное по его предсмертной просьбе».

Так жил и умирал Роберт Грин, сын шорника, не желавший, чтобы человечество забыло о том, что он был магистром искусств. Его карьера — полная противоположность карьере сына перчаточника из Стратфорда, образование которого ограничилось грамматической школой. Однако жизненный путь Грина интересен не только сам по себе. В его исповеди «На грош ума» мы находим первое, не вызывающее сомнений упоминание о Шекспире в Лондоне.

«Лебедь пред смертью псет мелодично, всю жизнь издававший лишь резкие звуки», — напоминает автор читателям в своем предисловии.

Грин, хотя еще и способный держать перо, но глубже, чем когда-либо доселе, уязвленный болезнью, шлет вам свою лебединую песнь, ибо он опасается, что ему никогда вновь не спеть вам привычные любовные куплеты, никогда вновь не поведать об утехах юности. Тем не менее хотя болезнь моя в необузданности и несдержанности своей дошла до крайних пределов, все же, если я оправлюсь от нее, все вы узрите, как из души моей забьют ключи более чистые, чем когда-либо, указуя вам стезю жизни, но и не отвращая вас от любви¹⁵.

Жалость к себе и недовольство собой выступают здесь в удобном сочетании, служа основанием для прозрачно замаскированного автобиографического вымысла, который излагается далее. Повесть рассказывает о приключениях школяра Роберто, лишённого наследства, обманутого ка-

кой-то шлюхой и дошедшего до того, что он проклинает свою участь. Будучи поэтом, он изрыгает хулу в стихах, а пока тяжело вздыхает на латыни. К нему приближается облаченный в великолепные одежды незнакомец, подслушавший его из-за ограды. Этот незнакомец оказывается неким актером, который очень хочет использовать новое литературное дарование в интересах своей труппы. В былые дни, когда актерам жилось на свете трудно, он носил за спиной свой узелок; теперь он владеет гардеробом стоимостью более двухсот фунтов и выглядит как состоятельный джентльмен. Актер метал ужасные громы на сцене (Роберто не находит в его голосе «никакой приятности») и мог к тому же в крайнем случае сочинить хорошенькую реплику, ибо он был «провинциальным автором, сочинившим какое-то моралите... и в течение семи лет считался за непререкаемого оракула среди своих марионеток». Не имея другого выхода, Роберто заключает союз с этим актером и становится «знаменитейшим поэтом-драматургом», чей кошелек то полон, то пуст, любимцем беспутных, богохульствующих товарищей, наблюдателем и обличителем «всяческого сброда из нынешних порождений ехидны».

Один авторитетный ученый предположил, будто этим неназванным актером с повадками джентльмена является Шекспир: он должен был говорить с явным провинциальным акцентом, отсюда упоминание о неприятном голосе. Он был провинциальным автором, и его семилетнее ученичество в театре точно укладывается в промежуток времени между рождением двойни в 1585 г. и написанием «На грош ума» в 1592 г.¹⁶ Однако встреча у ограды, которая, должно быть, хотя бы отчасти вымышлена, произошла не в 1592 г., а в прошлом Роберто; моралите, сочинением которых кичится актер (он упоминает «Разум человека» и «Диалог богачей»), относятся к дошекспировской драме; кроме того, Грин, явно представленный младшим из собеседников, на самом деле был на шесть лет старше Шекспира.

И все же, бесспорно, «На грош ума» содержит злобный выпад против Шекспира. Автор делает его позднее, отказавшись от каких бы то ни было претензий на вымысел; это говорит сам Грин, предлагая читателям, пока в нем еще теплится жизнь, горькую мудрость своего жизненного

опыта. Он составляет ряд набожных душеспасительных правил хорошего поведения и затем в особом послании обращается с советами к трем своим «собратьям по науке из этого города»: к Марло, к Нэшу (предположительно) и Пилю. Затем следует знаменитое разоблачение «вороны-выскачки»:

И вы все трое в помыслах низки — неужто и мои невзгоды не урок вам: ведь никого из вас (подобно мне) так не язвили нахалы эти, эти куклы (я разумею), что говорят нашими словами, эти паяцы, разукрашенные в наши цвета. Не странно ли, что мне обязанные стольким, а также вам обязанные стольким (случись и с вами, что теперь со мною) — они покинут, как меня, и вас. Не верьте им; есть выскачка-ворона среди них, украшенная нашим опереньем, кто «с сердцем тигра в шкуре лицедея» считает, что способен помпезно изрекать свой белый стих, как лучшие из вас, и он — чистейший «мастер на все руки» — в своем воображеньи полагает себя единственным потрясателем сцены [shake-scene] в стране¹⁷.

То, что Грин избрал для своего нападения именно Шекспира, очевидно из его каламбурного упоминания о «потрясателе сцены»* и из пародийного намека на одну из ранних пьес Шекспира. В третьей части «Генри VI» королева Маргарита берет в плен герцога Йоркского в битве при Уэкфилде, она собирается убить его, но сначала дразнит платком, смоченным кровью его умерщвленного сына; Йорк отвечает длинной тирадой, употребляя единственное оружие, оставшееся у него, — обличительную риторику. В речи Йорка есть строка: «О, сердце тигра в этой женской шкуре!» Заменяв в ней одно слово, Грин обвиняет Шекспира в жестокости.

Это не единственное его обвинение. Остальные, затемненные в соответствии с лучшими традициями елизаветинского времени, вызвали бесконечные споры среди исследователей. Целиком весь этот отрывок направлен про-

* Shake-scene (потрясатель сцены), Shakespeare (потрясающий копьём). — *Прим. перев.*

тив актеров («паяцев... говорящих нашими устами»), которые жиреют за счет драматургов. Презрение к жалким актерам, естественно, присуще кембриджскому магистру искусств, ибо эти богатые плебеи довели его до склянки вина стоимостью в пенни и вшивой постели; это презрение смешивалось с другими неприятными эмоциями, порожденными обвинением в том, что он сбыл одну и ту же пьесу двум трупам. Эти чувства нашли свое выражение в басне о вороне.

С античных времен эта птица, наделенная даром подражания, но не даром выдумки, привлекала внимание поэтов и критиков. У Макробиуса Грин нашел историю о Росции и вороне сапожника и использовал в «Судьбе Франческо»: «Отчего, Росций, ты возгордился Эзоповой вороной, щеголяющей красотой чужих перьев? Сам ты не можешь сказать ни слова и, если сапожник научил тебя говорить «Привет, Цезарь», не презирай своего учителя оттого лишь, что лепечешь в царских покоях»¹⁸. Под Росцием здесь подразумевается Аллен. Шекспир тоже был актером и подвергся осуждению как актер; фраза о «высочке-вороне, украшенной нашим опереньем» продолжает идею «паяцев, разукрашенных в наши цвета». Более того, простой актер имеет наглость выдавать себя за универсального гения («мастер на все руки»), который, сочиняя ходульные и напыщенные белые стихи, пытается соперничать с теми, кто выше его, и лишит их тем самым заработка. Многие толковали этот отрывок в таком смысле.

Однако не таит ли он в себе более мрачного обвинения? Возможно, это не та ворона, что научилась подражать тем, кто выше ее, в конечном счете обязанная своим происхождением Эзопу, Марциалу и Макробиусу. Может быть, Грин имеет в виду третье послание Горация, в котором поэт использует образ вороны (*cornicula*), которая лишается своей украденной славы (*furtivis nudata coloribus*), заподозренная в плагиате. Эти строки были хорошо известны в эпоху Возрождения. В «Дыбе для дьявола» Ричард Брэттуэйт глумится над вороватыми воронами, которые крадут «отборные цветы чужого остроумия»¹⁹. В таком случае не предполагает ли озлобленный Грин, что Шекспир присвоил себе цветы *его* остроумия? Таково второе толкование, и оно существует уже давно. Так, в XVIII в. на нем была

основана точка зрения, согласно которой Шекспир начал свою литературную карьеру как [некий Иоганнес Факто-тум, то есть] мастер на все руки, который, помимо того, что был актером, изменял и переделывал чужие пьесы, включая пьесы Грина.

Сегодня мало кто признает эту теорию. Действительно невероятно, чтобы труппа поручила какому-то новичку дорабатывать произведения опытных профессиональных драматургов. Большинство надежных авторитетных ученых полагают теперь, что Грин выражает недовольство, поскольку Шекспир, простой, необразованный актер, имел наглость соперничать в качестве драматурга с теми, кто выше его, а не потому, что этот невежа таскал чужое добро. Но, конечно, не исключено, что Грин предъявлял двойное обвинение, объединяя таким образом ворону Эзопа с вороной Горация, которые и без того тесно ассоциировались в сознании его публики²⁰.

Каков бы ни был скрытый смысл этого выпада, сам по себе памфлет был достаточно оскорбительным, ибо в своем пресловутом письме Грин бичевал не только «потрясателя сцены», но также двух своих старших товарищей. Он упрекал «славного любимца трагиков» Марло в атеизме, макиавеллизме; с фальшивой мягкостью он выговаривал «молодому Ювеналу, этому едкому сатирику», предположительно Нэшу, за то, что тот позволяет себе «слишком много вольностей в порицании». Когда «На грош ума» вышла в свет, в Лондоне распространился невероятный слух о том, что не Грин, а Нэш написал этот памфлет. В своем «Пирсе безгрошовом», напечатанном всего через месяц после смерти Грина, Нэш с возмущением опровергает это предположение: «Поговаривают, будто этот отвратительный, пошлый, лживый памфлет, называемый «На грош ума» Грина,— якобы моих рук дело. Пусть бог никогда не печется о моей душе и совсем отречется от меня, если хоть одно слово или слог в этом памфлете вышли из-под моего пера или если я хоть как-нибудь причастен к написанию или напечатанию его»²¹. Издатель «На грош ума» Уильям Райт, очевидно, предчувствовал грозу, так как предпринял необычные меры предосторожности, чтобы обеспечить себе непричастность к этому памфлету: регистрируя памфлет в гильдии печатников и издателей 20 сентября 1592 г., он

вписал в лицензию примечание, исключаящее его причастность к тексту: «Под ответственность Генри Четла».

Теперь сосредоточим внимание на Четле. Ровесник Шекспира, а возможно, на несколько лет и старше его, лондонец, он был добродушным человеком, задыхавшимся и потевшим от чрезмерной полноты. Печатник по профессии, семь лет прослуживший подмастерьем, он имел литературные амбиции. Для театров Хенсло «Роза» и «Фортуна» он написал в течение пяти лет один или в соавторстве 48 пьес, но неистовое лихорадочное сочинительство не избавило незадачливого писаку от постоянной нищеты и долгов. Хотя один из современников похвалил комедии Четла, если его и помнят, то лишь как автора трагедии мести «Хофман». В 1592 г. он еще только начинал свою деятельность. В ту пору Четл был мастером-печатником, компаньоном Уильяма Хоскинса и Джона Дэнтера, которые пользовались довольно сомнительной репутацией в гильдии печатников и книгоиздателей, и его сотрудничество с ними впоследствии прекратилось. Дэнтер потом напечатает первые кварио «Тита Андроника» и «Ромео и Джульетты». Не имея иной работы, Четл взялся подготовить рукопись «На грош ума» для печатников. Его участие в этом предприятии имело любопытные последствия.

Обращаясь «К господам читателям» в предисловии к своему собственному произведению «Сон добросердечного», напечатанному тем же Уильямом Райтом в конце 1592 или в начале 1593 г., Четл принес свои знаменитые извинения Шекспиру:

Около трех месяцев минуло с тех пор, как умер Роберт Грин, оставив много рукописей в руках у различных книгопродавцов, и среди прочих рукописей «На грош ума», в которой содержалось послание некоторым драматургам, воспринятое одним или двумя из них как оскорбление; и, поскольку они не могли отомстить мертвому, они намеренно стали создавать в воображении своем живого писателя и, пораскинув умом, не нашли ничего лучшего, как остановиться на мне. Всем хорошо известно, что, работая по печатному делу, я всегда препятствовал злобным нападкам на ученых мужей, и

этому у меня достаточно доказательств. Ни с одним из оскорбленных я не был знаком, а с одним из них я бы и не хотел познакомиться; с другим я в то время обошелся не совсем так, как мне теперь хотелось бы, ибо я, умеряя пыл живущих авторов, мог бы проявить осторожность (особенно в подобном случае), когда автор мертв, однако не сделал этого, о чем сожалею так, как если бы я сам был виноват в происшедшем, ибо я убедился, что его личность столь же безупречна, сколь отлично проявляет он себя в избранном деле; кроме того, различные достойные лица удостоверяют его прямоту в делах, что свидетельствует о его честности, а отточенное изящество его сочинений говорит об его искусности²².

Слова в этом отрывке подобраны очень тщательно. «Отточенное [то есть отшлифованное] изящество» вторит Цицероновой похвале Плавту в «De Officiis» [«Об обязанностях»]. Четл высказывается осторожно. Тот из оскорбленных, знакомством которого он пренебрегает, хотя одновременно воздаст должное его учености, по-видимому, угрожал ему («Ему бы я пожелал обращаться со мной, как я того заслуживаю»). Скорее всего, это был Марло. Четл заявляет, что он вычеркнул из письма Грина некое порочащее обвинение, которое, «даже будь оно верным, невысказано непечатать», — не обвинялся ли Марло в гомосексуализме? И кто были те «различные достойные лица», которые вдруг встали на защиту Шекспира? Некоторые энтузиасты, стремящиеся обеспечить своего кумира романтическим ореолом аристократических связей, высказали предположения о вмешательстве знатных господ. Шекспир еще не познакомился с графом Саутгемптоном — это произойдет в следующем году, — но биограф всегда может отловить пару беспризорных аристократов; может быть, этим достойным благодетелем был Фердинандо, лорд Стрендж, покровитель поэтов и актеров, друг фаворита королевы графа Эссекса; может быть, это был сам непостоянный граф Эссекс. Довер Уилсон тешит себя приятной фантазией: «Возможно, эмиссаром был не кто иной, как сам Шекспир, имевший с собой составленное в сильных выражениях письмо от своего покровителя и уладивший дело с Четлом

благодаря своим собственным очаровательным манерам»²³. Если это послание — принесенное ли самим Шекспиром или доставленное Четлу впоследствии — явилось бы когда-нибудь на свет, на нем вряд ли была бы печать вельможи. Елизаветинцы делали строгие различия в формах обращения. Знатных лиц называли бы *разными* *достопочтенными* [divers of honour]; обращение *достойный* [worship] употреблялось в отношении к джентльмену²⁴. Во всяком случае, у Шекспира в это время не было еще покровителя, и у нас нет никаких свидетельств о том, что он когда-либо пользовался благосклонностью Стренджа или Эссекса*. Кто были его влиятельные заступники, мы едва ли можем даже предположить.

Случай с «На грош ума» ставит еще одну крайне любопытную проблему. В своем предисловии Четл жалуется на отвратительный почерк Грина, который ни цензор, ни печатник не смогли бы разобрать; и Четл говорит, что переписал весь памфлет как можно аккуратней, вычеркивая из названного послания скандальный текст, но не добавив, согласно его клятвенному заверению, ни единого слова от себя, «ибо я торжественно заявляю, что памфлет целиком принадлежит Грину — ни мне и ни мастеру Нэшу, как несправедливо утверждали некоторые». В наши дни, почти через четыреста лет после того, как писал Четл, та химера, от которой он пытался избавиться — и, как кажется, успешно, — вновь возрождена профессором Уорреном Остином²⁵. Что, если «На грош ума» все же подделка? Что, если вечно нуждавшийся литературный поденщик Четл подделал слог Грина и, вступив в тайный сговор со своими коллегами по печатному ремеслу, всучил эту мистификацию публике, заинтригованной сенсационными обстоятельствами, которыми была окружена кончина одного из «университетских умов»? Мотивом выпада против Шекспира должно было служить свойственное журналистам желание вызвать дополнительный злободневный интерес к памфлету, с тем чтобы разразилась та буря, которая действительно и произошла. Самозащита всегда возбуждает подозрения

* Идея мнимой связи со Стренджем исходит из произвольного предположения о том, что Шекспир в эту пору состоял в труппе этого вельможи.

в виновности. И до Остина были люди, которых беспокоило авторство «На грош ума», но он был первым, кто использовал в своем исследовании электронные компьютеры²⁶. Полученный в результате грозный строй заключений — «переменные факторы лексического выбора», «переменные факторы морфологического выбора», «переменные факторы синтаксического выбора» — рассчитан на то, чтобы обезоружить сомневающихся правоверных скептиков. Это интригующее и тщательно разработанное положение.

И все же сомнение существует. Грин был плодовит, сохранившихся писаний Четла мало. Для своего исследования Остин сделал пять выборок из Грина и три из Четла; система отбора статистически неубедительна. Некоторые характерные «четловские» черты, обнаруженные в отрывках Грина, не подвергнуты исследованию. Есть также и другие проблемы²⁷. Это не означает, что сама гипотеза несостоятельна; это означает только, что Остин не доказал своего утверждения. Маловероятно, что такого рода положение можно было бы доказать окончательно. За отсутствием убедительных доказательств противного Грин по-прежнему должен нести ответственность за свое низкое морализирование на смертном одре, и мы можем, хотя и с некоторой неуверенностью, принять извинения Четла. Во всяком случае, вопрос о том, кто был автором выпада, не решает разбираемых здесь проблем, которые важны для нас в первую очередь.

То, что Четл защищает «прямоту в делах» Шекспира, казалось бы, означает, что он воспринял намеки Грина как оспаривающие честность поэта. Не так же ли они восприняты Р. Б. Джентльменом (предположительно Ричардом Барнфилдом), если судить по одному из стихотворений, составивших курьезное собрание, озаглавленное «Похороны Грина»:

Отраднa зелень Грина * для очей:
 Глядеть на зелень Гринову — картина,
 Где зелень Грина — фон, всех красок смесь;
 Грин — фон для тех, кто пишет после Грина.
 Те ж, кто затмил его сияньи свет,
 Украли его перья или нет? ²⁸

* В стихотворении обыгрывается фамилия Грин: слово «green» означает «зеленый». — *Прим. перев.*

Казалось бы, это последнее из упоминаний тех времен, опубликованное в 1594 г., указывает на то, что какая-то гриновская грязь еще липла к Шекспиру, ибо здесь о нем вновь отзываются как о «вороне-высочке», украшенной перьями «университетских умов». Так, во всяком случае, стали считать почти все после того, как «Похороны Грина» были извлечены на свет почти полтора века тому назад, и на этом отрывке основана точка зрения, согласно которой читатели Грина понимали, что он обвиняет Шекспира в плагиате. Однако профессор Остин доказал, на этот раз более убедительно, что объектом ядовитых упреков Р. Б. является не Шекспир, а враг Грина Габриэль Харви, который затмевал славу Грина (то есть чернил его репутацию), клеветца на последнего в своих «Четырех письмах»²⁹, когда тот еще не успел остыть в своей могиле. Даже упоминание о похищенных перьях, которое, казалось бы, явно вторит характеристике из «На грош ума», скорее внушено памфлетом Харви. «Благодари других, — корит он Грина, — за свое похищенное и натасканное оперенье не бог весть какой итальянистой красы...»

С выпадом Грина против Шекспира и с последующей апологией Четла связано так много двусмысленностей и недоумений, что можно посочувствовать раздражению, выраженному в наш век одним из выдающихся комментаторов. «Этот отрывок из Грина оказал такое разрушительное действие на шекспироведение, — жалуется Сمارт, — что нам даже кажется — лучше бы он никогда не был написан или, написанный, не был бы открыт»³⁰. И все же, если бы не этот эпизод с Грином, мы лишились бы ранней похвалы достоинствам Шекспира в «Сне добросердечного», первого мимолетного впечатления о нем как о человеке, еще более впечатляющего в сравнении с кратким и беглым упоминанием бурного Марло, защиты которого не приходится ждать. И стоит ли опровергать этот злобный выпад, столь раздражающий поклонников Шекспира? Он тоже содержит в себе непреднамеренную похвалу Шекспиру, ибо только так зависть воздаст должное успеху. «На грош ума» Грина действительно является, как сказал автор, только в ином смысле, чем он думал, лебединой песнью, предсмертным воплем поколения воспитанных университетом драматургов, сходявших со сцены³¹.

ПЬЕСЫ, ЧУМА И ПОКРОВИТЕЛЬ

Если к 1592 г. Шекспир уже заявил о себе как о драматурге, то уместно спросить: какими пьесами? Ни одна из его пьес еще не была напечатана, но это не должно удивлять. В ту пору стоило автору выпустить из рук свои литературные творения, и он терял всякую возможность уследить за их судьбой. Как уже отмечалось, профессии литератора в современном смысле слова еще не существовало¹. Писатели не были защищены законом об авторских правах — все правила на этот счет, сформулированные и проводившиеся в жизнь через гильдию печатников и книгоиздателей, были созданы в интересах печатников. По сравнению с другими авторами драматург в последнюю очередь мог решать вопрос о публикации своих произведений. Он старался угодить зрителям, а не читателям. Пьесы, проданные им театральной труппе, становились ее собственностью, и, пока они удерживались на сцене, актеры ревниво оберегали их от печати, поскольку, едва изданная пьеса появлялась на прилавках, всякий мог купить ее и поставить. В контракте, заключенном Ричардом Брумом с труппой театра Солсбери-Корт во времена правления Карла I (единственное известное нам соглашение такого рода, хотя должны были существовать и другие), драматург официально соглашался воздерживаться от публикаций своих пьес без специального разрешения труппы². Порой пьесы все равно попадали в печать вследствие бедствий, постигших труппу, — чумы, финансовых затруднений, банкротства, роспуска актеров или потому, что пиратские тексты, неизбежно неточные, попадали в печать. По той или иной из этих причин около половины пьес Шекспира появилось при его жизни в изданиях ин-кварти, но все это произошло после 1592 г. Сведения о самых ранних его опытах в драматургии следует искать в косвенных указаниях тех времен. По счастью, недоброжелатель-

ство Роберта Грина обернулось непреднамеренным благодеянием.

Упоминание о «сердце тигра» в «На грош ума» показывает, что третья часть пьесы «Генри VI» шла уже на сцене, и, следовательно, скорее всего первая и вторая части трилогии тоже были поставлены. Это правдоподобное заключение находит подтверждение в известном похвальном отзыве Нэша о популярности первой части «Генри VI». «О, как возрадовался бы доблестный Толбот, гроза французов, узнай, что, пролежав двести лет в гробу, он снова одерживает победы на сцене, а гибель его вызывает слезы на глазах по меньшей мере у десяти тысяч зрителей, которые, смотря его трагедию в разное время, глядя на трагика, изображающего его личность, как бы видят его самого, источающего кровь из свежих ран»³. Этот отрывок из «Пирса безгрошового» (зарегистрированного в списке гильдии печатников и издателей 8 августа 1592 г.) напоминает об эпизоде в 7-й сцене IV акта, в которой старший Толбот погибает, держа на руках труп юного сына — своего Икара, свою отраду, — и, застыв в позе надгробной скульптуры, достаивается подробной эпитафии от сэра Уильяма Люси.

Алкид, лорд храбрый Толбот,
Граф Шрусбери, — за бранные заслуги
Он был пожалован великим графом
Уошфордским, Уотерфордским и Валенским, —
Лорд Толбот Гудригский и Эрчинфилдский,
Лорд Верден Олтонский, лорд Стрендж Блекмирский,
Лорд Кромвель Уингфилдский, лорд Фернивал,
Триkrát прославленный лорд Фокобридж,
Георгия святого славный рыцарь,
Святого Михаила и Руна,
Великий маршал Генриха Шестого
В боях, что он во Франции ведет*.

Восхищение елизаветинских театралов пьесами трилогии «Генри VI», очевидное не только из высказывания Нэша, но также из последующей истории ее публикации**, удивило и вызвало снисходительные отзывы неко-

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.

** Вторая и третья части «Генри VI» удостоились недозволенной публикации, что свидетельствует о популярности пьес (см. с. 218). Первая часть «Генри VI» не печаталась до выхода в свет

торых новейших биографов. «Эта серия пьес не годится для постановки в наши дни,— пипшет Маркет Шют,— хотя бы из-за отсутствия в них характеров и из-за урапатриотического взгляда на английскую историю, но в свое время эти пьесы были в числе самых лучших среди тех, что шли на лондонской сцене»⁴. Маркет Шют выражала не свое личное, а общее мнение, когда писала эти строки в 1951 г.; ее замечание лишь иллюстрирует эфемерность такого рода приговоров. Первые английские пьесы-хроники Шекспира с тех пор с триумфом вернулись на сцену стратфордского театра под названием «Война роз» (разумеется, сильно адаптированные), а также на сцены других театров. Строго говоря, автор документальной биографии должен избегать как толкований, так и оценок, но он вправе подчеркнуть тот факт, что Шекспир еще до того, как ему исполнилось тридцать лет, замыслил и создал целый ряд исторических драм, которые по масштабам и сложности были совершенным новшеством на лондонской сцене. Если, что, разумеется, возможно, он также написал «Ричарда III» до 1593 г., то, стало быть, он превратил трилогию в тетралогию и преобразил в эпос бесформенный материал своих повествовательных летописных источников. Только мистерии, дававшиеся в городах с кафедральными соборами (такие мистерии он, вероятно, сам видел мальчиком в Ковентри), предшествовали драме такого шекспировского масштаба.

Что же еще он написал? За отсутствием точной хронологии приходится строить догадки, но некоторые предположения выглядят достоверными. Есть критики, которые считают «Бесплодные усилия любви» очень ранним произведением, но проблема датировки в данном случае усложняется очевидностью последующего пересмотра пьесы, и если иметь в виду ее стиль, то кажется наиболее уместным датировать ее примерно 1595 г. «Укрощение строптивой», пьеса во всех отношениях менее обработанная, с большим основанием может считаться ранней. «Комедия ошибок» и «Тит Андроник», также отмеченные печатью

фوليو 1623 г., однако Хенсло, так же как и Нэш, отметил популярность этой пьесы, если именно ее подразумевает Хенсло в своей записи о «Гари VI» (см. с. 220).

молодости, несмотря на разительное внешнее несходство, выглядят как две стороны одной медали: и академичная комедия, и академичная трагедия впитали в себя живую кровь народного театра («Тит» буквально пропитан этой кровью). В «Комедии ошибок» Шекспир использовал две пьесы Плавта — «Менехмы» (основной источник) и «Амфитрион». В «Тите» он воздал должное своим излюбленным «Метаморфозам», но также раздобыл яства для пиршества в «Фиесте» Сенеки. Если что и говорит в пользу предания, согласно которому Шекспир часть «утраченных лет» преподавал в провинции, так это тот факт, что он знал классиков как настоящий педагог. Более того, латинская основа «Комедии ошибок» и «Тита Андроника» давала возможность ученику грамматической школы в начале своей карьеры вполне естественно соперничать с драматургами, имевшими университетское образование⁵.

У нас есть косвенные сведения для датировки «Тита». В своей интродукции к «Варфоломеевской ярмарке», ставившейся в театре «Надежда» в 1614 г., Джонсон вкладывает в уста Писца в качестве одного из пунктов договора со зрителями следующее указание: «Тот, кто клянется, что «Иеронимо» или «Андроник» — лучшие пьесы, без всякого сомнения показывает, что он человек постоянного вкуса, но вкус его, значит, не изменился за последние двадцать пять — тридцать лет»⁶. «Иеронимо» — другое название «Испанской трагедии» Кида, на громкий успех которой откликнулся своей пьесой Шекспир. Эти 25—30 лет возвращают нас к 1584—1589 гг. Конечно, Джонсон писал эти строки не для будущих историков театра — он округляет цифры и, возможно, преувеличивает древность пьес, чтобы подчеркнуть свое утверждение об отсталости вкуса аудитории⁷. Однако это упоминание подтверждает очень раннюю датировку «Тита Андроника».

Нужно честно признать, что почти с первых дней существования шекспироведения знатоки высказывали сомнение в единичной ответственности Шекспира за «Тита», а также (несколько позднее) за трилогию «Генри VI». Непочтительное отношение к Жанне д'Арк, изображенной в первой части «Генри VI» не христианской мученицей, а колдуньей и мегерой, казалось оскорбительным. Те же самые авторитеты полагали, что Шекспир, начавший свою

карьеру в театре в качестве латателя чужих пьес, лишь слегка изменил две анонимные пьесы, которые были оригиналами второй и третьей части «Генри VI»; одна предположительно основывалась на первой части «Истории борьбы между двумя славными домами Йорков и Ланкастеров», напечатанной в 1594 г., а другая — на «Правдивой

Представление «Тита Андроника». Рисунок Пичэма.

трагедии Ричарда, герцога Йорка», опубликованной в следующем году. Уже начиная с 1687 г. читатели ищут способ освободить Шекспира от ответственности за «Тита» — «наиболее несовершенного и бесформенного произведения из всех созданных им, — как с усмешкой говорит Рейвенкрофт. — Это больше напоминает кучу мусора, чем постройку»⁸. Такого рода комментаторы оставляют на долю Шекспира лишь несколько «штрихов мастера», цветов, случайно выросших среди сорняков, перекладывая ответственность за пьесу в целом на какого-нибудь менее значительного драматурга, например на Джорджа Пиля, не соблюдавшего правил хорошего тона в драматургии, на кого угодно, кроме нашего несравненного барда. За этими попытками освободить его от ответственности скрывается, как можно догадаться, брезгливое отвращение к каннибализму, насилию и членовредительству.

И все же эта «куча мусора» привлекала в театр толпы зрителей. Впечатление одного из современников зафиксиро-

ровано в уникальной записи в манускрипте Лонглита, где на рисунке изображена Тамора, на коленях молящая Тита пощадить ее сыновей. Позади нее также преклонили колени два ее сына, а за ними отдельно стоит с обнаженным мечом мавр Арон. (В пьесе победители требуют и получают лишь Аларба, «старшего сына несчастной королевы», и его, безмолвного, уводят туда, где он будет изрублен, а его «внутренности брошены в огонь жертвенника».) Действительно ли, как предполагает Довер Уилсон, тот, кто сделал набросок этой сцены (на полях стоит имя Генри Пичэма), вспоминал «настоящее представление и мизансцену, в которой участвуют шекспировские коллеги на подмостках шекспировского театра»?⁹ Или на этом рисунке воспроизведен один момент из представления этой пьесы в частном доме? Эти вопросы невозможно решить, однако из рисунка Лонглита ясно, что «Тит Андроник» оставлял яркое впечатление. Ярким также является, несмотря на определенную диспропорцию, и впечатление художника, «четко разместившего фигуры по обе стороны от центральной оси, которой является украшенный наконечником посох Тита», и «передавшего разнообразие сюжета в рисунке, который экономно опускает почти столько же, сколько включает в себя, предполагая присутствие других героев единственно посредством жеста»¹⁰.

Нынешнее возрождение «Тита», начавшееся со знаменитой постановки Брука — Оливье в 1955 г., вновь продемонстрировало жизнеспособность этой ранее презираемой пьесы, а также показало, что автор смягчает изображаемые жестокости посредством условных драматических приемов и формальной риторики. Во всяком случае, литературные пристрастия мало помогают в решении вопросов авторства. В 1929 г. Питер Александер показал, что «История борьбы» и «Правдивая трагедия» фактически являются испорченными текстами — плохими кварто — шекспировских оригиналов второй и третьей части «Генри VI». Тот факт, что друзья драматурга и его собратья по труппе «слуг ее величества», Хэминг и Кондел, включили «Тита Андроника» и все три части «Генри VI» в первое фолио, является веским свидетельством того, что автор этих произведений — Шекспир. Если он завершил эти пьесы в 1592 г., а также написал «Комедию ошибок» (не говоря

уже о «Ричарде III» и «Укрощении строптивой»), выходит, что он попробовал свои силы, и чрезвычайно успешно, в трех драматических жанрах — комедии, трагедии и исторической хронике, что подчеркивается его первыми изданиями.

Однако одно «если» остается. У нас нет никаких данных о постановке «Комедии ошибок» до 28 декабря 1594 г. Первые упоминания о «Тите Андронике» также относятся к этому году. Издатель Джон Дантер зарегистрировал «Тита Андроника» в реестре гильдии печатников и издателей 6 февраля 1594 г., и в том же году Эдвард Уайт и Томас Миллингтон продавали эту пьесу на своих прилавках под вывеской, изображавшей пушку, у малых северных дверей собора св. Павла. В пьесе «Как распознать мошенника», зарегистрированной месяцем раньше, встречается упоминание о короле Эдгаре, которого принимают так же радушно,

Как Тита римские сенаторы встречали,
Когда он готов Риму покорил...

Наконец, когда 24 января 1594 г. группа графа Сассекса ставила «Тита Андроника» в театре «Роза», Хенсло отметил это представление в своем «Дневнике» как «новое». Казалось бы, это свидетельство довольно убедительно указывает на 1594 г. как на дату написания пьесы; но так кажется, пока не рассмотришь это свидетельство пристальнее. Несмотря на то что пьеса была разрешена к печати в 1594 г., «Как распознать мошенника» ставилась «слугами лорда Стренджа» двумя годами раньше — 10 июня 1592 г. Мы узнаем об этом из «Дневника» Хенсло. Кроме того (как мы видели), «новая» скорее может означать то, что пьеса вновь разрешена или вновь поставлена, нежели что она только что написана; такая возможность подтверждается объявлением на титульном листе о том, что эта «наипечальнейшая римская трагедия» игралась «слугами почтенного графа Дарби, графа Пембрука и графа Сассекса». Поскольку «слуги» графов Дарби и Пембрука упоминаются прежде «слуг» Сассекса, можно заключить, что «Тит Андроник» был «новой» пьесой в 1594 г. только для последней группы. Во всяком случае, пьеса с такой ис-

торией постановок едва ли только что вышла из-под пера автора в том же самом году.

Нужно и в дальнейшем соблюдать такую же осторожность, прослеживая отношения Шекспира с упомянутыми труппами. Если он и начинал как актер в труппе ее величества, возможно, он очень рано решил, что ему выгоднее перейти в другую труппу. Несмотря на то что ни одна его пьеса, насколько нам известно, не была поставлена труппой ее величества, весьма интригующим является тот факт, что каким-то образом Шекспир смог использовать в качестве источников сюжета три пьесы из репертуара этой труппы: «Беспокойное царствование короля Джона», «Славные победы Генри V» и «Правдивая история короля Лира и трех его дочерей». Создавая свои варианты этих пьес, Шекспир, возможно, вспомнил о предшествовавших пьесах, ставившихся на сцене много лет назад в те дни, когда он был актером труппы ее величества¹¹. Но это только предположение. Все же некоторые пьесы труппы ее величества перешли в репертуар труппы графа Стренджа во главе с Алленом; кроме того, из «Дневника» Хенсло, этой уникальной сокровищницы сведений, видно, что эта труппа играла «Гари VI» четырнадцать раз, делая большие сборы, в театре «Роза» в Банксайде между 3 марта и 20 июня 1592 г. Разумеется, не только Шекспира, но и других драматургов могла привлечь мысль об использовании в пьесе плачевной истории царствования Генри VI, так же как их привлекали (наряду с Шекспиром) истории Юлия Цезаря, Троила и Крессиды¹². Если шедшая в театре «Роза» пьеса принадлежала ему, это была скорее всего, как мы увидим, первая часть «Генри VI». Таким образом, сухие бухгалтерские записи Хенсло подтверждают то взволнованное описание переполненных театров, которое оставил Нэш. Но нет никаких данных о связях самого драматурга с труппой лорда Стренджа: Аллен в своей переписке не упоминает о Шекспире, не упомянут последний и в доверенности от 6 мая 1593 г., где перечислены члены (возможно, только пайщики) этой труппы; не фигурирует Шекспир и в списке актеров (в который включены наряду с главными и исполнители второстепенных ролей) «второй части повести о Семи смертных грехах», пьесы, ставившейся «слугами лорда Стренджа». По титульным листам

искаженного варианта пьесы, напечатанной под названием «Правдивая трагедия», нам известно, что «слуги графа Пембрука», труппа, которая некоторое время ставила «Тита Андроника», имели в своем репертуаре третью часть «Генри VI» (возможно, также и вторую часть этой хроники). «Укрощение одной строптивницы» («The Taming of A Shrew»), возможно, но не обязательно, один из искаженных вариантов «Укрощения строптивой» («The Taming of the Shrew»), было напечатано в 1594 г. «Она [пьеса] несколько раз игралась слугами достопочтенного графа Пембрука». Вполне возможно, что Шекспир написал последнюю из этих пьес для труппы лорда Пембрука, хотя, скорее всего, они перешли к ним от других трупп; точно известно, что «Тит Андроник» переходил из рук в руки*. Возможно, некоторое время Шекспир был драматургом, не связанным ни с какой труппой. Однако куда более привлекательно и романтично воображать его одним из актеров труппы Пембрука примерно в то же самое время, когда Марло писал для этой труппы свою последнюю драму «Эдуард II». Эти два человека могли быть знакомы; Шекспир, несомненно, знал произведения Марло и отозвался на них в своих первых опытах: «Тамерлан» чувствуется в «Генри VI». Впоследствии Шекспир оплакал Марло, иносказательно упомянув мертвого пастуха в комедии «Как вам это понравится».

Довер Уилсон предложил любопытную, хотя и построенную на догадках реконструкцию происхождения труппы Пембрука¹³. В 1590 г. «слуги лорда Стренджа» и труппа адмирала слились в одну труппу во главе с Алленом; эта объединенная труппа использовала два театральных помещения в Шордиче — «Театр» Бербеджа и его филиал «Куртину». Но соглашение между ними было расторгнуто. В мае 1591 г. Аллен поссорился со старшим Бербеждем и вместе со своими коллегами ринулся в соперничающее предприятие в Сарри — театр «Роза», принадлежавший Хенсло. Это то, что нам известно; остальное — гипотеза.

* Пинцисс (см. примеч. 11) выдвинул теорию о том, что «слуги графа Пембрука» ведут свое происхождение от некой группы актеров, выделившихся из труппы ее величества. Из завещания, описанного Мэри Эдмонд (см. примеч. 15), не явствует, к какому театру первоначально принадлежали эти актеры.

Уилсон предполагает, что не вся труппа пожелала переправиться через реку вместе с Алленом. Сын Бербеджа Ричард, в двадцать три (или двадцать четыре) года уже видевший себя претендентом на лавры «знаменитого Неда Аллена», склонил нескольких актеров остаться с ним в Шордиче и образовать новую труппу. Затем отделившиеся актеры убедили лорда Пембрука взять их под свое покровительство. Отсюда берет начало связь между актером Бербеждем и театрами Пембруками, прерванная только смертью трагика в 1619 г., которая повергла третьего в роду графа Пембрука в такое горе, что он, сокрушаясь сердцем, удерживался от посещения театра, на подмостки которого ступала нога его «старого знакомого». Связь Шекспира с Пембруками вновь обнаружилась впоследствии, в 1623 г., когда Хэминг и Кондел посвятили первое фоллио с пьесами своего достойного друга и собрата «благороднейшим и несравненным братьям» Уильяму графу Пембруку и Филиппу графу Монтгомери. Предание добавляет еще несколько фактов. В 1865 г. леди Херберт, принимавшая в Уилтон-Хаузе Уильяма Кори, который был в ту пору главой Итонского колледжа, сказала ему, что у них находится никогда не печатавшееся письмо леди Пембрук к ее сыну, в котором та просит его привезти Джеймса I из Солсбери посмотреть «Как вам это понравится»; «этот самый Шекспир у нас». Она хотела уговорить короля приехать ради Уолтера Рали. Джеймс действительно посетил Солсбери по крайней мере один раз, когда его двор стоял в Уилтоне осенью 1603 г.; но, к несчастью, никакого письма в этом роде так и не обнаружилось¹⁴. Некоторые ученые полагают, что этот Пембрук и есть тот самый «прекрасный юноша», которого Шекспир воспел в сонетах.

Гипотеза Уилсона весьма привлекательна и кажется правдоподобной, но недавно обнаруженное завещание одного прежде неизвестного актера, Саймона Джуэла, наводит на мысль о том, что «слуги лорда Пембрука» скорее начали свое существование как гастролирующая труппа без Бербеджа или Шекспира и не в 1591 г., а накануне той катастрофы, которая разразилась в Лондоне в следующем году¹⁵. Ибо в то лето город поразила чума. Несколькими годами ранее в проповеди, читанной у креста св. Павла, преподобный Т. Уилкоккс посредством силлогизмов дока-

зал, что «причиной чумы, если приглядеться, является грех, а причиной греха являются представления; следовательно, причина чумы — представления»¹⁶. Но независимо от того, явилась ли чума следствием представлений или нет, власти были обеспокоены, и не без оснований, теми опасностями, с которыми сопряжено посещение театров во время эпидемии. Они считали, что такие публичные сборища, на которые сходятся бездельники, шлюхи и другие подонки общества, не говоря уже о многих «зараженных язвами», покрывшими их, «распространяют опасную пагубу». Когда число смертей, о которых сообщали списки умерших, достигло тревожных размеров, Тайный совет распорядился запретить театральные представления. «Мы считаем, что будет уместно, — сообщали члены Тайного совета лорд-мэру и олдерменам Лондона, а также мировым судьям Сарри и Мидлсекса, —

если всякого рода стечение людей и публичные сборища на представлениях, медвежьих травлях, в кегельбанах и иные подобные развлекательные сборища будут запрещены, и посему требуем от вас и именем ее величества неукоснительно поручаем вам и приказываем немедленно запретить в пределах вашей юрисдикции все представления, травли медведей и быков, игру в кегли и иные подобные предлоги для стечения любого числа людей (за исключением проповедей и церковных служб) с тем, чтобы никак не способствовать умножению заразы в городе, что вы и должны сделать как посредством обнародования сего распоряжения, так и посредством надзора и наблюдения, осуществляемого в тех местах, где... такого рода развлечения обычно посещаются»¹⁷.

Решение было принято 28 января 1593 г. Ограничения распространялись на сборища в пределах семимильного радиуса Лондона. Почти весь тот год чума свирепствовала с особой жестокостью. По данным Стоу, между 29 декабря 1592 г. и 20 декабря 1593 г. она унесла 10 775 душ; другие

приводят более высокие цифры *. Но статистика не в состоянии выразить, что означало для людей это бедствие; лишь случившееся с отдельными семьями дает представление о том, что такое чума. Роберт Браун, бывший когда-то актером в труппе графа Вустера, играл на франкфуртской ярмарке в течение долгого жаркого лета 1593 г. Его семья оставалась в Шордиче. Чума уничтожила всех — жену, детей, остальных домочадцев. Но жизнь продолжалась, и Браун женился во второй раз.

Следующей зимой масштабы бедствия настолько уменьшились, что можно было вновь на короткий срок открыть театры, однако 3 февраля 1594 г. Тайный совет нашел уместным распорядиться о том, «чтобы никакие публичные представления или интерлюдии не осуществлялись какими-либо труппами в радиусе пяти миль вокруг Лондона до той поры, пока, убедившись и уверившись в том, что это безопасно для здоровья, мы не сделаем новых распоряжений противоположного свойства»¹⁸. Весной 1594 г. театры вновь распахнули свои двери, однако летом власти стали беспокоиться о том, как бы толпы людей, жаждущих развлечений после долгого заключения в четырех стенах, не стали «посещать такого рода собрания» и зараза не распространилась бы «из-за жары и сборищ». Это затянувшееся надолго закрытие театров, самое длительное в короткой истории лондонского театрального дела, разорило труппы. Тайный совет мог разрешить «слугам графа Сассекса» или «слугам лорда Стренджа» играть за пределами семимильной зоны, однако труппы едва ли могли сохраниться в целостности в течение этого казавшегося бесконечным изгнания, обречшего их на жалкое существование за счет представлений в захолустных амбарах. Когда великая чума 1592—1594 гг. наконец пошла на убыль, актерам пришлось вновь собраться с силами и объединяться в труппы.

Чем занимался Шекспир в течение этого затянувшегося периода вынужденного бездействия? Согласно одной

* На самом деле Стоу в своих «Анналах Англии» (1601 г., с. 1274) в качестве общего числа называет 10 675, однако он неточно сложил свои собственные числа.

любопытной гипотезе, он скитался по континенту*. Возможно, Шекспир исследовал внутренние водные пути Северной Италии, пробираясь из Феррары по реке По к заболоченным землям Венецианской республики. Это позволило ему познакомиться с итальянскими обычаями, церемониями, характерными чертами и топографией северных городов, а также получить поверхностное знание языка. Затем, вернувшись в Лондон, когда кончилась чума, он вызвал в своей памяти благоуханную атмосферу Италии — Венеции, Вероны и прекрасной Падуи в «Ломбардии, волшебном саду Италии великой» — в целом ряде пьес, богатых местным колоритом. В «Венецианском купце» Шекспир даже упоминает «перевоз» или *traghetto*, «паром, перевозящий в Венецию», как называет его Порция¹⁹.

Но с равным успехом он мог насытить свое творческое воображение, пользуясь книгами и рассказами вернувшихся путешественников или беседуя с итальянцами в Лондоне. Гостиница «Слон» в Банксайде обслуживала итальянскую клиентуру. По дороге в театр и обратно Шекспир должен был проходить мимо этой гостиницы. В «Двенадцатой ночи» (действие которой происходит якобы в Иллирии, что, впрочем, несущественно) «Слон» рекомендуется как гостиница, «лучше которой не сыскать». Некий Паоло Марко Лукезе, уроженец Лукки, держал ресторан на Харт-стрит в приходе св. Олива, и в его доме жили итальянцы. (Знал ли Шекспир Лукезе? Когда в «Отелло»

* Чарльз Армитидж Браун, страстный поклонник Италии, по видимому, первым публично высказал предположение, не странствовал ли там Шекспир; в 1838 г., основываясь на содержании ряда пьес, Браун в книге «Автобиографические стихи Шекспира» ответил утвердительно на вопрос, поставленный им самим в названии главы «Посещал ли он Италию?». Разумеется, эта проблема волновала жителей континента. Так, известный германский шекспировед XIX в. Карл Эльце отверг предположение, будто Шекспир примкнул к труппе английских комедиантов в Германии, но не устоял против итальянских ассоциаций (Эльце создал теорию о том, что в 1593 г. Шекспир «бежал от опасной чумной атмосферы столицы» и сразу же по возвращении создал «Венецианского купца», «Отелло» и (возможно) «Укрощение строптивой», «будучи все еще преисполнен только что полученными впечатлениями, когда все очарование Италии с ее небесами непроизвольно водило его пером» («The Supposed Travels of Shakespeare», *Essays on Shakespeare* (transl. L. Dora Schmitz, 1874), p. 254—315).

достопочтенные синьоры собираются в зале сената, Дож спрашивает: «Что, Марк Лукезе в городе?») Джон Флорио, составитель первого итало-английского словаря, был хорошо известен в аристократических и интеллектуальных кругах; некоторые комментаторы, начиная с Уорбертона в XVIII в., считают, что Шекспир слегка высмеял Флорио в качестве педанта Олоферна в «Бесплодных усилиях любви». Многочисленные Бассанио, уроженцы Венеции, были приписаны ко двору в качестве музыкантов королевы. Шекспир называет в «Венецианском купце» своего героя Бассанио, хотя его прототип в повелле, послужившей источником, носит имя Джкианетто²⁰. А. Л. Рауз полагает, что Эмилия Бассано, дочь Баптисты Бассано и Маргарет Джонсон, была смуглой соблазнительницей в «Сонетах». Рауз сообщает весьма интересный факт: мужа Эмилии звали Уилл; это весьма разъясняет смысл тех сонетов, которые построены на игре слов (Whoever hath her wish, thou hast thy Will // And Will to boot, and Will to over-plus) *. Он приводит также цитаты из рукописи одного дневника, где об Эмилии якобы говорится, что она была «весьма смуглой в юности». Однако мужа Эмилии звали, увы, не Уилл, а Альфонсо, и слово в рукописи, прочитанное Раузом как «смуглый» [«brown»], на самом деле читается как «смелый» [«brave»]²¹. «Смуглой даме» подобает быть явно смуглой.

Во всяком случае, после всего сказанного приходится признать, что шекспировское знание итальянской топографии отнюдь не надежно. Герои в окруженной суши Вероне (в «Двух веронцах») садятся на корабль; Милан в «Буре» изображен как город, связанный с морем посредством водного пути. В «Укрощении строптивой» расположенное вдали от моря Бергамо имеет своего мастера по изготовлению парусов; Бьяндело сходит на берег в Падуе, один из жителей которой, Гремио, является владельцем большого торгового судна. Представить себе Шекспира проводящим каникулы в Италии, в то время как в Лондоне

* «Кто бы ни владел ее желанием [Will], у тебя есть твой Уилл [Will] // и Уилл [Will] в придачу, и Уилл [Will] сверх того. Каламбур в этом сонете (135) построен на разных значениях слова «will». Will — имя Шекспира и его друга, и, возможно, мужа «смуглой дамы». — *Прим. перев.*

колокол звонит по мертвым,— вполне безобидная фантазия, но, скорее всего, он оставался в Англии. Там он попробовал свои силы в сочинении недраматических произведений и нашел себе покровителя.

Им был Генри Ризли, граф Саутгемптон и барон Тичфилд. Его дед, Томас, первый граф в роду, был лорд-канцлером во времена Генри VIII и, чтобы продемонстрировать важность своего положения, построил в Тичфилде «весьма величественное здание», которым так восхищался королевский собиратель древностей Леленд. Второй в роду граф, неисправимый католик, присоединился к участникам политического заговора, действовавшем с благословения Марии Шотландской. Он ухитрился выйти сухим из воды, однако умер прежде, чем его сыну Генри — покровителю Шекспира — исполнилось восемь лет. Старший брат мальчика умер еще раньше, и таким образом в октябре 1581 г. Генри Ризли унаследовал звание пэра. Почти до самого его совершеннолетия мать Генри оставалась вдовой, и потому над юным пэром была учреждена королевская опека в лице лорда Бэрли, занимавшего должность лорд-казначея. В Сесил-Хаузе вместе с другими подопечными молодой Саутгемптон получил придворное образование в закрытой академии, созданной для сыновей знати. Затем он провел четыре года в колледже, где некогда учился Бэрли, Сент-Джонс в Кембридже. Там в 1589 г. в возрасте пятнадцати лет Саутгемптон получил звание магистра искусств. При дворе хорошо образованный юноша привлек благосклонное внимание королевы и завязал дружеские отношения с блестящим, но обреченным фаворитом графом Эссексом, который был на семь лет старше его. Осенью 1592 г. Саутгемптон примкнул к группе вельмож, сопровождавших королеву в Оксфорд. Никто из сопровождавших не был столь миловиден, как он, панегирически писал Джон Сэнфорд, «ни один из молодых людей не выделялся столь своей ученостью, хотя над его верхней губой едва пробился нежный пушок»²². Лорд Бэрли стремился выдать за него замуж свою внучку, леди Элизабет Вир, но Саутгемптон воспротивился браку, хотя и не без колебаний.

Саутгемптон покровительствовал ученым и поэтам. Джон Флорио вошел в его окружение в качестве домашнего учителя итальянского языка. Один из секретарей

Бэрли в 1591 г. посвятил Саутгемптону написанные на латыни стихи под названием «Narcissus» [«Нарцисс»]. Через два года, посвящая своего «Злосчастливого путешественника» этому «подлинно благородному лорду», Нэш превозносил «драгоценного любителя и ценителя... как любителей поэзии, так и самих поэтов». Тринадцатилетним мальчиком

Саутгемптон в возрасте 20 лет. Портрет работы Хиллиарда.

Саутгемптон выразил почтение своему опекуну в не по летам зрелом этюде, написанном цицероновской латынью на тему: «Все люди побуждаемы к достижению добродетели надеждой на воздаяние». Эта довольно мирская тема требовала от молодого человека несвойственной его возрасту житейской мудрости, однако Ризли рассмотрел ее с идеалистической точки зрения, отождествляя воздаяние с «хвалой и добрым именем». Такие способности знатный лорд мог развить в себе, общаясь с покровительствуемыми поэтами. В свою очередь те ожидали от него чего-нибудь более осязаемого, но не всегда получали ожидаемое. «Я не теряю надежды на вашу милостивую благосклонность, ибо я не вовсе отвергнут славой, — писал Нэш в своем посвящении. — Ваша милость подобна большой раскинувшейся ветви славы, из коей мои праздные листья жаждут извлечь все потребные им питательные соки. Вам остается либо презрительно стряхнуть их как источенные червями и

никчемные, либо в сострадании своем сохранить и взлелеять их, ибо у вас есть надежда обрести среди них хоть какой-нибудь малый летний плод»²³. Очевидно, графу пришлось не по вкусу этот плод, так как данное послание было изъято из последующих изданий «Злосчастного путешественника», а незадачливому автору пришлось искать себе питательные соки в ином месте.

В 1593 или 1594 г. Николас Хиллиард написал миниатюру, изображающую мальчика с блеклыми золотыми локонами. Это лицо — с мягкими чертами, тонко изогнутыми бровями, со слегка приподнятыми уголками губ, выражающих самодовольное превосходство, — безусловно, лицо аристократа, который был вполне достоин, чтобы его воспели в стихотворении под названием «Нарцисс». Примерно в то время, когда граф позировал Хиллиарду, Шекспир посвятил ему свою первую поэму. Нашему поэту было двадцать девять лет, адресат посвящения был на десять лет моложе его.

«Венера и Адонис» наряду с «Комедией ошибок» и «Титом Андроником» принадлежит к раннему классическому периоду в творчестве Шекспира. (Миф об Адонисе весьма привлекал его. «Картины любишь? — спрашивают медника Слая в «Укрощении строптивой», — их мы принесем. Изображен Адонис у ручья...») И вновь Шекспир извлек сюжет из «Метаморфоз», его мифотворческое изображение помогло ему создать повествовательную поэму на эротическую тему. Это был модный жанр, породивший, весьма возможно в том же самом году, высочайший образец для подражания — незавершенную поэму Марло «Геро и Леандр». Шекспир вполне мог рассчитывать на то, что его поэма доставит удовольствие высокородному лицу, которому она была отправлена, ибо каких только утех не найдет двадцатилетний юноша с развитым вкусом в истории Адониса — отрока, с мужским презрением отвергающего одержимую назойливостью богини любви. Одновременно Шекспир пытался завоевать новую аудиторию: изощренную, любящую удовольствия, не интеллектуальную, но почитающую интеллект, — такую аудиторию, которую имел в виду Томас Лодж, сам окончивший юридическую школу «Линкольн-инн», создавая свою эротическую поэму «Метаморфозы Сциллы», которую «весьма полезно внимательно

прочсть юным придворным и запомнить скромным дамам».

На титульном листе «Венеры и Адониса» не значилось имени автора, но посвящение «его милости Генри Ризли, графу Саутгемптону, барону Тичфилду» было подписано.

Ваша милость!

Боюсь, не оскорблю ли Вашу милость, посвящая Вам мои слабые строки, и не осудит ли меня свет за избрание столь сильной опоры для такой легкой ноши; но если она понравится Вашей милости, я сочту это высочайшей наградой и поклянусь посвятить весь свой досуг неустанному труду, пока не создам в Вашу честь творение более достойное. Если этот первенец моей фантазии покажется уродом, я буду сокрушаться о том, что у него такой благородный крестный отец, и никогда более не стану возделывать столь неплодородную почву, опасаясь снова собрать убогий урожай. Я предоставляю свое детище на Ваше милостивое рассмотрение и желаю Вашей чести сердечного довольства и исполнения всех Ваших желаний для блага света, возлагающего на Вас свои надежды.

Покорный слуга Вашей милости
Уильям Шекспир

Тон этого посвящения изощренно любезный, но не раболепный, скромный, но с внутренней уверенностью в себе, не говорит о большой близости между поэтом и его покровителем. Эпиграф на титульном листе, также из Овидия, разъясняет скромный тон посвящения. «*Vilia miretur vulgus: mihi flavus Apollo // Pocula Castalia plena ministret aqua*». «Пусть помышляющие о низком любятися низкопробным // Прекрасный Аполлон ведет меня к источнику муз». Эти строки из 15-й элегии первой книги «Любвных элегий» Овидия на английский перевел Марло.

Фраза о «первенце моей фантазии» повергла в замешательство комментаторов. Может быть, Шекспир сочинил, хотя бы вчерне, «Венеру и Адониса», еще будучи молодым человеком, в Уорикшире, может быть, он пришел в

Лондон, имея в кармане какую-то поэму, и распространял ее рукопись до той поры, пока Саутгемптон не соблаговолил принять ее? Такого рода гипотеза могла бы объяснить наличие живых воспоминаний о сельской природе в поэме — нырок, лань с набухшим от молока сосцами, дикий жеребец, боязливая улитка и прежде всего бедный зайчонок, в ужасе убегающий от своих преследователей, — которые, казалось бы, более обязаны своим происхождением окрестностям фермы его дяди Генри, чем Аркадии римских поэтов. И все же рискованно делать окончательные выводы из таких данных, как сдержанно заметил Александр Дайс более чем сто лет назад: «Мне еще предстоит понять, что воображение Шекспира не могло тешиться сельскими образами, даже среди туманов Саутуорка и Блэкфрайарза»²⁴. Буколические образы могли с особой силой привлечь поэта, чей «досуг» (говоря словами посвящения) был вынужденным из-за чумы, закрывшей театры. Может быть, Шекспир назвал «Венеру и Адониса» первенцем своей фантазии просто потому, что этой поэмой был отмечен его дебют в печати. Или, может быть, он делал различие между серьезным литературным творчеством, результатом которого была отпечатанная, как подобает, книга с посвящением, и преходящими зрелищами, восхищавшими толпу в Шордиче и в Банксайде. Как начинающий писатель, он принимал как само собой разумеющееся снисходительное отношение к пьесам и драматургам, распространенное в его время. Ведь он так и умер, не зная, а возможно, и не заботясь о том, будут ли когда-либо «Макбет», «Буря» или «Антоний и Клеопатра» сохранены для будущего в печатной форме.

Другое дело «Венера и Адонис». Шекспир весьма хлопотал об этом первом детище своей покровительствуемой музы. В кварто 1593 г. исключительно мало опечаток и типографских погрешностей; очевидно, что, даже если автор сам не правил корректуру, он обеспечил печатника достаточно хорошим экземпляром своей рукописи. Кроме того, он выбрал отличного печатника.

Этим печатником был Ричард Филд, земляк Шекспира, владевший типографией в Блэкфрайарзе²⁵. Сын Генри Филда, кожевенника с Бридж-стрит, он родился на три года позже Шекспира: в стратфордской приходской книге

его крещение записано 16 ноября 1551 г. Имя старшего Филда значится в городских записях: в 1560 г. он был оштрафован вместе с другими пятнадцатью горожанами «за то, что они позволяли своим кобелям и сукам свободно бегать по улицам». Когда в 1592 г. Генри умер, Джон Шекспир помогал оценивать старую кровать и прочий скарб, составлявший скромное имущество Филда. Хотя сам Филд не преуспел, он дал своему сыну возможность стать на ноги, отдав его подмастерьем к лондонскому печатнику. Книгоиздатель Джордж Бишоп, к которому первоначально был прикреплен Ричард, передал его на шесть лет под начало Томаса Ватролье, гугенота, имевшего типографию в Блэкфрайарзе. Искусный мастер-печатник, Ватролье знал толк в таких популярных изданиях, как «Книга, содержащая различные формы начертания букв» де Бошена и Бейлдона. Энергичная супруга этого гугенота Жаклин умела управляться с мастерской, когда ее муж уезжал в Эдинбург, где у него была другая процветающая типография. В 1587 г. Ватролье умер, и в следующем году его вдова вышла замуж за их единственного подмастерья. Последнему в ту пору было двадцать семь лет, и он только что освободился от контракта с гильдией печатников и издателей. Шарлотта Стоупс полагает, что в лице Жаклин Филд ей удалось найти «смуглую даму» Шекспира: «...она была французенкой, и, следовательно, у нее, скорей всего, были темные глаза, желтовато-бледный цвет лица и то необъяснимое очарование, о котором столько раз упоминает Шекспир»²⁶. Под «очарованием» подразумевается безнравственность. Аргументация г-жи Стоупс тоже отнюдь не безупречна.

Ричард Филд зарегистрировал «Венеру и Адониса» в гильдии печатников и издателей 18 апреля 1593 г. Менее чем через два месяца пожилой джентльмен, эсквайр Ричард Стонли увидел эту поэму на прилавке под вывеской, изображавшей белую борзую, на паперти собора св. Павла и купил экземпляр за шесть пенсов. Будучи одним из четырех кассиров казначейства, Стонли владел домом в Олдерсгейте в Лондоне, но свободные дни проводил в своем имении Доддингсхерсте в графстве Эссекс; уже стариком семидесяти семи лет этот государственный служащий, всю жизнь имевший дело с финансами короны, попал в тюрьму

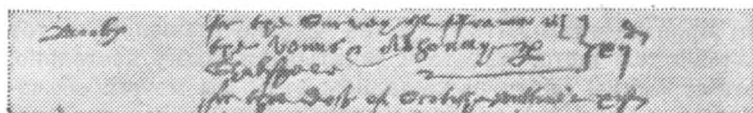
Флит из-за крупного личного долга. Будучи в свое время приметной фигурой, но впоследствии забытый, Стокли отличился еще и тем, что был первым зарегистрированным покупателем первой опубликованной книги Шекспира*.

«Венеру и Адониса» покупало множество людей. До 1640 г. поэма выдержала шестнадцать изданий. Ни одно из произведений Шекспира не перепечатывалось в тот период так часто. Читатели зачитывали поэму настолько, что страницы книги рассыпались; этим мы можем объяснить тот факт, что наиболее часто издававшееся произведение сохранилось в одном-единственном экземпляре.

В начале XVII в. студенты кембриджского колледжа Сент-Джонс поставили любительскую пьесу «Возвращение с Парнаса», один из персонажей которой восторгается Шекспиром. «Пусть этот глупый мир почитает Чосера и Спенсера, — восклицает Галио, — я же буду поклоняться милейшему г-ну Шекспиру и, дабы почтить его, положу «Венеру и Адониса» к себе под подушку, подобно тому, о ком писали (я не помню точно его имени, но уверен, что это был какой-то король), что он спал с Гомером в изголовье своей постели». «О милейший Шекспир, — воскли-

* Дневник Стокли с отрывком, касающимся «Венеры и Адониса», стал известен в XVIII столетии. 7 мая 1794 г. собиратель древностей Фрэнсис Доус написал Джону Стивенсу об этом факте (Folger Shakespeare Library, MS. C. b. 10). Должно быть, Доус — тот самый знакомый, который упоминается в примечании, включенном Мэлоном в свое «Исследование подлинности различных бумаг и юридических документов» (1796 г.): «Следующий отрывок был найден в старинном рукописном дневнике, которым в течение какого-то времени с тех пор владел один знакомый г-на Стивенса, передавший мне эту запись: «12 июня 1593. За «Обозрение Франции» и «Венеру и Адониса» Шекспира (Shakspeare) — XII пенсов» (с. 67, примеч.). Это упоминание также цитируется в издании сочинений Шекспира (Variorum, 1803 г.) Айзека Рида (т. II, с. 152). Потом дневник исчез и пропал, пока вновь не появился в Сан-Франциско, где был приобретен Фолджеровской шекспировской библиотекой в 1972 г. По заведенному порядку, читая подряд все три тома дневников, Летиция Яндл, хранитель рукописей библиотеки, обнаружила этот отрывок, о котором Фолджер объявил 23 апреля [день рождения Шекспира. — Перев.] 1973 г. В публикации Фолджеровской библиотеки напечатано Survey (обозрение) и Adhonaу (Адонис), а в публикации Мэлона — Survay и Athonaу. В настоящее время дневник находится в Фолджеровской шекспировской библиотеке. M.S.Va. 460, а этот отрывок находится на листе 9.

цает он в другом месте,— я повешу его портрет в своей рабочей комнате, в суде»²⁷. Биографы толковали слова Галио как свидетельство признания Шекспира университетом²⁸, однако, даже если это так, такое признание дву-

Запись в дневнике Стокли о покупке «Венеры и Адописа».

смысленно. Ведь Шекспиру рукоплещет глупец, что подчеркивается его именем*, филистерским отрицанием Чосера и Спенсера и неспособностью вспомнить, что монархом, который восхищался Гомером, был Александр Великий. И все же это упоминание, как и другие, свидетельствует о большой популярности «Венеры и Адониса» в определенном круге читателей: студентов университета, придворных, членов корпорации, юридических школ, остряков и городских щеголей. Поскольку Филд слишком рано расстался с поэмой, он, должно быть, не без досады наблюдал ее коммерческий успех. Отпечатав два издания, он уступил права на это произведение Джону Харрисону, который уже продавал книгу, не оплачивая права на издание. Возможно, Филд усомнился бы в способностях любого поэта, если бы тот был родом из его родного рыночного городка, более славившегося пивом, чем изящными искусствами.

«Более достойное творение», обещанное автором в первом посвящении, было осуществлено следующей весной в другой поэме, основанной на сюжете из Овидия и являющейся контрастом к ранней поэме. Если в «Венере и Адонисе» трактуется тема Эроса, отвергнутого при неудавшейся попытке соблазнить скромного юношу, то в «Обещанной Лукреции» трактуется тема Эроса, удовлетворен-

* Насмешливое имя образовано от слова «gull» («простак», «глупец»).— *Прим. перев.*

ного насилием над рассудительной матроной. Между двумя сетующими женщинами возникает странный контраст. Поэму печатал тот же Филд, и, как обычно, работа его была высококачественной. Однако на этот раз Харрисон сразу приобрел издательские права (о чем свидетельствует его регистрация в реестре гильдии печатников и издателей 9 мая 1594 г.) на книгу, озаглавленную «Обеспеченная Лукреция». В ней мы вновь находим посвящение Саутгемптону:

Любовь, которую я питаю к Вашей милости, беспредельна, и это скромное произведение без начала выражает лишь ничтожную часть ее. Только доказательства Вашего лестного расположения ко мне, а не достоинства моих неумелых стихов дают мне уверенность в том, что мое посвящение будет принято Вами. То, что я создал, принадлежит Вам, то, что мне предстоит создать, тоже Ваше, как часть того целого, которое безраздельно отдано Вам. Будь мои достоинства более значительны, я бы лучше выразил мою преданность. Но каково бы ни было мое творение, оно посвящено Вашей милости, кому я желаю долгой жизни, еще более продленной полным счастьем.

Вашей милости покорный слуга
Уильям Шекспир

Как и следовало ожидать, авторитетные специалисты подробнейшим образом сравнили эти два посвящения Шекспира. Толкования различны. «Слишком проницательная критика, — писал Эдмунд Чемберс, — обнаруживает в различиях между этими двумя обращениями значительно возросшую близость поэта к своему покровителю, что, должен сказать, для меня совсем не очевидно»²⁹. Однако Чемберс принадлежит к меньшинству; большинство ученых (включая пишущего эти строки) усматривает в этих посвящениях углубление сердечности. Всякий читатель, сливчив тексты посвящений, может решить этот вопрос сам.

Успех «Обеспеченной Лукреции» был менее разительным, чем успех предшествовавшей поэмы, но все же она

выдержала до 1640 г. более восьми изданий, что говорит о достаточном признании *. Эти две поэмы, украшенные всеми цветами риторики Возрождения, упрочили за Шекспиром репутацию поэта любви. В последней из парнасских пьес, «Второе возвращение», которую ставили в том же самом помещении в Кембридже во время рождественских празднеств (вероятно) 1601—1602 гг., Джудизио высказывает здравое суждение:

Адонис и Лукреция милы.
Сладчайший стих его томит сердца.
Дай бог ему предмет, что полн значенья,
Без глупого любовного томленья³⁰.

Очевидно, слухи о «Юлии Цезаре» и «Генри V» не проникли еще в кембриджскую обитель. Или, возможно, так как то были пьесы, они не принимались в расчет.

О том, как отнесся молодой граф к этим двум посвящениям, тогдашняя хроника умалчивает. Однако предание, впервые приведенное Роу в краткой биографии Шекспира, восполняет пробел:

Есть один образец столь исключительного великодушия, проявленного этим покровителем Шекспира [Shakespeare]; я бы не рискнул привести этот рассказ, если бы меня не уверили, что он идет от сэра Уильяма Давенанта, вероятно хорошо знавшего его [Шекспира] дела, а именно будто лорд Саутгемптон однажды дал ему тысячу фунтов стерлингов, чтобы тот мог сделать одну покупку, о которой, как он слышал, тот помышлял³¹.

Хотя всякая информация, идущая от такого авторитета, как Давенант,— драматурга, поэта-лауреата, театрального антрепренера и своекорыстного украшателя мифа о Шекспире **,— должна возбуждать подозрение у любого осмысленного исследователя, один недавний биограф как

* Приводя число изданий этой поэмы, так же как число изданий «Венеры и Адониса», я пользовался «Short-title Catalogue» (исправленное издание 1976 г.).

** Давенант распространил слух, будто он был незаконным сыном Шекспира.— *Прим. перев.*

Шекспира, так и Саутгемптона склонен признать ее правдоподобной³². Упомянутая сумма, которую Рауз называет «крупной», сделала бы честь елизаветинскому меценату, однако непохоже на то, что Шекспир был так же удачлив, как Гораций или Вергилий. В 90-х гг. Саутгемптон испытывал финансовые затруднения. По слухам, граф был вынужден расстаться с 5 тыс. фунтов, чтобы взять назад свое опрометчивое обещание жениться на внучке лорд-казначея; известно, что в ноябре 1594 г. он находился в столь стесненных обстоятельствах, что вынужден был сдавать внаем домик привратника и другие здания и помещения своей лондонской резиденции Саутгемптон-Хауз³³. Насколько нам известно, вложения Шекспира в недвижимость за всю его жизнь не превышали тысячу фунтов стерлингов. Предполагали, будто он употребил эти деньги на то, чтобы приобрести пай в театральном товариществе «слуг лорд-камергера» в 1594 г. Но это не более как попытка найти разумное объяснение невероятной цифре. Шекспир никогда более не посвящал ни одно свое произведение какому-либо знатному лорду. С этого момента имя Саутгемптона исчезает из биографических данных о Шекспире.

Однако оно не исчезает из гипотез. Многие, чуть ли не все, комментаторы полагают, что граф Саутгемптон является «светловолосым юношей», которому Шекспир в «Сонетах» настоятельно советует жениться и продолжить род и которого поэт обессмертил, обращаясь к нему с необычными выражениями мужской дружбы, принятыми в эпоху Возрождения. Объект этой преданности, «царь-царица» страсти сочинителя сонетов, обладает «женским ликом», но (к вящему огорчению гетеросексуального поклонника) мужским фаллосом. В 20-м сонете Шекспир горестно восклицает:

Задуман был как лучшая из женщин
Безумною природою, затем
Неужным был придатком ты увенчан,
И от меня ты стал оторван тем.
Но если женщинам ты создад в утешенье,
То мне любовь, а им лишь наслажденье*.

* Перевод А. Финкеля. Цит. по: «Шекспировские чтения 1976». М., 1977, с. 227.

Этот портрет неплохо сочетается с изображением женственного юноши на миниатюре Хиллиарда. Датировка «Сонетов» саутгемптоновским периодом, скажем 1592—1595 гг., могла бы способствовать установлению личности объекта. Несколько избыливающих намеками стихотворений, так называемые «датирующие сонеты» поддерживают (согласно мнению некоторых энтузиастов) такую мнимую хронологию; однако двусмысленный язык поэзии ставит под сомнение уязвимую аргументацию толкователей. И даже если бы мы могли уверенно датировать несколько отдельных сонетов, мы не смогли бы в силу этого исключить возможность того, что эти спорадические записи в рифмованном дневнике поэта могли возникать в течение длительного периода времени. Некоторые сонеты, внушенные страстью позднее, обнаруживают психологическую и метафорическую, чтобы не сказать метафизическую, сложность, не имеющую параллели в творчестве Шекспира начала 90-х гг. Крупнейший в нашем столетии специалист по сонетам Хайдер Роллинс писал в 1944 г., что решение вопроса о хронологии сонетов, от которого зависит решение других вопросов, «было и остается праздно мечтой»³⁴. Оно и по сей день остается мечтой, несмотря на самые искусные и остроумные попытки решить его. У нас нет уверенности и в том, что сонеты напечатаны в правильном порядке. Неясно, в какой мере персонажи этих стихов — «прекрасный юноша», «смуглая дама», «поэт-соперник» — представляют собой подлинные личности: их роли обусловлены жизненными обстоятельствами не больше, чем требованиями искусства. А какова роль лирического героя, этого обнаженного «я», которое предстает здесь перед нами в первый и единственный раз во всем собрании сочинений Шекспира? «Этим ключом,— говорит Водсворт о «Сонетах»,— Шекспир отомкнул свое сердце». Но нас преследует сомнение: не является ли сам лирический герой хотя бы отчасти драматической фигурой? Пусть драматический герой «Сонетов» воспринимается нами как живое лицо, но разве Шейлок и Гамлет являются менее живыми? Здесь, как и везде, биограф, стремясь ответить на неразрешимые вопросы, рискует спутать танцора с танцем.

Не проливает света на эту тайну и загадочная поэма, внесенная в реестр гильдии печатников и издателей 3 сеп-

тября 1594 г. и напечатанная в том же году под названием «Уиллоуби, его Авиза, или Правдивый портрет скромной девы и целомудренной и верной жены». Это любопытное произведение, по-видимому, имеет какое-то отношение к «Сонетам». В предваряющем поэму послании некто Адриан Доррел сообщает о том, каким образом эта «Авиза» попала в печать. Доррел жил в одной комнате, вероятно в университете, с неким подающим надежды молодым ученым Генри Уиллоуби, который доверил другу ключ от своей комнаты, прежде чем отправиться за границу по поручению королевы. Среди бумаг Уиллоуби Доррел обнаружил «Авизу», так поразившую его воображение, что он опубликовал поэму без ведома своего приятеля. Некий Генри Уиллоуби из Уэст-Нойла, графство Уилтшир, поступил в Сент-Джонс-Колледж Оксфордского университета в 1591 г., но затем перевелся в Экзетер-Колледж, где получил степень в 1595 г. Должно быть, это и был Уиллоуби «Авизы». Никакого Адриана Дорелла не значится в Оксфорде в эти годы, однако некий Томас Дарелл был зачислен в Брейзнос-Колледж. Возможно, имя Адриан — псевдоним самого Уиллоуби. Это одна из множества загадок.

В поэме повествуется о том, как Авиза — «британская пташка», «парящая выше всех», — отражает атаки на свое целомудрие, предпринимаемые пестрой вереницей поклонников. Еще будучи в «нежном возрасте», она отвергает домогательства пожилого вельможи; вступив в брак, она не поддается некоему «cavaleiro» [«кавалеру»] (страдающему геморроем или сифилисом), «французу D. B.», «англо-германцу Дидимусу Харко» и «итало-испанцу Энрико Уиллоубего». У этого последнего, именуемого «H. W.», есть «близкий друг W. S.», «незадолго до того испытывавший муки подобной же страсти, но теперь оправившийся от этой болезни...» и наблюдающий издали, «не закончится ли эта любовная комедия более счастливым финалом для нового актера, чем она завершилась для старого»³⁵. «H. W.», «W. S.», «новый актер, старый актер» — все эти замаскированные намеки достаточно завлекательны, и ситуация смутно напоминает ситуацию, описанную в «Сонетах». Более того, можно проследить некую едва намеченную связь между Шекспиром и Уиллоуби. Старший брат последнего, Уильям, женился в 1590 г. на Эливор Бэмпфилд; ее сестра

Кэтрин в том же месяце вышла замуж за Томаса Рассела. Существует свидетельство, согласно которому Генри Уиллоуби дружил с мужем свояченицы. Рассел был приятелем Шекспира, хотя нам неизвестно, как долго они были знакомы; наш драматург в своем завещании назначил его душеприказчиком и оставил ему 5 фунтов стерлингов. Если (как гласит предание) Шекспир останавливался в Оксфорде по дороге из Лондона в Стратфорд, он мог познакомиться с Уиллоуби через Рассела. Без сомнения, все это лишь предположения, но трудно воздержаться от соблазна отождествить «W. S.» с Уильямом Шекспиром, а «H. W.» с Генри Ризли, предполагаемым «светловолосым юношей» из «Сонетов».

Существует также и дама, обитающая в доме, «над которым висит эмблема святого покровителя Англии». Не постучаться ли в дверь постоянного двора «Джордж» или «Сент-Джордж» (святой Георгий) в Оксфорде и выяснить, не скрывается ли под личиной красивой жены хозяина «смуглая дама»? Так поступали многие, и решительнее всех — Артур Ачесон³⁶. Но все предположения такого рода, поначалу весьма увлекательные, исчезают при ближайшем рассмотрении. Буквы «H. W.», разумеется, также являются инициалами Генри Уиллоуби, и он кажется более вероятным кандидатом на их обладание, чем барон Тичфилд. Неприступно целомудренная Авиза едва ли подходит для роли неразборчивой соблазнительницы из «Сонетов». В 1970 г. профессор Б. Н. де Луна довольно странным образом отождествила Авизу с королевой-девственницей, а дом Авизы — с дворцом Елизаветы в Гринвиче, над которым (во время пребывания в нем королевы) развевались флаги с изображением креста св. Георгия³⁷.

И все же сама поэма представляет бесспорный интерес для шекспироведения, поскольку среди хвалебных стихов, предосланных ей, есть следующая строфа, в которой, насколько нам известно, Шекспир впервые назван в печати по имени как поэт:

Хоть Коллатин драгой ценой
Платил за славу, хоть жена
(О ней вотще мечтал иной)
Его красива и верна,

Рвет гроздь Тарквиний, чтоб воспел
Шекспир Лукреции удел³⁸.

К осени 1594 г., когда поэма «Уиллоуби, его Авиза» появилась на прилавках, чума в столице уже несколько месяцев как ослабила свою хватку и жизнь вновь стала входить в обычное русло. 8 октября 1594 г., «теперь, когда, слава богу, нет больше никакой опасности заболеть», Генри Кэри, первый барон Хенсдон, просил у лорд-мэра разрешить «ныне труппе актеров», покровительствуемых им, продемонстрировать этой зимой свое искусство на постоянном дворе «Скращенные ключи», что на Грейшес-стрит. Хенсдон, в ту пору уже старик, был тем лорд-камергером, который защищал актеров во время их столкновений с муниципальными властями. Согласно утверждению хорошо осведомленного астролога Саймона Формана, Хенсдон прежде содержал в качестве любовницы Эмилию Бассано («смуглую даму», по мнению Рауза), и она родила ему ребенка. Теперь ему оставалось жить меньше двух лет. Новая труппа Хенсдона давала спектакли в течение короткого сезона, работая на Хенсло в «Ньюингтон-Батс», — это первое из известных нам упоминаний о «слугах лорд-камергера». Затем в декабре во время рождественских празднеств эта труппа дважды играла при дворе. 15 марта 1595 г. в счете казны королевы упоминаются Уильям Шекспир вместе с Уильямом Кемпом и Ричардом Бербеджем (все трое названы «слугами лорд-камергера») в качестве лиц, получивших плату за спектакли, сыгранные перед ее величеством в минувший день св. Стивена (26 декабря) и в день невинноубиенных (28 декабря) в королевском дворце в Гринвиче. Упоминание о дне невинноубиенных, вероятно, является ошибкой; в тех же самых счетах 28-м декабря помечена выплата труппе адмирала, да и актеры лорд-камергера, насколько известно, в этот день играли в другом месте³⁹. Но это пустяковая подробность. Упомянутая запись впервые связывает Шекспира с театральной труппой и является единственным официальным упоминанием его имени в связи с театральным представлением. Эта запись указывает на то, что Шекспир стал ведущим актером труппы лорд-камергера. В этой труппе, которая потом перейдет под покровительство короля, он останется до своего окончательного ухода со сцены.

СЛУГА ЛОРД-КАМЕРГЕРА

Запись о выплате вознаграждения за два спектакля при королевском дворе в Гринвиче в 1594 г. указывает на то, что Шекспир уже вступил на профессиональную стезю. Очертания его карьеры наконец проступают из мрака; никогда полностью не прекращающиеся споры и предположения прекращаются, и события предстают в своем истинном свете. Казначей двора ее величества в своих записях ставит Шекспира в один ряд с выдающимся шутлом труппы лорд-камергера «месье де Кемпом», которого Нэш превозносил как «торговца шутками и полномочного наследника духа Дика Тарлтона», и с великим трагиком Бербеджем, который впоследствии воплотит на сцене образы главных героев Шекспира — Гамлета, Отелло и короля Лира. Хотя Шекспир не прославился как исполнитель трагических ролей, казначей все же определяет его как актера, и нет никаких сомнений в том, что он служил в своей труппе в этом качестве. Кроме того, Шекспир становится пайщиком своей труппы в отличие от большинства елизаветинских драматургов, которые, подобно Грину, пробавлялись скудными заработками, поставляя пьесы актерам. Вероятно, он помогал ставить свои пьесы, а также пьесы других авторов. Но прежде всего он был постоянным драматургом своей труппы в том смысле, что писал исключительно для нее; он был ее «постоянным поэтом», как это называлось в елизаветинском театре. В ту эпоху было всего несколько профессиональных писателей такого рода, и в их числе Хейвуд, Флетчер и Деккер, еще более плодовитые, чем наш поэт, который, судя по рассказам поражавшихся его способностям собратьев актеров, писал без помарок. Шекспир был подлинным профессионалом. Благодаря одновременной деятельности в качестве актера, совладельца театра и драматурга он стал, по словам одного из крупнейших современных специалистов по театру эпохи Елизаветы и Джеймса I, «совершеннейшим образцом

театрального деятеля своего времени»¹. Мало кто в истории служил театру в столь разных качествах. Ни Расин, ни Ибсен, ни Шоу не выдерживают с Шекспиром никакого сравнения; только Мольер среди драматургов с мировым именем может сравниться с ним².

Потомки, по вполне понятным причинам, чтят прежде всего драматурга, а не актера или руководителя театра, чьи триумфы, сколько бы рукоплесканий они ни заслужили, были преходящи; бессмертием Шекспир обязан своим пьесам, хотя он едва ли рассчитывал на него, и если надеялся на грядущее признание, то разве лишь в отношении поэм, посвященных знатным лордам.

Как ни эфемерны театральные представления, сохранилась память об одном спектакле середины 1590-х гг., когда пьеса Шекспира была сыграна в необычных условиях. Вот что рассказывает об этом очевидец:

28 декабря 1594 г. по случаю рождественских празднеств, организованных корпорацией адвокатов в «Грейз инне», были наняты профессиональные актеры (несомненно, это были «слуги лорд-камергера»), с тем чтобы они сыграли «Комедию ошибок». «Грейз инн» была самой большой из четырех юридических школ, где молодые нетитулованные мелкопоместные дворяне учились на адвокатов и развлекались в часы досуга литературой, театром и дамами. То были первые после великой чумы святочные торжества, на них разослали слишком много приглашений, что привело к столпотворению в день невинноубиенных. Вот как это описано в «Деяниях греянцев»:

Посол [«Иннер темпла»] прибыл... около девяти часов вечера... Когда он занял свое место... и должно было начаться представление для услаждения зрителей, внезапно на сцене возникли суматоха и беспорядок, так что стало невозможно сыграть спектакль... Господин посол и его свита сочли, что их принимают не столь любезно, как положено, и что поэтому им не следует долее оставаться здесь... После их ухода толчея и суматоха несколько уменьшились, но все же были настолько сильны, что сумели вызвать беспорядок и расстроить хорошую затею. Вследствие этого, а также потому, что задуман-

ными развлечениями предполагалось почтить темплианцев, было сочтено за благо не устраивать ничего, за исключением танцев и гуляния с дамами; и лишь после этих развлечений актеры сыграли «Комедию ошибок» (подобную платоновским «Менахамм»). Таким образом, эта ночь началась и окончилась среди неразберихи и ошибок, почему впоследствии ее всегда вспоминали как «ночь ошибок»³.

«На следующий вечер,— говорится далее в повествовании, изложенном в подходящем к случаю шутливо-напыщенном тоне,— королевский стряпчий трижды публично зачитал обвинительный акт, в котором виновником сумятицы и беспорядка был назван «колдун» и «волшебник». В судебном иске этого «колдуна» обвиняли в том, что (среди прочих проступков) он «подстрекал труппу низменных и простых парней усугубить возникший беспорядок пьесой, в которой происходило много ошибок и путаницы, и что из-за него эта ночь создала нам сомнительную репутацию и была прозвана “ночью ошибок”».

Другая ранняя комедия Шекспира также связана с празднествами. Благодаря своей краткости, составу исполнителей и (по словам Эдмунда Чемберса) «брачному характеру темы» комедия «Сон в летнюю ночь» как нельзя лучше подходила для украшения свадебного торжества. Для множества ролей женщин и фей требовались мальчишки-актеры; было ли их достаточно у «слуг лорд-камергера» или им пришлось для этого специально нанять дополнительных актеров? Текст комедии имеет два варианта финала — для представления в театре и для домашнего спектакля во дворце вельможи. «...Спать скорее! — приказывает герцог Тезей после танца в V акте,—

Влюбленные, настал волшебный час.
Боюсь, что утром так же мы просним,
Как незаметно за ночь засиделись.
Нам пьеса сократила почти ход.
В постель, друзья...»*

Так, скорее всего, заканчивалась пьеса, когда ее ставили в театре. Потом часы били полночь, сцена пустела, на нее

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 207.

выходил Пэк с метлой в руках и феи украдкой проникали в дом, чтобы благословить молодых на счастливое продолжение рода и освятить каждый покой «сладчайшим миром». Как это подходит для свадьбы!

Биографы Шекспира и редакторы его сочинений называют несколько аристократических свадеб, во время которых могло произойти первое представление «Сна в летнюю ночь». Эти бракосочетания могли происходить в течение более чем десяти лет — начиная с весны 1590 г., когда состоялась свадьба графа Роберта Эссекса и леди Франсис Сидни, до свадьбы лорда Генри Герберта и Энн Рассел в июне 1600 г.; однако большинство ученых, учитывая все временные обстоятельства, считают, что это произошло на свадьбе сэра Томаса Химеджа, старшего казначея королевского двора, и матери покровителя Шекспира графини Мэри Саутгемптон, хотя невесте вряд ли могло польстить упоминание в пьесе о «вдове, что тратит будущее сына состоянье». Один биограф недавно высказал мнение, что Шекспир сочинил свою пьесу специально для торжеств, происходивших во дворце Саутгемптонов 2 мая 1594 г.

Однако это предположение, показавшееся вначале весьма заманчивым, потеряло свою привлекательность после строгого и тщательного изучения вопроса. Стенли Уэлс убедительно опроверг эту гипотезу:

Нет никаких внешних свидетельств, относящихся к этому вопросу. Такое предположение было вызвано различными характерными чертами самой пьесы. Действительно, вопрос о браке занимает в ней главное место, но о браке говорится во многих комедиях. Пьеса кончается тем, что феи благословляют новобрачных; но такой финал полностью соответствует художественному замыслу Шекспира и не нуждается в объяснениях... Исполнение «Сна в летнюю ночь» (так же как и «Бесплодных усилий любви») требовало необычно большого числа мальчиков-актеров. Они должны были исполнять роли Ипполитты, Гермии, Елены, Титании, Душистого Горошка, Паутинки, Мотылька и Гречишного Зерна. Возможно, Пэка и Оберона тоже играли мальчики или юноши. Однако на титульном листе первого

издания пьесы, напечатанного в 1600 г., сказано, что эта пьеса «несколько раз публично исполнялась достопочтенного лорд-камергера слугами». Если труппа Шекспира могла для каждого из этих представлений набрать достаточно мальчиков, у нас нет оснований сомневаться, что она могла их набрать и для первого спектакля. Таким образом, гипотеза о том, что роли фей раздавались детям из воображаемых знатных домов, является чистой фантазией. Авторские ремарки в первом издании, возможно печатавшемся по рукописи Шекспира, ничем по существу не отличаются от авторских ремарок в других его пьесах; такая ремарка, как «фея входит в одну дверь и Пэк в другую», предполагает, что Шекспир имел в виду сцену общедоступного театра. Более того, хотя свадьбы в благородных семействах в шекспиловские времена иногда сопровождались интересными представлениями, обычно это были пьесы-маски, и первой пьесой, о которой доподлинно известно, что она была написана специально для свадьбы, является «Триумф Гименея» Сэмюэля Дэнъела. Ее сыграли в 1614 г., приблизительно через двадцать лет после написания «Сна в летнюю ночь». К этому времени получила распространение традиция изящных развлечений, и «Триумф Гименея», видимо, не предназначался для постановки в общедоступном театре ⁴.

Хотя Шекспир не стремился издавать свои пьесы (по причинам, уже изложенным выше), они так или иначе появлялись в печати. В этом отношении 1594 год тоже является своего рода вехой. В этом году две его вещи, а возможно и три, попали в печать. «Тит Андроник», внесенный в список гильдии печатников и издателей 6 февраля, был первой опубликованной пьесой, за ним вскоре последовала первая часть «Истории борьбы между двумя славными домами Йорков и Ланкастеров» (пьеса зарегистрирована в гильдии 12 марта); это был неточный текст второй части «Генри VI», составленный актерами по памяти. Если «Укрощение одной строптивицы» («The Taming of A Shrew») действительно представляет собой испорченную

редакцию «Укрощения строптивой» («The Taming of the Shrew»), хотя она существенно отличается от первой пьесы, то оказывается, что эта пьеса тоже была впервые опубликована в 1594 г.; в окончательном варианте, знакомом всем читателям и театрам, она вышла в свет лишь через семь лет после смерти драматурга. Ни в одном из этих quarto, изданных в 1594 г., имя Шекспира не указано. Оно не значится и на титульном листе пьес, опубликованных, очевидно, без его согласия в течение следующих трех лет. Это «Правдивая трагедия Ричарда, герцога Йоркского» («плохое» quarto третьей части «Генри VI»), опубликованная в 1595 г., «Ромео и Джульетта» (еще одно «плохое» quarto), «Ричард II» и «Ричард III», опубликованные в 1597 г. Последние три пьесы пользовались огромной популярностью. В 1599 г. вышло второе издание «Ромео и Джульетты», которое содержало множество ошибок, хотя на титульном листе было напечатано, что оно «заново исправлено, дополнено и улучшено». Это издание также было анонимным. Однако на вторых quarto «Ричарда II» и «Ричарда III», изданных в 1598 г., имя Шекспира уже стояло. В 1598 г. были также опубликованы «Бесплодные усилия любви» как сочинение «У. Шекспира»; это самое раннее из сохранившихся изданий пьесы, хотя на титульном листе указано, что оно является «заново исправленным и дополненным». В 1598 г. была также опубликована без имени автора первая часть «Генри IV»; эта оплошность была исправлена в третьем издании («заново исправленном У. Шекспиром») в 1599 г. Таким образом, к 1598 г. по крайней мере восемь, а возможно и девять, шекспировских пьес появились на прилавках книготорговцев. Но к этому времени он написал гораздо больше пьес, как убедительно доказывает весьма осведомленный Фрэнсис Мерез.

Отпрыск ланкаширских Мерезов, известных на Фенсе*, Фрэнсис родился на год позже Шекспира. На титульном листе первого опубликованного Мерезом произведения — проповеди, озаглавленной «Божественная арифметика», он поименован «магистром искусств обоих университетов и

* Фенс — низкая болотистая местность в графствах Кембриджшир, Линкольншир и Норфолк. — *Прим. перев.*

ученым-богословом». В Лондоне, где Мезеж проживал на Ботольф-Лейн и где вращался в литературных и театральных кругах, он с удовольствием принял участие в издании серии книг, первой из которых была «Politeuphuia» («Республика умов») Николаса Линга. Она представляла собой собрание апофеизмов или кратких наставлений о нравственности, религии и искусствах. Это были печатные аналоги тех записных книжек, куда вдумчивые елизаветинцы записывали свои жизненные наблюдения и мудрые изречения античных и новейших авторов, главным образом античных, чтобы при случае сослаться на авторитет во время светских и литературных бесед. В своей книге «Palladis Tamia, или «Сокровищница ума», являющейся второй частью «Республики умов», Мезеж следует собственному афоризму, согласно которому «все, что истекает из ума... может течь по трем каналам, воплощаясь в трех основных видах разумения — в изречении (то есть в максиме), в уподоблении или в приведении примера»⁵. Воспитанный в духе эвфуизма Мезеж более всего любил уподобления и заполнил тысячами таких уподоблений без малого семьсот страниц своей толстой книги форматом в $\frac{1}{8}$ листа. «Подобно тому как А и Б», — такова бесконечно повторяющаяся формула, применяемая им к целому ряду предметов, начиная с бога и кончая смертью. Посему: «Подобно тому как петух кричит во мраке ночи, так и проповедник кричит во мраке мира». Мезеж отнюдь не сторонник равноправия женщин: «Подобно тому как голубей ловят с помощью бобов, а детей увлекают игрой в мяч, так и женщин обольщают безделушками». Он к тому же не особенно изобретателен; хотя и приводит длинный список духовных и светских писателей, которые послужили ему источниками, своими уподоблениями он в основном обязан переведенной на английский язык «Parabolae sive Similia» («Сопоставления и сравнения») Эразма Роттердамского, а свои исторические аналогии он извлекает из популярной энциклопедической «Officina» Равизия Текстора⁶. Однако попутно Мезеж отводит шестнадцать страниц «Рассуждению о наших английских поэтах сравнительно с греческими, латинскими и итальянскими поэтами». Этой главе и в меньшей степени коротким главам о живописи и музыке он обязан своей известностью. Его сравнение лучших современников с ан-

тичными авторами и мастерами итальянского Возрождения — единственное в своем роде свидетельство того, как патриотически настроенный, хотя и лишенный художественного дара елизаветинец оценивал культурную жизнь своего времени. В этом отношении ничто из написанного в тот век не идет в сравнение с рассуждениями в «Сокровищнице ума». Создав это произведение, он удалился в провинциальную глушь и служил до конца своей долгой жизни священником и учителем в Уинге, в Ратленде.

Наибольший интерес для нас представляют похвалы Мереза в адрес Шекспира. Он славит поэта за то, что тот «чрезвычайно» обогатил английский язык и облек его в «редкостные украшения и блистательные одеяния». Шекспир — один из лучших авторов в лирической поэзии, комедии, трагедии, а также «самый пылкий среди плакавших и сетовавших на превратности любви». Среди похвал Шекспиру — «сладкозвучному и медоточивому» поэту, подобному Овидию, а также мастеру «превосходно отшлифованных» фраз — находится знаменитый отрывок, содержащий перечисление произведений Шекспира:

Подобно тому как Плавт и Сенека считались у римлян лучшими по части комедии и трагедии, так Шекспир у англичан является непревосходнейшим в обоих видах пьес, предназначенных для сцены; в отношении комедий об этом свидетельствуют его «Веронцы», его «Ошибки», его «Бесплодные усилия любви», его «Вознагражденные усилия любви», его «Сон в летнюю ночь» и его «Венецианский купец»; в отношении трагедий об этом свидетельствуют его «Ричард II», «Ричард III», «Генри IV», «Король Джон», «Тит Андроник» и его «Ромео и Джульетта»⁷.

Упоминание Мерезом (непосредственно предшествующее этому отрывку) «сладчайших сонетов, распространенных среди его близких друзей», указывает на то, что по крайней мере некоторые из этих стихотворений уже были написаны к 1598 г. «Комедия ошибок» упоминалась ранее, в рассказе о буйных празднествах в «Грейз инне»; что же касается пяти пьес — «Два веронца», «Вознагражденные усилия любви», «Сон в летнюю ночь», «Венецианский ку-

пец» и «Король Джон», — то Мерез дает нам самые ранние указания о времени их написания. Трудно переоценить значение свидетельства Мереза для исследователя, перед которым стоит сложная задача — определить последовательность появления произведений Шекспира.

Разумеется, наиболее интригующим является упоминание о «Вознагражденных усилиях любви». Может быть, Мерез просто ошибся? Или имеет в виду пропавшую пьесу Шекспира? Либо «Вознагражденные усилия любви» лишь другое название одной из сохранившихся пьес? Возможность ошибки устранил один лондонский книготорговец, обнаруживший в 1953 г. остатки рукописи, которую переплетчики использовали более трех веков назад для изготовления корешка книги проповедей. На бумаге сохранился список какого-то книгоиздателя о наличии у него книг в августе 1603 г. Среди перечисленных названий упоминаются «Вознагражденные усилия любви», которые следуют (что вполне логично) за «Бесплодными усилиями любви». Скорее всего, «Вознагражденные усилия любви» являются одним из названий другой известной пьесы. Если это так, маловероятно, чтобы это была одна из комедий, перечисленных Мерезом помимо «Вознагражденных усилий любви». Некоторые ученые склонны считать, что этой пьесой является «Укрощение строптивой», где усилия любви, несомненно, вознаграждаются, хотя эта ранняя пьеса не упомянута в «Сокровищнице ума». Однако у того же книгоиздателя в его списке отдельно упоминается «Укрощение одной строптивицы». Тот факт, что в большинстве комедий изображаются любовные истории и заканчиваются они благополучно, не помогает установить, что это за пьеса. Возможно, это «Много шума из ничего», хотя она относится к периоду более позднему, чем тот, о котором говорит Мерез*. Профессор Т. У. Болдуин, написавший об этом небольшую книгу и являющийся крупнейшим авторитетом в вопросе о несуществующей пьесе,

* Роберт Ф. Фейснер недавно предположил, что «Много шума из ничего» первоначально было подзаголовком «Вознагражденных усилий любви». Острослову остается забавляться игрой слов; «вознаграждение» — «ничего». (*Loves Labour's Won and the Occasion of Much Ado*, *Shakespeare Survey* 27 (Cambridge, 1974), p. 105—110.) Сомневающиеся, без сомнения, останутся при своих сомнениях.

склонен считать, что эта комедия — «Конец делу венец», в которой Елена возвращает к себе покинувшего ее неприглядного супруга, заманив его к себе в постель с помощью уловки; но эта точка зрения предполагает, что существовал (для чего нет никаких доказательств) исчезнувший ранний черновик этой проблемной комедии времен короля Джеймса⁸. Более решительно настроенный ученый считал, что слова «вознагражденная любовь» следует понимать как «заслуженные огорчения любви», утверждая, что так называлась драма «Троил и Крессида»⁹, но никто не поддержал это маловероятное предположение. «Вознагражденные усилия любви» остаются одной из второстепенных шекспировских загадок.

Фрэнсис Мерез, самый первый из известных нам пламенных почитателей Шекспира, открывает летопись славы нашего поэта. Согласно утверждению одного из историков шекспировской критики, панегирик в «Сокровищнице ума» показывает, «как рано сложилось представление о Шекспире как об универсальном гении»¹⁰. Мерез занял почетное место среди биографов, у которых есть главы, посвященные «началу славы и утверждению социального положения Шекспира». Но этот претендующий на остроумие поклонник остроумия сам был обезоруживающе неостроумен. Порой видно, как трудно ему подобрать нужное сравнение. Например. «Подобно тому как Анакреон умер оттого, что пил сверх меры, так и Джорджа Пиля поразил недуг Венеры» — здесь в основе уподобления не смысл, а созвучие слов. Мерез необычайно неразборчивый панегирист. Он расточает похвалы Сидни («наш несравненный поэт») и «Королеве фей» Спенсера («Я не знаю, может ли быть создана более превосходная и изысканная поэма»); однако Шекспиру как комедиографу он расточает хвалу наравне с заведомо менее значительными талантами, такими, как «мастер Раули, некогда несравненный ученый в известном Пембрук-Колледже Оксфордского университета», и «Энтони Манди, лучший мастер построения интриги», не говоря уже о квартете голодных поденщиков Хенсло — Портере, Уилсоне, Хетеуеи и Четле. В качестве сочинителя трагедии Шекспир должен соперничать со своим уорикширским соседом Майклом Дрейтоном. Если Шекспир «медоточивый», то Дрейтон «злато-

устый», и трудно сказать, какой из этих эпитетов лучше. Дрейтон, так же как и Шекспир, был одним из сетовавших на превратности любви. Дрейтон также удостоился похвалы за свою нравственность, качество, которым Мерез обделил Шекспира, хотя последний вовсе не был его лишен. Несомненно, Дрейтон — любимец нашего компилятора, ибо он упомянут тринадцать раз, зато Мерез называет больше пьес Шекспира, чем кого-либо другого. В общей сложности Мерез хвалит сто двадцать пять английских писателей, художников и музыкантов. Ч. С. Льюис правильно определил значение Мереза как критика. «Шаблонные сравнения Мереза имеют такое же отношение к подлинной критике, какое сделанное Флюэллином сравнение Македонии с Монмутом имеет к географии»¹¹.

Одна из пьес, перечисленных Мерезом, — «Генри IV» (он не указывает, какая именно часть) — была только что написана в 1598 г. Эта драма имела успех, который не ослабевал в течение более полувека. В своей «Церковной истории Британии» Томас Фуллер пишет:

Драматические поэты были весьма дерзки, а иные весьма потешались над памятью сэра Джона Олдкасла, которого они изображали заядлым бражником, веселым буяном, и к тому же трусом, что противоречит репутации, созданной ему всеми летописями, в которых он описан как достойный воин. Хорошо, хоть недавно сэр Джон Фальстаф обелил память сэра Джона Олдкасла и стал вместо него играть роль шута, но то, что пишут о нем наглые поэты, имеет так же мало значения, как и то, что писали против него паписты¹².

«Недавно стал вместо него играть роль шута» — странная фраза, если учесть, что между написанием «Генри IV» и «Церковной истории» прошло более шестидесяти лет. В труде «История знаменитостей Англии», изданном уже после смерти автора, в 1662 г., Фуллер вновь ворчит. «Теперь я столько же рад тому, что Джон Олдкасл исключен из пьесы, — пишет он, — сколько и огорчен тем, что сэр Джон Фальстаф включен в нее...»¹³ Из этих слов ясно, что сначала Шекспир назвал своего толстого рыцаря Олдкас-

лом. Выбор имени явился грубой ошибкой, что обнаружилось очень скоро.

Олдкасл, величавшийся лордом Кобемом, как историческая личность был знаменитой и трагической фигурой. Последователь Джона Уиклифа, обличавший папу как антихриста, он был повешен как еретик на виселице лоллардов * в Сент-Джайлз-Филдсе (и затем сожжен), а впоследствии Джон Фокс включил его в «Книгу мучеников». Стоит ли говорить о том, что католики относились к Олдкаслю совсем по-иному. В своем «Исследовании календаря или перечня протестантских святых» известный иезуит Персонс писал: «Второй месяц, февраль, более богат выделенными красным цветом именами мучеников, чем январь, ибо этих мучеников восемь — среди них два уиклифианца **, сэр Джон Олдкасл, рыцарь-забулдыга, хорошо известный в этом качестве всей Англии и обычно изображавшийся комедиантами на сцене; он был предан казни за разбой и мятеж в правление вышеупомянутого Генри V» ¹⁴. (Удар Персонса должным образом парирует Джон Спид, сделавший любопытное предположение о том, что драматург, превративший протестантского мученика в смешного шута, несомненно, был апологетом католицизма. В своей «Истории Великобритании» (1611 г.) Спид пишет: «Этот Н. Д. [Николас Долмэн — псевдоним Персонса]... представил Олдкасля забулдыгой, грабителем и мятежником, и в этом он опирается не на мнение знающих людей, а на актеров; его гнусное перо — это перо паписта и поэта, равно лживых, ибо один всегда лицемерит, а другой искажает истину... которая мне известна».) Обвинение в желании опорочить имя, почитаемое протестантами, скорее всего, было выдвинуто Уильямом Бруком, седьмым в роду лордом Кобемом, или (после его смерти в 1597 г.) его преемником Генри, восьмым в роду лордом Кобемом; оба с материнской стороны по прямой линии происходили от Олдкасля. Предполагали, что первоначальный выбор имени Шекспиром явился сознательным вызовом, своего рода актом возмез-

* Лолларды — сектанты, восставшие в XIV в. против власти римского папы и католической церкви. — *Прим. перев.*

** Джон Уиклиф (XIV в.) — один из первых реформаторов церкви, боровшийся против католицизма. — *Прим. перев.*

дия дворянскому роду, враждебно относившемуся к театру; однако ничто не доказывает пуританских склонностей Кобема; скорее всего, драматург, не задумываясь, взял имя из своего источника — пьесы «Славные победы Генри V». А задуматься надо было.

Род Бруков пользовался влиянием при дворе. Уильям, тайный советник и лорд-камергер, мог либо сам распорядиться о замене имени, либо использовать свое влияние на распорядителя дворцовых увеселений. Его сын Генри, родственник сэра Роберта Сесила и близкий друг Рэли, был противником Эссекса и Саутгемптона — покровителя Шекспира. Хотя сторонники Эссекса насмеялись над Бруком, называя его «господин глупец», он успешно противостоял тем, кто выступал против его назначения в 1596 г. лордом-смотрителем Пяти портов. Установление того, какой из Кобемов выступил с протестом (если допустить, что кто-либо выступил с таковым), зависит от точной датировки постановки первой части «Генри IV» — драма могла появиться на подмостках до или после смерти старшего из них, Уильяма.

С протестом, от кого бы он ни исходил, пришлось посчитаться. Шекспир переименовал Олдкасла в Фальстафа, воспользовавшись именем персонажа из первой части «Генри VI», который удрал с поля битвы «до первого удара». Для верности драматург изменил также имена собутыльников Олдкасла — Фальстафа, Харви и Рассела, на Бардольфа и Пето: лучше было не раздражать графов Бедфордов, носивших имя Рассел, или сэра Уильяма Харви, который должен был вскоре жениться на вдовствующей графине Саутгемптон, уже пережившей двух мужей. (Некоторые полагают, что Харви является загадочным господином «W. H.», которому посвящены «Сонеты»¹⁵.) Шекспир тщательнейшим образом снял все имена, которые могли задеть гордую чувствительность знати, но Харви и «Россил» все же ускользнули от его внимания и всплыли во время розыгрыша Фальстафа в трактире «Кабанья голова», а Олдкасл подразумевается в метрически неполной строке, содержащей прозрачную игру слов («my old lad of the castle» — «буян»), и в сокращении «Old», сохранившемся перед одной из реплик вместо имени Фальстафа. Но лучше всего говорит за себя смиренное отречение автора

в эпилоге второй части «Генри IV»: «Фальстаф умрет от испарины, если его уже не убил ваш суровый приговор; как известно, Олдкасл умер смертью мученика, но это совсем другое лицо»*.

В 1599 г. группа драматургов, писавших для соперничавшей труппы лорд-адмирала, — Дрейтон, Манди, Уилсон и Хетеуей — поставила «Истинную и благородную историю жизни сэра Джона Олдкасла, лорда Кобема».

Не баловень, обжора явлен здесь,
Советчик старый юному пороку,
Но тот, чья всех затмила добродетель,
Отважный мученик и достолавный пэр.

Так не без самодовольства говорит Пролог и заканчивает: «Пусть истине воздастся здесь сполна // Раз ложь чернит былые времена». И все же, несмотря на такое заявление, эти драматурги-профессионалы дважды косвенно отдают должное Фальстафу, которого они четко отделяют от Олдкасла. «Где, черт возьми, все мои старые проныры, — спрашивает король, — которые обычно промышляли на этой дороге? Фальстаф, негодник, до того растолстел, что ему не под силу влезть на лошадь, но, сдается, Пойнс и Пето вот-вот покажутся». И через несколько строк сэр Джон, приходский священник из Ротема, упоминает «это грязное мерзкое брюхо, которое толкало на любое жульничество... этого Фальстафа». Есть тонкая ирония в том, что «Историю сэра Джона Олдкасла» стали связывать с именем Шекспира и ее даже включили в третье фолио (во втором издании) его пьес в 1664 г. Таковы причуды театральной судьбы.

Самое раннее упоминание об этих закулисных волнениях встречается в письме, написанном около 1625 г. доктором Ричардом Джеймсом. «Низкорослый, рыжебородый румяный малый [так он описан одним из своих врагов], Джеймс был священником, чья любовь к путешествиям привела его даже в Россию; он писал стихи в духе последователей Бена и — что отнюдь не пустяк — был главным хранителем большой библиотеки сэра Роберта Коттона. В своем письме сэру Гарри Буркье Джеймс обсуждает во-

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 4, с. 247.

прос, поставленный ему одним молодым джентльменом из числа знакомых Буркье: как мог Джон Фальстаф умереть в царствование Генри V и вновь ожить во времена Генри VI, чтобы быть осужденным на изгнание за трусость? На это Джеймс отвечает:

В первом шекспировском спектакле о Гарри V имя героя, который исполнял роль шута, было не Фальстаф, а сэр Джон Олдкасл, и это весьма оскорбило важных персон, унаследовавших его титул, а возможно также и других лиц, чтивших его память; поэт вынужден был произвести замену имен и по неведению оскорбил сэра Джона Фальстафа, человека вполне достойного, хотя и не столь знаменитого своим благочестием, как Олдкасл...¹⁶

Впоследствии в эту историю была втянута ни больше ни меньше как сама королева. «Говорят,— утверждает Роу,— Фальстаф в первоначальном тексте назывался Олдкаслом; и, поскольку в те времена еще сохранились его потомки, королева повелела изменить имя; после чего он стал называть его Фальстафом»¹⁷.

Повеление королевы фигурирует и в более позднем рассказе о том, почему Шекспир написал последнюю из пьес, где участвует Фальстаф. Это известное предание было впервые напечатано в защитительном предисловии Джона Денниса к своему «Потешному щеголю» в 1702 г. Будучи переделкой «Виндзорских насмешниц», пьеса Денниса незадолго до этого провалилась на сцене, и незадачливый автор не знал, как умиротворить два лагеря своих хулителей: одни (как он сокрушается в своем посвящении) считали пьесу Шекспира «превосходной и не нуждающейся в каких-либо добавлениях, другие же находили ее жалкой и недостойной того, чтобы тратить время на ее переделку». Оказавшись между Сциллой и Харибдой, Деннис защищал свое непрошеное соавторство ссылкой на славное прошлое пьесы.

По моим предположениям, есть ряд причин, почему это произведение не вызывало презрения. Прежде всего, мне доподлинно известно, что пьеса

доставила удовольствие одной из величайших в мире королев, чье величие проявилось не только в мудром и искусном правлении государством, но и в ее умудренности классическим образованием и превосходном вкусе, с которым она судила о драме, а в том, что она обладала таким вкусом, можно быть уверенным, зная, как она любила античных авторов. Эта комедия была написана по ее повелению и согласно ее указаниям, и ей так не терпелось увидеть исполнение этой пьесы, что она приказала закончить ее в четырнадцать дней; как нам сообщает предание, она осталась потом весьма довольна представлением¹⁸.

В прологе к своему варианту Деннис вновь повторяет, что комедия была написана за четырнадцать дней.

Однако через два года, отвечая на памфлет Джерими Коллиера «Против посещения театров», Деннис исправил эту историю, сократив двухнедельный срок до десяти дней, и писал с сарказмом: «Бедная заблудшая королева до такой степени поощряла театр, что повелела Шекспиру не только сочинить комедию «Виндзорские насмешницы», но и написать ее в десятидневный срок — так жаждала она сей нечестивой забавы...»¹⁹ Затем Роу, говоря о «многих милостивых знаках расположения» Елизаветы, выказанных Шекспиру, добавляет трогательную, хотя и случайную подробность:

Ей доставил такое удовольствие замечательный образ Фальстафа в двух частях «Генри IV», что она повелела ему [Шекспиру] написать еще одну пьесу и показать его [Фальстафа] влюбленным. Говорят, что это и побудило его написать «Виндзорских насмешниц»²⁰.

Наконец ровно через год литературный поденщик Гилдон (нашедший сомнительное бессмертие в «Дунсиаде» Попа) пересказал это предание в «Замечаниях на пьесы Шекспира», которые он на свой страх и риск опубликовал в качестве приложения к изданию Роу:

На представлении в Виндзорском замке в V акте феи велеречиво превозносили королеву, обязавшую его [Шекспира] сочинить пьесу о влюбленном сэре Джоне Фальстафе, которую — я твердо уверен в этом — он и написал за две недели; это поразительно, если учесть, как хорош был замысел, осуществленный без малейшей путаницы²¹.

Уверенность, которой похвается Гилдон, вероятно, основана на опубликованных заметках Денниса и Роу; что касается упоминания о феях (как мы увидим), то оно вполне уместно.

Сообщение, более ста лет остававшееся неизвестным, а затем извлеченное на свет со специальной целью, не может не вызвать опасений у скептика. Каким образом Деннис наткнулся на этот рассказ, мы не знаем; возможно, как предполагает Мэлон, Деннису сообщил его Дрейтон, которому в свою очередь его мог сообщить Давенант. Это предположение, однако, отчасти подтверждает тот факт, что на титульном листе «Виндзорских насмешниц» в квартто 1602 г. сказано, что «она игралась перед ее величеством». Однако никто из ранних авторов этой версии — ни Деннис, ни Роу, ни Гилдон — не видел этого квартто²².

Можно допустить, что пожелание королевы послужило поводом к созданию пьесы. Местом действия «Виндзорских насмешниц» Шекспир выбрал Виндзор, где ежегодно в часовне св. Георгия, покровителя ордена, совершалась церемония посвящения в кавалеры ордена Подвязки. В V акте пьесы слова царицы феи, в которых упомянуты сидение на хорах часовни, щиты, гербы и оружие кавалеров ордена Подвязки, а также девиз ордена «*Noni soit qui mal y pense*» («Да будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает»), подчеркивают связь пьесы с орденом Подвязки. Некоторые считают, что «Виндзорские насмешницы» были впервые сыграны не в 1597 г. и не по случаю официальной церемонии посвящения в часовне св. Георгия в Виндзоре, на которой королева не присутствовала, а на празднестве ордена Подвязки в королевском дворце Уайтхолл, за месяц до официальной церемонии в день св. Георгия 23 апреля. В том году Джордж Кэри лорд Хенсдон был избран одним из пяти новых кавалеров ордена. После смерти своего

отца в 1596 г. он стал покровителем труппы Шекспира (и в течение короткого времени она была известна как труппа Хенсдона), а в следующем году в середине апреля королева, высоко ценившая Хенсдона, назначила его лорд-камергером. Естественнее всего предположить, что дважды снискавший милость лорд-камергер щедро оплачивал празднества ордена Подвязки и мог поручить постоянному драматургу своей труппы экспромтом сочинить пьесу о влюбленном Фальстафе для представления ее «слугами лорд-камергера» на этом пышном празднестве в честь новых кавалеров ордена. Такова довольно привлекательная гипотеза о том, что привело к первому представлению «Виндзорских насмешниц», и гораздо менее неправдоподобная, чем другие гипотезы такого рода²³.

За год до празднества ордена Подвязки в Банксайде произошел загадочный эпизод, и современный исследователь, узнавший о нем, связывает с ним написание «Виндзорских насмешниц». Осенью 1596 г. Уильям Уэйт испросил залога мирных намерений от Уильяма Шекспира, Фрэнсиса Лэнгли, Дороти Сойер, жены Джона Сойера, и Энн Ли «*ob metum mortis*» («ради страха смерти»), как обычно писали в такого рода документах. Судебный приказ о приводе в суд, направленный шерифу графства Сарри, подлежал возврату до 29 ноября, последнего дня зимней сессии. Чтобы добиться такого приказа, жалобщик должен был поклясться перед судьей королевской скамьи в том, что какое-то лицо грозит ему смертью или членовредительством. Тогда судья приказывал шерифу соответствующего графства доставить в суд одного или нескольких обвиняемых, которые должны были внести денежную гарантию мирного поведения под страхом утраты залога.

Среди действующих лиц этой маленькой юридической драмы мы уже встретили имя Лэнгли. Этот делец был на пятнадцать лет старше Шекспира; он построил помещение театра «Лебедь» в Пэрис-Гардене. (Лэсли Хотсон предположил, что труппа Шекспира играла в «Лебеде» в 1596 г., но у нас нет свидетельств, подтверждающих это.) О Дороти Сойер и Энн Ли ничего более не известно; утешительно хотя бы то, что никто еще не приписывает им роли «смуглой дамы». Об Уэйте имеется больше сведений. Такие судебные приказы часто испрашивались в отместку;

и действительно, Лэнгли чуть раньше во время той же судебной сессии клятвенно испросил залога мирных намерений от Уэйта и его отчима Уильяма Гардинера, мирового судьи округа Сарри, чья юрисдикция распространялась на Пэрис-Гарден и Саутуорк. В одном из письменных показаний по другому делу Уэйт презрительно назван «распущенным человеком, не заслуживающим доверия, во всем послушным воле и приказам названного Гардинера»²⁴. Многие в округе знали и ненавидели этого Гардинера. Ростовщик и жулик (он женился на богатой вдове и постоянно обирал ее сына, братьев и сестер), этот мировой судья накопил значительное состояние и достиг высокого общественного положения. У него было множество врагов, включая его приемного сына Джона Стэпкина. На смертном одре Стэпкин туманно намекал, что Гардинер виноват в том, что его сразил смертельный недуг: ведь он держал двух жаб и мог даже быть колдуном. Весной 1596 г. Гардинер поссорился с Лэнгли, который назвал его «подлым лжецом и клятвопреступником». Судья в ответ пытался закрыть театр «Лебедь».

Каким-то образом в эту вражду был втянут и Шекспир. Лесли Хотсон полагает, что в образе судьи Шеллоу в «Виндзорских насмешницах», а также во второй части «Генри IV» сатирически изображен Гардинер, а не сэр Томас Люси и что в образе Слендера драматург высмеял Уэйта. Мировому судье графства Сарри принадлежал огороженный заповедник в Годстоуне. Женившись, он получил право объединить на своем гербе золотого грифона и трех белых ершей; с этим связано упоминание о ершах и вшах в «Виндзорских насмешницах» (I, 1). Гардинер устроил выгодную партию своему родственнику Уэйту; в пьесе Шеллоу пытается женить своего простофилю-племянника Слендера на Анне Пейдж, которая обладала (в придачу к каштановым волосам и нежному голосу) «700 фунтами и видами на будущее». Эти параллели между действительностью и искусством весьма заманчивы, однако все величественное здание аргументации покоится на зыбком фундаменте. Шеллоу — глупый и по существу безвредный старик — вряд ли похож на карикатурное изображение властного судьи Гардинера. Нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что Шекспир вообще видел

Гардинера. Нам известно только, что поэт оказался случайным свидетелем происходящего (он жил по соседству)²⁵, хотя, принимая во внимание театральные связи Лэнгли, можно предположить и его более непосредственную причастность. Но пока удалось обнаружить лишь эту единственную лаконичную запись. Все остальные лишь догадки.

Легко представить себе Шекспира во дворце Уайтхолл на празднестве ордена Подвязки в качестве ведущего члена труппы, беспокойно следящего за премьерой своей пьесы, дата постановки которой совпала (если мы примем традиционную дату рождения) с его тридцатитрехлетием. Это вполне безобидная фантазия, которой можно позабавиться. Возможно, он даже играл в «Виндзорских насмешниках»; должно быть, он много играл в эти сравнительно ранние годы.

Отношение Шекспира к актерской профессии, по-видимому, было двойственным. Из «Сонетов» ясно, что его удручало низкое социальное положение актеров. Он признавал, что сделался «площадным шутом», и обвинял судьбу —

Богиню, осудившую меня
Зависеть от публичных подааний.
Красильщик скрыть не может ремесло.
Так на меня проклятое запястье
Печатью песмываемой легло *.

Но такие мимолетные настроения должны были уступать всепобеждающему профессионализму. В первом фолио, где собраны пьесы Шекспира, ему также воздается должное как актеру. Его прежние собратья Хеминг и Кондел на девятой вступительной странице фолио помещают его, и по понятным причинам вполне заслуженно, во главе списка «ведущих актеров, игравших во всех этих пьесах». «Все» пьесы — увы, слишком расплывчато: мы бы предпочли более точные сведения.

Эпиграмма, посвященная «нашему английскому Теренцию, г-ну Шекспиру», и включенная Джоном Девисом из Хирфорда в «Бич глупости» хотя и загадочна, но по крайней мере достойна быть современной Шекспиру:

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 8, с. 482.

Вслед за молвой тебя пою (мой Уилл) —
 Иль не играл ты царственных ролей,
 Ты с королем как с равным говорил —
 Король средь тех, кто ниже королей²⁶.

В каком смысле Шекспир был «королем средь тех, кто ниже королей»? Каким образом мог он «с королем как с равным говорить»? И роли каких королей он играл? Некоторые биографы полагают, что Шекспир носил скипетр и корону Дункана, Генри IV и Генри VI и даже склонного к самодраматизации Ричарда II. Все это, однако, предположения. Ему не приписывают блестящих ролей Лира и Макбета*, в которых прославился Бербедрж.

В 1699 г. анонимный театрал, возможно, антиквар и собиратель пьес Джеймс Райт в неопределенной, но не лишеной оснований фразе заметил, что «Шекспир... как поэт был куда выше, чем актер»²⁷. Роу, собирая материал для своей краткой биографии Шекспира, пытался узнать больше, но безуспешно:

Его имя напечатано, по обычаю того времени, в начале некоторых старых изданий пьес среди имен других актеров, но без точного указания, какие именно роли он играл; и, хотя я наводил справки, мне не удалось найти иных сведений об этом, кроме того, что вершиной его актерской карьеры была роль Призрака в его собственном «Гамлете»²⁸.

Призрак в «Гамлете» — эта тень нам уже что-то говорит.

К этим традиционным сведениям неаккуратный собиратель древностей Олдис через полвека добавил еще одну пикантную деталь. Она появилась в бессвязных заметках, которые великий ученый-шекспировед Стивенс спас от забвения:

Один из младших братьев Шекспира, доживший до глубокой старости и даже живший несколь-

* В элегии, посвященной Бербедржу в 1619 г., о нем говорится как об исполнителе роли Лира. Уместно предположить, что он играл также Макбета (см. Dennis Bartholomeusz. Macbeth and the Players (Cambridge, 1969), p. 9—11).

ко лет, как я полагаю, после реставрации короля Карла II, в молодости приезжал в Лондон навестить своего брата Уилла, как он его называл, и видел в качестве зрителя, как тот играл в нескольких собственных пьесах. Он следовал этому обыкновению и тогда, когда его брат приобрел славу и его драматические произведения становились основным источником дохода нашего главного, если не всех театров, и он продолжал этот обычай после смерти своего брата и до собственной кончины.

...Используя такую возможность, актеры стали с жадным любопытством расспрашивать о каждой мелкой подробности характера драматурга, о которых мог сообщить его брат. Но он, по-видимому, будучи в годах, страдал от немощей, из-за которых казался человеком с помутившимся рассудком; память его ослабела так, что он едва ли мог ответить на интересовавшие их вопросы; и все, что им удалось выведать у человека, находившегося в таком состоянии, о его брате Уилле, свелось к смутным общим и почти стершимся воспоминаниям о том, как он однажды видел его [Шекспира] играющим в одной из своих собственных комедий, где, изображая одряхлевшего старика, он носил длинную бороду и казался таким слабым, согбенным и неспособным ходить, что исполнитель другой роли донес его до стола, за которым он сидел в обществе каких-то людей; они ели, и один из них пел какую-то песню ²⁹.

Таким образом, если это сообщение верно, то Шекспир, помимо Призрака из «Гамлета», играл еще Адама в «Как вам это понравится», то есть персонажей, стоявших либо одной, либо двумя ногами в могиле. Почтенные роли. Однако не следует слишком полагаться на авторитет Олдиса, поскольку ни один из трех братьев Шекспира не дожил до Реставрации.

Чуть позже, в XVIII в., Эдуард Кейпел, справедливо прославившийся как редактор текстов Шекспира, повторил то же самое предание, но источником сведений на этот раз был некий дряхлый старец из Стратфорда.

В Стратфорде несколько лет назад, по традиции, рассказывали, как один очень старый человек из этих мест, слабый разумом, но все же имеющий отношение к Шекспиру, когда соседи спросили, что он помнит о нем, ответил, что он видел, как его однажды на своей спине вынес на сцену другой человек; из этого ответа слушатели поняли, что он видел, как Шекспир играл на сцене роль Адама. То, что Шекспир мог играть такую роль, подтверждает другое предание о том, что он не был выдающимся актером и потому не брался ни за какие роли, кроме таких незначительных, как эта; этому также должна была способствовать и внезапная хромота, которая, как сам Шекспир дважды сообщает нам в «Сонетах» 37 и 89, однажды постигла его, не объясняя, как это случилось или какого рода хромота и насколько она была сильна; однако, судя по его словам, она постигла его незадолго до написания этих строк³⁰.

В 37-м сонете поэт жалуется на то, что «любезнейшая неприятель судьбы» сделала его хромым, а в 89-м грозит: «Скажи о моей хромоте, и я тотчас захромаю». Понимание смысла метафоры, видимо, не самая сильная черта Кейпела, однако не он один опускается до такого буквализма. Представление о прихрамывающем поэте показалось привлекательным Вальтеру Скотту, который сам был хром. «Он крепкий малый по части дубины и сабли,— так Сассекс описывает Шекспира («игривого, безрассудного малого») в «Кенильворте»,— хотя, как мне говорили, хромой, и ему, как я слышал, пришлось вступить в жестокую драку со зрителями старого сэра Томаса Люси из Чарлкота, когда он проник в его заповедник и поцеловал дочку лесничего»³¹. В данном случае Сассекс находится на том перепутье, где встречаются эти две легенды.

Несмотря на выдуманный физический недостаток, которым он обязан отсутствию воображения у своих критиков, Шекспир ухитрился играть не только в своих собственных пьесах, но и в тех, которые его коллеги-драматурги писали для труппы лорд-камергера. Когда Бен

Джонсон в 1616 г. напечатал свои пьесы в первом из великих драматических фолио века, он поставил имя Шекспира на почетное место в списке «главных актеров», игравших в пьесе «Всяк в своем нраве», которая была поставлена в 1598 г. Играл ли Шекспир роль старшего Ноуэлла? По-видимому, он не играл в следующей пьесе, «Всяк не в своем нраве», так как его имя не упомянуто в списке исполнителей. Однако он перечислен среди актеров, игравших трагедию того же драматурга «Сеян» (пьеса не сделала сборов) в 1603 г. В обоих списках названо имя ведущего актера труппы Ричарда Бербеджа, а также друзей и коллег Шекспира — Хеминга и Кондела.

Согласно позднему преданию, Шекспир предоставил Джонсону, который был на восемь или девять лет моложе его, возможность начать свою карьеру в труппе лорд-камергера. Роу так рассказывает об этом:

Его знакомство с Беном Джонсоном началось с того, что он проявил замечательную человечность и доброту. Джонсон, который в ту пору был совершенно неизвестен, предложил одну из своих пьес актерам; лица, в чьи руки она попала, перелистав ее небрежно и поверхностно, были готовы вернуть ему пьесу, ответив, что их труппе она вовсе не нужна; но тут, по счастью, она попала на глаза Шекспиру, и некоторые места в ней ему так понравились, что он прочел пьесу до конца, а затем рекомендовал Джонсона и его сочинения публике. После этого они стали друзьями, хотя я и не знаю, отвечал ли Джонсон такой же добротой и искренностью Шекспиру³².

Скрытый смысл последней фразы вызывает в памяти знакомую картину, изображающую Шекспира и Джонсона как двух могучих противников, причем добрый Уилл возбуждает завистливые чувства в несравненном и воинственном Бене. Этими образами, относящимися к области преданий, мы в свою очередь займемся так же, как и высказываниями Джонсона о Шекспире.

Все эти предания, доставившие нам столько маленьких удовольствий, меркнут перед легендой о встрече в те-

атре актера и королевы. Не раз повторенная, эта история получает окончательную форму в компиляции некоего книготорговца Ричарда Райана, опубликованной в 1825 г.:

Хорошо известно, что королева Елизавета была большой поклонницей бессмертного Шекспира и часто появлялась (что было в обычае у высокопоставленных лиц в те дни) на сцене перед публикой или с удовольствием сидела за декорациями во время представления пьес нашего драматурга. Однажды вечером, когда Шекспир играл роль какого-то короля, зрители узнали, что ее величество находится в театре. В то время как он играл, она вышла на сцену и, встреченная обычными приветствиями публики, грациозно, стараясь не помешать, направилась к поэту, но тот не заметил ее! Уже находясь за сценой, она встретила с ним взглядом и вновь направилась к нему, но он все еще был настолько погружен в свою роль, что не заметил ее; после этого ее величеству захотелось узнать, можно ли как-нибудь заставить его выйти из роли, когда он находится на сцене. С этой целью в тот момент, когда он должен был уйти со сцены, она подошла к нему, уронила перчатку и вернулась за кулисы; заметив ее жест, Шекспир поднял перчатку и, продолжая речь своего героя, добавил к ней от себя слова, которые прозвучали так кстати, как будто входили в текст:

Согнувшись до высот услуги сей,
Мы *снизойдем* Сестры поднять перчатку.

Затем он удалился со сцены и вручил перчатку королеве, которая была весьма довольна его поступком и похвалила поэта за находчивость³³.

Этот фантастический рассказ о галантности уорикширского провинциала, импровизирующего перед своей государыней, столь симпатичен, что возникает соблазн пренебречь несколькими соображениями, опровергающими вероятность этого романтического эпизода³⁴. Во вре-

мена Елизаветы спектакли шли днем, а не вечером; на сцене не было никаких декораций, за которыми можно было бы скрыться; королева, насколько известно, никогда не выражала своего восхищения Шекспиром; она не посещала театры и не имела склонности показываться толпе; к тому же она как публично, так и в интимном кругу вела себя сдержанно и не снисходила до заигрываний с подданными, занимавшими низкое общественное положение. Эти факты, к сожалению, умаляют веру в подлинность этого анекдота, наивно изображающего Шекспира в царственной роли и на равных с королевой.

Поклонницы были и у Бербеджа, если верить той фривольной истории, которую Эдвард Керл, студент «Мидл темпла», рассказал своему соседу по комнате Джону Мэннингэму, а тот записал ее 13 марта 1602 г. в свой «Дневник». Когда (как сообщает Мэннингэм) Бербедж играл Ричарда III, одна горожанка влюбилась в него, и они договорились о свидании; однако Шекспир, услышав их разговор, прибыл первым, «был принят и достиг своей цели прежде, чем пришел Бербедж». Когда сообщили, что Ричард III у дверей, торжествующий любовник не без злорадства велел ответить ему, что Уильям Завоеватель предшествовал Ричарду III. «Шекспира звали Уильям», — услужливо добавляет Мэннингэм^{35*}.

* Эта история была известна задолго до того, как обнаружили «Дневник» Мэннингэма, и появилась уже детально разработанной во «Всеобщем обзоре театра» Томаса Уилкса (1709), с. 220—221. Поскольку версия Уилкса (предложенная им «ради удовольствия, какое она может доставить читателям»), не отмечена ни у Э. К. Чемберса, ни в первом варианте «Документальной биографии Шекспира» (Шенбаум, 1975) и поскольку она является самой ранней версией, стоит возместить это упущение, полностью воспроизведя этот рассказ:

Как-то вечером, когда должны были играть «Ричарда III», Шекспир заметил одну молодую женщину, говорившую что-то Бербеджу с осторожностью, возбудившей в нем желание подслушать их разговор. Женщина сообщила Бербеджу, что ее хозяин покинул город этим утром, а ее хозяйка будет рада принять его (Бербеджа) по окончании пьесы и хотела бы знать, какой сигнал он подаст для того, чтобы его пропустили. Бербедж ответил, что он трижды постучит в дверь и скажет: «Это я, Ричард III». Она немедленно удалилась, а Шек-

Если эта история, которая выглядит более достоверной, чем иные легендарные наслоения, верна и ведущий драматург «слуг лорд-камергера» добивался первенства, завоевывая сердца любительниц театра, то и вся труппа в целом также (и в этом не может быть сомнений) прилагала все силы, чтобы сохранить свое первенство в театральном мире. В 1597 г. для труппы наступил самый критический момент ее истории, ибо 13 апреля истек срок, на который Бербедж арендовал «Театр» в качестве постоянного помещения³⁶.

Начались переговоры о новом соглашении между Бербеджем и владельцем земельного участка Джайлзом Алленом. Сначала казалось, что они смогут договориться. Бербедж согласился на более высокую арендную плату — 24-фунта в год вместо 14 — и скрепя сердце даже готов был со временем передать во владение Аллена театральное здание. Однако, когда уже через пять лет Аллен потребовал права переделать здание театра для своих собственных нужд, Бербедж категорически отказал ему. Теперь он стал предусмотрительно прикидывать, где еще можно было бы найти помещение для театра, и остановился на старой трапезной бывшего монастыря Блэкфрайарз, который, хоть и находился в пределах городских стен, зависел от короны, а не от лорд-мэра и олдерменов Лон-

спир последовал за ней, пока не увидел, как она входит в один из домов; расспросив соседей, он узнал, что в доме проживает молодая дама, фаворитка одного старого и богатого купца. Когда подошло назначенное время встречи, Шекспир счел уместным опередить Бербеджа, и был принят по условленному сигналу. Дама была весьма удивлена самонадеянностью Шекспира, решившегося играть роль Бербеджа; но, поскольку ему (написавшему «Ромео и Джульетту»), без всякого сомнения, достало и ума, и красноречия, чтобы оправдать свое вторжение, дама вскоре примирилась, и они оба наслаждались взаимностью до тех пор, пока у дверей не появился Бербедж и не повторил тот же сигнал; тут Шекспир высунул голову в окно и попросил его уйти, ибо Уильям Завоеватель правил до Ричарда III.

Отрывок из «Дневника» Мэннингэма впервые был напечатан в 1831 г., когда Дж. Пейн Коллиер сообщил о своем открытии этого «Дневника» (J. Payne Collier *The History of English Dramatic Poetry to the Time of Shakespeare*).

дона. Бербедрж заплатил 600 фунтов за эту трапезную и потратил еще несколько сотен фунтов на переделку помещения для театральных нужд. Однако аристократические жители этого фешенебельного района, обеспокоенные перспективой иметь по соседству общедоступный театр, направили протест в Тайный совет. Они добились запрещения театра, однако впоследствии шекспировская труппа получила возможность использовать по назначению свое помещение в Блэкфрайарзе. Тем временем беды одна за другой постигали «слуг лорд-камергера». В конце января 1597 г. умер Джеймс Бербедрж. Миновал апрель, а новый договор об аренде так и не был заключен. В июле из-за скандала, вызванного крамольной пьесой «Собачий остров», поставленной театром «Лебедь», Тайный совет удовлетворил прошение лорд-мэра и олдерменов об «окончательном запрещении... театральных пьес» и приказал в дальнейшем разрушить театральные помещения Шордича и Банксайда; при этом были конкретно названы «Куртина» и «Театр». К счастью, окончательное решение оказалось не окончательным и театральные труппы вскоре возобновили свою деятельность. «Слуги лорд-камергера», пользуясь терпением землевладельца, еще недолгое время играли в «Театре», но в конце года они перебрались в «Куртину». Их прежнее здание теперь опустело, и второстепенный сатирик использовал это, чтобы создать образ запустения:

Смотри, вон одинокий путник,
Как он похож на брошенный «Театр»,
Чья тишь темна, безмолвье беспредельно ³⁷.

Шекспировская труппа оказалась без постоянного помещения. Теперь возобновить переговоры с землевладельцем, одновременно скрягой и пуританином, предстояло сыну Бербедржа Катберту. Когда Аллен прибыл в город и остановился в «Трактире Георга» в Шердиче, как он это делал четыре раза в год для того, чтобы собрать арендную плату, Катберт попытался уговорить его заключить новый договор об аренде и осенью 1598 г. согласился даже на его непомерные требования, но Аллен все равно отказался, не считая поручительство Ричарда Бербедржа достаточно надежным. Уверенный, «что право на упомя-

нутый «Театр» и по закону, и по совести полностью принадлежит» ему, Аллен намеревался «снести оный театр и найти дереву лучшее применение...». Слова о «лучшем применении» в достаточной мере свидетельствуют о его предрассудках. Но Аллену так никогда и не представился случай обрушить свой праведный гнев на здание театра, ибо слухи о его нетерпении дошли до Бербеджей.

28 декабря 1598 г., когда Аллена не было в городе, группа решительно настроенных людей под покровом темноты собралась возле «Театра». При полном одобрении вдовы Бербедж ее сыновья Катберт и Ричард вместе со своим другом и финансовым поручителем Уильямом Смитом из Уолтэм-Кросса, старшим плотником труппы Питером Стритом и дюжиной рабочих разобрали здание «Театра»: на это они имели право, специально оговоренное в истекшем договоре об аренде. Этот эпизод описан Джайлзом Алленом, все еще пребывавшем в бессильной ярости, через три года после происшествия. Аллен утверждал, что Катберт Бербедж и его подручные

как правонарушители собрались и там же, и тогда же, вооруженные большим количеством всевозможного запрещенного законом опасного оружия, а именно мечами, кинжалами, алебардами, топорами и тому подобным, с этим оружием отправились к названному «Театру». И там и тогда, вооруженные, как сказано выше, действуя как правонарушители и жестокие насильники в обход законов вашего величества королевства, стали сносить вышеупомянутый «Театр». Когда же различные ваши подданные, слуги и фермеры пытались миролюбиво уговорить их воздержаться от сего незаконного дела, они, то есть вышеназванные правонарушители, тем не менее продолжали действовать с великим неистовством, не только насильственно и буйно противясь вашим подданным, слугам и фермерам, но к тому же там же, так же и тогда же, растаскивая, ломая и разбрасывая названный «Театр», подобно злостным буйанам и насильникам, к великому беспокойству и ужасу не только ваших подданных, названных слуг и фермеров, но и всех

других вашего величества верных подданных, проживающих поблизости³⁸.

Эти «буяны» переправили бревна разобранного «Театра» через реку в Банксайд и воздвигли там новое театральное помещение, самое великолепное из когда-либо существовавших в Лондоне. Этот театр они назвали «Глобус»*.

Театр строился среди садовых участков прихода Спасителя неподалеку от театра «Роза» и «Медвежьего загона» рядом с большой красивой церковью пресвятой девы Марии-Овери³⁹ к западу от Дэд-Мэнс-Плэйс, что на южной стороне Мейн-Лейн (нынешняя Парк-стрит), «на беспорядочно застроенном участке земли, — как его описывает редактор сочинений Стоу в XVIII в., — с канавами по обеим сторонам образуемого ими проезда, перейти через которые к домам можно было по мосткам и за которыми были садовые участки, особенно в северной части, наиболее удобной для застройки и проживания»⁴⁰. Шекспир и его собратья, должно быть, наблюдали за тем, как шла работа. Но Аллен не оставался безучастным зрителем. Он предъявил иск плотнику Стриту, доверенному лицу Бербеджа, обратившись в Звездную палату и требуя возмещения ущерба на 800 фунтов стерлингов, включая 700 фунтов за «Театр» и 40 — за вытоптанную траву. Среди прочего Аллен обвинил Бербедей в том, что они не вложили 200 фунтов, «как это требовалось согласно старому арендному договору», в ремонт арендуемых помещений на земельном участке; однако Джеймс Бербедж еще за несколько лет до этого предвосхитил такой поворот дела, поручив одному опытному мастеру произвести «осмотры» и засвидетельствовать произведенный ремонт и постройку новых помещений. Неудивительно, что Аллену не удалось его попытка юридического преследования. Местный суд приказал ему в дальнейшем воздерживаться от предъявления каких-либо исков в связи со сносом «Театра». Тем не менее Аллен продолжал предъявлять иски, но ничего не достиг⁴¹.

* Общепринятый перевод названия «The Globe» неточен. Актеры назвали свой театр «Земной шар», имея в виду, что они будут показывать в своем театре жизнь всего мира. — *Прим. перев.*

Между тем «слуги лорд-камергера» стали играть в «Глобусе». В датированной 16 мая 1599 г. посмертной описи имущества сэра Томаса Бренда, чей сын Николас сдал в аренду землю под застройку, о «Глобусе» говорится как о «недавно возведенном» — «*de novo edificata*» — и занятом Уильямом Шекспиром и другими («*in occupatione Willielmi Shakespeare et aliorum*»). Ко времени составления описи помещение театра еще не было готово к использованию, подготовка была завершена лишь к осени. Томас Платтер из Базеля описывает свое посещение театра 21 сентября этого года так:

21 сентября после обеда, около двух часов пополудни, я с моими спутниками перебрался через реку и в театре с соломенной крышей видел трагедию о первом римском императоре Юлии Цезаре, в которой было занято не менее пятнадцати актеров, игравших очень хорошо. После окончания пьесы двое актеров, как это у них заведено, в мужских костюмах и двое — в женских платьях очень ладно исполнили танец⁴².

Если, что наиболее вероятно, это был шекспировский «Юлий Цезарь», то он является первым известным нам спектаклем, поставленным в «Глобусе».

Соседство нового соперничающего театра в Банксайде остро ощущалось «слугами лорд-адмирала» во главе с Алленом и Хенсло, игравшими в театре «Роза» в какой-нибудь сотне метров от «Глобуса». Здание театра «Роза», хотя оно было построено всего двенадцать лет назад, угрожающе обветшало и, будучи расположено в болотистой местности, не привлекало зрителей в плохую погоду. Труппа адмирала благоразумно решила покинуть это место. Аллен арендовал участок земли на другой стороне Темзы вблизи от полей прихода св. Джайлза за воротами Криплгейт в районе Финсбери — в перспективном районе и, что самое главное, расположенном за пределами городской юрисдикции. Затем Аллен и Хенсло заключили контракт с плотником «Глобуса» Питером Стритом о строительстве театрального помещения между улицами Уайт-Кросс и Голдинг- (или Голден-) Лейн примерно в кило-

метре к западу от старого театра «Куртина». Это соглашение, которое уцелело среди бумаг Хенсло в Далидж-Колледже, предусматривало строительство помещения в основном по образцу «Глобуса», но квадратной формы: примерно 25×25 метров снаружи помещения и 16×16 — внутри. Сцена, вдававшаяся в ту часть помещения для зрителей, которую мы теперь называем партером, была шириной в 13 метров. «Фортуна» (так был назван театр) является единственным елизаветинским общедоступным театром, об устройстве которого сохранились достоверные сведения, и они помогают нам представить себе размеры «Глобуса». Хенсло и Аллен снабдили плотника «чертежом» или рисунком, изображающим сцену и лестницы, но рисунок, к сожалению, исчез. Этот театр, над которым развевался флаг с изображением «госпожи Фортуны», открылся осенью 1600 г. и оставался достопримечательностью Финсбери в течение двадцати лет.

Строители «Глобуса» образовали своего рода синдикат. Они сообща несли расходы по аренде участка для застройки, по возведению и использованию здания театра. Они делили между собой прибыли, которые приносили их капиталовложения. Первоначальное соглашение, составленное юристами и официально подписанное 21 февраля 1599 г., было «трехсторонним арендным договором»; этими тремя сторонами являлись Николас Бренд, братья Бербедрж и пять актеров из труппы лорд-камергера: Уильям Шекспир, Джон Хеминг, Огастин Филиппс, Томас Поп и Уильям Кемп. Среди всех только Шекспир был еще и драматургом. Все четыре его партнера являлись выдающимися актерами, а самым знаменитым был Кемп, унаследовавший мантию Тарлтона: он играл Питера в «Ромео и Джульетте», Кизила в «Много шума из ничего» и покорила Лондон необычайным мастерством, с которым исполнял «морисову пляску»*. Эти пять актеров лорд-камергера оплатили половину аренды участка Бренда, другую половину оплатили Бербедржи. При содействии двух доверенных лиц — уроженца Ланкашира ювелира Томаса Сэведжа и купца-путешественника Уильяма Лив-

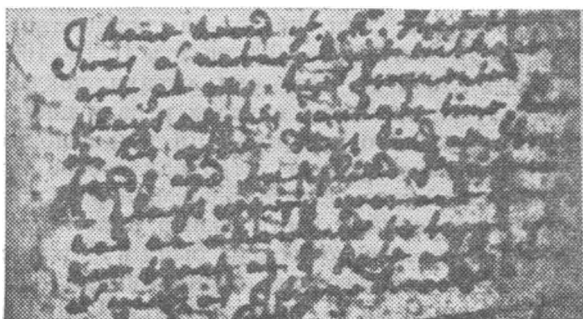
* Веселый народный танец, исполнявшийся в костюмах героев легенды о Робин Гуде.

сона (он был одновременно церковным старостой храма пресвятой девы Марии в Олдермэнбери) — актеры оформили превращение «совместного владения» в «неразделенное совладение», притом что за каждым из участников закреплялась его часть имущества; иначе его право истекло бы с его смертью. (По закону, если кто-либо из участников «совместного владения» умрет, его доля переходит к остальным компаньонам, а не передается по наследству; последний компаньон, таким образом, становится единственным владельцем; в «неразделенном совладении» доли аренды передаются наследникам каждого из компаньонов.) Таким образом, Шекспир владел пятой частью половины или половинной доли в коммерческом предприятии «Глобус», что составляло 10% от общего капитала. Стоимость доли участия колебалась в зависимости от того, уменьшалось или увеличивалось первоначальное число акционеров. Кемп вышел из труппы к 1602 г., и Шекспир стал держателем $\frac{1}{8}$ части предприятия. Но его доля сократилась до $\frac{1}{12}$, когда около 1605—1608 гг. акционерами стали Кондел и Слай, и до $\frac{1}{14}$ после того, как в состав труппы в 1612 г. вошел Уильям Остлер. Когда в 1609 г. шекспировская труппа начала использовать помещение Блэкфрайарз в качестве зимнего театрального помещения, он имел долю (как мы увидим) и в этом предприятии. Эти факты стали известны благодаря тому, что Хеминг и Кондел изложили их, когда давали показания в качестве ответчиков на процессе, возбужденном против них в местном суде через три года после смерти Шекспира⁴³.

Данные о доходах поэта сильно расходятся. Самые ранние сведения основаны на недостоверном источнике — дневниковой записи, сделанной между 1661 и 1663 г. преподобным Джоном Уордом, приходским священником из Стратфорда, в те дни, когда еще была жива дочь Шекспира Джудит. За то, что наш драматург поставлял театру две пьесы в год, замечает Уорд, он получал «денежное содержание столь большое», что «тратил примерно, как я слышал, 1000 фунтов в год»⁴⁴. Это невероятная сумма, а утверждение Уорда не более чем слух: «как я слышал».

Но сколько на самом деле зарабатывал Шекспир? Мэлон оценивает его театральный заработок в 200 фунтов в

год. В нашем веке Сидни Ли заключил на основании сложных подсчетов, что «Шекспир в течение последних 14 или 15 лет своей жизни должен был в год зарабатывать в театре сумму, значительно превышающую 700 фунтов стерлингов в тогдашних деньгах»⁴⁵. Эдмунд Чемберс не согласен с ним; профессиональный заработок Шекспира, по его подсчетам, составлял приблизительно треть названной суммы. Это более правдоподобно. Конечно, доход акционера колебался в зависимости от величины его доли и от театральных сборов. Эпидемии чумы

Запись Джона Уорда о расходах Шекспира, 1661—1663 гг.

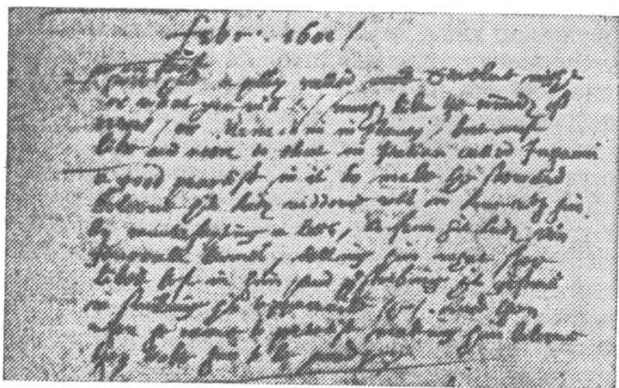
были разорительны для театра. По елизаветинским временам средний годовой доход в 200 фунтов считался превосходным; это было в десять раз больше той суммы, на которую мог рассчитывать получавший хорошее жалование школьный учитель. В своей великолепной работе «Шекспир: его мир и его творчество» М. М. Риз допускает, что в какой-то момент, вероятно после того, как Шекспир ушел на покой, он продал свои театральные акции, выручив «солидную сумму»⁴⁶. Вполне возможно, но в действительности мы не знаем, продал ли он свои акции или продолжал держать их до самой смерти. В конце концов его акции перешли к семьям Хеминга и Кондела. Такие акции стоили больших денег. В 1634 г., когда Блэк-

фрайарз был главным театром шекспировской труппы, одна доля в Блэкфрайарзе и две доли в «Глобусе» составляли 350 фунтов стерлингов.

Доходы «слуг лорд-камергера», после того как они стали играть в «Глобусе», свидетельствуют об их блестящих успехах; труппа заняла господствующее положение в театральном мире. Уорд был точен, говоря, что Шекспир создавал по две вещи в год, разумеется в среднем. Хронология написания пьес недостаточно отчетлива, но между 1598 и 1601 г. Шекспир создал «Генри V», «Много шума из ничего», «Юлия Цезаря», «Как вам это понравится», «Двенадцатую ночь» и «Гамлета». «Слуги лорд-камергера» дважды играли при дворе на рождество 1598—1599 гг., дважды — в 1599—1600 гг. и в 1600—1601 и три раза — в 1601—1602 гг. Что они играли, документы не сообщают, — труппа в таких случаях играла наиболее популярные пьесы своего репертуара, а также новые вещи. Иногда покровитель труппы устраивал особое представление в Хенсдон-Хаузе, вблизи Блэкфрайарза, в качестве одного из развлечений в честь визита какого-нибудь сановника. «Всю эту неделю господа были в Лондоне и проводили время на пиршествах и спектаклях», — сообщает Ричард Уайт в письме к сэру Роберту Сидни 8 марта 1600 г., — ибо Верейкен* обедал в среду с лорд-казначеем, который устроил в его честь царский обед; в четверг лорд-камергер угощал его, дав в его честь продолжительный и изысканный обед, и там же во второй половине дня актеры лорд-камергера сыграли перед Верейкеном к его великому удовольствию «Сэра Джона Олд-Касла»⁴⁷. Двумя годами позже, 2 февраля, Джон Мэннингэм присутствовал на празднестве в «Мидл темпле». Комедия, которую в тот вечер ставили «слуги лорд-камергера», поразила его воображение; он сделал запись об этом в своем Дневнике. Мэннингэм замечает, что пьеса очень походит на «Менах-

* Лодовик Верейкен (или Веррейкен) — секретарь эрцгерцога — правителя Австрии Альберта и испанской инфанты Изабеллы Клары Евгении. Верейкен потом еще раз приезжал в Англию с деликатной миссией «возродить к жизни древний союз между Англией и Бургундией», поскольку Альберт был герцогом Бургундским. Пьесой, которой развлекали этого секретаря, вероятнее всего, была первая часть «Генри IV».

мы» Плавта и еще больше на итальянскую пьесу под названием «Подмененные». Славно разыграли дворецкого, заставив его с помощью подложного письма поверить в то, что «вдовствующая госпожа» влюблена в него, советуя ему, как улыбаться и как одеваться, «а затем, когда он выполнил все указания, объявили его сумасшедшим». В «Мидл темпле» много смеялись в ночь «Двенадцатой ночи»⁴⁸.

Запись Джона Мэннингэма о постановке «Двенадцатой ночи», 2 февраля 1602 г.

Большинство драматургов, писавших для общедоступного театра, время от времени сочиняли пьесы совместно. Дружелюбный Деккер, которому (по словам Чарлза Лэма) хватало поэзии на все, делился своими стихами с Мидлтоном и Уэбстером, а позднее с Фордом; Хейвуд похвалялся тем, что приложил «руку или по крайней мере палец» к 220 пьесам. Даже надменный Джонсон объединился с Чампеном и Марстоном для написания пьесы «Эй, на восток», вызвавшей неудовольствие властей, из-за чего он чуть не лишился ушей. Шекспир составлял исключение, избегая соавторства почти до конца своей драматургической карьеры, когда он, возможно, работал с молодым драматургом, которому предстояло стать его преемником в качестве «постоянного драматурга» труп-

пы. Доходы от прибылей труппы дали Шекспиру возможность сохранить независимость. Однако однажды, как удалось установить, Шекспира пригласили подправить одну пьесу, написанную другими авторами, — для какой труппы, неизвестно.

Рукопись этой пьесы под названием «Сэр Томас Мор» уцелела в поврежденном и хаотичном виде. Сначала чистовой экземпляр пьесы, написанной Энтони Манди, был представлен труппой на рассмотрение распорядителю дворцовых увеселений сэру Эдмунду Тилни, выполнявшему функции цензора. Эта рукопись подвергалась значительным переделкам — отдельные эпизоды вымарывались, одни сцены изымали, другие включали. Текст содержит добавления, сделанные по меньшей мере пятью почерками. Если часть поправок была сделана Шекспиром, то его добавления представляют чрезвычайный интерес как единственная дошедшая до нас рукопись, написанная его рукой. Несколько авторитетных ученых полагают, что он написал три страницы сцены «злосчастного майского дня» в пьесе «Сэр Томас Мор». Эти страницы находятся среди рукописей Харли в Британской библиотеке и значатся под номером 7768, занимая 8-ю и 9-ю страницы; они помечены как написанные почерком D.

Пьеса о жизни Томаса Мора требовала чрезвычайной осторожности, ибо, хотя его и признали великим человеком, он, однако, был стойким католиком, навлекшим на себя мученическую смерть, отказавшись склониться перед Генри VIII, который требовал, чтобы его признали главой церкви. Эту опасную тему благоразумные авторы осторожно обходили стороной; в пьесе говорится о «статутах», которые совесть не позволяет Морю подписать, но смысл их не разъясняется. Первоначально эта историческая драма была скомпонована Четлом и тем самым Манди, который, согласно восторженному отзыву Мереца, является «лучшим мастером построения интриги»; Деккер также приложил к ней руку, но был ли он соавтором с самого начала, неясно. Однако авторы столкнулись с какими-то трудностями. То ли рукопись не понравилась цензору, то ли она не удовлетворила труппу, а возможно, и то и другое. Указание в начале одной из вычеркнутых сцен: «Это следует переписать заново», — написано не ру-

кой Тилни и скорее является мнением труппы, а не следствием вмешательства канцелярии цензора. Так или иначе, большая часть пьесы переписана заново. Дополнения писал Деккер, а возможно и Хейвуд. Наконец (если эти предположения верны), труппа обратилась к Шекспиру. Он написал сцену, в которой Мор в качестве шерифа Лондона использует свое доходчивое красноречие для того, чтобы усмирить ремесленников, взбунтовавшихся в «злосчастный майский день» против своих конкурентов-иностранцев. Попытка спасти пьесу, предпринятая тремя поэтами, не удалась. «Сэр Томас Мор» был поставлен лишь в нашем столетии.

Сцена, описывающая «злосчастный майский день», имеет параллель в известном эпизоде позднейшей драмы: в «Кориолане» Менений Агриппа использует свое льстивое красноречие для того, чтобы успокоить римский плебс. Действительно, самые разнообразные данные говорят за то, что именно Шекспир сделал эту приписку. Палеографы, и в особенности Эдвард Монд Томпсон, тщательнейшим образом сравнили три страницы, написанные почерком D, с шестью подлинными подписями Шекспира и пришли к заключению, что во всех случаях пером водил один и тот же человек. Наиболее интересным доказательством, приведенным Томпсоном, является шпоровидная буква «а», обнаруженная в одной из подписей, почти точно повторяющаяся в слове «that» в 105-й строке*. При написании обеих букв «а» «перо, двигаясь вниз и делая глубокую излучину от верхнего закругления, отклоняется влево в горизонтальном ответвлении, а затем — *по горизонтали* — направо, образуя второе ответвление в форме капли»⁴⁹. Однако этот образец шекспировского почерка, на который опираются палеографы, слишком мелок, а большинство других сохранившихся подписей искажены из-за болезни Шекспира (завещание было подписано, когда он умирал) или из-за того, что печати, скреплявшие документы, оставляли мало места для подписи. Другого рода свидетельства дает орфография. В 50-й строке вместо «silence» написано «scilens», что крайне необычно, однако точно так же восемь раз написано имя судьи Сай-

* В приведенном факсимиле (с. 280) 1, 10-я строка сверху.

Handwritten manuscript page, likely a scene from the play 'The Tempest' by William Shakespeare. The text is written in an early modern English cursive script. The page is numbered '1' in the top right corner. The text is dense and covers most of the page, with some lines appearing to be crossed out or heavily corrected. There are some faint markings on the left margin, possibly 'all' and 'line'. The handwriting is somewhat faded and difficult to read in many places.

Сцена о «злосчастном майском дне»; добавление второе к тексту пьесы «Сэр Томас Мор»,

ленса в кварту второй части «Генри IV». В современных изданиях ради удобства читателей редакторы унифицируют орфографию, лишая ее тех особенностей, которые почти наверняка отражают своеобразие авторского чернового или правленного экземпляра.

Однако в сцене «майского дня» и в начале «Кориолана» всего поразительнее сходство стиля и образа мысли. Смутное предчувствие хаоса, верность ценностям и порядку иерархического строя, сложное двойное отношение к толпе — все это знакомые мотивы. Мор уподобляет мятежников вздымающемуся потоку, и эта метафора напоминает «стесненные воды», вздымающие «свои груди выше берегов», в «Троиле и Крессиде»; а апокалипсическое видение последствий мятежного непослушания — его пророчество о времени, когда «люди, уподобившись акулам, // Друг друга будут пожирать», — заставляет вспомнить ту «звериную алчность», «пожирающую самое себя», о которой говорит Уллис в своем многозначительном монологе о вселенской иерархии (I, 3). Специфический образ, в котором люди, пожирающие друг друга, уподобляются пожирающим друг друга рыбам, наверняка является общим местом, происхождение которого можно проследить вплоть до писаний отцов церкви; все же это совпадение параллельных риторических фигур и представлений не может не произвести впечатления⁵⁰. Совокупность свидетельств в пользу того, что сцена из «Томаса Мора» написана рукой Шекспира, может оказаться недостаточной для того, чтобы отвести все сомнения, но кто еще в тот период при написании буквы «а» делал горизонтальное ответвление и писал «silence» как «scilens» и у кого еще были столь же схожие ассоциации мыслей и образов? Все дороги ведут к Шекспиру*.

Когда именно Шекспир участвовал в написании «Сэра Томаса Мора» — если он участвовал в нем — вот еще одна проблема. Манди, Четл и Деккер не были «слугами лорд-камергера», а состояли на жалованье у Хенсло. Некото-

* Многие ученые склонны сейчас приписать Шекспиру еще одно более краткое добавление — двадцать одну строчку речи Мора. Однако она написана почерком профессионального переписчика театральных пьес.

рые полагают, что переработка была осуществлена в 1593 г., когда «слуги лорда Стренджа», в числе которых, возможно, находился Шекспир, временно слились с труппой адмирала. Палеографические данные подтверждают такую датировку. Но по мнению других ученых, стилистические соображения указывают на более позднюю дату написания сцены о «злосчастном майском дне» — на 1600 или начало 1601 г. Летом 1600 г. «слуги лорд-адмирала» в ожидании, когда откроется их новый театр «Фортуна», отправились в турне, и Хенсло в тот период очень редко отмечал выплаты своим постоянно нуждавшимся драматургам. Как раз тогда они, вполне естественно, могли предложить свои пьесы соперничающей труппе лорд-камергера. Если «Сэр Томас Мор» был написан тогда (а это только гипотеза), то затронутая в нем тема мятежа и казни приобретает зловещее и актуальное значение.

Ибо 8 февраля 1601 г. обаятельный, но неуравновешенный граф Эссекс, бывший любимец королевы, сделал попытку захватить власть. Со своими последователями-заговорщиками он двинулся ко двору, но, обнаружив, что путь закрыт, пошел обратно через город, делая отчаянные попытки заручиться поддержкой простонародья. Но народ благоразумно держался в стороне. Граф забаррикадировался в Эссекс-Хаусе, а затем сдался. Главные зачинщики восстания были казнены в течение февраля и марта 1601 г. «Бог, помоги несчастным временам», — молит шериф Лондона в «Сэре Томасе Море» после провала восстания в «злосчастный майский день»:

Все улицы полны толпой зевак.
 Пусть наши слуги, взявши алебарды,
 Расчистят путь для узников вedomых.
 Пусть вновь оповестят о том, что все
 Хозяева должны под страхом смерти
 Держать своих подручных дома. Каждый
 С оружием пусть стапет у порога,
 За слушанье всем держать ответ⁵¹.

Эти строки должны были вызвать особый отклик зимой 1601 г. Кто-то либо в цензорской канцелярии, либо в театре отметил их как подлежащие вымарке.

Покровитель Шекспира и шекспировская труппа

тоже сыграли свою роль в февральской авантюре, но отделались легче, чем можно было бы ожидать. Саутгемптон, все еще находившийся под обаянием Эссекса, примкнул к заговору, был привлечен к суду и приговорен к смерти вместе со своим кумиром. Однако Саутгемптон вызвал к себе сочувствие благодаря своему поведению и своей юности (хотя он вовсе не был подростком, ему шел двадцать седьмой год). Вдовствующая графиня жалобно просила министра Сесила о милости к ее несчастному сыну, введенному в заблуждение дурной компанией. Она добилась своего, приговор был смягчен, и Саутгемптон провел последние годы царствования Елизаветы узником в Тауэре, со своими книгами, в помещении с видом из окна и с черно-белой кошкой, которая (согласно легенде) пробралась к нему через дымоход. Что касается «слуг лорд-камергера», то завлекли их в сеть деньги, а не преданность делу. Один из заговорщиков, сэр Джелли Мерик, соблазнил их за дополнительное вознаграждение в 40 шиллингов, сверх их «обычного сбора», забыв об осторожности, сыграть днем накануне путча устаревшую пьесу, в которой изображались свержение с престола и убийство короля. По свидетельству друга и коллеги Шекспира Огастина Филиппса, «Ричард II» «так устарел и так давно не ставился», что актеры чувствовали, «что зрителей на нем будет мало или совсем не будет». Однако Мерик настоял на своем. «Он всей душой желал насытить свой взор зрелищем этой трагедии, которую, как он знал, его господин вскоре перенесет со сцены на государственное поприще, но господь обратил замыслы мятежников на их же головы». Так писал наиболее рьяный королевский обвинитель Фрэнсис Бэкон в своей «Декларации о кознях и измене» графа Эссекса. В Тайберне Мерик «с бесстрашной решимостью» дал палачу накинуть на себя петлю. Накануне казни Эссекса 24 февраля «слуги лорд-камергера» развлекали королеву спектаклем при дворе (название пьесы неизвестно). Так что они ничуть не пострадали. «Как это случилось, история нам не сообщает,— размышляет Довер Уилсон,— однако, если лорд-камергер был разумным человеком, нескольких слов автора этой пьесы [то есть «Ричарда II»], объясняющих ее точный смысл и значение, могло оказаться достаточно, чтобы представить дело в

должном свете»⁵². Эта догадка основана на преувеличенном представлении о положении, какое занимал драматург в царствование Елизаветы.

Прощение не стирает из памяти горьких воспоминаний. Наступило лето. В тайном покое в Ист-Гринвиче в присутствии хранителя архивов Тауэра Уильяма Лэмбарда ее величество вспомнила о царствовании короля Ричарда II и сказала: «Я — Ричард II. Знаешь ли ты об этом?.. Тот, кто забудет бога, забудет также и своих благодетелей; эта трагедия игралась сорок раз на улицах под открытым небом и в домах»⁵³. Кое-кто верит, что падение Эссекса, которого Шекспир назвал метеором в «Генри V», оставило неизгладимый след в воображении поэта. Не воплотил ли он перед зрителями «Глобуса» в загадочном принце Датском отражение самых сокровенных черт загадочного графа, не он ли был «примером примерных», а (для своих сторонников) «цветом... державы»?⁵⁴ И хотя все это не более как романтическое предположение, несомненно другое, а именно что в «Гамлете», написанном еще в царствование Елизаветы, есть признаки некоего нового умонастроения. Постелизаветинский Шекспир уже ждет выхода за кулисами.

СОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Если Шекспир был равнодушен к судьбе тех пьес, которые впоследствии сделали его имя бессмертным, то в вопросах, связанных с накоплением состояния и передачей его в целости по наследству, он не обнаруживал подобной беспечности. Не позднее чем в 1737 г. Александр Поп указал на это в изящных двустишиях «Первого послания из второй книги Горация»:

Шекспир (хотя божествен его слог —
Найти сравненье ты б ему не смог)
Для прибыли лишь оперял свой стих
И пехотя бессмертия достиг¹.

«Деловитость совместима с высочайшим гением», — замечает самый неутомимый в XIX в. исследователь фактов, связанных с Шекспиром, Дж. О. Холиуэл (впоследствии Холиуэл-Филиппс) и заключает: «Ни один объективный критик не должен сомневаться в том, что великий драматург весьма тщательно заботился о своих имущественных интересах; и это подтверждает множество старинных источников»². То, о чем Холиуэл говорит с самодовольной уверенностью, свойственной викторианскому филистерству, фактически верно, и основным содержанием данной главы будет внетеатральная деятельность Шекспира, особенно его заботы о приумножении имущества и приобретении почтенного общественного положения.

К середине 90-х гг. Шекспир снимал в Лондоне квартиру, на что указывают разные документы судебного архива субсидий и суда по делам казначейства³. Время от времени парламент предоставлял субсидии короне на определенные суммы, получаемые от налогов на земельную и личную собственность. Последняя из трех таких субсидий, утвержденная парламентом в 1593 г., взималась в размере 2 шиллингов 8 пенсов с каждого фунта общей стоимости имущества и собиралась в два приема:

первый раз по 1 шиллингу 8 пенсов с фунта и второй — по 1 шиллингу с фунта. Несмотря на умеренность обложения, иные налогоплательщики пытались уклониться от уплаты налогов. Местные власти, которым помогали сборщики мелких налогов, несли ответственность за сбор этих налогов. Они сообщали о неуплатах в суд по делам казначейства, который в свою очередь поручал шерифам округов взыскивать задолженности и требовал от них отчета о недоимках при ежегодной проверке их счетов. 15 ноября 1597 г. сборщики мелких налогов в административном районе Бишопсгейт показали под присягой, что некоторые налогоплательщики, чьи имена затем были перечислены, либо умерли или покинули административный район, либо уклонились от платежа. Список этих лиц по приходу св. Елены, в котором проживало 73 налогоплательщика, включал Уильяма Шекспира, который должен был уплатить 5 шиллингов с имущества, оцененного в 5 фунтов (собственность самого преуспевающего обитателя прихода «сэра Джона Спенсера, рыцаря, дворянина и чиновника королевы» оценивалась в 300 фунтов стерлингов). Налог, размер которого был определен в 1596 г., подлежал выплате в феврале будущего года.

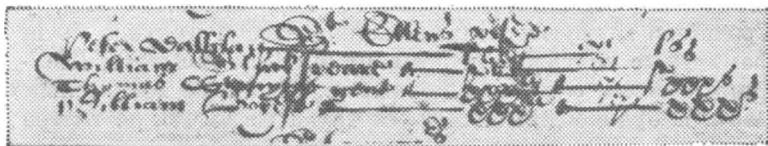
Административный район, в котором жил Шекспир, включал в себя Бишопсгейт-стрит — главную магистраль, ведущую от Лондонского моста мимо Мурфилдс и Финсбери-Филдс к зданиям «Театра» и «Куртины» в незащищенном от ветра Холиуэлле. Космополитический район Бишопсгейт, где жили в основном представители зажиточной буржуазии, гордился «множеством хороших постоянных дворов, где было достаточно места для путешественников» (особенно выделялись постоянные дворы «Бык», «Ангел» и — за городскими воротами — «Дельфин»), а также несколькими красивыми домами. По правую сторону от заново построенного акведука, снабжавшего район свежей водой, стоял красивый кирпичный дом под названием «Кросби-Плейс». Когда-то здесь некоторое время проживал горбун Ричард, теперь тут была резиденция лорд-мэра. Другой особняк свидетельствовал о деловых успехах сэра Томаса Грэшема; этот дом вскоре стал лондонской торговой школой. Были в Бишопсгейте и убогие районы. В Пети-Франс французская община теснилась в

сдававшихся внаем квартирах и загрязняла «неблаговыми отходами» канаву Таун-Дитч, впадавшую здесь в узкий канал. В Вифлеемской больнице, называемой в народе «Бедлам», содержались сумасшедшие; любители повеселиться приходили сюда по воскресеньям и потешались над ними. Внутри приходской церкви св. Елены, чей готический шпиль господствовал над окрестностями, у Грешемов и других почтенных обитателей прихода были фамильные надгробия и памятники. Надо полагать, Шекспир посещал службы в церкви св. Елены по воскресным дням. В будние дни он мог без труда добраться до театра пешком⁴.

Заплатил ли он когда-нибудь свои 5 шиллингов налога, неизвестно. В 1597 г. парламент проголосовал за новую субсидию, и Шекспир 1 октября 1598 г. был вновь обложен налогом, на этот раз размером в 13 шиллингов 4 пенса, на имущество, оцененное в 5 фунтов. Хотя общий объем налога возрос, налоговая ставка осталась прежней, но эта субсидия взималась одним взносом. И вновь минул день платежа, и сборщики налогов — кожевник Томас Саймонс и драпировщик с подходящей к делу фамилией Фердинандо Клаттербук* — сообщили о неплательщиках. Сокращением *affid.* от слова *affidavit* [подтверждение о вручении документа], написанным сборщиками слева от фамилии Шекспира, они удостоверяли, что он не заплатил налог. Затем сборщики занесли его фамилию в экземпляр счетов, подготавливаемых для суда по делам казначейства, вместе с фамилиями тех, кто не уплатил задолженность, потому что не имел земли, никакого личного имущества и не имел в данном районе своего жилья. Суд по делам казначейства внес имена этих людей (включая и Шекспира) в лондонский счет налоговой задолженности. Слово «Сарри», написанное на полях, а также упоминание о «задолженности графства Сассекс», сделанное позднее, означают, что Шекспир переселился на правый берег Темзы, в Сарри-Банксайт. (В то время территории, принадлежавшие графствам Сарри и Сассекс, управлялись одним шерифом.)

* Фамилия образована из двух слов: «clutter» («приводить в беспорядок») и «book» («книга»). — *Прим. перев.*

В последнем казначейском упоминании о Шекспире, датированном 6 октября 1600 г., сказано, что налоговый счет в 13 шиллингов 4 пенса все еще не оплачен. Помета «Episcopo Wintonensi» на левом поле означает, что суд по делам казначейства передал взыскание задолженности

Запись о налоговой задолженности Шекспира в районе Бишопсгейт, 15 ноября 1597 г.

драматурга в канцелярию епископа Уинчестерского, чей район Клинк в Сарри не входил в юрисдикцию бишопсгейтского шерифа. Это позволяет сделать вывод, что Шекспир уже жил в Клинке, хотя, как это ни странно, его имя не удалось обнаружить ни в одном из ежегодных списков обитателей прихода Клинк (приход Спасителя), составившихся тамошними чиновниками, обходившими район, собирая подарки, которые прихожане были обязаны покупать для насхального причастия⁵. В своих счетах за 1600—1601 гг. епископ, не называя имен, сообщает о сумме, собранной с налогоплательщиков, приписанных к его округу. Можно считать, что в эту сумму входят шекспировские 13 шиллингов и 4 пенса.

Облагался ли Шекспир налогом для выплаты других субсидий в королевскую казну, неизвестно. Однако в 1796 г. Эдмунд Мэлон назвал документы, содержащие сведения о тех районах Лондона, где проживал Шекспир:

Документ, который прежде принадлежал Эдварду Аллену, а сейчас находится передо мной, свидетельствует о том, что в 1596 г. наш поэт жил в Саутуорке, неподалеку от Медвежьего загона. Другой любопытный документ, которым я располагаю и который будет опубликован в истории его жизни, убедительно подтверждает предположение

о том, что он продолжал жить в Саутуорке до 1608 г. ...⁶

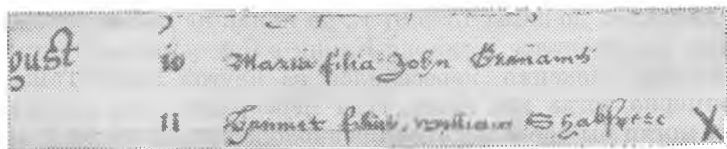
Мэлон никогда и нигде более не упомянул об этих документах, и с тех пор они бесследно исчезли; однако (как мы увидим) непохоже, чтобы Шекспир по-прежнему жил в Саутуорке вплоть до 1608 г.⁷

Итак, Шекспир проживал в приходе св. Елены в Бишопсгейте какой-то период времени до октября 1596 г., может быть, до зимы 1596/97 г., но никак не позже 1599 г., когда он поселился в районе Клинк в Саутуорке. Другими словами, Шекспир переселился на другой берег Темзы примерно тогда же, когда туда перебралась его трупша. Мы могли бы сделать такое предположение, даже не имея никаких данных, однако эти документы, с таким трудом разысканные и изученные, дают уверенность, исключаящую нужду в догадках, и позволяют установить точные адреса местожительств Шекспира в 90-х гг.

Лондонские адреса Шекспира. В великой столице, где каждый мог удовлетворить свои вкусы и желания, он устраивался в соответствии со своими профессиональными нуждами и выбирал местожительство поблизости сначала от «Театра», а потом от «Глобуса», однако он не только сохранял, но и год от года все более укреплял связи с родным Стратфордом, где у него оставались жена и трое детей. Возможно, они и навещали его в приходе св. Елены или в Клинке, однако никаких данных об этом нет. В Стратфорде его дочери выходили замуж и рожали детей и в Стратфорде же их хоронили там же, где и родителей, — в церкви св. Троицы или на церковном кладбище, пересеченном липовой аллеей. «Он имел обыкновение раз в год ездить на родину», — замечает Обри в своем «Кратком жизнеописании». Естественно предположить, что Шекспир находился в Стратфорде 11 августа 1596 г., когда в приходской книге было зарегистрировано погребение его сына Гамнета, умершего в возрасте одиннадцати с половиной лет. С его смертью мужская линия рода Шекспира пресеклась.

Иногда, согласно известной легенде, Шекспир на пути из Лондона в Стратфорд отдыхал в Оксфорде, в таверне под вывеской, изображавшей ветку плюща. Это питейное

заведение, называвшееся «Таверна» и переименованное в «Корону» через полвека после смерти поэта, занимало простой двухэтажный дом с двумя фронтонами над фасадом, выходившим на Корнмаркит; он находился всего в нескольких метрах от Хай-стрит и выгодно соседствовал с главным трактом, который вел в Уорикшир и далее на север. Хозяин «Таверны» Джон Давенант был человеком меланхолического склада, никто никогда не видел его

Запись о погребении Гамнета Шекспира, 11 августа 1596 г.

смеющимся, и все же друзья-горожане настолько высоко ценили его, что в 1621 г. сделали мэром Оксфорда. У него была жена и семеро детей, один из которых, Роберт, вспоминал через много лет (когда стал священником), что прославленный лондонский драматург осыпал его поцелуями. Жена этого виноторговца была, по общему мнению, весьма хороша собой, а также «очень умна и чрезвычайно мила в разговоре». Все же она была менее рассудительной, чем ее муж, если верить фривольной сплетне, возникшей в конце XVII в., согласно которой миссис Давенант разделила ложе с нашим поэтом, вырвавшимся из пут «смуглой дамы».

Обычно винная лавка не предоставляла ни жилья, ни конюшни, однако их можно было получить на постоялом дворе «Крест», примыкавшем к «Таверне» с севера и имевшем с ней общий двор. В крайнем случае задержавшийся гость мог выспаться и на верхнем этаже в «Таверне». Зимою здесь в огромном кирпичном камине гудел огонь; стены были украшены орнаментом из переплетенной лозы и цветов, а надпись на раскрашенном фризе призывала благочестивых «страшиться бога прежде всего». Когда в 1927 г. роспись была обнаружена, одна из газет назвала этот покой «комнатой, в которой спал Шекспир»⁸. Действитель-

но ли он прощался здесь с очаровательной и смышленной женой хозяина и вновь освеженный, если не укрепленный в вере, отправлялся в Стратфорд, где Энн, которая была на восемь лет старше мужа, ожидала его возвращения?

Легенда о связи Шекспира с женой Давенанта исходит от ее сына-поэта. Однажды, будучи навеселе за стаканом вина с Сэмюэлем Батлером, знаменитым автором «Гудибраса», и другими приятелями Уильям Давенант признался в том, что он буквально — равно как и в смысле поэтической преемственности — является сыном Шекспира. Может быть, Давенант, захмелев, пошутил не очень тонко; возможно, он просто желал заявить о своей причастности к клану Шекспира, как другие были приверженцами клана Бена Джонсона. Однако Обри, первым сообщивший эту историю в своем кратком жизнеописании Давенанта, счел это признанием того, что он был незаконным сыном Шекспира, чему поверили и современники. «Мнение о том, что сэр Уильям является более чем поэтическим отпрыском Шекспира, широко распространено в городе, — сообщает Александр Поп Джозефу Спенсу, — и, сдается, сэру Уильяму самому приятно считать это за истину»⁹. В своем дневнике Томас Херн, хранитель Бодлевской библиотеки и весьма осведомленный местный собиратель древностей, пишет об этом как об оксфордском предании. «Мистер Шекспир был его крестным отцом и дал ему свое имя», — замечает Херн и в скобках добавляет: «По всей вероятности, он и породил его»¹⁰.

Эти слухи стали распространяться в 1709 г. Более чем через тридцать лет на званом обеде у графа Оксфорда Поп, не слышавший о дневнике Херна, потчевал гостей тем же самым анекдотом. Уильям Олдис, присутствующий в тот вечер на обеде, оставил следующую запись об этой беседе:

Если верить преданию, Шекспир часто останавливался на постоялом дворе или в таверне «Корона» в Оксфорде по пути в Лондон и из Лондона. Тамошняя хозяйка была женщиной весьма красивой и бойкой, а ее муж Джон Давенант (впоследствии мэр этого города) — унылым меланхоликом, но и он, так же как его жена, любил общество Шекспира. Их сын, Уилл Давенант (впоследствии сэр Уильям), в

ту пору школьник лет семи-восьми, тоже был столь привязан к Шекспиру, что, едва услышав о его приезде, убежал из школы повидаться с ним. Как-то один старый горожанин, заметив запыхавшегося мальчика, бегущего домой, спросил, куда он мчится так поспешно. Мальчик ответил: «Повидать своего крестного отца Шекспира». «Ты хороший мальчик, — сказал горожанин, — смотри только не поминай имя господа * всеу». Эту историю г-н Поп рассказал мне за столом у графа Оксфорда в связи с разговором, который возник по поводу памятника Шекспиру, воздвигнутого недавно в Вестминстерском аббатстве, и сослался в своем рассказе на актера Беттертона. Я заметил, что, по-моему, эта история могла бы украсить его предисловие к опубликованному им изданию сочинений нашего поэта, изобилующее прекрасными плодами его наблюдательности. На это Поп ответил: «В саду человеческого более ценятся те растения, чьи плоды выросли естественно, чем те, которые появились благодаря искусственной прививке; по этой причине я и опустил эту историю» ¹¹.

Когда Поп повторил этот рассказ Спенсу приблизительно через год, в 1742/43 г., то собеседник школьника превратился уже в «главу одного из колледжей (который был довольно хорошо осведомлен о делах этого семейства)» ¹². Милая шутка, какую, очевидно, с удовольствием повторяли, однако она совсем не соответствует отношениям между Давенантами и Шекспиром. Как припоминает весьма осведомленный Олдис, «певец воды» Джон Тейлор включил в 1629 г. этот анекдот в свою книгу «Разум и веселье» ¹³. В его версии крестным отцом является не Уилл Шекспир, а садовник, папаша Диглэнд. Ценно то, что связь эпизода с Оксфордом у Тейлора сохраняется, так как (по сообщению Олдиса) он собирал там и другие шутки для своей коллекции.

* Английское выражение «god-father» («крестный отец») буквально совпадает с русским эквивалентом этого выражения «отец по господу». На этом основана игра слов, — *Прим. перев.*

Эта история проникла в печать. В 1698 г. Гилдон в своих «Жизнеописаниях и характеристиках английских драматических поэтов» сдержанно намекнул на то, что Шекспир во время своих многочисленных поездок в Уорикшир очень часто посещал таверну Давенанта либо «ради прекрасной хозяйки заведения, либо ради хорошего вина — не берусь решать»¹⁴. Полвека спустя бывший суфлер театра Друри-Лейн Уильям Руфус Четвуд, о котором Чемберс заметил, и не без оснований, что «его невежество несомненно, а его bona fides [добросовестность. — Лат.] сомнительна», был более непосредствен. «Сэр Уильям Давенант, — кратко сообщает Четвуд, — как многие предполагают, был побочным сыном Шекспира». Четвуд внимательно рассматривал портрет Давенанта на фронтисписе фоллио 1673 г. его «Сочинений», ища сходства с Шекспиром, однако ему помешало то, что Давенант лишился носа от сифилиса, хотя и лечился от него ртутью. «Его черты, — заключает Четвуд, — чем-то напоминают открытое лицо Шекспира (Shakespeare), но — и с этой частью заключения трудно спорить — отсутствие носа придает странный облик его физиономии»¹⁵.

Стоило один раз разгласить эту пикантную историю, и ее стали повторять без конца. Вальтер Скотт нашел для нее место в «Вудстоке». «К чертям собачьим! — взорвался полковник Эдвард, когда ему рассказали о бахвальстве Давенанта, — он что, хочет приобрести репутацию потомка поэта или потомка князя за счет доброго имени своей матери? Ему следует укоротить нос». Полковнику напоминают, что такую операцию трудно осуществить.

Умный ребенок знает, кто его отец, однако Давенант проявил мало ума в своих стараниях возвысить значение плодов своей музыки за счет своего якобы незаконного происхождения. Но хотя все признаки говорят о том, что признание было сделано для самовозвеличивания, все же вполне вероятно, что Шекспир знал «Таверну» и постоянный двор «Крест» в Оксфорде и что его там (по выражению Обри) «премного уважали». И не только как известного сочинителя. После 1596 г. Шекспир мог рассчитывать на должное уважение в качестве джентльмена.

Напомним, что его отец уже однажды обращался в геральдическую палату, вероятно вскоре после того, как

стал бейлифом Стратфорда в 1568 г., однако потом, когда у него начались неприятности, он оставил эти хлопоты. Геральдические притязания требовали больших расходов, а у Шекспиров, осаждаемых кредиторами, едва ли были для этого деньги. Затем, в 1596 г. Джон Шекспир возобновил свое ходатайство или, что более вероятно, его сын возобновил ходатайство от имени отца. Джону шел седьмой десяток, по понятиям тех времен он был глубоким стариком, и он должен был дважды подумать, прежде чем решиться на долгое и утомительное путешествие верхом в Лондон. Правда, в Лондоне находился Уильям. Но если бы он начал все сызнова, подав новое ходатайство от своего имени в то время, как его отец был еще жив, геральдическая палата сочла бы эти действия незаконными: согласно установленному порядку титул давался самому старшему мужчине рода по прямой линии и тому члену семьи, который занимал наиболее высокое общественное положение (положение бывшего бейлифа считалось выше положения драматурга)¹⁶. Однако ничто не препятствовало старшему сыну привести в действие механизм пожалования титула, который составил бы гордость всего семейства.

В геральдической палате сохранились два черновика документа, датированного 20 октября 1596 г., подготовленных сэром Уильямом Детиком, геральдмейстером ордена Подвязки, в которых удовлетворялась просьба Джона Шекспира об учреждении семейного герба. В нижней части одного из этих черновиков отмечено, что «сей Джон» получил «образец герба», выполненного на бумаге «рукой кларенсийского командора» Кука XX лет тому назад. Благодаря этому стало известно о более раннем ходатайстве. Эти двадцать лет, возвращающие нас к 1576 г., можно считать лишь приблизительным сроком. «Образец» представлял собой эскиз дворянского герба, выполненный пером и чернилами. Роберт Кук, в то время геральдмейстер Кларенсю, за соответствующее вознаграждение изобразил его на бумаге, приберегая пергамент для утвержденного эскиза. Однако при первом ходатайстве Джона Шекспира дело не было завершено.

В такого рода геральдических документах часто обнаруживаются любопытные генеалогические подробности, однако черновик пожалования 1596 г. в этом отношении

мало что разъясняет. Геральдмейстер ордена Подвязки констатирует, что он был «уведомлен заслуживающим доверия источником» — формулировка достаточно туманна — о том, что «родители и ближайшие предки» названного просителя были награждены достославным Генри VII за доблестную службу и что «упомянутый Джон женился на дочери и одной из наследниц Роберта Ардена из Уилмкота в названной местности, эсквайра»¹⁷. (Во втором черновике Детик вписал слово «дед» над словом «предки» и «эсквайр» заменил сокращенным «джент.».) Вот и все — только ссылки на прошлые заслуги и на женитьбу Джона. Известно, что через полвека после битвы при Босуорте войны с фамилией Шекспир носили звание лучников, но некоторая туманность утверждений геральдмейстера наводит на мысль о том, не подразумевает ли он с геральдической любезностью, что хотя предки Шекспира занимали приемлемое социальное положение, однако не имели тех отличий, которые были необходимы по нормам геральдической палаты. Тем не менее к документу добавлено несколько фактов о самом ходатае — сообщается, что «XV или XVI лет назад» (возможно, это описка, и цифры должны быть XXV и XXVI?) он был мировым судьей, бейлифом и чиновником королевы, обладал «землями, арендной собственностью и состоянием» на сумму 500 фунтов стерлингов и был женат на дочери почтенного джентльмена. Джон Шекспир действительно был чиновником королевы, ибо как бейлиф раз в две недели отправлял суд письменного производства, то есть суд короны, в качестве коронера, алмонера или в какой-либо иной должности представлял корону.

Это придавало законность претензиям Шекспира, и геральдмейстер ордена Подвязки установил и утвердил такой геральдический щит: «Золотое поле, черная полоса; копьё с наконечником из первосортного серебра и в верхней части щита в качестве эмблемы — сокол с распростертыми серебряными крыльями, стоящий на венце, составленном из фамильных цветов, держащий золотое копьё с напьемником с различными лентами, какие приняты обычаем, более отчетливо изображенными здесь на полях». В верхнем левом углу обоих черновиков изображен, как указывает геральдмейстер, грубый эскиз герба. В ту пору,

когда геральдика тяготела к множеству эмблематических деталей и излишней усложненности, шекспировский герб являл собой пример классической простоты¹⁸.

Поверх щита с венчающей его эмблемой клерк написал: «Non, sanz droict». Фраза далась ему нелегко. Он зачеркнул ее и вновь написал сверху с прописными начальными буквами: «Non, Sanz Droict». Над текстом самого документа он сделал третью попытку, на этот раз написав все слова прописными буквами и опустив запятую: «NON SANZ DROICT». Подтверждает ли эта фраза, что документ соответствует правилам геральдики? Вероятно, нет. Скорее всего, она является девизом, плодом «измышления или самонадеянности носителя герба» (по замечанию одного из современников), для которых не требовалось санкции со стороны чиновников геральдической палаты. В выражении «Non sanz droict» («Не без права») больше смысла, чем в словах «Non, Sanz Droict» («Нет, без права»). В своей пьесе «Рифмоплет» Джонсон насмехается над простыми актерами, добивающимися геральдических отличий: «Они забыли, что в глазах закона они — чернь, они выставляют напоказ свои гербы, выдумав эмблемы заодно с родословной; они сами себе геральдмейстеры, так-то». Кое-кто увидел насмешку над девизом Шекспира и в его пьесе «Всяк в своем нраве», в которой деревенщину шута Соглиардо, только что выложившего 30 фунтов за свой герб, высмеивают за «изречение» «не без горчицы». Такую параллель можно предположить, однако Соглиардо не актер, и его герб, изображавший голову вепря, не походит на герб Шекспира. Хотя последний и избрал выражение «Non sanz droict» в качестве своего девиза, однако ни он, ни его потомки, как кажется, никогда не воспользовались им. Нет никакого девиза над гербом, рельефно изображенным на шекспировском бюсте в стратфордской церкви; не помещена эта фраза и на могильной плите его дочери Сюзан.

Чистой экземпляр, сделанный с этого черновика в 1596 г., так никогда и не обнаружился, а Джон Шекспир в январе 1597 г. при продаже полосы земли Джорджу Бэдджеру по-прежнему назван йоменом. Однако нет никаких оснований сомневаться (вместе с Сидни Ли) в том, что пожалование было произведено. Не нашел ли Шекспир, что

Он должен к новой почести привыкнуть.
Ее, как платье, надо обносить*.

Через три года Джон вновь обратился к чиновникам геральдической палаты. На этот раз они несколько более точно определили статус просителя: о нем говорится как о чиновнике королевы, бейлифе Стратфорда и упомянуто, что его предок был «продвинут по службе и награжден землями и имуществом в тех местах Уорикшира, на которые распространились слава и доброе имя его потомков». Выданный Джону документ утверждает герб Шекспира и описывает, как он должен выглядеть; отсюда неуверенность Сидни Ли в том, было ли утверждено новое ходатайство, но в данном случае испрашивалось разрешение объединить герб Джона с гербом рода его жены. Было разрешено разделить щит по вертикали с эмблемой Шекспира в правой части и Арденов — в левой. (Елена в «Сне в летнюю ночь», описывая свою дружбу с Гермией, говорит, что они «Разделены, но в сущности одно... Два тела, но одна душа в обеих // Как бы два поля, что в одном гербе // Увенчаны наплемником единым»**.)

Но чиновников палаты беспокоила родословная Арденов из Уилмкота (неверно записанного клерком как Уэллингкот). Происходят ли они от знатных Арденов из Паркхолла в Уорикшире? В таком случае они имеют право на «черные мушки по белому полю, горизонтальную полосу чистого золота и лазурное поле», герб, ведущий свое происхождение от Бичемов, графов Уорик. Сначала чиновники остановились на таком проекте герба и набросали его эскиз, соединив с гербом Шекспира, затем передумали, зачеркнули рисунок и изобразили рядом в измененной форме старинный герб Арденов — «красное поле, три заостренных внизу креста с небольшими крестами на концах перекладин из золота и на золотой верхней части щита — красная ласточка». По-видимому, они сочли, что уилмкотские Арденны достойны лишь этого менее известного старинного герба. Недавно было высказано предположение, что этот герб свидетельствует о каких-то связях с чешир-

* Шекспир Уильям. Трагедии. Сонеты. БВЛ. М., 1968, с. 489.

** Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 3, с. 174.

скими и стаффордширскими Арденами¹⁹. Дело кончилось тем, что Шекспиры решили не соединять гербы.

Через несколько лет их доброе имя стало поводом для некоей геральдической бури в стакане воды. В замкнутой и изолированной геральдической палате процветали раздоры и соперничество, чему способствовал характер сэра Уильяма Детика. Алчный и деспотичный геральдмейстер легко раздражался. Однажды он ударил кулаком собственного отца, нанес удар кинжалом своему брату и вызвал недоумение на похоронах сэра Генри Сидни, напав на священника в церкви. В геральдической палате он поносил, оскорблял и порой бил своих коллег. Такой человек легко наживает врагов, и в лице менее буйного, но не менее вздорного йоркского герольда Ральфа Брука или же Бруксмута он обрел почти равного, хотя и не столь ретивого противника. Брук обвинил Детика в возвышении лиц низкого происхождения и в выдаче эмблем, которые уже использовались. (Ранее сэр Уильям подвергся критике за то, что пожаловал слегка видоизмененный королевский герб Англии штукатуру Докинсу.) Брук перечислил двадцать три случая, когда, как он утверждал, Детик и его коллега Кемден, геральдмейстер Кларенсью, злоупотребили своей властью. Имя Шекспира было четвертым по счету в списке злоупотреблений. Кроме того, под черновым наброском фамильного герба Шекспиров Брук написал: «Шекспир — актер; составлено геральдмейстером ордена Подвязки». Слово «актер», несомненно, употреблено в уничижительном смысле.

Очевидно, йоркский герольд делал подобные примечания, готовясь к официальному рассмотрению дела уполномоченными канцелярии графа-маршала. Подробности обвинения Брука не зафиксированы, но о них дает представление совместный ответ на него геральдмейстеров ордена Подвязки и Кларенсью. Они защищали права Джона Шекспира — мирового судьи, «человека весьма состоятельного и правомочного», женившегося на наследнице Арденов, — и утверждали, что эмблема на его гербе — «золотое поле с черной полосой» — не совпадает с гербом лорда Моли, у которого была «черная изогнутая полоса и копые на полосе», что в конце концов было «приемлемым различием». Другие семейства, например род Харли и род Ферре-

рсов (как указывали Детик и Кемден), также имели на их щитах черные полосы на золотом поле. Такой же эмблемой пользовались стратфордские соседи Шекспира Куини, чей герб изображен на печати, скреплявшей единственное дошедшее до нас письмо, адресованное поэту. Во всяком случае, эмблем было пожаловано так много, что совпадения оказались неизбежными. Детик, несмотря на все его недостатки, знал свое дело. Обвинения ни к чему не привели.

Надпись, сделанная йоркским герольдом, 1602 г.

В 1597 г. Шекспир купил для себя и своей семьи превосходный дом, называвшийся «Нью-Плейс», который был построен на углу Чэпел-стрит и Чэпел-лейн (называемой также Уокер-стрит или Дэд-Лейн) величайшим благодетелем Стратфорда Хью Клоптоном. История этого дома богата событиями. Через дорогу от него стояла часовня, перестроенная сэром Хью, где священники молились за упокой его души, однако, несмотря на это приятное для Клоптонов соседство, они, видимо, редко жили в доме Нью-Плейс. Сэр Хью умер в Лондоне, а его наследники пред-

почитали жить в родовом поместье, находившемся в трех километрах от Стратфорда у подножия холмов Уэлкомб. Около 1540 г. (как мы помним) Нью-Плейс произвел настолько сильное впечатление на королевского хранителя древностей, что тот отметил его в своих заметках как «весьма привлекательный дом, построенный из кирпича и деревянных балок». Некто из семейства Куини жил в нем в 1532 г. Приблизительно в середине века дом приобрел достойного жильца в лице доктора Томаса Бентли, королевского врача и бывшего главы медицинского колледжа, который арендовал его у одного из Клоптонов. Однако когда в 1549 г. врач умер, домовладелец подал жалобу в канцелярский суд, обвинив его в том, что он «оставил названный особняк весьма разоренным, обветшавшим, не отремонтировав его»²⁰. В 1563 г. другой Клоптон, нуждавшийся в наличных деньгах, сдал Нью-Плейс Уильяму Ботту, которого в следующем году обвинил в задержке выплаты аренды, а также в подделке документа, касающегося клоптовских земель.

Этот Ботт, бывший некоторое время помощником шерифа и живший когда-то в Снитерфилде, в 1564 г. занял место в совете олдерменов (очевидно, не отслужив предварительно в должности члена муниципалитета), а в следующем году был исключен из него за оскорбительное заявление о том, «что в совете олдерменов и во всей корпорации Стратфорда никогда не было ни единого честного человека». На Ботта (лживого распутника и негодяя, как в глаза назвал его в трактуре «Лебедь» Роланд Уилер) жаловались не только совет и Уильям Клоптон. Его собственный зять Джон Харпер из Хенли-в-Ардене характеризует Ботта как человека, «лишенного всякой чести и верности, а также страха господнего, пойманного с поличным при совершении различных крупных и отвратительных преступлений, а именно — фелонии, адюльтера, блуда, обмана и подлога». В апреле 1563 г. Ботт скрепил брачный союз между своей дочерью Изабеллой и Харпером, «незнатным и простым человеком», к тому же еще несовершеннолетним. Кроме того, он «хитростью» гарантировал переход к Боттам унаследованных Харпером земель в случае, если Изабелла умрет бездетной. Через месяц после свадьбы было совершено, если верить документам, чу-

довищное преступление: убийство родственника с помощью яда из-за имущества. Роланд Уилер, который время от времени оказывал мелкие услуги Ботту, получая за это то пару шиллингов, то корову, в качестве очевидца дал показания об этом убийстве, и сухая юридическая фразеология не делает их менее ужасными:

сей Ботт вышеуказанным способом подделал упомянутое завещание, передававшее в наследство Боттам упомянутые земли. Названная дочь Ботта действительно умерла внезапно, отравленная крысиным ядом, от которого она раздувалась, пока не скончалась. И настоящий свидетель знает, что так оно и было, ибо сам видел, как жена Ботта в присутствии самого Ботта подала жене Харпера упомянутый яд, подмешав его в ложку с питьем; она действительно его вышла в присутствии данного свидетеля, и он Уильям Ботт находился все время тут же, опираясь на изножье кровати. И еще настоящий свидетель говорит, что упомянутый Уильям Ботт следил за тем, как все было совершено. Свидетель говорит, что после того, как жена Уильяма Ботта дала упомянутое питье жене Харпера, Харпер и свидетель сами видели, как она положила что-то под зеленый ковер...

Это «что-то» Харпер хотел было попробовать на вкус, полагая, что это слабительное из серы и патоки, «но свидетель убедил его не делать этого, так как заподозрил, что то был крысиный яд». Странно, что Ботт не был привлечен к суду по обвинению в убийстве, хотя многие знали об этом преступлении. Однако Уилер сообщает, что дело было замято, поскольку, если бы Ботта повесили, «г-н Клоптон и Джон Харпер лишились бы всех земель, которыми их соблазнял упомянутый Ботт...». В стратфордской приходской книге зафиксировано погребение «Isabella, uxor Johannis Harper de Henleyarden» (Изабеллы, жены Джона Харпера из Хенли-в-Ардене), состоявшееся 7 мая 1563 г. (Уилер, давая показания через восемь лет после случившегося, считал, что имя убитой женщины было Летис. Так звали сестру Изабеллы. Ко времени снятия по-

казаний обе уже умерли.) Ботт проживал в Нью-Плейс и до того, как приобрел его в том же году. Возможно, убийство произошло непосредственно в этом доме²¹.

Через четыре года Ботт продал Нью-Плейс юристу из юридической школы «Иннер темпл» Уильяму Андерхиллу, который был клерком суда присяжных в Уорике и состоятельным землевладельцем в графстве. Нью-Плейс перешел к его сыну и наследнику Уильяму, который имел репутацию «ловкого, алчного и коварного человека». Последний и продал этот дом Шекспиру. «Полюбовная сделка» — суммарная запись передачи дома Уильяму Шекспиру — датирована 4 мая 1597 г., и в ней зафиксированы выплаченные Андерхиллу 60 фунтов серебром (*sexaginta libras sterlingorum*). Для большого дома сэра Хью Клоптона, как бы он ни обветшал, такая цифра может показаться до смешного низкой; однако в «полюбовных сделках» тех времен названные в них суммы были юридически дозволенным вымыслом. Во сколько в действительности обошелся Шекспиру этот дом, мы не знаем.

Два месяца спустя Андерхилл умер в Филонгли, неподалеку от Ковентри, после того, как устно завещал «все свои земли» своему первенцу Фалку. В 1599 г. Фалк, не достигший совершеннолетия, был повешен в Уорике за отравление своего отца. Суд конфисковал имущество семьи Андерхилл за уголовное преступление, однако вновь вернул его младшему брату Фалка, когда тот в 1602 г. достиг совершеннолетия. Во время ноябрьской судебной сессии того года Геркулес Андерхилл заверил продажу Нью-Плейс Шекспиру, заплатившему предписанный сбор, равный $\frac{1}{4}$ годового дохода со стоимости имущества, чтобы закрепить за собой право владения.

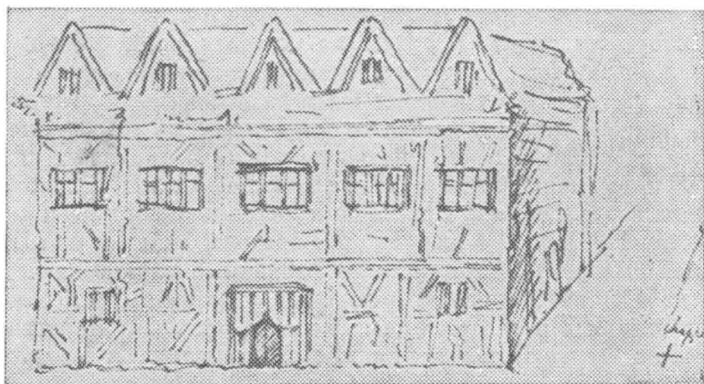
Купленный Шекспиром дом был в Стратфорде вторым по величине*. Его передний фасад, выходивший на Чэпел-стрит, был длиной 18 метров, боковой фасад (вдоль Чэпел-Лейн) здания достигал 21 метра в длину, высота дома была более 8 метров в северной части, которая граничила со строением, известным с 1674 г. как Нэш-Хаус. Зимой Нью-Плейс согревали не менее десяти каминов, а ком-

* Самым большим было старое здание духовной общины (собственность короны), отданное в 1596 г. в аренду Томасу Комбу.

нат в нем, видимо, было больше, чем каминов, ибо последние были облагаемой налогом роскошью²². В XVIII в. Джордж Вертью сделал пером две зарисовки шекспировского дома в том виде, в каком, возможно, кто-либо из потомков сестры поэта, Джоан Харт, помнил его. На одном рисунке изображен внушительный большой трехэтажный дом с пятью фронтонами и с декоративными балками (о которых упоминал Леленд). На втором рисунке видны ворота и входная дверь, двор перед Нью-Плейс и строения по обеим сторонам двора, в одном из которых жила прислуга. В 1767 г. Ричард Гриммит, бывший сапожник из Стратфорда, которому в то время было за восемьдесят, вспоминал, как он играл с каким-то мальчиком из семьи Клоптонов в большом доме, называвшемся Нью-Плейс. Там была кирпичная стена, с «чем-то вроде крыльца» в конце улицы возле часовни, и мальчики должны были пересекать «небольшой зеленый дворик, прежде чем войти в дом, который был левее, с кирпичным фасадом, с простыми окнами из обычного оконного стекла, в свинцовой раме, как было принято в те времена». Это свидетельство дополняет рисунки Вертью, разъясняя местонахождение и внешний вид дома.

Дом, купленный Шекспиром, стоял на довольно просторном участке. В 1565 г. Ботт предъявил иск какому-то соседу, обвиняя его в том, что он унес двенадцать бревен со скотного двора, расположенного недалеко от сада, «при Нью-Плейс возле Дэд-Лейн». Этот сад впервые упомянут в контракте 1563 г. В записи о «полюбовной сделке» 1597 г. говорится о жилом доме с земельным участком, двумя амбарами и двумя садами (*uno mesuagio, duobus horreis et duobus gardenis*); во втором документе упомянуты еще два плодовых сада (*duobus pomariis*). Должно быть, сначала этот сад был небольшим до расширения участка (когда оно произошло, мы не знаем) за счет земли, примыкавшей с восточной стороны на Чэпел-Лейн. Эта земля, на которой некогда стоял какой-то дом, принадлежала ранее впоследствии распущенному небольшому монастырю Пинли, а затем стала частью имения Джона Гилберта. Эти соединенные сады, протянувшиеся более чем на три четверти акра, стали известны как Большой сад. Согласно преданию, более достоверному, чем большинство других, Шек-

спир посадил в Большом саду шелковицу, которая росла там до 1758 г., а затем была срублена и превращена в такое количество подлинных сувениров, которое невозможно было бы изготовить из одной-единственной шелковицы пусть даже со стволом в пятнадцать сантиметров диаметром. Нью-Плейс также славился своим виноградником. Через пятнадцать лет после смерти поэта баронет сэра Томас

Набросок дома Нью-Плейс, сделанный Джорджем Вертью в 1737 г.

Темпл поручил одному из своих слуг, Гарри Раузу, при первой же возможности съездить в Стратфорд и срезать от виноградных лоз в Нью-Плейсе два-три самых красивых побега, на которых были почки прошлогодних лоз²³. Свояченица сэра Томаса весьма похвально отзывалась об этих лозах — возможно, это были лозы европейского винограда. Она жила через дорогу от дома Шекспира на углу Чэпел-стрит и Сколарз-Лейн. Теперь в ее доме, весьма расширенном и усовершенствованном на современный лад, расположен отель «Сокол», радушно принимающий посетителей Стратфорда.

Шекспир переехал в Нью-Плейс в конце 1597 г. или по крайней мере в начале следующего года. Дата известна, поскольку в ежегодном обследовании наличия пшеницы и солода, проводившемся 4 февраля 1598 г., он занесен в

опись как постоянный житель Чэпел-стрит, на которой расположен Нью-Плейс. В этой описи сказано, что он является владельцем десяти четвертей (четверть равна 80 бушелям), скорее всего, солода; это явствует из других записей, сделанных в ходе обследования, и по итоговой записи. Три следовавших одно за другим дождливых лета привели к нехватке зерна, резкому повышению цен и (неизбежно) к созданию тайных запасов пшеницы и солода. Отцы города постановили тогда ограничить количество солода, которое каждая семья могла запастись для изготовления пива. (Изготовление пива, как уже говорилось, было главным предметом производства Стратфорда.) Десять четвертей, имевшихся у Шекспиров, составляли нормальный запас. Из их тринадцати соседей по Чэпел-стрит двое запасли больше: Томас Диксон и школьный учитель Эспинел. Томас Люси из Чарлкота, отмеченный в списке как «не принадлежащий к общине», припрятал больше всех — шестнадцать четвертей в амбаре Ричарда Диксона и двенадцать с половиной у Абрахама Стэрли, о котором мы еще услышим.

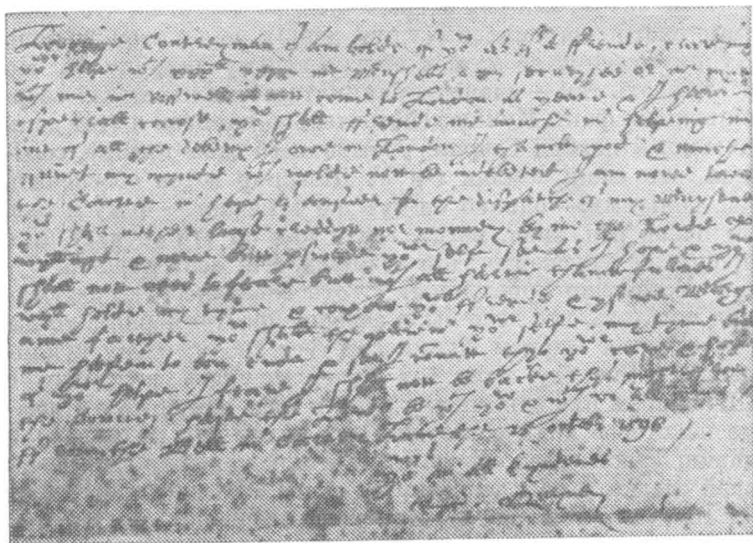
Дом, охарактеризованный пятьдесят лет назад как обветшалый, был отремонтирован новым владельцем. В своем издании сочинений Шекспира 1733 г. Льюис Тиболд, знавший Хью Клоптона (одного из потомков того, кто построил Нью-Плейс), сообщает, что Шекспир «восстановил и перестроил его по своему усмотрению». В 1598 г. корпорация уплатила «г-ну Шекспиру» (Shaxspere) десять пенсов за некоторое количество камня, и этот камень клоптоновского дома она использовала (что было особенно уместно) для починки клоптоновского моста. Смысл записи не совсем ясен — за отсутствием личного имени можно допустить, что здесь упомянут отец драматурга, однако, вероятнее всего, этот камень остался после ремонта Нью-Плейс.

Что думали соседи-горожане об известном драматурге из труппы лорд-камергера и вызывавшем восхищение певце любовного томления, который каждый год какое-то время жил среди них? Вероятно, их не очень интересовали его пьесы и стихи. Иначе относились они к его деловым успехам; они видели в Шекспире человека проникательно в практических вопросах, к которому можно обратиться при необходимости за солидной ссудой при достаточной

гарантии возврата долга. Именно так относилось к нему семейство Куини. Вскоре после того, как Уильям Шекспир купил дом в Стратфорде, Адриан Куини, старый сосед и коллега Джона Шекспира по ремеслу, сообщил Абрахаму Стэрли, что хозяин Нью-Плейс, возможно, предполагает сделать некоторые капиталовложения. Этот Стэрли был родом из Вустера. Он учился в Куинз-Колледже Кембриджского университета и, прослужив некоторое время у сэра Томаса Люси, переехал в Стратфорд, где весьма преуспел: в 1596/97 г. он был бейлифом. 24 января 1598 г. Стэрли писал Ричарду Куини, находившемуся тогда в Лондоне: «Сдается ему [Адриану Куини], что наш земляк г-н Шекспир не прочь потратиться на покупку пары ярдендов земли либо возле Шотери, либо поблизости от нас; он [Куини] считает, что было бы в самый раз посоветовать ему обратить внимание на наши десятинные земли». Покупка этих земель, помимо прямого дохода, могла принести и дополнительные выгоды. Может быть, стратфордские соседи предполагали, что Шекспир, подписывавшийся теперь как джентльмен, живо заинтересован также в дальнейших приобретениях для упрочения своего положения? Во всяком случае, хотя они и соблазняли его покупкой земли, а также правом на сбор десятины, он не был еще готов к тому, чтобы ухватиться за это предложение. Пока еще не был.

Наступил октябрь, и Ричард Куини вновь оказался в Лондоне, на этот раз с тем, чтобы ходатайствовать перед Тайным советом о предоставлении корпорации хэртии на лучших условиях и об освобождении города от налога в связи с субсидией, совсем недавно утвержденной парламентом. Из-за плохой погоды и двух опустошительных пожаров Стратфорд переживал трудные времена, так что у Куини были сильные доводы. Но ему пришлось задержаться в Лондоне на четыре месяца, в бездействии ожидая решения. Он рассчитывал на поддержку лендлорда, сэра Эдварда Гревилля, обещавшего помочь деньгами, для того чтобы добиться «удачи в деле» (как выражался Стэрли). Между тем 25 октября Куини, живший в гостинице «Колокол» на Картер-Лейн, счел благоразумным написать своему «надежному доброму другу и земляку г-ну У. Шекспиру». В письме, написанном его мелким беглым почерком, Куини просил своего доброго земляка помочь ему ссудой

в 30 фунтов стерлингов под свою собственную ответственность и под гарантию мастера Бушеля или мастера Миттона. «Г-н Росуэл», на которого он рассчитывал, «все еще не приехал в Лондон, а у меня здесь особо важное дело». Ричард Миттон и Питер Росуэл были джентльменами, состоявшими на службе у Гревилля. «Вы окажете дружескую

Письмо Ричарда Куини Шекспиру, 25 октября 1598 г.

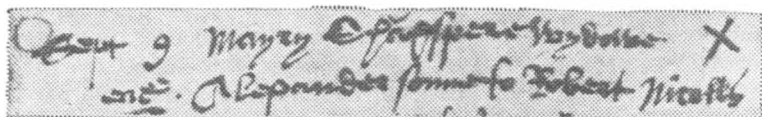
услугу, — писал он далее в письме, — если поможете выбраться из долгов, которые я наделал в Лондоне; я уповаю на господу и утешаю душу свою надеждой, что они не останутся неоплаченными. Сейчас я отправлюсь ко двору [лодочник должен был перевезти его в Ричмонд], надеясь на ответ с решением по моему делу». Шекспир так и не получил этого взволнованного обращения, ибо Куини привез его с собой обратно в Стратфорд, и, когда в 1602 г. он умер, находясь в должности бейлифа (его смертельно ранили, когда он пытался прекратить пьяную уличную дра-

ку, в которой участвовали люди Гревилля), это письмо было помещено среди бумаг Куини в архиве корпорации.

Отчего же он его не отправил? Возможно, Куини решил встретиться с Шекспиром лично или наш драматург навестил своего земляка в гостинице «Колокол» возле собора св. Павла. Выдающийся знаток биографии Шекспира Джозеф Куинси Адамс приходит к такому заключению: «Мы не знаем, как они встретились, но известно, что Шекспир охотно согласился ссудить деньги, ибо в этот же день Куини сообщил об этом в письме своему шурину»²⁴. Но рассуждать так — значит принимать возможность за свершившийся факт. Куини действительно написал в этот день письмо; 4 ноября Стэрли, упоминая об этом письме, сообщал, что «наш земляк г-н У. Шекспир готов обеспечить нас деньгами, — однако он тут же замечает, — чему я был бы очень рад, зная, когда, где и как он это сделает, и я прошу, не упускайте этой возможности; если условия будут достаточно приемлемы»²⁵. Эти слова не дают основания полагать, что дело было завершено. Примерно в то же самое время Адриан Куини советует своему сыну и компаньону Ричарду, если тот будет вступать в сделку с Шекспиром или занимать у него деньги, закупить в Ившэме некоторое количество вязаных чулок для их мелочной лавки. Такой совет скорее относится к какой-то коммерческой сделке, а не к упомянутой ссуде. Мы не знаем, помог ли Шекспир Ричарду Куини, хотя очень похоже, что помог. Далее все сложилось удачно. Королева в конце концов согласилась сделать послабление «этому городу, дважды пережившему бедствия и почти уничтоженному пожаром», и казначейство покрыло лондонские расходы Куини. Куини и Шекспир по-прежнему сердечно относились друг к другу; сын Ричарда Томас женился на младшей дочери Шекспира, хотя этот союз (как выяснилось позже) не был удачным²⁶.

Одни женились, другие умирали. В марте 1601 г. умер Томас Уиттингтон, бывший пастухом у Хетеуев; он оставил завещание, где упомянуты 40 шиллингов, которые ему задолжали Шекспир²⁷. Сентиментальные биографы вообразили себе Уиттингтона прототипом великодушного пастуха, вроде верного Адама из «Как вам это понравится», помогавшего Энн и одалживавшего ей деньги, в то время

как ее муж был занят сочинением пьес в равнодушной столице; однако эта сумма равным образом могла быть невыплаченным Уиттингтону жалованьем или сбережениями, отданными им на хранение. 8 сентября 1601 г. Джон Шекспир был похоронен на кладбище при храме св. Троицы. За отсутствием какого-либо завещания сдвоенный дом

Запись о погребении Мэри Шекспир, 9 сентября 1608 г.

на Хенли-стрит должен был перейти к его старшему сыну Уильяму. Несомненно, Мэри Шекспир осталась жить в доме, где она уже прожила более полувека. Кое-кто из детей и внуков остался с ней; дочь Джоан, вышедшая замуж за шляпочника Харта, тоже жила в этом доме со своей растущей семьей. Вдова прожила еще семь лет. 9 сентября 1608 г. в стратфордской приходской книге сделана запись о погребении «Мэри Шекспир, вдовы».

Сохранившиеся сведения мало что сообщают о том, как Шекспир проводил время за пределами Лондона. В сухой юридической манере документов фиксировались незначительные споры из-за денег, разбиравшиеся в суде. Скажем, человек, у которого солода было больше, чем требовалось для домашнего пивоварения, давал порой несколько бушелей в долг и, когда ему вовремя не платили по счету, обращался в суд. В этом отношении Шекспир ничем не отличался от остальных. Весной 1624 г. он (или кто-либо из его домашних) продал соседу Филипу Роджерсу двадцать бушелей солода, а 25 июня одолжил ему 2 шиллинга. Роджерс был аптекарем и торговал элем, имея на то официальное разрешение, а также лекарствами и табаком; мы знаем, что он торговал своими напитками на Чэпел-стрит и Хай-стрит, неподалеку от Нью-Плейс. В целом его долг Шекспиру едва превышал 2 фунта стерлингов, из которых 6 шиллингов Роджерс вернул, после чего за ним осталось 35 шиллингов 10 пенсов. Через своего юриста Уильяма

Тесерингтона Шекспир привлек Роджерса в суд письменного производства, заседавший раз в две недели под председательством бейлифа, где слушались дела о долгах, не превышавших 30 фунтов. Истец требовал свои 35 шиллингов 10 пенсов плюс 10 шиллингов в возмещение судебных расходов. Что постановил суд, неизвестно.

Это был не единственный случай, когда поэт предъявлял иск. Через несколько лет в том же самом суде он добивался взыскания 6 фунтов стерлингов плюс возмещения судебных расходов с Джона Эдинбрука. Возможно, это был тот самый Эдинбрук, который продавал лицензии на изготовление крахмала в Уорикшире около 1600 г. Разбирательство по этому иску тянулось почти год — с 17 августа 1608 г. до 7 июня 1609 г., и после него осталось большое число малоинтересных протоколов. Суд с посыльным направлял ответчику судебную повестку. Затем составлялся список присяжных. Далее ответчику приказывалось предстать перед судом, и суд присяжных выносил решение в пользу истца. Затем вновь суд приказывал Джону Эдинбруку явиться, чтобы наконец удовлетворить иск Уильяма Шекспира, заплатить долг и возместить убытки. И наконец, когда тот не являлся, суд обращался к поручителю Эдинбрука, Томасу Хорнби, чтобы тот объяснил причину неуплаты 6 фунтов и 24 шиллингов, составлявших сумму долга и убытков. Хорнби был кузнецом (так же, как и его отец) и торговал элем в пивной на Хенли-стрит. Удалось ли Шекспиру взыскать эту сумму, в документах не зафиксировано. Его настойчивость может поразить наших современников, показавшись бессердечной, однако действия Шекспира были обычными в эпоху, когда не существовало кредитных карточек, овердрафта или инкассирующих учреждений²⁸.

Такого рода заботы случались у Шекспира нечасто. Он, должно быть, в основном проводил время с семьей или работал в саду возле дома Нью-Плейс. Официальные документы не фиксировали незначительные события повседневной жизни, и все же предание время от времени удовлетворяет наше любопытство, позволяя увидеть интимную провинциальную обстановку, в которой жил драматург. Джордж Стивенс сохранил достаточно правдоподобное предание о том, будто Шекспир любил раз в неделю про-

пустить стаканчик в ближайшем трактире: «Покойный г-н Джеймс Уэст из казначейства уверял меня, что в его доме в Уорикшире имелась деревянная скамья, на которой любил сидеть Шекспир, и глиняная кружка на полпинты, из которой он имел обыкновение каждое воскресенье вечером потягивать эль в одной пивной в окрестностях Стратфорда»²⁹. Если его сердили, он изящно мстил, используя средства своего искусства. «Старый актер г-н Боумен слышал от сэра Уильяма Бишопа, — сообщил Олдис, — что некоторые черты характера Фальстафа заимствованы у какого-то стратфордского горожанина, то ли вероломно нарушившего какой-нибудь договор, то ли назло отказывавшегося расстаться с каким-то участком земли, примыкавшим к земле Шекспира в городе или поблизости от города, хотя ему предлагали приличное вознаграждение»³⁰.

Предание особенно безжалостно к Джону Комбу, богатейшему холостяку, более того, богатейшему гражданину Стратфорда, который, по общему мнению, накопил свое состояние, взыскивая ростовщические проценты по допускаемой законом десятипроцентной таксе. Этот Комб, гласит молва, служил мишенью для импровизированных острот Шекспира. Перечисляя «окрестных джентльменов», Роу пишет:

Существует рассказ, который и сейчас еще помнят в здешних краях, о том, что он [Шекспир] был особенно близок с одним старым джентльменом, известным там богачом и ростовщиком. Однажды во время приятной беседы, которую они вели в компании друзей, г-н Комб шутя сказал Шекспиру, что ему пришло в голову попросить его написать для него эпитафию, если Шекспиру случится пережить его; и, поскольку он не сможет узнать, что скажут о нем после смерти, он очень хотел бы услышать эпитафию немедленно. Тогда Шекспир произнес следующие четыре строки:

Десятая доля лежит здесь сейчас —
Сто на десять ставлю — души он не спас,
И если ты спросишь: «Кто здесь погребен?»
То дьявол ответит: «Из Комбов — мой Джон».

Однако, говорят, жало резкой сатиры столь глубоко уязвило этого человека, что он никогда не простил этой обиды³¹.

Длинная вереница рассказов об отношениях Шекспира и Комба достигла кульминации у Роу. В 1634 г., путешествуя по Уорикширу, некий лейтенант Хаммонд, «стоявший с ротой солдат в Норидже», рассматривал памятники в стратфордской церкви. Он задержался у «искусного памятника знаменитому английскому поэту г-ну У. Шекспиру», который произвел на него должное впечатление, а затем повернулся к памятнику старому джентльмену, холостяку г-ну Комбу, чье имя этот поэт обыграл в нескольких остроумных и веселых стихах, и негоже, чтобы со временем эти несколько зерен вдохновения были ссыпаны в мешок^{*32}. Хаммонд, однако, не дал себе труда записать эти стихи, но его оплошность исправил (с неожиданным дополнением) Николас Бург, бедный дворянин из Виндзора, который приблизительно в середине века включил в свою записную книжку не только эпитафию нашего поэта «Джону из Комба» — сыну дьявола, но также извинения Шекспира в изящных стихах, принесенные этому холостяку, который завещал свое наследство беднякам. Обри в своих записях также нашел место как для этого анекдота, так и для эпитафии.

Предание, которое существует в стольких разнообразных версиях, на первый взгляд кажется заслуживающим доверия, однако сами эти рифмованные вирши настолько не шекспировские по духу, что располагают к скептицизму. Эти сомнения подкрепляются тем фактом, что подобные же эпитафии, посвященные некоему неназванному ростовщику, появились до этого в книге «Чем дальше, тем смешней» (1608), опубликованной под инициалами «Х. П.», а также в «Британских реликвиях» Кемдена (1614) среди подборки «причудливых, веселых и насмешливых эпитафий, большинство из которых сочинено в молодости г-ном Джоном Хоскинсом». Позже, в том же сто-

* В подлиннике непереводаемая игра слов, основанная на том, что «Комб» не только фамилия стратфордца, но и мера веса сыпучих тел. — *Прим. перев.*

летию, имена других персонажей — Стенхоп, Спенсер или Пирс — заменили имя Комба. Среди «различных избранных эпитафий и погребальных эподов», напечатанных Ричардом Брэттуэйтом в виде приложения к его книге «Посмертные сочинения», есть и эти знакомые стихи «об известном ростовщике Джоне Комбе из Стратфорда-на-Эйвоне; доска со стихами укреплена на том надгробии, которое он велел воздвигнуть еще при жизни». Неважно, что Комб не построил себе надгробья при жизни; Брэттуэйт правильно назвал имя ростовщика. Но он не назвал Шекспира. Лишь впоследствии часто повторявшаяся эпитафия, войдя в структуру предания, была связана с именем того, кто прославил Стратфорд.

Этот эпизод вновь всплыл на поверхность гораздо позже, в 1740 г., когда приходский священник из Лестершира Фрэнсис Пек, увлекавшийся собиранием древностей, сообщил о другой шекспировской эпитафии, посвященной другому Комбу.

Всякий знает шекспировскую эпитафию Джону Комбу. А мне говорили, что потом он написал другую эпитафию Тому Комбу по прозвищу Жидкая Бороденка, брату названного Джона; она еще никогда не печаталась. Вот ее текст:

Но жидкобород он, хоть густо в мошне,
Проклятия слышит он ада на дне,
Он с дьяволом вскормлен был грудью одной,
Бывал ли на свете мошенник такой?

Весьма едко сказано...³³

Теперь недостает только, чтобы неподражаемый Джорден объединил эти эпитафии братьям Комб в одну совершенно неправдоподобную историю. У него дело происходит под кровлей таверны «Медведь».

Г-н Комб и стратфордский бард были близко знакомы; как-то в одной таверне (говорят, под вывеской, изображавшей медведя, на Бридж-стрит в Стратфорде) первый сказал второму: «Полагаю, когда я умру, вы напишете мне эпитафию; с тем же

успехом вы можете сделать это сейчас, дабы я знал, что вы скажете обо мне, когда меня не станет». Тот немедленно ответил, что эпитафия будет такая... Вся компания сейчас же разразилась громким смехом как потому, что идея эпитафии была верна, так и потому, что все ненавидели этого скрягу и ростовщика; когда буйное веселье несколько стихло, все захотели услышать, что он [Шекспир] скажет о Томасе Комбе, брате упомянутого джентльмена, и он тотчас произнес:

Жидка бороденка, да густо в мошне;
Кто столь ненавистен был людям вполне?
С проклятьями прах его был погребен;
Молочные братья — сам дьявол и он.

Этот брат был известен своей жиденской бородой, а также, без сомнения, своей алчностью, поэтому насмешка немало позабавила собравшуюся компанию. Однако, говорят, язвительные насмешки так обидели обоих братьев, что они никогда не могли простить их автору эпитафий. Насколько все это верно, уже не узнаешь, хотя в этой истории вовсе нет ничего невероятного...³⁴

В действительности Шекспир не питал ненависти к братьям Комб, и последние вовсе не таили в своих сердцах до могилы обиду на своего остроумного собеседника из таверны. Джон Комб упомянул Шекспира в завещании, оставив ему 5 фунтов стерлингов, а поэт в свою очередь завещал свою шпагу племяннику и наследнику Комба Томасу*. Шекспир (как мы увидим) поддерживал дружеские деловые отношения с Джоном Комбом, и они оставались друзьями до конца жизни.

«У него много земли, и вдобавок плодородной... — говорит Гамлет о презируемом им Озрике. — Это суцая галка, но, как я сказал, по количеству грязи в его владениях — крупнопоместная»**. Ранее принц размышляет над уде-

* К чести Джордена следует отметить, что он знал об этом завещательном отказе.

** Шекспир Уильям. Трагедии. Сонеты, с. 235.

лом другого землевладельца. «Быть может, в свое время,— задумчиво произносит он, созерцая череп в своих руках,— этот молодец был крупным скупщиком земель, со всякими закладными, обязательствами, купчими, двойными поручительствами и взысканиями; неужели все его купчие и взыскания только к тому и привели, что его землевладельческая башка набита грязной землей?» *³⁵ У самого драматурга вскоре после написания этой пьесы стало много «грязной земли». 1 мая 1602 г. Уильям Шекспир, джентльмен, передал наличными 320 фунтов стерлингов Уильяму Комбу и его племяннику Джону в уплату за четыре ярдлэнда пахотной земли в Старом Стратфорде с правом использования общинной земли для выпаса скота в прилегающих полях. Площадь одного ярдлэнда зависела от его местоположения, но обычно в среднем равнялась примерно 30 акрам. В акте о покупке этот участок был охарактеризован как «содержащий, согласно подсчету, 107 акров, более или менее пригодных для пахоты». Старым Стратфордом называлась сельская местность к северу от города, первоначально входившая в его пределы. Уильям Комб указал в качестве своего местожительства Уорик, представителем которого он был в парламенте. В 1593 г. он приобрел безусловное право на владение землей (фригольд) в Старом Стратфорде к западу от Уэлкомба. Почти десять лет спустя участники сделки поочередно поставили свои подписи и печати на документе о передаче земли. Сам покупатель не явился на процедуру, поручив своему младшему брату Гилберту вступить во владение в присутствии свидетелей — Энтони Нэша, Хамфри Мэйнуоринга и других. В многословном документе говорится о том, что расположенные на этой земле дома с окружающими постройками «находятся или находились во временном владении или пользовании Томаса Хиккокса и Льюиса Хиккокса». Они арендовали эту землю. Остались ли они на ней после того, как сменились владельцы, неизвестно. Фамилия Хиккокс довольно распространенная. После 1603 г. Льюис Хиккокс со своей женой Элис — «старой тетушкой Хиккокс» — держали постоянный двор на Хенли-стрит; возможно, это был следующий дом к востоку от дома, где ро-

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 6, с. 132.

дился Шекспир, который (о чем свидетельствуют позднейшие данные) был превращен в гостиницу «Дева»³⁶. Возможно, Хиккокс сменил плуг на фартук трактирщика.

(В 1610 г., как предусмотрено в первоначальном контракте, соглашение о покупке земли было передано в суд общегражданских исков для подтверждения права собственности Шекспира. В соглашении сказано, что этот участок состоит из 107 акров пахотной земли и 20 акров пастбища. Некоторые биографы высказали предположение о том, что эти выпасы являются частью первоначально купленной Шекспиром земли, однако эти 20 акров составляют часть земельного участка, приобретенного Уильямом Комбом в 1593 г.)

Через пять месяцев после покупки земли в Старом Стратфорде, 28 сентября 1602 г., Шекспир приобрел копигольдное право на аренду четверти акра земли, включающую сад и коттедж, расположенные с южной стороны от Чэпел-Лейн (иначе Дед-Лейн или Уокерс-стрит) напротив сада Нью-Плейс. Этот земельный участок, а также еще один или два участка в Стратфорде входили в состав поместья Роуингтон, которым владела вдовствующая графиня Уорик. Согласно феодальному обычаю, еще сохранившему свою силу, Уолтер Гетли, помощник сенешаля при манориальном суде графини, передал навеки этот коттедж со всеми его принадлежностями Шекспиру и его наследникам. Несомненно, в коттедже поселился кто-либо из слуг или садовник. При обследовании поместья Роуингтон, проведенном 24 октября 1604 г., зафиксировано, что Уильям Шекспир владеет «здесь одним коттеджем и одним садом площадью примерно в четверть акра» и платит номинальную ежегодную арендную плату 2 шиллинга 6 пенсов. Шекспир также вписан 1 августа 1606 г. — на этот раз в качестве постоянного арендатора земли в поместье Роуингтон — в отчетные документы ревизоров финансового управления. Через год после смерти Шекспира его дочь Сюзанн, заплатив штраф в 2 шиллинга 6 пенсов, закрепила за собой аренду коттеджа.

24 июля 1605 г. Шекспир произвел свое наиболее крупное помещение капитала. За 440 фунтов стерлингов он обеспечил себе право взимать половину «десятипроцентного налога на пшеницу, зерно, солому и сено» в трех близ-

лежащих селениях — Старом Стратфорде, Уэлкомбе и Бишоптоне, а также половину небольшого десятипроцентного налога со всего стратфордского прихода, под который не попадали лишь обладатели старинных почетных прав, например священник ладдингтонской церкви продолжал сам собирать десятину в своем поселке³⁷. Договор о праве сбора десятины, заключенный в 1544 г. между старостой духовной общины Стратфорда и Уильямом Баркером, действовал 92 года. Но после роспуска духовной общины ее собственность, так же как собственность других религиозных учреждений, перешла к короне, которая в свою очередь передала корпорации Стратфорда право на взимание части десятинного обложения. Однако право Баркера на сбор десятины сохраняло свою силу, хотя со временем оно перешло к корпорации. В 1580 г. он продал это право Ралфу Хьюбоду³⁸ из Ипсли, бывшему шерифу Уорикшира, сохранив в то же время доход от аренды в свою пользу и в пользу своих наследников. Именно у Хьюбода Шекспир и купил право на взимание 50% десятинного обложения, которое можно было производить еще в течение 31 года. Друг Шекспира, Энтони Нэш из Уэлкомба, выступил в качестве свидетеля, как и три года назад при заключении сделки о покупке земли в Старом Стратфорде. Вторым свидетелем был адвокат Шекспира Фрэнсис Коллинз, составивший этот контракт³⁹. Коллинз, член городского совета с 1602 по 1608 г., близкий друг Шекспира, несколько лет спустя был назначен душеприказчиком поэта. Когда Хьюбод умер вскоре после передачи права на сбор десятины, опись его земли и имущества включала 20 фунтов «долга г-на Шекспира».

Шекспир согласился платить ежегодную арендную плату 5 фунтов стерлингов Джону Баркеру, джентльмену, всю жизнь служившему привратником королевы (его надгробие находится в Херсте в Беркшире) и еще 17 фунтов — бейлифу и членам муниципалитета Стратфорда. Как видно из одного документа канцелярского суда, относящегося к 1611 г., доля Шекспира в десятинном обложении приносила ему ежегодно 60 фунтов чистого дохода. Когда его наследники опять продали в 1625 г. большую часть этой доли корпорации, они оценили ее в 90 фунтов, получив чистыми деньгами 68 фунтов, так как 22 фунта ушло

на выплату аренды. Шекспир не занимался сам сбором своей десятины, поручив это дело Энтони Нэшу. У всемирно уважаемого состоятельного джентльмена Нэша был сын Томас, который впоследствии женился на внучке Шекспира.

В Стратфорде имелись и более богатые горожане, чья доля в сборе церковной десятины была больше. Однако к 1605 г. Шекспир не только восстановил расстроенное состояние семьи, но и приумножил его. Он получал доход от сбора десятины и, кроме того, владел пахотной и пастбищной землей, домом, где родился, на Хенли-стрит и большим домом Нью-Плейс с обширными садами и коттеджем. К этому следует добавить его театральные заработки. Аплодисменты толпы, несомненно, доставляли удовольствие создателю «Гамлета», однако после того, как четыре капитана под грохот пушек уносили тело принца со сцены, аплодисменты стихали, и публика устремлялась в сумерки Банксайда. Аплодисменты были эфемерной наградой. Земельные владения, переходящие от поколения к поколению, были чем-то более прочным. Возможно, Шекспир рассуждал именно так. Однако род его потомков по прямой линии угас еще до конца столетия, корпорация вновь завладела правом на сбор десятины, один из следующих владельцев Нью-Плейс снес дом, и о существовании полей Старого Стратфорда теперь свидетельствуют лишь давно утратившие силу документы*. И только искусство Шекспира продолжает жить, как он пророчил в своих «Сонетах», когда он проникался верой в их бессмертие. Поэт более позднего времени утверждает в стихах, полных подлинного лиризма:

Так верь стихам одним;
Их звук лишь воспарит
Над пеплом гробовым
Людей ли, пирамид.

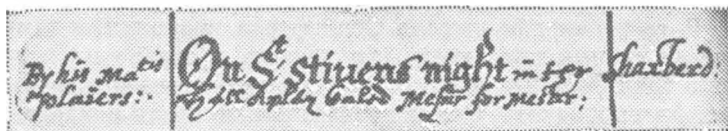
* Директор Треста по опеке над домом-музеем Шекспира Леви Фокс сообщил мне, что трест приобрел в 1930 г. 107 акров земли.

СЛУГА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

В то время как жители Стратфорда продолжали заниматься своими повседневными делами, в стране происходили значительные события. Жизнь королевы неотвратимо клонилась к закату. Она царствовала уже почти полвека, и большинство ее подданных не знали другого монарха. К концу жизни тяжкая усталость и раздражительность, присущие иным людям преклонного возраста, овладели ею. Кольцо, символизирующее ее брак с Англией, которое она надела при коронации, сняли с ее пальца, предварительно распаяв: просто снять кольцо ее приближенным не удалось — так глубоко оно вросло в плоть. Все же королева смогла присутствовать на спектакле, когда «слуги лорд-камергера» последний раз играли перед ней 2 февраля 1603 г. Вскоре она тяжело заболела. Пока Елизавета сидя ожидала смерти — она отказывалась лечь, боясь, что никогда больше не встанет, — ее министры толпились вокруг в надежде услышать имя преемника. Она медлила по своему обыкновению и наконец прошептала Сесилу: «Я хочу, чтобы мне наследовал король, и кто же еще, как не мой родич король шотландцев». 24 марта она умерла. Тайный совет объявил о вступлении на престол Джеймса VI Шотландского в качестве Джеймса I Английского, и сэр Роберт Кэри вскочил на коня, чтобы сообщить об этом в Эдинбурге. На лондонских улицах горели праздничные костры. Так закончилась династия Тюдоров и началось царствование дома Стюартов среди всеобщего ликования по поводу мирной передачи короны.

Новый монарх начал свое неспешное продвижение из Шотландии в Лондон, длившееся целый месяц. 21 апреля в Ньюарке-на-Тренте он имел повод произвести сильное впечатление, когда в толпе поймали с поличным вора-карманника. Король тотчас приказал повесить «этого подлого охотника до шелковых кошельков», но перед отъездом из Ньюарка освободил всех несчастных узников, содержав-

шихся в замке. Так он сразу продемонстрировал свою справедливость и милосердие в соответствии с теорией «О долге правящего короля», которую он изложил в своем «Vasilicon Doron» («Царский дар»). В следующем году в ночь на св. Стивена (26 декабря) труппа Шекспира забавляла двор в Банкетном зале дворца Уайтхолл новой комедией,

Запись о постановке «Меры за меру» при дворе, 26 декабря 1604 г.

вероятно впервые сыгранной в предыдущем летнем сезоне. В этой комедии «Мера за меру» тема справедливости и милосердия трактовалась явно в расчете на сочувствие нового монарха. Герцог Винченцио, подобно Джеймсу, пытавшему отвращение к толпе, представлял собой фигуру идеализированного носителя власти, который, бесспорно, мог понравиться новому королю. Однако предположение о том, что «Мера за меру» была пьесой, специально задуманной и написанной для представления при дворе, без сомнения, является натяжкой¹. При всем своем общечеловеческом значении пьесы Шекспира не были лишены злободневности. Несомненно и то, что с самого начала между его труппой и новым монархом установились особые отношения. Члены труппы Шекспира стали актерами короля.

Спустя десять дней после прибытия в столицу Джеймс через своего секретаря приказал лорду-хранителю печати, «нашему истинно преданному и горячо любимому советнику» лорду Сесилу, приготовить для шекспировской труппы письменный патент, скрепленный большой королевской печатью. 17 мая 1603 г. лорду-хранителю печати было передано королевское распоряжение, содержащее дословную редакцию этого официального патента, окончательно оформленного двумя днями позже. Написанный слогом Положня, этот документ дает право

сим нашим слугам — Лоуренсу Флетчеру, Уильяму Шекспиру, Ричарду Бербеджу, Огастину Филиппсу, Генри Конделу, Уильяму Слаю, Роберту Армину, Ричарду Каули — и их партнерам свободно заниматься своим искусством, применяя свое умение представлять комедии, трагедии, хроники, интерлюдии, моралите, пасторали, драмы и прочее в этом роде из уже разученного ими или из того, что они разучат впоследствии как для развлечения наших верных подданных, так и для нашего увеселения и удовольствия, когда мы почтем за благо видеть их в часы нашего досуга...

И когда названные слуги будут публично демонстрировать свое умение «в их нынешнем доме, именуемом «Глобус», или в любом другом городе, университетском или ином городке королевства, согласно данному патенту все судьи, мэры и другие чиновники, а также верные подданные наши обязаны «принимать их с обходительностью, какая раньше была принята по отношению к людям их положения и ремесла, и всяким благорасположением к слугам нашим ради нас». Такую любезность «мы примем благосклонно».

Королевский патент (возобновленный в 1619 г. и вновь, после смерти короля, в 1625 г.) свидетельствует об исключительном положении этой труппы, которая стала отныне именоваться «слугами его величества короля». Другие постоянные труппы — труппа адмирала и графа Вустера — перешли под покровительство менее выдающихся членов королевской фамилии, они стали «слугами принца Генри» и «слугами королевы Анны».

Упоминание имени Лоуренса Флетчера первым среди имен, перечисленных в патенте, требует разъяснения, так как в этом документе он впервые упомянут в качестве члена труппы Шекспира. Флетчер играл перед Джеймсом в Шотландии и считался «комедиантом его величества». Поскольку Флетчер не упомянут среди «главных актеров», имена которых включены в первое фолио, он, очевидно, недолго оставался членом труппы. В своем завещании один из «слуг его величества», Огастин Филиппс, упоми-

нает своего собрата Флетчера, который был похоронен в Саутурке в 1608 г.

Ни одна из трупп не давала представлений, когда Джеймс вступил в столицу, так как Лондон вновь был охвачен чумой. Эпидемия была настолько сильна, что публику не допустили на церемонию коронации Джеймса в июле 1603 г., и королевское шествие через Лондон было отменено. Воздвигнутые по этому случаю триумфальные арки были разобраны и поставлены вновь, когда церемония вступления в город была с опозданием проведена 15 мая 1604 г.² По случаю церемонии каждому актеру короля, перечисленному в патенте, было выдано, подобно камердинерам и, следовательно, королевским придворным, по четыре метра ярко-красного сукна на ливрею. Выдачу ткани хранитель королевского гардероба сэр Джордж Хоум отметил в своих записях. Здесь фамилия Шекспира, стоявшая в патенте на втором месте, открывает список актеров. В подобных случаях корона щедро распределяла красное сукно. Однако не все получившие его принимали участие в торжественной процессии, которая, начавшись у Тауэра, двигалась под звуки музыки, песен и речей, мимо живых картин и сквозь триумфальные арки к Уайтхоллу. В шествии участвовали в основном вельможи, придворные и государственные чиновники, построенные герольдами по рангам. Актеры вовсе не упоминаются в подробных описаниях торжеств коронации короля Джеймса, хотя некоторые из этих описаний составлены людьми театра³.

Однако на следующее лето актеры присутствовали при важном дипломатическом событии. В августе они на восемнадцать дней были приставлены к новому испанскому посланнику и его свите во дворце королевы Сомерсет-Хаус, который Джеймс предоставил в распоряжение посланника. В записи об уплате актерам 21 фунта 12 шиллингов, содержащейся в счетах казначея королевской палаты, названы лишь Огастин Филиппс и Джон Хеминг, однако Шекспир в качестве старшего члена труппы, должно быть, являлся одним из «десяти сотоварищей», которые также получили вознаграждение. Англия не поддерживала дипломатических отношений с Испанией со времен гибели Великой армады в 1588 г. Теперь, когда стало готовиться заключение мирного договора, высокопоставленному эмисса-

ру Мадрида дону Хуану Фернандесу де Веласко начали оказывать почести, подобающие его титулам констебля Кастилии и легиона, герцога города Фриас, графа Хоро, губернатора городов Виллапано и Педрака-де-ла-Сьерра, главы дома Веласко и опекуна семи инфантов Лары, великого камергера короля Испании Филиппа III, государственного и военного советника и наместника Италии⁴.

Ни одна труппа не играла перед Джеймсом чаще, чем его собственная. Согласно одному подсчету, в период между выдачей патента и годом смерти Шекспира «слуги его величества» играли перед королем 187 раз. За год, начиная с 1 ноября 1604 г. и кончая 31 октября 1605 г., в записях распорядителя дворцовых увеселений сэра Эдмунда Тилни перечислено одиннадцать представлений, данных актерами его величества. Представлений было бы двенадцать, но спектакль, назначенный на вечер 31 октября, был отменен. Из десяти показанных пьес семь принадлежали Шекспиру, все они в прошлом пользовались большим успехом: «Комедия ошибок», «Бесплодные усилия любви», «Виндзорские насмешницы» и другие. Однако король увидел и сравнительно новые пьесы — «Отелло» и, как уже говорилось, «Меру за меру». «Венецианского купца», впервые поставленного почти десять лет назад, он смотрел дважды*. Можно предположить, что сцена суда его особенно заинтересовала: в ней вновь речь шла о справедливости и милосердии. Поскольку в прошлом «слуги лорд-камергера» лишь изредка выступали перед старой королевой, вышеуказанное число представлений при дворе нового короля свидетельствует о новом статусе труппы. Дж. И. Бентли подтверждает такое заключение с помощью статистики: «За десять лет до того, как они стали королевской труппой, число их представлений при дворе, о которых нам извест-

* В записях книги распорядителя дворцовых увеселений писец перечислял на полях поэтов, сочинивших пьесы, однако его написание фамилии Шекспира — Шексберд (Shaxberd) — выглядит странно. Возможно, он только недавно прибыл из Шотландии и его написание отражает, как он произносил имя Шекспира. Писцом распорядителя увеселений тогда был Уильям Ховинг, однако, несмотря на усердие исследователей, пока еще не удалось установить, был ли он родом из Шотландии и он ли вообще сделал данную запись.

но, в среднем не превышало трех в течение года. На протяжении десяти лет после того, как актеры перешли на новую службу, они давали при дворе в среднем около тринадцати представлений в год — больше, чем все остальные лондонские труппы, вместе взятые»⁵.

Первое десятилетие XVII в. — период взлета в артистической судьбе «слуг его величества». Тогда впервые были поставлены (среди прочего) «Отелло», «Король Лир», «Макбет» и «Антоний и Клеопатра». Основным соперником Шекспира [Бен Джонсон] предоставил труппе «Вальпоне» и «Алхимика». «Король Лир», по представлениям нашего времени, пожалуй, наиболее значительная шекспировская трагедия была впервые сыграна, по-видимому, в начале 1605 г. в «Глобусе» с Бербедржем в главной роли и Армином в роли шута. 26 декабря 1606 г. трагедию сыграли перед королем Джеймсом в Уайтхолле — вот все, что нам известно из регистрационной записи в гильдии печатников и издателей и титульного листа первого квартто; в обоих случаях отмечено почетное положение, занимаемое автором. Такое признание было необычным явлением в ту пору, когда драматические публикации были сплошь и рядом анонимны. Шекспир также удостоился более двусмысленной чести называться автором приписанных ему пьес, и лишь благодаря тщательным исследованиям удалось доказать его непричастность к их написанию. Более ранние издания апокрифических пьес — «Локрип» в 1595 г., «Томас лорд Кромвель» в 1602 г. — подписаны лишь инициалами «У. Ш.», однако автором «Лондонского мота» (1605) и «Йоркширской трагедии» (1608) без всякого стеснения был назван Шекспир. «Слуга его величества» Уильям Шекспир в эту пору находится на вершине своей славы и в расцвете сил.

Предание на свой лад утверждает славу поэта. Источником предания вновь является Давенант. В объявлении об анонимном издании «Собрания стихотворений... Уильяма Шекспира», которое было напечатано около 1709 г. для книготорговца Бернарда Линтота, говорится: «Наиболее образованный государь и великий покровитель наук король Джеймс I соизволил собственной рукой начертать одобрительное письмо г-ну Шекспиру; оное письмо, хотя и потерянное ныне, долгое время оставалось в руках сэра Уилья-

ма Давенанта, что может подтвердить одно заслуживающее доверия и ныне здравствующее лицо»⁶. В своих заметках Олдис отождествляет это «заслуживающее доверия лицо» с Джоном Шеффилдом, герцогом Букингемским (1648—1721), и сообщает, что Букингем получил это письмо от самого Давенанта⁷. Жаль, что последний так и не опубликовал это «одобрительное письмо», ибо с тех пор никому больше не удалось найти его.

Весной 1605 г. умер Огастин Филиппс. Он работал вместе с Шекспиром более десяти лет со времени образования труппы лорд-камергера после великой чумы 1592—1594 гг. Подобно Шекспиру и небольшой группе других актеров, Филиппс был одним из первоначальных пайщиков труппы. Он и Шекспир играли вместе во «Всяк в своем нраве» и в «Сеяне» Джонсона. Филиппс также был занят и в шекспировских пьесах; на каких ролях, мы не знаем, однако его имя упомянуто на четвертом месте в первом фоллио в списке «главных актеров, игравших во всех этих пьесах». В эти деятельные годы Филиппс со своей семьей — женой Энн и четырьмя дочерьми (сын Огастин умер в юности) — жил поблизости от района, где был расположен Банксайдский театр, в Хорзшу-Корт в приходе Спасителя в Саутуорке, но незадолго перед тем, как он составил свое завещание в мае 1605 г., семья переехала в только что купленный дом в Мортлейке в графстве Сарри. В своем завещании, заверенном 13 мая, он упомянул своих товарищей по королевской труппе. Наемным актерам труппы Филиппс оставил 5 фунтов, с тем чтобы они поровну разделили их между собой. Его последний ученик Сэмюэль Гилборн унаследовал (среди прочего) пурпурную мантию Филиппса и бархатные рейтузы мышинового цвета. В его завещании фамилия Шекспира открывает список актеров короля: «Сим я отдаю и завещаю моему сотоварищу Уильяму Шекспиру золотую монету достоинством в 30 шиллингов». Только еще один его коллега (Кондел) удостоился столь же большого личного подарка. Это говорит о добросердечных отношениях между Шекспиром и одним из главных участников актерского товарищества.

Как правило, гениальные писатели не славятся дружелюбием. «Приятных людей хоть пруд пруди, — утешает себя Джордж Микеш, — великие же писатели — редкость»;

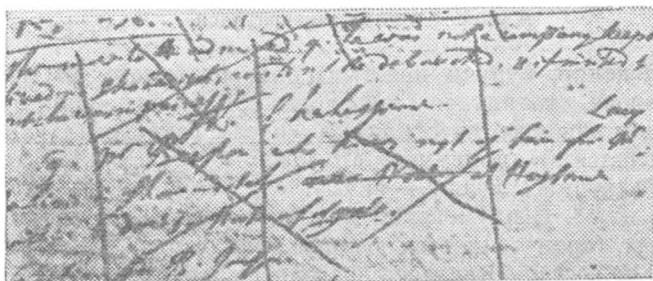
и все же в ту эпоху, когда в ходу была язвительная сатира, почти все были хорошего мнения о Шекспире. Только Грин, умиравший при обстоятельствах, лишивших его сердце великодушия, отозвался о нем резко, но сразу вслед за ним Четл сообщил, что различные достойные люди хвалят Шекспира за прямоту в делах. Некто «Эн. Ск.» (Энтони Сколокер?) в своем предисловии к «Дайфанту, или любовным страстям» упоминает «трагедии дружелюбного Шекспира». Не были ли эти двое, судя по этой фразе, знакомы друг с другом? Если бы не эта ссылка, Сколокер — если это он — был бы совершенно неизвестен. Джон Дэвис из Хирффорда в своем «Биче глупости» называет Шекспира «добрым Уиллом»; в «Микрокосме» Дэвис признается, что любит актеров и видит в «У. Ш.» человека, достоинства характера которого возвышают его над его низким ремеслом:

Для знати сцена век была пятном,
Ты ж благороден сердцем и умом⁶.

Некий поэт и второстепенный драматург, писавший для соперничавшей труппы, называет Шекспира «горячо любимым соседом»⁹. В ту эпоху мнения современников воплощались в одном-единственном эпитете, который закреплялся за именем человека. Джонсон, стремившийся к тому, чтобы его запомнили как «честного Бена», стал известен как «несравненный Бен Джонсон», а эпитет «честный» достался неприятельному Тому Хейвуду. Человек предполагает, а потомки располагают. Шекспир запечатлелся в памяти человечества как «благородный Уилл». Трудно вообразить более подходящий эпитет для человека с врожденным благородством, хотя и незнатного происхождения.

Различные свидетельства мелкой рыбешки, шнырявшей в потоке литературной и театральной жизни елизаветинского времени, находят себе подтверждение в предании. Обри, связанный с носителем живого предания в лице актера Бистона, особенно восхищался тем, что Шекспир «не заводил себе компанию» в Шордиче — «не любил пьянства» — и отказывался от приглашений («...и если его звали, он писал, что ему нездоровится»). Так кратко пишет Обри в своих отрывочных и беспорядочных заметках. Нельзя даже сказать с абсолютной уверенностью, что эти заметки

касаются именно Шекспира, а не того, с кем беседовал Обри, то есть Уильяма Бистона,— его рукопись совершенно запутана в этом месте, однако наиболее серьезные исследователи, включая Чемберса, считают, что речь здесь идет о Шекспире. В своей относительно упорядоченной

Отрывок из рукописи Обри, 1681 г.

«Краткой биографии Шекспира» Обри высказывается о нем более положительно: «Он был красивым, хорошо сложенным мужчиной, очень приятным в общении и отличался находчивостью и приятным остроумием»¹⁰. В следующем столетии Роу вновь резюмировал смысл этого предания: «Обладая превосходным умом, он отличался добродушием, мягкими манерами и был весьма приятен в обществе. Поэтому неудивительно, что, обладая столь многими достоинствами, он общался с самыми лучшими собеседниками своего времени». Так было в Лондоне. В Стратфорде же благодаря «его приятному уму и доброму нраву он свел знакомство с окрестными джентльменами и завоевал их дружбу»¹¹.

Никогда, пожалуй, добродушие Шекспира не подвергалось более строгому испытанию, чем в его сложных и двойственных взаимоотношениях с Джонсоном; отношение к нему Джонсона по крайней мере было двойственным¹². В преданиях настойчиво утверждается соперничество этих двух мастеров. В XVII в. основанные на слухах рассказы попали в записи сэра Николаса Лестренджа, Николаса Бэрга и Томаса Плума. Во всех этих рассказах (за исклю-

чением одного) находчивый Уилл берет верх над тугодумом Беном. Во время одной веселой встречи в таверне Джонсон, написав первую строку своей собственной эпитафии («Здесь Джонсон Бен лежит, он был»), передал перо Шекспиру, и тот закончил ее:

Живой он обычно ленился,
А умер — в ничто превратился.

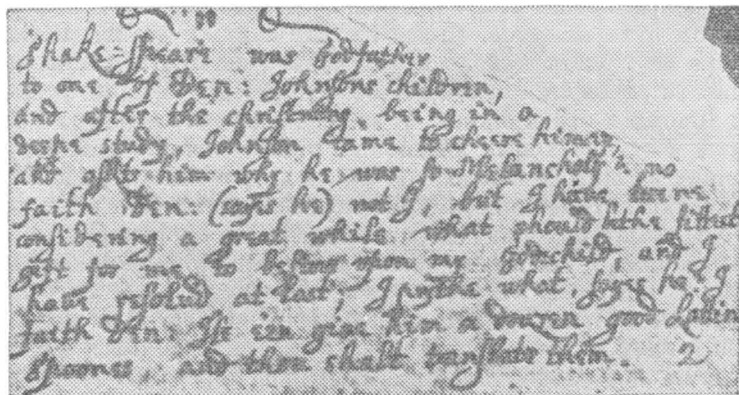
Шекспир, будучи крестным отцом одного из детей Джонсона, столкнулся с необходимостью подумать о подобающем подарке крестнику и «после глубокомысленных размышлений» придумал. «Я подарю ему дюжину хороших латунных ложек, — сказал он Бену, — а ты переведешь их» *. В плумовском варианте рассказа о латунных ложках герои меняются ролями, так что за Шекспиром вовсе не всегда оставалось последнее слово.

Это соперничество памятей всего отразилось в знаменитом отрывке из краткой биографии Шекспира, написанной Томасом Фуллером для его книги «История знаменитостей Англии»:

Много раз происходили поединки в остроумии между ним [Шекспиром] и Беном Джонсоном; как мне представляется, один был подобен большому испанскому галеону, а другой — английскому военному кораблю; Джонсон походил на первый, превосходя объемом своей учености, но был вместе с тем громоздким и неповоротливым на ходу. Шекспир же, подобно английскому военному кораблю, был поменьше размером, зато более легок в маневрировании, не зависел от прилива и отлива, умел принаравливаться и использовать любой ветер, — иначе говоря, был остроумен и находчив. Он умер от рождества Христова в 16.. году и похоронен в Стратфорде-на-Эйвоне, городе, где родился¹³.

* Шутка основана на созвучии слов «latin» (латынь) и «latten» («латунь»). Обыгрывается в ней и ученость Джонсона, в частности его знание древних языков. — *Прим. перев.*

«Как мне представляется», — пишет Фуллер. Картина, изображенная им, стоит перед его мысленным взором. Это плод художественного воображения, а не реминисценция, основанная на полученном сообщении. В остальном фуллеровская краткая биография, начисто лишенная конкретных фактов, лишь подтверждает такое впечатление. Иско-

Факсимиле рукописи Лестренджа с историей о Шекспире и Джонсоне, 1629—1655 гг.

лесив провинцию в поисках материала для своих «знаменитостей Англии», он даже не удосужился узнать дату смерти Шекспира и оставил для нее жалкий пробел. Между тем эту дату легко увидеть на памятнике в стратфордской церкви.

Эти рассказы, как бы сомнительны они ни были, предполагают добродушное соперничество между двумя противостоящими друг другу гигантами (красивым и хорошо сложенным Шекспиром и дородным Джонсоном с его огромным животом). Они задумывали и создавали свои произведения, исходя из взаимоисключающих принципов. Предание о недоброжелательности Джонсона основано на порицаниях, то и дело встречающихся в его писаниях. В своем прологе ко второму варианту «Всяк в своем нраве» он саркастически высказывается о некоем современ-

ном драматурге, столь равнодушном к неоклассическим единствам, что у него на протяжении пьесы грудной ребенок превращается в бородатого шестидесятилетнего старца, а война между Алой и Белой розами ведется всего несколькими ржавыми мечами, и хор легко переносит публику за моря. В предисловии к «Варфоломеевской ярмарке» он смеется над теми, «кто плодит сказки, бури и тому подобные чудачества». Нетрудно догадаться, кто был объектом этих выпадов. И все же ближайшие друзья Шекспира из труппы короля пригласили именно Джонсона написать основной панегирик Шекспиру для первого фоллио, и Джонсон откликнулся на это приглашение одним из самых восхитительных хвалебных стихотворений, существующих на английском языке. Однако, не связанный панегирическими обязанностями, в своих записных книжках, которые были опубликованы уже после его смерти, Джонсон вспоминал с любовью — хоть и не без критики — своего друга, которого, вероятно, уже более десяти лет не было в живых. Похвала Бена только приобретала, а не теряла свою силу от упрямых оговорок, продиктованных убеждениями художника и касавшихся шекспировской легкости письма. В конце концов следующие замечания Джонсона относятся к мастерству, а не к мастеру.

Помню, актеры часто упоминали как о чем-то делающем честь Шекспиру, что в своих писаниях (что бы он ни сочинял) он никогда не вымарал ни строчки. На это я ответил, что лучше бы он вымарал тысячу строк; они сочли мои слова недоброжелательными. Я бы не стал сообщать об этом потомству, если бы не невежество тех, кто избрал для похвал своему другу то, что является его наибольшим недостатком, и в оправдание своего осуждения скажу, что я любил этого человека и чту его память (хотя и не дохожу до идолопоклонства) не меньше, чем кто-либо иной. Он действительно был по природе честным, откровенным и независимым; он обладал превосходным воображением, прекрасными понятиями и благородством выражений, которые изливал с такой легкостью, что порой его необходимо было останавливать: *Sufflaminandus erat* [его надо сдер-

живать. — *Лат.*], как говорил Август о Катерии. Его ум подчинялся его воле, вот если бы он мог управлять и им. Много раз он неизбежно попадал в смешные положения, как в том случае, когда к нему, исполнявшему роль Цезаря, один персонаж обратился со словами: «Цезарь, ты несправедлив ко мне», а тот ответил: «Цезарь бывает несправедлив, лишь имея к тому справедливую причину» и в других подобных смешных случаях*. Но его добродетели искупают его пороки. В нем было больше черт, достойных хвалы, чем заслуживающих прощения¹⁴.

«Он действительно был честным...» В устах Джонсона это высшая похвала.

Романтическая легенда сводит Джонсона и Шекспира с Рэли, Донном, Бомонтом и другими талантливыми и гениальными людьми в таверне «Сирена» на Бред-стрит, где рекой лились дорогая канарская мадера и речи, полные живости и тонкого остроумия. Предание столь прочно утвердилось в литературном фольклоре, что обезоруживает исследователя, однако, если он сам не слишком большой любитель пиршеств, он не может не заметить, что эти сборища в «Сирене» были запоздалым измышлением, игрой воображения биографов XIX в. (Рэли находился в заключении в Тауэре с 1603 г. и был освобожден уже после смерти Шекспира¹⁵). Однако Шекспир действительно знал эту таверну и ее радушного хозяина Уильяма Джонсона, вино-торговца, у которого в 1613 г. были неприятности с законом из-за того, что он позволил своим посетителям съесть по кусочку мяса в постный день, когда разрешалось есть только рыбу. Уильям Джонсон принимал участие в качестве доверенного лица Шекспира в заключении его последней имущественной сделки¹⁶.

* Этой реплики нет в тексте «Юлия Цезаря», вместо приведенных слов сказано: «Знай, Цезарь справедлив и без причины // Решенья не изменит» (Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 5, с. 265). Вероятно, Шекспир или актеры изменили эту реплику в ответ на замечания Джонсона и убрали из текста то, что может показаться иным не нелепостью, а раскрывающим смысл парадоксом. Пьеса была впервые напечатана в фоллио 1623 г., очевидно, по тексту сифферского экземпляра.

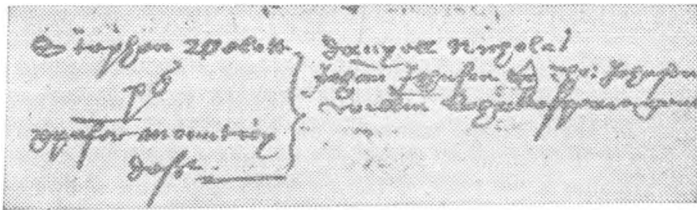
Некоторое время наш поэт проживал неподалеку от Бред-стрит к востоку от собора св. Павла.

В какой-то период, начиная то ли до, то ли после 1604 г. «г-н Шекспир... квартировал в доме» французского гугенота Кристофера Маунтджоя, изготовлявшего богато украшенные женские парики, в районе Криплгейт в северо-западном углу, образуемом городскими стенами. Возможно, Шекспир услышал о Маунтджое от своих друзей Филдов. Жаклин Филд могла познакомиться с мадам Маунтджой во французской церкви в Лондоне. Кроме того, с 1600 г. Филды жили на Вуд-стрит, неподалеку от дома Маунтджоев. Этот дом представлял собой основательное строение с лавкой в нижнем этаже и жилыми комнатами наверху и был расположен на северо-восточном углу улиц Монксуэлл (Маггл) и Сильвер-стрит. На карте, составленной около 1550 г., в принятой тогда манере изображен дом с двумя шпилями и карнизами, выступающими над фасадом лавки.

На противоположном углу улицы стоял «большой дом, построенный из камня и деревянных балок», называемый теперь «домом лорда Виндзора», а в прежние времена принадлежавший семейству Нэвел¹⁷. На Сильвер-стрит [Серебряной улице], названной так потому, что там обитали серебряных дел мастера, были «разные красивые дома». Чуть ниже по дороге стояла приходская церковь св. Олива, «небольшая церквушка без единого заслуживающего внимания памятника». В этом районе находились помещения нескольких городских ремесленных гильдий — брадобреев-хирургов, галантерейщиков и (чуть дальше) торговцев свечами. Кроме того, здесь были их богадельни, обеспечивающие кров и скудное вспомоществование одряхлевшим членам гильдий. Шекспиру ничего не стоило добраться пешком до своих друзей Хеминга и Кондела, проживавших в соседнем приходе пресвятой девы Марии в Алдэрмэнбери, где эти актеры-пайщики были столпами местной религиозной общины: Кондел был церковным старостой, а Хеминг — его помощником. Если мещанская респектабельность надоедала нашему драматургу, он мог спуститься по Вуд-стрит или Фостер-Лейн к паперти собора св. Павла, где на прилавках книготорговцев выставляли новейшие книги и где он мог послушать в среднем нефе собора

«странный шум или гул — смесь речей и шагов проходящих», — этот «тихий рев или громкий шепот человечества».

Кристофер Маунтджой преуспевал в изготовлении женских париков для благородных дам (сама королева однажды была его клиенткой), украшенных золотом, серебром и драгоценными камнями. Сильвер-стрит была центром торговли париками. «Все ее зубы сделаны в Блэкфрайарзе, — замечает в «Эписине» Джонсона капитан Оттер, — обе брови — в Стрэнде, а волосы — на Сильвер-стрит». Мадам Маунтджой, как и подобало супруге из елизаветин-

Дело «Белотт-Маунтджоя»: Шекспир вызывается свидетелем, 1612 г.

ских комедий о горожанах, была в тайной любовной связи с неким Генри Вудом, торговавшим шелками, бархатом и сукном на улице Свон-Элли, неподалеку (вдоль по Коулмен-стрит) от Сильвер-стрит. Мы знаем об этом романе, так как мадам Маунтджой, забеременев, консультировалась с доктором-магом Саймоном Форманом. Заметка в фформановском журнале для записей звучит довольно загадочно: «Мэри Маунтджой скрывает». Вот сюжет для продолжения «Виндзорских насмешниц».

Тревога насчет беременности оказалась ложной, мадам Маунтджой и господин Вуд не завели, как они одно время подумывали, общую лавку, и брачный союз четы Маунтджой остался прочным¹⁸. У них была единственная дочь Мэри. Она помогала им в лавке вместе с подмастерьями. В марте 1598 г. Маунтджой навестил Формана, чтобы маг сообщил ему, пригодны ли к делу его подмастерья, и мудрый маг записал их имена, исказив их на французский лад: Ги Астур и Уфранк де ла Коль. Был еще третий под-

ручный, Стивен Белотт, сын вдовы-француженки, чей второй муж, Хамфри Фладд, известный как «один из королевских трубачей», определил Стивена к Маунтджою. После того как кончился срок его ученичества, Стивен отправился повидать мир, но вскоре вернулся на Сильвер-стрит, где ему положили постоянное жалованье. Шекспир, проживавший тогда в этом доме, был втянут в семейную драму, участниками которой были чета Маунтджой и их бывший подмастерье. Мы знаем об этом, поскольку через восемь лет, на исходе весны 1612 г., поэт приехал из Стратфорда в Лондон, чтобы участвовать в качестве свидетеля на процессе «Белотт против Маунтджоя» в Суде по ходатайствам.

В его показаниях изложена история сватовства и последующие события. Холостяк Белотт был подходящей партией. По общему мнению, он вел себя безупречно на службе у Маунтджоя. Шекспир показал, что Стивен «вел себя хорошо и честно», а также «был хорошим и прилежным работником у своего хозяина», хотя Маунтджой (как слышал Шекспир) не утверждал, «что он получал большую выгоду и доход от услуг вышеназванного истца». Однако Маунтджой «относился... с большим расположением и доброжелательством» к молодому человеку. Мастер по изготовлению париков и его жена уже видели, как их трудолюбивый подмастерье станет их зятем, и поощряли «те знаки расположения, которые, по словам Джоан Джонсон, служившей в то время в доме, выказывали друг другу дочь ответчика Мэри и истец». Джоан продолжает: «И насколько она помнит, ответчик уговаривал и посылал г-на Шекспира, который проживал в их доме, склонить истца к оному браку». Услуги свата были необходимы, поскольку Белотт, будучи практичным человеком, заботился о более выгодных условиях брачного контракта. Дэниел Николас, друг дома, сообщил некоторые подробности:

Шекспир рассказал свидетелю [то есть Николасу], что ответчик [Маунтджой] говорил ему, что, если истец [Белотт] женится на его дочери Мэри, он даст ему, истцу, некоторую сумму денег за ней в качестве приданого. И что если он, истец, не женится

на ней, на названной Мэри, а она не выйдет замуж за истца, то он, ответчик, ее отец, не даст за ней и ломаного гроша; после чего и так как г-н Шекспир сказал им, что они получают от отца некоторую сумму денег, они, убежденные г-ном Шекспиром, согласились пожениться.

Бракосочетание состоялось 19 ноября 1604 г. в приходской церкви св. Олива на Сильвер-стрит. В записях не указано, присутствовал ли при этом Шекспир.

Осложнения начались сразу же после свадьбы. Вместо того чтобы остаться в мастерской на Сильвер-стрит, как ожидали Маунтджой, супруги основали соперничающее заведение со своим собственным подмастерьем. Белотт ожидал, что за Мэри дадут 60 фунтов приданого, а после смерти ее отца полагал получить 200 фунтов по завещанию. Старик же надул их, дав им всего 10 фунтов на личные их нужды и какой-то жалкий домашний скарб — подержанную мебель, старую перьевую подушку, потрепанное одеяло, грубые салфетки, ящик с катушками и две пары ножниц, к тому же маленьких. Когда мадам Маунтджой, убеждавшая мужа не скупиться, умерла в 1606 г., Белотты вновь переехали на Сильвер-стрит, чтобы вести хозяйство вдовца и участвовать в его деле. Однако начались споры из-за денег. Стивен и Мэри сложили свои пожитки и покинули дом, а Маунтджой пустился в разгул. Эти передраги длились несколько лет. Наконец, стали распространяться слухи о том, что Маунтджой намерен лишить свою дочь и ее мужа наследства, не оставив им ни гроша. Следствием этих слухов был иск.

Перед судом стояла задача определить, на каких финансовых условиях было заключено соглашение о браке. Белотт уговорил Николаса отправиться вместе с женой к Шекспиру и доподлинно установить, «сколько и что» обещал Маунтджой. И когда Шекспира спросили об этом, он [Шекспир] ответил, что он [Маунтджой] обещал, что в случае, если истец женится на Мэри, его единственной дочери, то он, ответчик, согласно своему обещанию, насколько он [Шекспир] помнит, даст истцу за своей дочерью в качестве приданого сумму около 50 фунтов деньгами и кое-какие пожитки. Такое свидетельство, разумеется, делалось с чу-

жих слов, к тому же весьма неопределенных. Только сам Шекспир мог внести ясность в этот вопрос, и, должно быть, обе стороны с надеждой или с опасением ожидали его показаний. Однако Шекспир давно уже забыл точные подробности, связанные с этим делом. Да и почему он должен был их помнить? Лично его все это не касалось. Маунтджой обещал Белотту какое-то приданое, и об этом много толковали, но каково было приданое и когда его следовало выплатить, Шекспир не мог сказать, так же как он не мог поручиться в том, что «ответчик обещал истцу и своей дочери Мэри 200 фунтов после своей смерти». Подобным же образом свидетель открыто признавал свое неведение относительно того, «какие инструменты и предметы домашнего обихода» ответчик дал истцу при заключении брака с его дочерью Мэри.

Слушание дела происходило 11 мая 1612 г. На 19 июня суд назначил второе слушание, и в деле записан ряд вопросов, которые собирались задать Шекспиру; однако он не давал повторных показаний. Давали их другие — Николас, Уильям Итон (в то время подмастерье в мастерской на Сильвер-стрит), брат Маунтджоя, Ноуэл, также изготовлявший женские парики. И хотя все они согласно подтвердили, что Шекспир действовал как честный посредник при заключении этого брака, никто из них не смог припомнить тех сумм, о которых шла речь. В конце концов суд направил дело на арбитраж «достопочтенным приходским попечителям и старейшинам французской церкви в Лондоне»; которые решили, что оба, и тесть и зять, никуда не годные люди — «*tous 2 père et gendre debauchés*», однако присудили Белотту 20 ноблей (6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса). Прошел год, а Маунтджой так и не заплатил эту сумму, хотя (согласно более поздним церковным записям) у него хватало средств продолжать беспутный образ жизни: «*za vie dereglée, et debordée*».

Из всех документов о Шекспире только дело Белотт — Маунтджой показывает, как он попал в обстановку, пригодную для создания бытовой комедии. В этом процессе, обнаружившем всю скарედность и своекорыстие его участников, гениальный поэт-драматург появляется перед нами в роли слегка озадаченного человека, простого смертного или (говоря словами ученого, открывшего эти документы)

как «обыкновенный человек среди обыкновенных людей»¹⁹. Один биограф даже вообразил себе, как Шекспир у собора св. Павла покупает французский разговорник и при помощи Мэри постепенно усваивает азы французской разговорной речи, что впоследствии ему так пригодится в сцене обучения принцессы Екатерины английскому языку²⁰. «Comment appelez-vous la main en Anglais?» — «La main? Elle est appelée de hand». «Как говорится по-английски — рука?» — «Рука? Она называется hand». Прелестная догадка, но, увы, Шекспир написал «Генри V», по-видимому, до того, как поселился у Маунтджоя.

Между тем в жизни труппы происходили важные события. В августе 1608 г. «слуги его величества» снова взяли в свои руки театр Блэкфрайарз. В качестве одного из главных пайщиков Шекспир имел голос при решении этого серьезного вопроса. Блэкфрайарз, как мы помним, был заброшенным монастырем, который в 1596 г. Джеймс Бербедж избрал для создания нового театра, но был вынужден отказаться от проекта, хотя и вложил большие деньги в восстановление помещения. Его сыновья сдали здание в аренду нотариусу из Уэльса Генри Эвансу, ставшему антрепренером нескольких детских трупп. Эванс давал в Блэкфрайарзе представления, в которых играли мальчишки-актеры, эти «маленькие соколята», упомянутые Гамлетом. У этого театра была бурная история. Мальчишки из Блэкфрайарза не раз вызывали неудовольствие властей, и, наконец, поставленная ими в 1608 г. пьеса Чапмена «Заговор и трагедия Шарля, герцога Бирона» настолько возмутила французского посланника, что король запретил им играть. Тогда Эванс вернул аренду Ричарду Бербеджу. Театры так или иначе были закрыты из-за чумы. Однако к концу осени 1609 г. «слуги его величества», по-видимому, начали работать в новом помещении, расположенном в самом центре Лондона, примерно в 250 метрах к юго-западу от собора св. Павла.

По сравнению с «Глобусом» это был небольшой театр. Прямоугольный зрительный зал (Джеймс Бербедж переделал под него помещение верхней монастырской трапезной) занимал площадь 14×20 метров. В одном конце зала находилось закулисное помещение, сделанное во всю его ширину; над ним на втором этаже были устроены три

ложи, служившие помещением для музыкантов, для самых знатных посетителей и (если требовалось) для исполнения сцен, проходивших наверху. Свечи на люстрах «освещали сцену». Помещение вмещало примерно 700 зрителей; это было немного по сравнению с 2,5—3 тысячами в Банксайде. Вся публика — в партере, на галереях и в ложах — сидела, и за это зрители платили при входе минимум 6 пенсов, в шесть раз дороже по сравнению с самой дешевой входной платой в «Глобусе». В театре Блэкфрайарз в спокойной обстановке освещенного зала «слуги его величества» старались угодить изощренному вкусу придворных, их присных, людей свободной профессии и интеллигентов, а не той разнородной массе, которая посещала «Глобус» и (что можно сказать в ее пользу) вовсе не находила, что «Гамлет» и «Король Лир» выше ее понимания²¹.

Историки театра считают, что переезд в новое помещение глубоко повлиял на драматургию последних пьес Шекспира: с этого времени, как полагает профессор Бенгли, Шекспир писал, «имея в виду Блэкфрайарз, а не «Глобус»²². Интимная обстановка театра, без шумной толпы, стоявшей прямо на земле, располагала к созданию интимных сцен, в которых должно было теперь господствовать настроение, а не страсть. Так это выглядит в теории. Можно сказать, что вторая сцена второго акта «Цимбелина» подтверждает это. Якимо вылезает из сундука в спальне Имогены, освещенной единственной мерцающей свечой. Он запоминает подробности обстановки: окно, убранство постели, раскрашенные холсты-гобелены и более конкретно — черты спящей женщины с родинкой на левой груди. Затем он снимает с ее руки браслет и тихо прячется в сундук, закрывая крышку над головой. Такую сцену легче вообразить в закрытом, освещенном свечами помещении театра Блэкфрайарз, чем под открытым небом в огромном «Глобусе».

Хотя это предположение весьма привлекательно, однако неясно, для какой именно сцены были написаны «Цимбелин», «Зимняя сказка» и «Буря». Мы знаем, что «Генри VIII» был поставлен в «Глобусе» в качестве «новой» пьесы. Поскольку «слуги его величества» не покинули своего театра в Банксайде после 1609 г., Блэкфрайарз служил зимним помещением; с наступлением весны актеры

вновь играли в «Глобусе». В нем 20 апреля 1611 г. Саймон Форман видел «Макбета» и 15 мая — «Зимнюю сказку». Он попал также на представление «Цимбелина», и, хотя он не назвал ни даты посещения, ни театра, все же можно предположить, что имеется в виду «Глобус». В своей «Книге пьес»²³ этот астролог оставил потомкам уникальный рассказ об этих постановках*. В плутовских шутках Автолика он нашел полезное поучение: «Опасайся доверчивых притворщиков-нищих и льстецов». Сцена в спальне из «Цимбелина» произвела на него иное впечатление. «Запомнилось,— пишет Форман,— как самой глухой ночной порою, когда она спит, он открывает сундук, выходит из него и видит ее лежащей в постели, разглядывая родинки на ее теле, и уносит ее браслет...»

Где бы ни играли «слуги его величества» — в больших или малых помещениях постоянных театров, таких, как Блэкфрайарз или «Глобус», на временных сценах при дворе или во время провинциального турне, — они приспособляли пьесы своего репертуара к изменяющимся условиям, в которых давались представления. Такова была сказочно податливая гибкость елизаветинской драматургии. Переезд в Блэкфрайарз следует рассматривать скорее в плане социальном и экономическом, но, конечно, он имел и эстетическое значение. Чужая, откуда дует ветер, труппа стала отдавать предпочтение двору, а не городу. Конечно, актеры не могли предвидеть, что трещины, уже возникшие в обществе, в конце концов расширятся так, что ввергнут народ в гражданскую войну, которая положит конец всякой театральной деятельности, кроме осуществляемой тайком. Им было далеко до таких пророчеств. Переезд был связан с риском, но он хорошо окупился. «Слуги его величества» знали, как угодить новой, более избранной по своему социальному составу публике. И трагедия стала уступать место новому господствующему жанру — трагикомедии.

Для управления театром Блэкфрайарз 9 августа было

* Форман видел также постановку «Ричарда II» в «Глобусе» 30 апреля 1611 г., однако его описание не соответствует содержанию пьесы Шекспира и заставляет предположить, что «слуги короля» ставили другую вещь о том же царствовании.

создано товарищество из семи владельцев или «хозяев помещения»; в него вошли: Ричард и Катберт Бербеджи, Томас Эванс (о котором ничего не известно), Шекспир, Хеминг, Кондел и Слай. Каждый из членов товарищества внес свой вклад — 5 фунтов 14 шиллингов 4 пенса, чтобы покрыть годовую арендную плату в 40 фунтов. Не прошло и недели после образования этого товарищества, как умер Слай, так что пай Шекспира стал составлять $\frac{1}{6}$. Театр Блэкфрайарз оказался более прибыльным, чем «Глобус». Через двадцать лет после смерти Шекспира доля участия в театре Блэкфрайарз давала почти вдвое больше дохода, чем доля участия в «Глобусе». Восьмая доля во владении театром Блэкфрайарз давала 90 фунтов прибыли в год, в то время как одна шестнадцатая доля участия в «Глобусе» приносила 25 фунтов годового дохода²⁴.

В 1609 г. при необычных обстоятельствах была опубликована драма «Троил и Крессида». За шесть лет до этого пьеса была зарегистрирована в гильдии печатников и издателей «мастером Робертсом» с пометкой о задержании публикации до тех пор, пока Робертс «не будет иметь на то достаточных полномочий». Группа охраняла принадлежащие ей пьесы. Однако 28 января 1609 г. два других издателя — Ричард Бонион и Генри Уолли — внесли «Троила и Крессида» в реестр гильдии и выпустили ее в том же году, объявив на титульном листе, что пьеса «написана Уильямом Шекспиром» и играна «слугами его величества» в «Глобусе». Во втором издании пьесы, выпущенном в свет в том же году, упоминание о постановке было снято с титульного листа, зато добавлено недописанное предисловие, в котором содержатся некоторые интригующие утверждения:

Неизменный читатель, перед тобой новая пьеса, не затрепанная исполнением на сцене, не замызганная хлопками ладоней черни, зато с полными пригоршнями комизма... Пусть это послужит вам предостережением, что вы рискуете лишиться удовольствия и поучения, если откажетесь от этой пьесы только из-за того, что ее не замарало нечистое дыхание толпы, и, наоборот, благодарите судьбу за то, что она попала к вам в таком виде. Я надеюсь, вы

из числа тех, кто предпочитает молиться за других, оставивших им большое наследство, чем чтобы другие молились за них²⁵.

Пьеса могла быть «новой» только для читателей. Пренебрежительно насмехаясь над «оставившими большое наследство», автор, вероятно, имеет в виду членов шекспировской труппы. Не получили ли издатели рукопись из частных рук? И что это за упоминание о комедии, «не затрепанной исполнением на сцене», которую «не замарало нечистое дыхание толпы», прямо противоречащее тому, что утверждалось на титульном листе первого издания? Должны ли мы считать, что драма «Троил и Крессида» никогда не ставилась или что пьеса игралась только в частных домах? Скорее всего, правильное последнее. Одна из юридических школ могла быть подходящим местом для постановки этой полной рассуждений драмы. По этому поводу существуют интересные биографические предположения. «Так как пьеса предназначалась для публики особого рода, то это позволяет отвергнуть всякую мысль о том, что в ней отразился глубокий цинизм автора по отношению к своему времени; ее сатирический элемент можно по крайней мере отчасти объяснить характером публики, а также временем и местом постановки»²⁶. Такого рода предположения, сколь бы достоверными они ни выглядели, разумеется, являются лишь гадательными.

Какими бы спорными ни были проблемы, связанные с первым изданием «Троила и Крессиды», они кажутся незначительными рядом с теми проблемами, которые поставил перед шекспироведением Томас Торп, опубликовав в том же, 1609 г. формате ин-квартио «Сонеты». Некоторые, если не все эти стихотворения, распространялись в списках, начиная по крайней мере с 1598 г., когда Мезез упомянул о «сладчайших сонетах» Шекспира, «распространенных среди его близких друзей». Варианты двух сонетов (138-го и 144-го) появились в 1599 г. в «Страстном пилигриме», собрании коротких, в основном любовных стихотворений, напечатанных Уильямом Джаггардом, который в расчете на то, что это привлечет покупателей, приписал на титульном листе их авторство Шекспиру, хотя большинство произведений, включая хорошо известную песню «Ворчливая старость и юность», принадлежало другим ав-

торам. Через десять лет Торп выпустил свое издание «Сонетов».

Все свидетельства указывают на то, что эта публикация была осуществлена без разрешения автора, но с разрешения гильдии печатников и издателей. Многочисленные опечатки в ней говорят о том, что Шекспир, столько хлопотавший об исправности текста поэм «Венера и Адонис» и «Обещанная Лукреция», не принимал никакого участия в наблюдении за изданием наиболее важного собрания своей недраматической поэзии. Мало кто из добросовестных ученых допускает, что все сто пятьдесят четыре стихотворения этого цикла расположены в той последовательности, которую предполагал их создатель, и все же никто не преуспел в попытках убедительным образом их перегруппировать.

Но самые загадочные проблемы, связанные с этим изданием, ставит перед нами посвящение, которым снабдил книгу не сам автор, как это обычно принято, а издатель:

Тому, единственному.
кому, обязаны своим появлением.
нижеследующие сонеты.
г-ну W. H. всякого счастья.
и вечной жизни.
обещанной.
ему.
нашим бессмертным поэтом.
желает доброжелатель.
рискнувший издать их.
в свет.

Т. Т.

Более ста лет назад Ричард Грант Уайт писал: «Мистер Торп со своим посвящением подобен литературному сфинксу»²⁷. Он до сих пор так и не встретил своего Эдипа, хотя число доброжелателей, пытающихся разрешить загадку — или загадки — «Сонетов», не уменьшилось.

Интерес вызывает прежде всего тот, кому адресовано посвящение. Если г-н W. H. является «тем единственным, кому обязаны своим появлением нижеследующие сонеты» в том смысле, что он вдохновил автора на создание «Сонетов», то, устанавливая его личность, мы устанавливаем личность «светловолосого юноши», который, будучи предметом обожания, лести и упреков, является, если не счи-

тать лицо, от которого ведется речь, основным персонажем драмы. Может быть, это Генри Ризли, третий в роду граф Саутгемптон, чьи инициалы переставлены для того, чтобы ввести в заблуждение непосвященных? Это маловероятно. С другой стороны, не требуется никаких ухищрений для того, чтобы приписать эти инициалы Уильяму Герберту, третьему в роду графу Пембруку. Богатый и красивый, великодушный в роли покровителя («Наиболее великолепный и превосходный пэр, любивший ученых», — как говорил о нем Обри), он был чувствителен к женской красоте и не торопился связать себя браком. Кроме того, этот вельможа имеет отношение к Шекспиру еще и потому, что является одним из двух братьев, которым Хеминг и Кондел посвятили пьесы своего друга — эти «пустяки», которые их светлости ценили и относились с благосклонностью как к пьесам, так и к их автору, пока он был жив. В поддержку Герберта высказались выдающиеся ученые, включая Довера Уилсона и Эдмунда Чемберса. В последние годы, однако, его звезда закатилась. Он родился в 1580 г., и ему не по летам рано играть роль друга и влюбленного в «Сонетах», если не устанавливать для них более поздней даты, чем та, которую большинство находит вероятной*. Сомнительно также, чтобы подобострастный Торп дерзко обращался к знаменитому лорду с непочтительным «г-н».

Остальные кандидаты в большинстве своем сразу отпадают. Не ранее как в XVIII в. Тирвит выдвинул на эту роль У. Хьюза, и Мэлон поддержал эту кандидатуру. Они увидели ключ к разгадке проблемы в 20-м сонете: «A man in hue all hues in his controlling»** — и создали этого никогда не существовавшего Хьюза. Оскар Уайльд дал жизнь Хьюзу в своей возвышенной гомоэротической фантазии «Портрет мистера W. H.». Интересующиеся другими кандидатами, предложенными позднее, могут поразмыслить над шансами Уильяма Хэтклифа, «Распорядителя бесчинств» на рождественских празднествах 1587—1588 гг.

* Большинство исследователей считают, что первые сонеты были напечатаны в 1592 г., то есть тогда, когда Герберту было 12 лет. — *Прим. перев.*

** Дословно: человек, чьи краски (лица) превосходят краски других, т. е. тот, чья красота является наивысшей и самой совершенной. — *Прим. перев.*

в юридической школе «Грейз инн». Лесли Хотсон полагает, что этот выходец из Линкольншира, запутавшийся в постоянных долгах, приехал в Лондон в 1609 г. и здесь договорился с Торпом о публикации «Сонетов»²⁸. Однако претензии на роль адресата Хэтклифа не вызвали большого энтузиазма. Гипотеза Хотсона, возможно, даже менее привлекательна, чем предположение одного немца, сухого исследователя Д. Барнсторфа, утверждающего, что «Mr. W. H.» означает «сам мастер Уильям» (Master William Himself). Р. Роллинз, редактор «Сонетов» в издании *Variourum* прав, заявляя, что это еще не самое идиотское из высказанных предположений.

Другую школу основал еще Джордж Чалмерз, опубликовав в 1799 г. свою «Дополнительную апологию». Он считает, что слово «begetter» [«тот, кому обязаны появлением...»] означает «procurer» [«тот, кто доставил нам»] и что посвящение двусмысленно прославляет не вдохновителя автора «Сонетов», а непоэтичного посредника, который доставил Торпу экземпляр текста. Перед нами новые претенденты. Внимание Сидни Ли привлек издатель Уильям Холл, у которого те же инициалы и чье имя, написанное полностью, действительно смотрит на нас со страницы посвящения, стоит лишь убрать точку, стоящую после буквы Н: Mr. W. H. ALL. Другой претендент — шурин Шекспира Уильям Хетеуей, однако наиболее вероятным претендентом является сэр Уильям Харви, который в 1598 г. стал третьим мужем графини Саутгемптон. Когда она в 1607 г. умерла, сэр Уильям (гласит эта гипотеза) согласился опубликовать поэтическое завещание, которое его жена считала слишком интимным для того, чтобы предать его гласности при жизни. «Вечная жизнь. обещанная. нашим. бессмертным. поэтом» должна была воплотиться в потомках того, кому адресовано посвящение, ибо в 1608 г. Харви женился на юной Корделии Эннсли. Имеются случаи обращения к рыцарю как к г-ну; леди Саутгемптон сама пользовалась такой формой обращения в своих письмах. В то же время прочтение слова *begetter* как *procurer* по вполне понятным причинам кажется некоторым ученым натяжкой. Проблема остается нерешенной.

Действительно, все посвящение, в котором пунктуацию заменяют произвольно поставленные точки, настолько син-

тактически двусмысленно, что почти исключает всякую возможность единодушия исследователей. Одни усматривают в этих строках два предложения; другие видят в «г-не W. H.», а не в Торпе того, кто «желает». Все загадки «Сонетов» — датировка, посвящение, последовательность стихотворений, идентичность действующих лиц, — оставаясь неразрешимыми, одновременно вызывают желание найти им решение. Автору этой работы доставляет удовольствие тот факт, что он не может предложить никакой собственной теории по данному вопросу.

В 1612 г. Уильям Джаггард выпустил новое издание «Страстного пилигрима», дополненное двумя длинными стихотворениями из «Британской Трои» Томаса Хейвуда. Поскольку Джаггард не поставил об этом в известность Хейвуда и даже не поместил его фамилию на титульный лист, последний, естественно, оскорбился и дал выход своему неудовольствию в более раздраженном, нежели внятном послании издателю, которое было помещено в конце «Защиты актеров», также вышедшей в 1612 г.:

Точно так же я должен здесь непременно вставить заявление о вопиющем ущербе, причиненном мне этим изданием, в котором были напечатаны мои два послания — Париса к Елене и Елены к Парису — в сокращенном виде и под чужим именем, что может дать повод свету считать, что я решился украсть эти стихи у автора; и тогда он, чтобы утвердить свое авторство, опубликовал их теперь под своим именем. Я признаю, что мои строки недостойны покровительства того, под чьим именем издатель напечатал их, и этот автор, как мне известно, также весьма недоволен поступком Джаггарда (с которым он даже не знаком), решившегося столь дерзновенно воспользоваться его именем²⁹.

Очевидно, Шекспир, хотя и не публично, тоже выразил недовольство издателю, так как Джаггард изъясил этот титульный лист и заменил его новым, опустив имя Шекспира. Это издание сохранилось в одном экземпляре в Бодлевской библиотеке. Таким образом, два сонета, стихи Хейвуда и другие мелочи составляли теперь анонимный, но

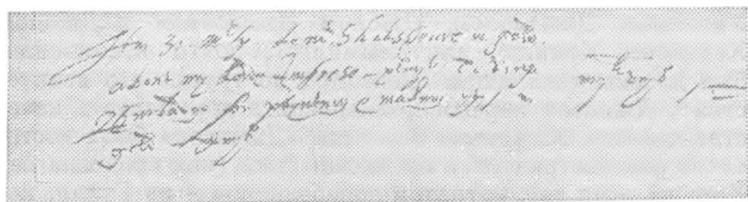
зато не подписанный чужим именем сборник. Смягчился ли после этого Хейвуд, неизвестно, но в этом вполне можно усомниться.

Ведущий драматург ведущей труппы не пренебрегал попытками заработать на пустяковых предприятиях, о которых сразу же забывали по их осуществлению. За вознаграждение Шекспир придумал эмблему, которую должен был носить Фрэнсис Маннэрс, шестой в роду граф Ретленд, во время рыцарского турнира при дворе 24 марта 1613 г. в ознаменование вступления короля на престол. Такие эмблемы представляли собой знак с аллегорическими или мифологическими изображениями и соответствующими девизами, выполненными на бумажных щитах. Эмблемы участников этого турнира вызвали недоумение по крайней мере у одного из зрителей — сэра Генри Уоттона, он пожаловался, что «девизы на некоторых эмблемах были слишком темны и смысл их трудно понять, конечно если идея не заключалась именно в том, чтобы сделать их непонятными»³⁰. Уоттон считал, что самые лучшие эмблемы в тот день были у братьев Гербертов. Как бы то ни было, 31 марта в резиденции Ретленда, замке Бивор Касл, управляющий Ретленда Томас Скревин зафиксировал выплату Шекспиру 44 шиллингов «золотом за эмблему для моего господина» и еще 44 шиллинга «Ричарду Бербеджу за то, что он нарисовал эмблему». Бербедж был талантливым художником-любителем. Его знаменитый портрет, возможно написанный им самим, выставлен теперь в Даллидж-Колледже. Упоминание его имени вместе с именем Шекспира устраняет всякие сомнения относительно того, что это именно наш поэт, а не какой-то другой Шекспир — например, Джон Шекспир из королевской челяди создавал эмблемы для графа*.

В том же месяце, в марте 1613 г., Шекспир сделал свое последнее капиталовложение. На этот раз дом, который он купил, находился в Лондоне, а не в Стратфорде, и, видимо, Шекспир никогда не жил в нем. Дом этот, расположенный в удобном для Шекспира районе Блэкфрайарз, так же как театр Блэкфрайарз, был когда-то частью огромного

* В бумагах Ретленда зафиксирована еще одна выплата денег Бербеджу за эмблему, выполненную 25 марта 1616 г.

комплекса монастыря доминиканцев. После того как монастырь был распущен, этот дом перешел во временное владение Джеймса Гардинера, а от него к Джону Фортескью; в 1604 г. это помещение было отдано на 25 лет в аренду галантерейщику Уильяму Айрленду. Он арендовал его у «Генри Уокера, лондонского гражданина и менестреля». Этот «жилой дом или арендуемое помещение», часть которого была построена над Большими воротами, стоял прямо напротив королевской ризницы, расположенной восточнее, и примыкал к улице, ведущей к верфи Падл, где Темза сужалась в узкий рукав. В западной части земля,

Запись об эмблеме графа Ретленда, 31 марта 1613 г.

где находился дом, включала участок, который вдова Энн Бэкон расширила в обе стороны; старая кирпичная стена ограждала дом с третьей стороны. Покупатель имел право свободно пользоваться воротами и двором, а также «всеми подвалами, мансардами [то есть верхними чердачными помещениями], комнатами, фонарями, удобствами, доходами, предметами и любым имуществом, могущим быть предметом наследования, принадлежащим названному дому или арендуемому помещению или так или иначе имеющим к нему отношение». Эти детали перечислены в документе о передаче имущества. Существуют два экземпляра этого документа: один предназначался Шекспиру, другой — Уокеру. Передача собственности состоялась 10 марта. За надвратный дом в Блэкфрайарзе Шекспир заплатил 140 фунтов, из них 80 фунтов наличными. Теперь у него был дом в нескольких сотнях метров от театра Блэкфрайарз, а у верфи Падл в нескольких шагах вниз по дороге швартовались лодки, которые могли быстро перевезти его

в Банксайд. Но это соседство едва ли имело большое значение, поскольку, вероятнее всего, драматург удалился на покой в стратфордский дом Нью-Плейс; в упомянутом документе он называет себя жителем Стратфорда. Покупая этот надвратный дом, он просто следовал примеру своего друга Бербеджа, который приобрел в этом районе несколько участков земли. Очевидно, для него это было именно помещением капитала — бесхитростным и простым.

Впрочем, возможно, в некоторых отношениях и не столь уж простым.

Согласно юридическому документу, подтверждающему право собственности, Шекспир покупал дом вместе с Уильямом Джонсоном, Джоном Джексоном и Джоном Хемингом. Хеминг (или Хеммингс), почти несомненно, был давним товарищем Шекспира по труппе его величества *. Джонсон первым поименован в документе в качестве хозяина «Сирены». Фамилия «Джексон» была достаточно распространена, а он, может быть (как предполагает Хотсон), был тем магнатом-корабельщиком из Гулля, который любил бывать в компании «знатных умов» в таверне «Сирена» и был женат на свояченице пивовара Илайеса Джеймса, жившего у подножия Падл-Док-Хилл ³¹. Несмотря на то что эти лица поименованы в акте передачи имущества как участники сделки, Шекспир, очевидно, был единоличным покупателем. Он выплачивал стоимость покупки, остальные просто выступали в роли доверенных лиц, представлявших его интересы. Через день после заключения сделки Шекспир заложил надвратный дом тому же Уокеру за недостающие 60 фунтов. Срок выплаты по закладной истекал 29 сентября следующего года. Согласно особым условиям закладной, если покупатель не мог выкупить ее, продавец вновь вступал во владение своим имуществом, «начиная с праздника благовещения благословенной девы Марии» в следующем году сроком на сто лет с выплатой арендной платы в виде «одного перечного зерна на пашу ежегодно».

* Некоторые биографы без достаточных к тому оснований оспаривают это, например Дж. О. Холиуэл-Филлипс (Halliwell-Phillipps J. O., *Outlines of the Life of Shakespeare* (7-th ed., 1887, i 239).

Такие сложные условия договора, для заключения которого потребовались доверенные лица и заклад, отличают покупку дома в Блэкфрайарзе от других помещений капитала, сделанных Шекспиром. Заклад дома легко объяснить как временную меру, позволявшую покупателю в течение некоторого времени собрать остаток стоимости дома. Но зачем понадобилось участие доверенных лиц? Практический смысл его заключался в том, чтобы лишить вдову Шекспира предполагаемого вдовьего права на пожизненное владение третьей частью этого имущества: ибо в случае «неразделенного совладения» собственностью несколькими лицами канцелярский суд не признал бы права Энн в том случае, если ее муж не переживет остальных формальных покупателей³². Некоторые биографы видят здесь косвенное отражение семейных неурядиц. Сидни Ли замечает: «Эта процедура достаточно убедительно доказывает, что он намеревался лишить ее [свою жену] возможности воспользоваться его имуществом после ее смерти»³³. Однако рассуждать так — значит по меньшей мере выдавать часть за целое, хотя (как мы увидим) толкование это спорно. Шекспир, насколько нам известно, не лишил Энн возможности воспользоваться другим его имуществом. В своем завещании он руководствуется скорее другими соображениями, чем мыслью о праве вдовы на вдовью долю. В действительности мы не знаем, зачем он заручился поддержкой Хеминга, Джонсона и Джексона в качестве доверенных лиц.

Заслуживают внимания несколько последующих событий, связанных с этим надвратным домом. Шекспир отдал его внаем Джону Робинсону. Весной 1615 г., вскоре после того, как «Энн Бэкон недавно скончалась», Шекспир вместе с несколькими другими владельцами собственности в Блэкфрайарзе подписался под ходатайством в канцелярский суд о предоставлении сыну и душеприказчику вдовы Матиасу Бэкону права на выдачу «письменных разрешений и других документов», имеющих отношение к названным «жилым домам с постройками, арендуемыми помещениями и недвижимостью» (эти документы датированы в деле 26 апреля (иск), 5 мая (ответ) и 22 мая (решение)). Участие Шекспира в этом деле было простой дружеской услугой. Через два года после смерти поэта его до-

веренные лица передали право на надвратный дом Джону Грину из Клементс-Инн и Мэтью Моррису из Стратфорда «во исполнение условий опеки и обязанностей, возложенных на них покойным Уильямом Шекспиром, проживающим в вышепоименованном Стратфорде, джентльменом и... в соответствии с истинным намерением и смыслом завещания названного Уильяма Шекспира»³⁴. Передача состоялась 10 февраля 1618 г. В своем завещании Уильям Холл, отец того врача, который был зятем Шекспира, называет этого Мэтью Морриса «моим человеком». Моррис сохранил тесную связь с Холлами, недаром он назвал своих детей Джоном и Сьюзан³⁵.

Примерно тогда же, когда происходила покупка дома в Блэкфрайарзе, шекспировскую труппу пригласили принять участие в тщательно подготовлявшихся празднествах в Уайтхолле, назначенных на февраль 1613 г. в ознаменование бракосочетания единственной оставшейся в живых дочери Джеймса, принцессы Элизабет, и принца Фредерика, курфюрста Рейнского пфальцграфства. Она стала королевой Богемии всего на год и осталась в памяти как «Зимняя королева». Но зимой 1613 г. это печальное событие еще было впереди, его невозможно было предвидеть, и Англия приветствовала этот брак спектаклями, живыми картинами, процессиями, маскарадами и фейерверками. «Слуги его величества» развлекали новобрачных не менее чем четырнадцатью пьесами, среди которых были «Много шума из ничего», «Отелло», «Зимняя сказка» и «Буря». За участие в празднествах труппа получила щедрое вознаграждение — 93 фунта 6 шиллингов 8 пенсов*. Для сравнения можно сказать, что «слуги леди Элизабет», собственные актеры принцессы, играли только дважды.

Некоторые ученые полагают, что Шекспир написал хроникку «Генри VIII» в честь бракосочетания Элизабет и

* Сумма 153 фунта 6 шиллингов 8 пенсов, о которой иногда упоминают, явилась вознаграждением не только за эти четырнадцать пьес, но также еще за шесть спектаклей, данных при дворе «слугами его величества» в тот же период времени. Джозеф Куинси Адамс (Joseph Quincy Adams, *A Life of William Shakespeare* (Boston and New York, 1923) p. 431) считает, что все двадцать спектаклей были посвящены свадебным празднествам, и этой точки зрения придерживается не он один (ср. Halliday F. E. *The Life of Shakespeare* (rev. ed., 1964), p. 221).

Фредерика. О постановке этой пьесы не упоминается в счетах придворной казны, но вполне возможно, что она была той неназванной драмой, которую сотни зрителей ожидали увидеть 16 февраля, но дождались лишь отмены спектакля ради «еще больших удовольствий» на представлении пьесы-маски. Считают, что Шекспир написал «Генри VIII» в соавторстве с молодым и приобретающим известность Джоном Флетчером. Сыну лондонского епископа, воспитывавшемуся в столице и (вероятно) получившему образование в Кембридже, предстояло стать преемником Шекспира в качестве постоянного драматурга королевской труппы. Мы не можем с уверенностью сказать, действительно ли они сотрудничали в написании «Генри VIII», хотя, скорее всего, это так. То, что спектакль якобы ставили или готовили к постановке в Уайтхолле после свадебных пиршеств, всего лишь приятное, если не праздное, предположение. Но какая-то пьеса о царствовании Генри VIII ставилась в летнем помещении театра «слуг его величества» в день св. Петра, 29 июня 1613 г.

В этот незабываемый день загорелась соломенная крыша, внезапный ветер раздул пламя и вскоре весь огромный «Глобус» был уничтожен огнем. Через три дня сэр Генри Уоттон, хоть он и не был очевидцем пожара, взволнованно сообщил о нем своему племяннику Эдмунду Бэкону:

Королевские актеры поставили новую пьесу под названием «Все это правда», изображающую главные события царствования Генри VIII; представление было исключительно пышным и торжественным, вплоть до того, что сцену устлали циновками; кавалеры орденов выступали со своими знаками отличия — изображением Георга (Победоносца) и подвязками, гвардейцы были обряжены в расширенные мундиры и все такое прочее, чего было достаточно, чтобы сделать величие общедоступным, если не смешным. Во время маскарада во дворце кардинала Вулси появился король Генри, и его приветствовали салютом из пушек; пыж, сделанный из бумаги или чего-то еще, вылетел из пушки и упал на соломенную крышу; но дыма, который при этом по-

явился, никто не заметил, так как все глаза были обращены на сцену, а между тем огонь разгорелся и быстро охватил все здание, так что меньше чем за час оно сгорело до самого основания.

Таково было роковое последствие этого хитроумного изобретения; но во время пожара погибли только дерево, солома и несколько старых костюмов; правда, на одном человеке загорелись его брюки, и он чуть не сгорел, но какой-то находчивый шутник потушил огонь, вылив на него бутылку эля³⁶.

Это событие побудило одного сочинителя написать скорбную балладу:

Не пролил ливень ясным днем
Свой бойкий дождь, спасая
От пламени сей славный дом,
Ни ты — свой эль, пивная.
Пожар, начнись внизу он, знамо
Со страху замочили б дамы.

Как жалко, как жалко, что все это правда, увы³⁷.

Как и следовало ожидать, пуритане увидели перст божий в этом «внезапном устрашающем пламени». Но не прошло и года, как на том же месте поднялось новое здание «Глобуса», покрытое черепицей. 30 июня 1614 г. Джон Чемберлен зашел к подруге, но ему сказали, что она «отправилась в новый «Глобус» на спектакль». Имел ли перст божий отношение к этому чудесному возрождению, об этом пуритане молчат. По слухам, сам король Джеймс и многие его вельможи оплатили расходы по восстановлению театра. Однако на самом деле эти расходы легли на пайщиков, которые по условиям аренды обязаны были содержать и ремонтировать театр. Сначала каждый пайщик внес 50 или 60 фунтов, но в конце концов заплатил много больше. Джон Уиттер, уже задолжавший свою долю арендной платы, не мог собрать положенную сумму и распрощался с товариществом пайщиков. Мы не знаем, как поступил Шекспир. Возможно, подрезая лозу в большом саду возле Нью-Плейс, он решил, что пришла пора продать свою седьмую часть в половине доходов труппы, для которой он делал все, что было в его силах, почти двадцать лет,

И ВНОВЬ СТРАТФОРД

По моему велению могилы
 Послушно возвратили мертвецов.
 Все это я свершил своим искусством.
 Но ныне собираюсь я отречься
 От этой разрушительной науки.
 Хочу лишь музыку небес призвать,
 Чтоб ею исцелить безумцев бедных,
 А там — сломаю свой волшебный жезл
 И схороню его в земле. А книги
 Я утоплю на дне морской пучины,
 Куда еще не опускался лот*.

В 1838 г. второстепенный поэт Томас Кэмпбелл первым отождествил Просперо из «Бури» с распорядителем труппы «слуг его величества», и с тех пор читатели воспринимают отказ Просперо от своего сверхъестественного могущества как красноречивое прощание со сценой самого Шекспира¹. Во всяком случае, в одном отношении слова Просперо более подходят самому драматургу, чем его марионетке, произносящей их. Волшебник из «Бури» не возвращал никаких мертвецов из могил, как это сделал автор «Ричарда III» и «Гамлета». Однако на это можно возразить, что монолог имеет своим источником «Метаморфозы» Овидия, с которыми Шекспир был знаком и на овидиевской латыни, и в переводе Голдинга. Кроме того, слова, столь очевидно соответствующие драматическому контексту, вовсе не понуждают нас толковать их как автобиографические. Чудеса Просперо действительно окончились; он должен оставить свою магию, открыть свое подлинное лицо и вновь вступить во владение своим герцогством в Милане. Во всяком случае, «Буря», ставившаяся в Банкетном дворце в Уайтхолле вечером на День всех святых в 1611 г., не была последней пьесой Шекспира. За нею последовал «Генри VIII»; есть свидетельства, указывающие,

* Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 8, с. 200.

что Шекспир выступил в соавторстве с Флетчером в «Двух благородных родственниках» около 1613 г. Таким образом, в «Буре» он в лучшем случае произносит *au revoir*, а не *adieu*. Разумеется, Шекспир не отказался совершенно от посещений Лондона в последние годы своей жизни. Как мы видели, он был там в мае 1612 г., когда свидетельствовал в Суде по ходатайствам на процессе Белотта — Маунтджоя и вновь — в марте следующего года, когда покупал и закладывал надвратный дом в Блэкфрайарзе, а также предположительно весной 1615 г., когда принимал участие в ходатайстве по поводу того же самого имущества. И это еще не все его посещения. Однако после 1610 г. из-под пера Шекспира вышло немного пьес и вовсе ни одной, насколько нам известно, после 1613 г. Если взвесить должным образом все факторы, кажется, нет достаточных причин для сомнений в существовании этого последнего нелитературного периода, смысл которого первым резюмировал Роу:

Последние годы жизни он провел так, как все здравомыслящие люди желали бы их провести, — наслаждаясь свободой, покоем и беседой с друзьями. Удача помогла ему приобрести имение, отвечавшее его положению, а стало быть, и желаниям; и говорят, он провел несколько лет перед смертью в своем родном Стратфорде².

В 1611 г. город исчерпал пожертвования «на расходы по исполнению парламентского билля об улучшении и ремонте больших дорог и исправлении других указанных законами недостатков». В те времена строительство и ремонт дорог в большинстве случаев финансировали местные филантропы. Яркий пример такого рода деятельности — сэр Хью Клоптон; но теперь Стратфорд пожелал, чтобы правительство Англии взяло на себя часть этого бремени. Возможно, этот вопрос обсуждался, когда стратфордские мировые судьи, обследуя в том же году большую дорогу, ведущую в Бриджтаун, уселись все вместе, чтобы слегка передохнуть, отведать вина, сахару, яблок и пива³. Тогда группа горожан в количестве семидесяти одного человека поддержала это начинание своим авторитетом и

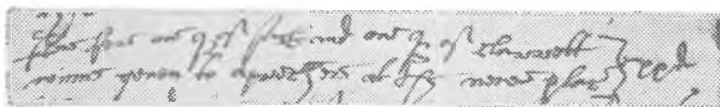
деньгами; имена главного олдермена, представителя корпорации города и других олдерменов возглавили список, подготовленный 11 сентября. Этот главный олдермен «г-н Томас Грин, эсквайр» — единственный из подписавшихся, против имени которого была точно указана сумма пожертвования: он внес 2 шиллинга 6 пенсов. В самом начале списка вписано имя «г-на Уильяма Шекспира (Shakespeare)» (около трети имен предварено почтительным «г-н»); возможно, Шекспир был в Лондоне, когда инициаторы составили список жертвователей. Законопроекты о ремонте больших дорог не раз выдвигались в палате общин в тот период, но дальше комиссий дело не шло⁴. Этот билль тоже ни к чему не привел...

В ту пору умер один из обитателей Хенли-стрит Роберт Джонсон. Посмертная опись, составленная 5 октября учителем Эспинелом, включала 20 фунтов за «амбар, который он арендовал у г-на Шекспира». Виноторговец Джонсон был хозяином постоянного двора, который впоследствии стал известен под названием «Белый лев». Вероятно, Джон Шекспир построил этот амбар позади дома, где родился Шекспир, на пустыре, называвшемся Гилд-Питс, через который проходил королевский тракт в Лондон. К этому амбару примыкали задние ворота постоянного двора «Лебедь»⁵. Джонсон (Майкл) по-прежнему арендовал этот амбар в 1670 г., когда внучка Шекспира составляла свое завещание. В конце XVIII в. Джорден упоминает «большие кирпичные амбары, все еще стоящие на Гилд-Питс на краю Бирмингемской дороги»⁶.

3 февраля 1612 г. был похоронен брат Шекспира Гилберт. В стратфордской приходской книге зафиксировано погребение «Gilbertus Shakspeare adolescens» и ровно год и один день спустя — погребение последнего оставшегося в живых брата Шекспира, Ричарда. Из восьми сыновей и дочерей Джона Шекспира живы к этому времени были только поэт и его сестра Джоан.

В 1614 г. нский проповедник останавливался в Нью-Плейс и корпорация заплатила 20 пенсов «за одну квартиру испанского вина и одну квартиру бордо», выданных ему в качестве угощения. Он прибыл прочесть одну из трех официально установленных проповедей, которыми бейлиф и совет ежегодно наставлялись в часовне: Окена — на день

выборов в сентябре, Хамлета Смита — на пасху и Перро — на канун троицы. (В 1614 г. была учреждена четвертая проповедь на деньги, пожертвованные Джоном Комбом.) Вероятно, этот проповедник читал проповедь на пасху или в канун троицы, поскольку плата за нее зафиксирована в счетах казначея между записями, датированными 21 марта и 30 июня 1614 г. Наезжавшие духовные лица порой

Запись о приеме проповедника в Нью-Плейс, 1614 г.

то останавливались на постоянных дворах, то обретали кров в частных домах, и дом Нью-Плейс, находившийся в двух шагах от часовни гильдии, весьма подходил приезжему для ночлега. В таких случаях корпорация часто оплачивала счета за поднесенное вино, к которому иногда подавался сахар.

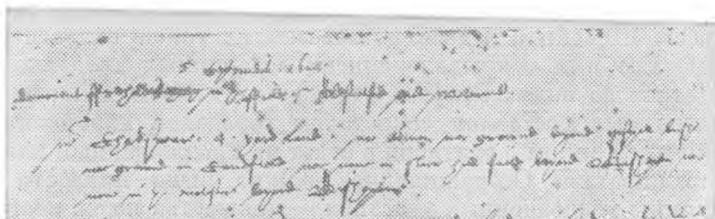
В то лето 9 июля «внезапный и ужасный пожар» охватил крытые соломой дома Стратфорда, в третий раз на памяти одного поколения. «Его сила, — по утверждению мировых судей, — была столь велика (ветер насквозь продувал город) и он вспыхнул сразу в стольких местах, что угрожал целиком истребить город»⁷. В ту субботу до основания сгорело 55 жилых домов, а также конюшни и амбары, полные зерна и сена. Для погорельцев были собраны пожертвования. По счастью, собственность Шекспира уцелела.

В конце того же лета новое непредвиденное событие взволновало состоятельных людей Стратфорда. Вновь возник вопрос об огораживании. Артур Мэйнуоринг (или Маннеринг), управляющий лорд-канцлера Элзмира, выдвинул план огораживания общинных земель Уэлкомба, и его союзником стал Уильям Комб, который в свои двадцать восемь лет был могущественным землевладельцем в округе. Этот Комб был сыном Томаса Комба, проживавшего в здании духовной общины и приходившегося племянником старому ростовщику по кличке Десятая Доля, недавно скон-

чавшемуся Джону Комбу. Предыдущая попытка огораживания провалилась, хотя главным инициатором огораживания был не кто иной, как сэр Эдвард Гревиль, бывший лендлорд здешнего поместья; на этот раз Мэйнуоринг и Комб были преисполнены решимости довести дело до конца. Огораживание многих было по карману, и потому естественно, что этот вопрос возбудил бурные страсти. Интересы Шекспира в десятинных землях также затрагивались. Его имя открывало список «старинных владельцев участков на полях Старого Стратфорда и Уэлкомба»; этот список был составлен секретарем городской корпорации Томасом Грином 5 сентября в ответ на предложенный план огораживания. Огораживание должно было привести к слиянию разрозненных участков — множества полос неогороженной земли площадью в акр и в пол-акра — в более крупные участки, ограниченные живыми изгородями и заборами. Некоторые границы неизбежно должны были подвергнуться изменению. Поля Уэлкомба в ту пору представляли собой луговину, славившуюся своими покосами и выпасами. Если бы эти поля были огорожены, пахотные участки превратились бы в пастбище для овец, что обычно давало меньше дохода с каждого акра, чем участки, засеянные зерном и травой. Огораживание к тому же сокращало число обрабатывающих землю (овцы, как писал Томас Мор, пожирали людей) и приводило к повышению цен на зерно. Вот что было причиной беспокойства держателей земельных участков. С другой стороны, огораживание содействовало росту производительности сельского хозяйства, «поскольку общинная пахота неогороженных участков производилась примитивным способом, и, очевидно, никто не желал вкладывать капитал для улучшения своих разбросанных и неогороженных участков ради выгоды своих соседей»⁸. Комб отчетливо сознавал, что огораживание принесет выгоду. Шекспир, чьей поддержки искали обе стороны, по-видимому, не примкнул ни к одной из них.

Этого нельзя было сказать о Грине. В качестве секретаря городской корпорации он вел протоколы заседаний корпорации в Гилд-Холле, а также принимал участие в дискуссиях совета. Стряпчий (позднее барристер) [адвокат, имеющий право участия в разборе дел высшими судебными инстанциями.— *Перев.*] Томас Грин, окончивший

юридическую школу «Мидл Темпл», был родственником Шекспира по крови или через брак — он говорит о себе как о родственнике [cousin], и так как елизаветинцы свободно употребляли это слово, возможно, Грин действительно состоял в родстве с Шекспиром. Они, по-видимому,

Меморандум Грина, 5 сентября 1614 г.

были накоротке, и странно, что Шекспир не упомянул Грина в своем завещании. В 1609 г., собираясь купить себе дом, он проживал у Шекспира и не очень-то спешил переезжать в здание, которое ему продавал Джон Браун «главным образом потому [писал он], что я имею возможность остаться еще на год в Нью-Шлейс»⁹. Уже самое упоминание об огораживании выводило Грина из себя, так как он незадолго до того вложил 300 фунтов в половинный пай десятинных земель¹⁰. Вот почему секретарь городской корпорации в составленных им меморандумах несколько раз упоминает своего родственника — держателя другой половины десятинных земель.

23 сентября Грин высказал свою озабоченность на заседании совета, который единогласно проголосовал за сопротивление огораживанию. Через два месяца члены совета, от которых откололся только один-единственный олддермен Коудри, согласились использовать все законные средства для того, чтобы воспрепятствовать планам Мэйнуоринга относительно луговины Уэлкомб. Тем временем Шекспир благоразумно заключил соглашение с родственником Мэйнуоринга Уильямом Реплингом из Грейт-Харборо, который был юристом и выступал в качестве представителя Мэйнуоринга. В соответствии с этим соглаше-

нием, составленным 28 сентября, Реплингом обязался компенсировать Уильяму Шекспиру, его наследникам или его правопреемникам «все возможные потери, ущерб и помехи», связанные с годовым доходом от его десятинных земель, «будь то по причине огораживания или упадка пахотного земледелия на этих землях, если это огораживание будет введено и распространено названным Уильямом Реплингом». По рекомендации Томаса Лукаса, адвоката Шекспира, стороны включили в текст соглашения имя Грина.

Это, однако, отнюдь не успокоило Грина. В ноябре он разыскивал в Лондоне Комба и, не найдя его, обратился к Шекспиру, который прибыл в столицу из Стратфорда. Меморандум Грина от 17 ноября указывает на то, что Шекспир пытался успокоить его.

Мой кузен Шекспир прибыл вчера в город, и я посетил его, чтобы узнать, как он себя чувствует. Он сказал мне, что они [то есть Комбы] заверили его, будто они намерены произвести огораживание не дальше Госпил-Буша, а оттуда, не захватывая части лощин, выходящих в поле, до ворот в ограде Клоптона, включительно до участка Солсбери; а также, что они намереваются в апреле обмерить землю, и только тогда они дадут ответ, не раньше ¹¹.

Грин добавляет, что и Шекспир, и его зять доктор Джон Холл заверили его, что ничего не будет предпринято. Однако межевание было проведено не в апреле, а гораздо раньше — в декабре, и, когда секретарь корпорации услышал об этом 10 декабря, он отправился разыскивать Реплингема на постоялом дворе «Медведь» и в Нью-Плейс. Но ни в том, ни в другом месте Грин не застал его.

Однако Грина поддерживали члены корпорации. Они робко обратились к Комбу, отправив депутацию из шести человек, «чтобы выразить свое уважение и пожелать, чтобы он соизволил воздержаться от огораживания, а также выразить желание и готовность заслужить его уважение». Комб поблагодарил их за уважение, но не отступил ни на шаг — огораживание было ему выгодно; Мэйнуоринг зашел уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад. На-

ступила оттепель, и он мог начать рыть канаву и высаживать живую изгородь. 23 декабря корпорация отправила подписанные «почти всеми» ее членами письма Мэйнуорингу и Шекспиру. «Я также переписал от себя,— добавляет Грин,— для моего кузена Шекспира копии всех наших клятвенных обязательств, сделанных тогда, а также отметил неудобства, которые будут умножаться в связи с огораживанием». В тот день совет пытался заручиться поддержкой в этом деле других местных держателей земли — Эндрю Арчера из Тэнворта, обладателя поместья и общинных земель Бишоптона, и сэра Фрэнсиса Смита, владевшего землей в Уэлкомбе¹². Эти письма к Шекспиру исчезли, однако сохранилось письмо корпорации Мэйнуорингу. Члены корпорации умоляли его вспомнить о пожарах, опустошивших Стратфорд, и предупреждали, что огораживание, которое приведет к разорению города, навлечет на его голову проклятья 700 местных бедняков.

Все было бесполезно. В декабре наступила оттепель, и люди Комба начали рыть канавы, на отвалах которых высаживалась живая изгородь. Вскоре она протянулась «по крайней мере на 50 перчей» — 250 метров. Городской совет предпринял контратаку. По совету Грина 6 января 1615 г. Уильям Уолфорд и Уильям Чандлер купили разрешение на аренду земли в Уэлкомбе, став таким образом арендаторами с правами на общинную землю. Через три дня, выслав вперед своих землекопов, они начали тайно засыпать канаву Комба. Когда весть об этом дошла до Комба, он, как и следовало ожидать, пришел в ярость. На глазах у собравшейся толпы люди Комба швырнули на землю Уолфорда и Чандлера, а их хозяин, «сидя верхом на лошади, смеялся и говорил, что они дрыгают ногами, как заправские футболисты»*. Кроме того, он оскорблял членов корпорации, называя их «мошенниками-пуританами и мелкой сошкой со всеми их законными правами (имея в виду юридический предлог, использовав который они выдавали себя за владельцев общинной земли)». И все же, несмотря на свой праведный гнев, Комб предложил Грину 10 фунтов, чтобы тот купил себе мерина, а в благо-

* Во времена Шекспира футбол считался игрой для простонародья. Так что слова Комба выражают помещичье высокомерие.

дарность примирил бы его с городским советом. Но Грин был не из тех, кто берет взятки. На следующий день женщины и дети из Стратфорда и Бишептона закончили работу по засыпке канавы.

28 марта суд присяжных Уорика в ответ на ходатайство бейлифа и главных горожан Стратфорда отдал распоряжение, запрещавшее Комбу и кому-либо другому проведение какого-либо огораживания, которое противоречило законам королевства, за исключением случаев, когда они смогут представить достаточные основания для своих действий открытому суду присяжных. Мэйнуоринг и Реплингем признали свое поражение, но Комб был вне себя и упорствовал. Он грозил и бранился, избивал бедных арендаторов, заключал их в тюрьму и конфисковывал их свиней и овец. Скупив землю и дома, он избавился от всех жителей Уэлкомба, разумеется за исключением обитателей собственного дома. В сентябре Грин сделал в своем дневнике наиболее озадачивающую запись: «У. Шекспир говорит Дж. Грину, что я не потерплю огораживания в Уэлкомбе». Дж. Грин был братом автора дневника Джоном. Но зачем Шекспиру понадобилось сообщать Джону Грину факт, о котором тот не мог не знать? И зачем Джон затруднял себя передачей этого сообщения брату? Наконец, почему Томас счел это известие настолько интересным, что отметил его в дневнике? Возможно, «я», является опиской и означает «он» [he]. Или, может быть, Грин хотел написать *bag* [отменять]*, а не *beag* [выносить, терпеть]. Сначала он написал *to he...*; возможно, он собирался продолжить слово и написать *to help* [помочь], затем передумал, желая избежать возможной двусмысленности: *to help* могло означать или *to aid* [помогать], или *to remedy* [исправлять, исцелять]¹³. В таком случае слово *beag* тоже можно было понимать двояко — как *endure* [выносить] или как *justify* [оправдывать]. Всякая попытка толкования этой записи не более чем догадка.

Несмотря на решение суда, дело тянулось еще целый год. Затем во время великопостной сессии суда присяжных в 1616 г. главный судья королевской скамьи сэра

* Тогда фраза звучала бы: «Я не отменю огораживания...». — *Прим. перев.*

Эдвард Кок посоветовал Комбу утихомириться; пока главный судья служит своему королю, ему запрещается огораживать и присоединять общинные участки к своим пахотным землям. В апреле Комб убедился в действенности решения суда присяжных: он «потерял надежду когда-либо произвести огораживание». Но если он и потерял надежду, то ненадолго. В июне он вновь предложил своим «возлюбленным друзьям и добрым соседям» новую серию проектов, более приемлемых; но члены корпорации не попались на приманку. Они просто попросили Комба оставить их в покое¹⁴. Но он этого не сделал. Шекспира, который, видимо, никогда не испытывал пристрастий ни к одной из противоборствующих сторон, теперь это не могло заботить. Его уже не было в живых.

В течение последних лет жизни ушедший на покой драматург проживал вместе со своей семьей в Стратфорде. Насколько известно, жена Шекспира никогда не отлучалась из города, но в сведениях о ней существует пробел — между крещением ее детей и завещанием поэта, если не считать упоминания в завещании пастуха Уиттингтона 40 шиллингов, находившихся у Энн Шекспир (Shaxspere). Биографии ее дочерей документированы более обстоятельно.

Судя по надгробной надписи, старшая дочь Шекспира была «более разумна, чем это свойственно ее полу», а также «умудрена в путях спасения». «В этом было нечто от Шекспира», — добавил неизвестный автор надписи. Независимо от того, была ли она разумной и умудренной, Сьюзан могла надписать свое имя, что, очевидно, было не под силу ее сестре. После записи о крещении Сьюзан в стратфордской приходской книге ее имя вновь появляется в документах лишь весной 1606 г., как раз перед тем, как ей исполнилось 23 года. В мае этого года она упомянута в протоколах церковного суда, имевшего «особую компетенцию» в приходе. Суд этот собирался в среднем один раз в месяц во главе с приходским священником, восседавшим на своем престоле в церкви св. Троицы, в присутствии нотариуса, записывавшего судебные решения. В тот раз двадцать один ответчик, о которых сообщили староста и его помощники, обвинялись в том, что не причастились перед пасхой, которая в том году приходилась на 20 апреля. Этот проступок может показаться незначительным, и

обычно он таковым и считался; однако всего за пять месяцев до этого небольшая группа фанатичных католиков вознамерилась силой свергнуть правительство, и парламент, который едва не был взорван во время порохового заговора, отнюдь не был расположен проявлять терпимость. В отместку он принял несколько постановлений, включая одно, направленное против «лиц, находящихся под папистским влиянием», которые иногда посещали церковь, «чтобы не подпасть под действие закона против не посещающих церковь», но при этом избегали причащаться по-англикански. Их называли церковными папистами, и, согласно новым законам о непричащающихся, они наказывались крупными штрафами от 20 фунтов стерлингов, если уклонялись от причастия в течение года, и до 60 фунтов, если не причащались три года и дольше. В такой атмосфере прихожан, пропускавших причастие, подозревали в католицизме. По крайней мере третью часть непричастившихся перед пасхой 1606 г. действительно составляли католики или лица, связанные с «уклоняющимися». Например, Маргарет Рейнольдс или Сибил Коудри. Муж Маргарет платил ежемесячный штраф за непосещение церкви; однажды эта чета приютила беглого священника-иезуита. У Сибил был сын, принадлежащий к тому же ордену, что и этот священник, и ее семейство подозревали в укрывательстве священников из католических семинарий. В этом списке также фигурируют давние друзья Шекспира Сэдлеры, которым требовалось время (согласно ходатайству Гамнета) на то, чтобы очистить свою совесть. Сьюзан не явилась в приходский суд, несмотря на то, что ее лично вызывал служебный исполнитель. (В такой же нерадивости были повинны и Сэдлеры.) Позже в протокольной записи, относящейся к Сьюзан, было прибавлено слово «dimissa» [«отпущенная»], указывающее на то, что, когда она предстала перед судом, ее дело было прекращено. Вероятно, за это время она причастилась святых даров, подобно десяти ответчикам, вызывавшимся в суд вместе с ней, о которых нам это известно, или дала согласие на причастие¹⁵. Через год, 5 июня, «Джон Холл, джентльмен, и Сьюзан Шекспир» сочетались браком в церкви св. Троицы. Жениху было тридцать с лишним лет, и он был безукоризненным протестантом.

Сын преуспевающего врача из Актона в графстве Мидлсекс, Холл вырос в небольшой деревушке Карлтон в графстве Бедфордшир. В Кембридже, расположенном в 45 километрах от этой деревушки, он в 1594 г. получил степень бакалавра искусств в Куинс-Колледже, а через три года там же получил степень магистра искусств. Около 1600 г. Холл поселился в Стратфорде, где стал весьма успешно практиковать как врач. Никаких сведений о том,

Запись о бракосочетании Джона Холла с Сюзан Шекспир,
5 июня 1607 г.

получил ли Холл когда-либо медицинскую степень, не найдено. У него не было лицензии от королевского медицинского колледжа, не получал он и епископского разрешения на медицинскую практику. Однако в те дни право заниматься этой профессией контролировалось весьма небрежно. Как бы то ни было, Холл был хорошим врачом и имел много клиентов. «Я по опыту знаю, что он превосходнее всех в этом искусстве», — сообщала г-жа Тиррел г-же Темпл, когда муж последней — тот самый Томас Темпл, который так хотел получить саженцы лозы из шекспировского сада, — стал жертвой несчастного случая. Преподаватель Линакер-Колледжа в Кембридже доктор Джон Берд говорил, что Холл «был широко известен своим искусством», в том числе и среди «лиц знатных, богатых и ученых», которым пошло на пользу его лечение. Холл лечил также и простой народ, детей, слуг, цирюльников — католиков, равно как и протестантов. Он без колебаний поскакал верхом за 60 километров в замок Ладлоу, когда граф Нортгемптон слег с плевритом, обострившимся во время псовой охоты в холодный сырой день. Дважды стратфордская корпорация избирала Холла в муниципальный совет, и дважды он отказывался от должности, ссылаясь на занятость практикой. Когда его избрали в третий раз, ему пришлось платить штрафы за пропущенные заседания, на которых он отсутствовал, занимаясь своими

пациентами. Один из этих пациентов, Сидни Давенпорт, высказал доктору недовольство городскими чиновниками, которым не следует «возлагать на вас это бремя, ибо ваша профессия почти все время требует вашего отсутствия»¹⁶. Холл отклонил предложение и о возведении в дворянское достоинство, сделанное в 1626 г. новым монархом, королем Карлом I, и предпочел заплатить штраф в 10 фунтов стерлингов.

Доктор Холл лечил всевозможные недуги — от кори до меланхолии, в том числе дизентерию, рак, воспаление глаз и «французскую болезнь». Он вел медицинский дневник, в который записывал истории болезни своих пациентов. Самым знаменитым пациентом Холла был поэт из Уорика Майкл Дрейтон, которого он именует poeta-laureatus [поэт-лауреат]. Дрейтон часто навещался к Рейнсфордсам в Клифффорд-Чемберсе, всего в трех километрах от Стратфорда; возможно, именно там Холл пользовал его рвотной настойкой, сдобренной ложкой фиалкового сиропа. Некоторые снадобья, в которые добавлялись петушиные потроха, паутина и экскременты, могут поразить нас теперь и показаться скорее угрожающими здоровью, нежели способными принести облегчение, зато этот доктор реже других пускал кровь и обогнал свое время в лечении цинги, к которой елизаветинцы были склонны из-за обильного потребления солонины и соленой рыбы и недостатка во фруктах и овощах. Эту болезнь Холл одолевал с помощью своего цинготного пива. Он смешивал водяной кресс, воронику-поточник и цинготную траву с разными травами и кореньями, кипятил полученную смесь в пиве, приправленном сахаром, корицей или ягодами можжевельника. Пиво помогло, в нем было много аскорбиновой кислоты¹⁷.

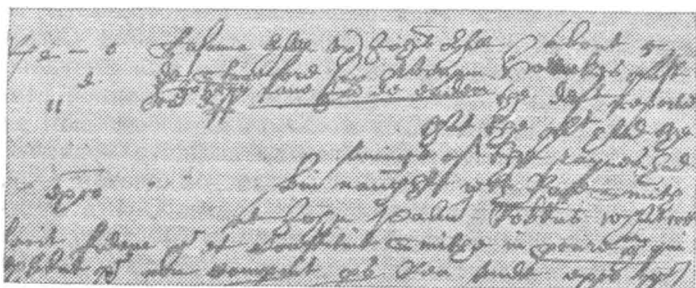
Девиз «Здоровье — от господ» должным образом предваряет английское издание латинского журнала для записи историй болезни доктора Холла, куда он время от времени вписывал благодарения богу за удачные исцеления. Но он никогда не проявлял столь пылкого благочестия, как в рассказе о своем собственном чудесном исцелении от изнурительной лихорадки. «Ты спас меня... — говорит он, обращаясь к своему творцу, — вырвав меня из когтей смерти и вернув мне прежнее здоровье, за что я славлю имя твое, о милосерднейший боже и отец господ нашего Иисуса

Христа, умоляя тебя дать мне сердце, способное на величайшую благодарность за благодеяние сие, давшее мне повод восхищаться тобой»¹⁸. Холл выказал свою набожность более осязаемо, подарив церкви св. Троицы украшенную резьбой кафедру и служа в ней церковным старостой. Он сочувствовал пуританам и ревностно порицал прихожан, опаздывающих в церковь, спавших во время службы, сквернословивших, носивших шапки или совавших руки в карманы дамских юбок. Холл сблизился с приходским священником Томасом Уилсоном из Ившема (доктор купил в 1612 г. «небольшой участок возле Ившемской дороги»), который настроил против себя корпорацию своими пуританскими взглядами. Они вместе подали в канцелярский суд иск на муниципалитет, в котором Холл заявлял, что он продал городу разрешение на аренду десятинных земель «по крайней мере» на 100 фунтов дешевле стоимости, чтобы за этот счет обеспечить жалованье приходскому священнику, у которого на руках было шестеро маленьких детей¹⁹. Двумя годами раньше, в 1633 г., девятнадцать членов городского совета проголосовали за исключение Холла из совета «за намеренное нарушение его распоряжений и разного рода другие проступки, противные долгу члена корпорации... и за постоянное нарушение спокойствия на наших заседаниях».

Господь благословил Холла одним-единственным ребенком, дочерью Элизабет, крещенной 21 февраля 1608 г. О ней есть одна запись в дневнике отца. Он описывает, как лечил ее от «судорог рта» в январе и апреле 1624 г., и месяцем позже от «блуждающей лихорадки», «порой ее охватывал жар, она то и дело потела, потом опять холодела — все это в продолжение получаса, и так она часто мучилась в течение дня». Холл очистил ей кишечник и смазал мазью спину. Отцовская забота сделала свое. Она была спасена от смерти и от смертельных недугов и вновь обрела здоровье на много лет²⁰.

Надпись на могильной плите Джона Холла характеризует Сьюзан как вернейшую супругу (*fidissima conjux*), но это не совпадает с тем, что говорил о ней Джон Лейн-младший в 1613 г. 15 июля Сьюзан предъявила Лейну иск, обвиняя его в клевете перед консисторским судом в Вустерском кафедральном соборе, из-за того, что пять недель

назад ответчик утверждал, что у нее «истечение из почек» и что она грешила с Ралфом Смитом у Джона Палмера. («Истечение из почек» означало гонорею («greins» — «почки» или «поясница»); однако гонорея в те времена не обязательно обозначала инфекционную венерическую болезнь,

Запись об иске Сюзан Холл против Джона Лейна-младшего, 15 июля 1613 г.

хотя в данном контексте слово, по-видимому, употреблено именно в этом смысле. Лейн, в то время молодой человек 23 лет, выходец из добропорядочной семьи мелкопоместных дворян из Олвстона, сам попадал в переделки. Его вызывали в суд за бесчинства и за клевету на приходского священника и олдерменов. Церковные старосты обвиняли его в пьянстве. Возможно, он спьяну и со зла порочил г-жу Холл. Ралф Смит, тридцатипятилетний сын виноторговца, был шляпочником и галантерейщиком; он приходился племянником Гамнету Сэдлеру. Сестра Лейна Маргарет была женой Джона Грина, брата известного нам секретаря городской корпорации, а старшему из его двоюродных братьев предстояло жениться на Элизабет Холл. В июле 1613 г. его дядя Ричард Лейн назначил Томаса Грина и Джона Холла опекунами имущества, которое он закреплял за сыном и дочерью²¹. Жители Стратфорда были тесно связаны друг с другом, и весть о скаנדале, быстро распространившись, так же быстро забывалась. В консисторском суде Роберт Уоткотт, впоследствии засвидетельствовавший завещание нашего поэта, выступил на стороне истицы. Лейн вообще не появился на суде и ме-

нее чем через две недели был отлучен от церкви. Дело было прекращено.

Местное предание утверждает, что семейство Холл проживало в большом доме из дерева и кирпича в Старом городе поблизости от храма св. Троицы и еще ближе к Нью-Плейс. Рядом с вместительным жилищем был просторный сад, где Холл выращивал различные лекарственные травы, которые он использовал для своих снадобий. Сегодня этот дом называется «Холлс-Крофт», но мне не удалось найти ни одной ссылки на это название, сделанной ранее, чем в списке, приведенном в «Ежегодном семейном альманахе Спинела с путеводителем по южному Уорикширу и с объявлениями за 1885 г.», где дом назван «Холл-Крофт». Прежде он назывался Кембридж-Хаус и служил частной школой для девочек. Когда умер Шекспир, Холлы перебрались в Нью-Плейс. Там они оставались до конца своей жизни.

В приходской книге записано погребение «Johannes Hall, medicus peritissimus» [искуснейшего врача], состоявшееся 26 ноября 1635 г. Его останки покоятся под алтарем храма св. Троицы. На могильной плите, второй справа от плиты Шекспира, изображен герб Холла — «три головы гончих, которые стерлись», — объединенный с гербом его тестя. Надпись на плите гласит:

Здесь покоится тело Джона Холла
джент., женатого на Сьюзан, до-
чери и сонаследнице Уилл. Шекспира,
джент. Он скончался п-бря
23 от Р. X. в возрасте 60 лет.

Следующая за этим текстом эпитафия по латыни превозносит его врачебное искусство целителя («Hallius hic situs est medica celeberrimus arte») [Холл покоится здесь, знаменитый медицинским искусством] и его верную жену.

Слава Холла как врача побудила Джеймса Кука из Уорика, хирурга при лорде Бруке, находившегося в Стратфорде во время гражданской войны, навестить верную вдову. Кук так описывает это посещение:

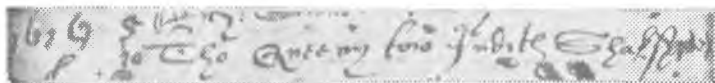
Когда по роду своих занятий я сопровождал подразделения нескольких полков, удерживавших переправу через мост в Стратфорде-на-Эйвоне, со

мною был мой товарищ, имевший отношение к джентльмену, написавшему следующие ниже наблюдения на латыни, и он пригласил меня в дом г-жи Холл, жены покойного, посмотреть книги, оставшиеся после г-на Холла. После осмотра книг Холла она сказала, что у нее осталось несколько книг, написанных одним человеком, который занимался медициной вместе с ее мужем, и что она может их продать. Я сказал ей, что, если они мне понравятся, я куплю их. Она принесла книги, и среди них была книга, написанная коллегой Холла, и другая, написанная им самим, — обе предназначались для печати. Зная почерк г-на Холла, я сказал ей, что одна или две из этих книг написаны ее мужем, и показал ей эти книги; она отрицала его авторство, а я утверждал это, пока не понял, что она начинает сердиться. В конце концов я заплатил ей деньги²².

Странно, что Сюзан не смогла узнать почерк собственного мужа. Умела ли она читать и писать или научилась только подписывать свое имя? Во всяком случае, когда у Кука нашлось несколько свободных часов, он перевел 178 историй болезней из «не менее чем тысячи», записанных Холлом, и опубликовал их в 1657 г. под названием «Избранные наблюдения за английскими пациентами»²³. Хотя этот хирург упоминает две книги, сохранился, как известно, только один из дневников доктора Холла. В настоящее время он находится в Британской библиотеке, Эдджертоновская рукопись, 2065.

Джудит Шекспир была менее удачлива в браке, чем ее сестра, хотя ее муж происходил из безупречной семьи. Им была Томас Куини, сын Ричарда Куини, милейшего земляка Шекспиров. Когда Ричард в 1602 г. умер, он оставил жену Бесс и девять детей, ни одному из которых не исполнилось двадцати лет. Из всех детей наибольшие надежды возлагались на старшего сына, Ричарда-младшего, который затем преуспел в качестве бакалейщика в «Красном льве» в Баклерсбери в Лондоне и вместе со своим партнером, который тоже был из Стратфорда, купил две плантации в Вирджинии. Однако Джудит вышла замуж не за Ричарда (он взял жену из семьи Сэдлеров), а за его

брата Томаса, крещенного 26 февраля 1589 г. Томас не добился никаких заслуживающих упоминания успехов. Он стал виноторговцем в Стратфорде; нам известно, что в 1608 г. он продавал вино корпорации. Через три года Томас приобрел право арендовать под таверну небольшой дом, называвшийся «домом Этвудов», в верхней части Хай-стрит, рядом с домом своей матери. 10 февраля 1616 г.

Запись о бракосочетании Томаса Куини и Джудит Шекспир.

«То[мас] Куини» сочетался браком с «Джудит Шекспир»; обряд совершал, вероятно, помощник приходского священника Ричард Уоттс — его подписью заверены записи о браке, сделанные в течение этого месяца. (Позднее Уоттс сам женился на сестре Куини, Мэри.) Жениху шел двадцать седьмой год, невесте было полных тридцать один. Можно предположить, что к этому времени у нее не было большого выбора женихов, если у нее вообще был когда-нибудь такой выбор.

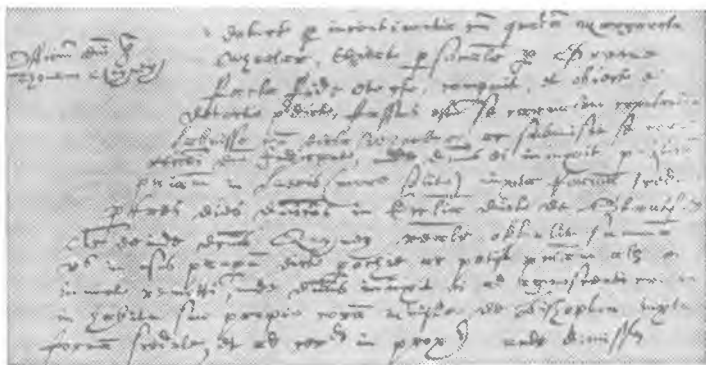
Сначала этому браку препятствовали неблагоприятные обстоятельства. Из-за того что обряд приходился на период, когда из-за поста бракосочетания запрещались [этот период в 1616 г. начинался 28 января (третье воскресенье перед великим постом) и заканчивался 7 апреля (первое воскресенье после пасхи)] жениху и невесте надлежало получить специальное разрешение у епископа Вустера. Они не получили его, хотя, вероятно, публичное оглашение имен в приходской церкви было произведено. Венчая без разрешения, священник нарушал правила церковной службы. В результате Томас и Джудит были вызваны в консисторский суд Вустерского кафедрального собора. Томас не явился в назначенный день и был отлучен от церкви. Возможно, Джудит постигла та же участь, хотя из документов это неясно²⁴. Преступление не было тяжким. И другие женились в пост — три венчания состоялись в храме св. Троицы в том же феврале, — возможно, семейству Куини просто не повезло, и чета стала жертвой судебного

исполнителя, стремившегося получить вознаграждение. Личность Уолтера Никсона, вызвавшего их в суд, не особенно привлекательна: впоследствии он предстал перед Звездной палатой по обвинению во взяточничестве и за «искусную» подделку подписи чиновника епископского суда на каком-то предписании²⁵. Во всяком случае, срок отлучения был недолгим, поскольку еще до конца года чета Куини стояла у купели стратфордского храма во время крещения своего первенца.

Отлучение от церкви было наименьшей из тревог Томаса Куини в ту зиму. До женитьбы он состоял в связи с Маргарет Уиллер, и в феврале ее беременность стала очевидной²⁶. Скандал обернулся трагедией, когда через месяц после свадьбы Куини несчастная женщина умерла во время родов, а вместе с ней погиб и ребенок. В приходской книге оба погребения помечены 15 марта.

Внебрачные половые отношения, осуждавшиеся церковными наставлениями как «распутство и грязь», входили в компетенцию церковного суда, который вершил приходский священник Стратфорда. Это был тот самый суд, который привлекал Сюзан за то, что она не причастилась на пасху 1606 г. Многие дела, слушавшиеся в этих судах, с их специфической юрисдикцией были связаны с внебрачными связями и тому подобными проступками и потому приобрели популярное, хоть и не очень уважительное название «блудодейных судов». В такой «блудодейный» суд Стратфорда судебный исполнитель церковного суда Ричард Грин (видимо, он совмещал эту должность с должностью псаломщика, судя по записи о его погребении) вызвал молодожена Томаса Куини. В протоколе слушание и приговор помечены 26 марта. На открытом судебном заседании Томас сознался, что состоял в плотской связи с названной Уиллер (*fessus est se carnalem copulationem habuisse cum dicta Wheeler*), и выразил готовность понести наказание. Судья, приходский священник Джон Роджерс, приговорил ответчика к публичному покаянию, которое тот должен был совершать, согласно обычаю, в церкви одетым в белый саван перед всем приходом в течение трех воскресений подряд. Но наказание было смягчено. Фактически Томас отделался 5 шиллингами. Эти деньги он отдал в пользу бедняков прихода, что же касается покаяния, то приход-

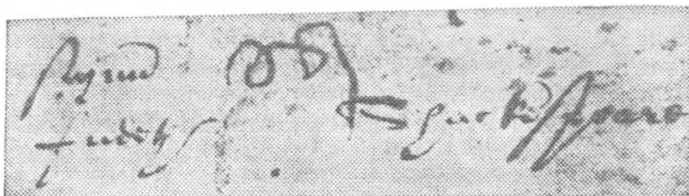
ский священник разрешил совершить его в обычной одежде перед священником Бишоптона (*ad agnoscendum crimen in habitu suo prop[r]io coram ministro de Bishoppton*). Поскольку Бишоптон входил в стратфордский приход, в нем не было своей церкви, а была лишь часовня, Куини был избавлен от публичного унижения.

Протокол судебного разбирательства по делу о внебрачной связи Томаса Куини, 26 марта 1616 г.

В его последующей жизни произошло больше падений, чем взлетов. В июле 1616 г. Томас обменялся домами со своим родственником Уильямом Чандлером и переехал в более просторное и внушительное строение, называвшееся «Кейдж», на углу Хай-стрит и Бридж-стрит. В верхней его половине Куини устроил винную лавку, а кроме того, торговал табаком. Он занимал несколько муниципальных должностей. В 1617 г. был членом муниципалитета, а затем констеблем; в 1621 и 1622 гг. корпорация назначала его казначеем — то было самое высокое из всех его назначений. Свой финансовый отчет за 1622/23 г. Куини подписал, сделав красивый росчерк и претенциозно украсив его рифмованным двустихием Сен-Желе на французском языке. На совет это не произвело впечатления, и он проголосовал в отсутствие Куини за то, чтобы считать отчет «неудовлетворительным», однако позже все-таки утвердил его.

Куини, отнюдь не ученый, переврал цитату²⁷. (Его жена была еще менее образованна, насколько об этом можно судить по тому факту, что когда в 1611 г. она заверяла некий договор между Элизабет Куини и ее сыном Адрианом, то дважды поставила свой знак*.) Члены корпорации никогда не были настолько высокого мнения о Куини, чтобы

Знак Джудит Шекспир, 4 декабря 1611 г.

сделать его олдерменом. Он судился по поводу партии вина из Бристоля, его штрафовали на незначительные суммы за сквернословие и за то, что он позволял горожанам напиваться в своем заведении, а один раз чуть не обвинили в торговле недоброкачественным и разбавленным вином. Году в 1630-м он пытался продать право на аренду дома Кейдж, однако родичи удержали его, а в 1633 г. он оформил лицензию на опеку дома трем лицам, в число которых входили доктор Холл, зять доктора Холла Томас Нэш и Ричард Уоттс, священник в Харбери, приходившийся зятем Куини. Это соглашение защищало интересы Джудит

* Как уже говорилось выше (с. 70), употребление знака не обязательно указывает на неграмотность. По любопытным наблюдениям Дугласа Хеймера, еще в 1840 г. даже от тех женщин, которые умели писать письма, вести домашние (и часто — деловые) счета и управляли делами, требовали, чтобы они заверяли юридические документы, включая их собственные завещания, начертав крест или другой знак рядом с их именами, написанными писцом. Однако документ, заверенный Джудит, заверила также Летис Грин, которая подписала свое имя. Едва ли дискриминация женщин в Стратфорде была больше, чем в других городах, но если обычай, описанный Хеймером, соблюдался здесь в XVII в., то, вероятно, его применили к обеим женщинам, не делая различия между ними.

и детей. Очевидно, Томасу нельзя было доверять. В ноябре 1652 г. право на аренду дома Кейдж перешло к лондонскому бакалейщику Ричарду Куини. Три года спустя последний, умирая, завещал своему брату содержание в 12 фунтов ежегодно, а также 5 фунтов на его похороны. Вероятно, Томас никогда не покидал Стратфорд (он все еще продавал вино стратфордской корпорации в 1650 г.), хотя в приходской книге отсутствует запись о его погребении. Возможно, он скончался прежде своей жены, хотя мог умереть и в 1662—1663 гг., когда записи о погребениях велись неаккуратно²⁸.

Не везло чете Куини и как родителям. Их первый ребенок, чья фамилия Шекспир-Куини объединяла два семейства, умер в младенчестве, 8 мая 1617 г. Еще два сына — Ричард, крещенный 9 февраля 1618 г., и Томас, крещенный 23 января 1620 г., — умерли в течение нескольких недель один за другим в 1639 г. в возрасте соответственно двадцати одного года и девятнадцати лет. Больше детей в семье Куини не было.

Шекспир не дожил ни до этих крестин, ни до погребений. Он умер 23 апреля 1616 г. Двумя днями позже в стратфордской приходской книге зафиксировано погребение «Уилла Шекспира джент.». Его шурин, шапочник Уильям Харт, проживавший в доме, где родился поэт, был похоронен всего за восемь дней до этого, 17 апреля.

Если, что вполне вероятно, доктор Холл посещал своего тестя во время его последней болезни, он мог делать записи о развитии и лечении недуга, хотя, судя по его медицинскому дневнику, Холл больше интересовался случаями, оканчивавшимися выздоровлением, а не смертью. Самая ранняя из дошедших до нас записей Холла с историями болезней датируется 1617 г. Есть предположение, что существует и вторая записная книжка — Кук упоминает две записные книжки Холла, — и, возможно, она когда-нибудь обнаружится. Пока что наше единственное свидетельство об обстоятельствах смерти поэта извлечено из дневника Джона Уорда. Он был стратфордским приходским священником и лекарем, который наказал себе «внимательно прочесть шекспировские пьесы и быть сведущим в них», чтобы не оказаться «невежественным в этом вопросе». Уорд упоминает в своих заметках, что «Шекспир, Дрейтон и

Бен Джонсон при весьма веселой встрече, кажется, выпили лишку, ибо Шекспир умер от лихорадки, которой он тогда же заболел».

Сообщение Уорда, сделанное через полвека после события, следует отнести к области преданий; оно представляется не более как отголоском слухов — слово «кажется» определяет степень его достоверности. Откуда было знать непрофессионалу в медицине, могла ли вечерняя попойка привести к роковой лихорадке. Но в других отношениях рассказ Уорда достаточно правдоподобен. Шекспир вполне мог позвать своего соседа, уорикширца Дрейтона, и старого товарища по театру Джонсона (отнюдь не трезвенника) на вечеринку, и венчание Джудит было подходящим предложением для этого. Более того, Уорд еще застал в живых людей, связанных с этим преданием, поскольку Джудит, в те времена уже достигшая преклонного возраста, жила поблизости от него в Стратфорде (он упоминает ее как г-жу Куини).

Зимой 1616 г. Шекспир вызвал своего поверенного Фрэнсиса Коллинза, составившего десять лет назад договор о передаче стратфордских десятинных земель, чтобы оформить свое завещание. Очевидно, это произошло в январе, поскольку, когда Коллинз был позван пересмотреть документ, через несколько недель он — или его писец (скорее всего, сам Коллинз) — по небрежности написал «январь» вместо «март», скопировав это слово с более раннего черновика. Необходимость исправлений была связана с браком Джудит и последовавшим за ним делом Маргарет Уиллер. Юрист явился 25 марта. Первую страницу завещания пришлось переписать целиком, а на второй и третьей страницах были сделаны многочисленные поправки и добавления, хотя нет возможности определить, сколько изменений было сделано в марте и сколько *currente calamo* [беглым пером, небрежно] в январе. Коллинз так и не удосужился составить чистовой экземпляр завещания, вероятно из-за спешки, вызванной серьезностью положения завещателя; впрочем, этот юрист вообще имел обыкновение составлять завещания с многочисленными исправлениями. Шекспир заверил каждый лист своей подписью, начертанной внизу, поставив перед последней выразительное «Мной». Он пишет о себе, что находится «в полном здравии и твердой

памяти» — но это общепринятая формула, которую не всегда следует понимать буквально, хотя, возможно, в январе она и соответствовала истине. Так или иначе закон более интересовался его памятью, чем здоровьем. В марте пером водила слабая рука. Больной собрал все свои силы для нескольких твердых росчерков, составивших слова «Мной, Уильямом» в третьей подписи, и затем он ослабел и фамилию уже написал дрожащей рукой. Две его другие подписи, согласно палеографическому анализу, отличаются «слабостью и неясностью начертания». В марте Шекспир был уже смертельно болен, хотя и протянул еще месяц.

Его завещание вызвало еще больше дискуссий и споров, чем разрешение на заключение брака. Уже Джозеф Грин, стратфордский собиратель древностей, обнаруживший копию этого завещания в 1747 г. и первым сообщивший о ней, был весьма удручен своим открытием. «Завещательные отказы, содержащиеся в документе, — сообщает Грин своему другу, — несомненно, соответствуют его [Шекспира] намерениям; но манера, в которой они изложены, представляется мне столь непонятной и не соответствующей правилам, столь лишенной малейшего проблеска того духа, который осенял нашего великого поэта, что пришлось бы умалить его достоинства как писателя, предположив, что хотя бы одно предложение в этом завещании принадлежит ему»²⁹. Ученый XX в. Б. Роланд Льюис, который любовно прокомментировал каждое условие завещания, по понятным причинам держится иной точки зрения. «Роу говорил (1709), что дух этого человека должно искать в его произведениях. В еще большей мере существо духа Шекспира следует искать в его завещании, поскольку составление его фактически является последним актом в его деятельной жизни, совершенным всего за несколько недель до его кончины»³⁰. Истина лежит где-то между двумя этими крайними мнениями. Завещание Шекспира не является его последней поэтической волей, это скорее «характерное завещание состоятельного человека времени правления Джеймса I»³¹. В такого рода документах тщетно искать метафоры, сложные образы или хотя бы интимные откровения. Однако это завещание дает некоторое представление о целеустремленности, с которой Шекспир превращал в настоящие доходы от своих пьес; кроме того,

оно хранит имена тех, кто был ему более всего дорог в Стратфорде и в Лондоне.

Завещание открывается благочестивым заявлением:

Во имя бога, аминь. Я, Уильям Шекспир... благодарение богу в полном здравии и твердой памяти, совершаю и предписываю эту мою последнюю волю в соответствии с принятым обычаем и порядком. То есть, во-первых, я предаю душу свою в руки бога и создателя моего, уповая и твердо веруя, что лишь благодаря Иисусу Христу, спасителю моему, приобщусь жизни вечной, а тело мое приобщится земле, из коей оно создано.

Искать здесь исповедания личной веры было бы слишком курьезно. Эта преамбула является формулой, почти слово в слово следующей образцу, включенному Уильямом Уэстом из «Иннер Темпла» в его «Первую часть «Символографии», которую можно определить как искусство составления юридических документов и соблюдения прецедентов». Вторая «Форма завещания», которую дает Уэст, начинается так: «Во имя бога, аминь... Больной телом, но в здравом уме и твердой памяти (благодарение богу)... Во-первых, я предаю душу свою в руки бога, создавшего меня, твердо уповая, что лишь благодаря Иисусу Христу, спасителю моему, приобщусь жизни вечной. А также предаю тело свое земле, из коей оно создано»³². Шекспиру не нужно было подсказывать Коллинзу эти фразы; тот сам их механически записывал.

Из числа своих наследников Шекспир первой называет Джудит — из-за нее эта страница была переписана. «Сим я отдаю и завещаю моему зятю» — так юрист записал слова умирающего, но Шекспир передумал, и Коллинз (или его писец) вычеркнул слово «зять» и вместо него вписал «дочери Джудит». Ей предназначалось 150 фунтов на определенных условиях. 100 фунтов — в качестве приданого, но чтобы получить оставшиеся 50 фунтов, она должна была отказаться от каких-либо притязаний на «одно из земельных владений... являющееся участком поместья Раунгтон»; здесь имеется в виду коттедж на Чэпел-Лейн. Далее Шекспир завещает Джудит «еще сто и пятьдесят фунтов,

са» и «Обесчещенную Лукрецию»; не упомянул он и графов Пембрука и Монтгомери, и вообще ни одного пэра Англии. Не упомянул он также никого из родственников своей жены, хотя его шурин фермер Бартоломью Хетеуей со своей женой Изабел и четырьмя отпрысками жил неподалеку в Шотери.

Свою жену он тоже не упомянул, по крайней мере сначала; однако, возможно, он не чувствовал необходимости оговаривать для нее какое-либо особое обеспечение — семейство Холл, достаточно ответственное, приглядит за ней в большом доме Нью-Плейс. Однако здесь есть другой сложный фактор, впервые публично отмеченный более ста лет тому назад викторианским популяризатором Чарлзом Найтом. Найт с торжеством обнаружил, что английское общее право обеспечивает вдове пожизненную долю в третьей части имущества ее мужа, равно как и право пользования постоянным местожительством семьи. Впоследствии многие биографы считали, что права Энн были таким образом защищены. Разумеется, право на то, что иногда называют вдовой долей или законной долей, действительно существовало, как можно проследить, начиная с XIII в. Если общее право отдает супругу, согласно условиям брака, все личное движимое имущество жены, «не обязан ли муж», риторически вопрошает анонимный автор «Краткого рассуждения» в 1584 г.,

исходя из подобных же соображений долга, оставить своей жене третью часть своего имущества, и, ежели закон в этом отношении достаточно действителен (ибо какой закон в этом мире, кроме божьего закона, не имеет изъянов?), не должен ли обычай восполнить это таким образом, чтобы не допустить варварских, немилосердных, коварных или недобрых действий при исполнении завещания, которые могли бы тем или иным способом помешать осуществлению оно́го или нечестному его исполнению?³⁶

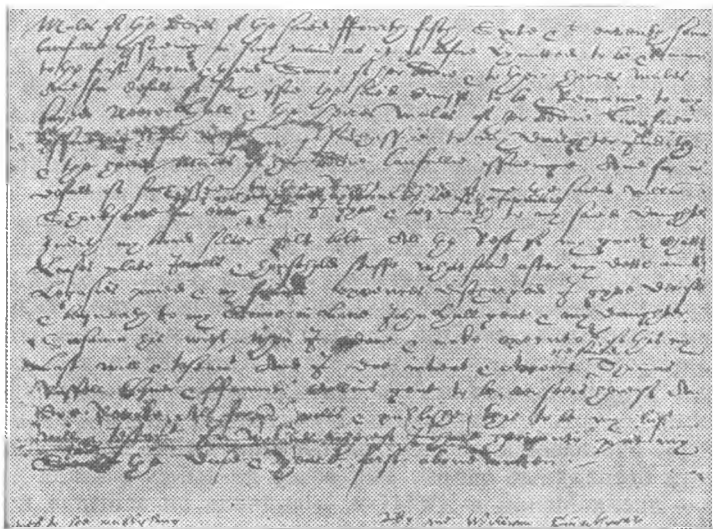
Однако настоящий автор превозносит в данном случае особые добродетели Лондона, а упомянутая проблема, связанная с местными обычаями, как раз в том и состоит, что обычаи являются местными. «В Лондоне существовал та-

кой обычай вдовьего права...» — пишет Маркет Шют, однако «подобного обычая нет в Стратфорде»³⁷. Роланд Льюис выражает подобную же уверенность. Этот вопрос, как и многие другие, однако, более сложен, чем это кажется поначалу. Вдовья доля включала в себя и землю, и недвижимое имущество. Что касается земли, обычаю, по-видимому, всюду следовали одинаково; право вдовы на землю признается с древних времен до наших дней (закон о праве собственности 1925 г. превратил закон общего права на вдовью долю земли в право на недвижимость, основанное на праве справедливости). Что касается недвижимости, то в каждом городке существовал свой обычай. Хотелось бы знать больше о стратфордских обычаях. Завещания не удовлетворяют нашего любопытства, ибо, когда завещания безмолвствуют, вопросы решаются согласно обычаю.

В большинстве стратфордских завещаний того периода отражена забота о женах, интересы которых обеспечивались посредством стандартных формул типа «остальное мое имущество»; и Шекспир, как хорошо известно, отнюдь не игнорировал свою Энн. Однако знаменитый пункт завещания, касающийся ее, курьезен: «Сим завещаю своей жене вторую по качеству кровать со всеми принадлежностями (то есть драпировками, пологом, постельным бельем etc.)». Это завещание вызвало бесконечные и по большей части бесплодные споры. «Он вовсе не забыл о своей жене, — писал Мэлон в XVIII в., — сначала он забыл о ней, потом он вспомнил о пей, но так вспомнил, что только сильнее подчеркнул, как мало она для него значила. Он, таким образом (грубо говоря), обделил ее, только оставив ей не шиллинг, а какую-то старую кровать»³⁸. Этот пункт завещания вписан между строк, отсюда мнение Мэлона (неоднократно повторенное) о забывчивости Шекспира — однако в его завещании есть и другие записи, сделанные позднее между строк: например, запись о поминальных кольцах, которые он завещал Уильяму Рейнольдсу и сотоварищам по театру. Провал памяти? Возможно. Но по крайней мере столь же возможно — как давным-давно предположил Чарлз Северн, — что юрист, наспех записывая завещание, по невнимательности пропустил отдельные пункты и затем восполнил пропущенное³⁹.

И тем не менее эта кровать — пропущена она по не-

брежности или нет — представляет собой проблему. Многие (в том числе Мэлон) допускают, что такое завещание сделано в насмешку. Однако ученые, придерживающиеся иного мнения, также давно возникшего, утверждают, будто Шекспиры приберегали свою лучшую кровать для заночевавших гостей Нью-Плейс, и что менее ценная кровать

Завещание Шекспира (25 марта 1616 г.). Лист третий с упоминанием о второй по качеству кровати.

была якобы и супружеским ложем. Исследователи перелистали неисчислимое количество завещаний времен Елизаветы и Джеймса в поисках аналогичных случаев, и их розыски не оказались безрезультатными. Когда Фрэнсис Рассел, второй в роду граф Бедфорд, умер в Лондоне в 1585 г., он завещал свою «лучшую кровать, убранную покрывалом, расшитым золотом и серебром» с гербом короля Генри VIII не жене, а своей младшей дочери⁴⁰. Еще более соответствует нашему случаю завещание Уильяма Палмера из Лимингтона, который в 1573 г. оставил своей жене

Элизабет «всю ее носильную одежду» и свою «вторую по качеству перину, изготовленную для нее, и другую перину, похуже, для ее служанки»; он также удвоил доход, который она должна была получать по сравнению с первоначальным брачным контрактом. «Памятуя, что она — благородная дама, обремененная годами, — заявляет завещатель, — я хотел бы, чтобы она жила так, как подобает жить моей бывшей жене»⁴¹. Это подобающее завещание, и кто станет отрицать супружескую привязанность, выразившуюся в нем?

Можно также предположить, что завещатель намеренно лишил свою супругу кровати, исходя из простых соображений вроде: «Оставь своей жене больше, чем ты обязан, но лишь на время ее вдовства, — советует сэр Уолтер Рэли своему сыну, — ибо если она полюбит вновь, пусть она не наслаждается своей второй любовью на той же кровати, на которой она любила тебя»⁴². Такие мысли могли приходиться в голову не только ему. Однако возраст Энн — ей было в ту пору 60 лет или около того — делает маловероятным предположение о том, что такого рода соображение могло повлиять на завещание. Проблема, возникающая в связи с этим пунктом шекспировского завещания, состоит в том, что столь недостаточное внимание к жене было необычным, и в том, что в завещании совсем отсутствуют проявления эмоций завещателя вроде тех, которые мы обнаруживаем в завещании Палмера. Однако Шекспир не выразил своих эмоций и в отношении к другим членам семьи, а, возможно, его юрист не поощрял или даже запрещал такого рода проявления чувств. Нам предоставляется самим решить, что здесь имело место — цинизм или чувствительность. Последняя, разумеется, более привлекательна, однако такого рода выбор можно сделать лишь предположительно.

Такой существенный предмет мебели, как наилучшая кровать, считался фамильной ценностью, и обычно переходил к законному наследнику. Таков был обычай, принятый в городах. В XVI в. в Торкси одному наследнику завещана была лучшая кровать, с покрывалом и простынями («*melio rem lectum cum tapeto et linthiaminis*»); в Арчинфилде в 1663 г., согласно обычаю, старшему из наследников доставалась «лучшая кровать со всеми принадлежно-

стями»⁴³. По распределению, сделанному Шекспиром, самая лучшая кровать, как подобало фамильной реликвии, должна была дополнить ценности «всего остального моего недвижимого имущества, движимого имущества, аренд, драгоценностей и прочих предметов домашнего обихода, которые останутся после уплаты моих долгов, раздачи завещательных даров и расходов на мои похороны». В число «аренд» могли входить пай Шекспира, если он по-прежнему был их держателем в «Глобусе» и Блэкфрайарзе. Все это он завещал своему зятю Джону Холлу и дочери Сюзан.

Кроме того, Сюзан получила — что гораздо больше — просторный дом Нью-Плейс, «в котором я обитаю»,

и два дома с хозяйственными пристройками или жилища с необходимыми принадлежностями... на Хенли-стрит в пределах вышеупомянутого города Стратфорд; и все мои амбары, конюшни, фруктовые сады, палисадники, земли, строения и прочее имущество, подлежащее наследованию, находящееся в пределах городов, деревушек, поселков и местностей Стратфорда-на-Эйвоне, Старого Стратфорда, Бишоптона и Уэлкомба или в любом другом месте упомянутого графства Уорикшир; а также весь тот дом с постройками или помещениями, с необходимыми принадлежностями, где проживает Джон Робинсон и который расположен... в Блэкфрайарзе в Лондоне вблизи от Уордроба; и все прочие мои земли, жилища и имущество, подлежащие наследованию.

Это имущество, составлявшее основную часть наследства, переходило к Сюзан и сохранялось за ней до конца ее жизни. После ее смерти эта недвижимость со всем прочим должна была перейти к старшему сыну Холла и затем к его законным наследникам мужского пола, а (в случае отсутствия таковых) к мужчинам — наследникам второго сына и так далее — к третьему, к четвертому, пятому, шестому и седьмому сыновьям и их законным наследникам. «А в случае отсутствия таковых названная недвижимость остается за упомянутой племянницей (внучкой) моей Холл и ее прямыми наследниками мужского пола,

рожденными в законном браке. А в отсутствие таковых — моей дочери Джудит и ее прямым наследникам мужского пола, рожденным в законном браке...» Таким путем Шекспир стремился сохранить в одних руках все имущество, приобретенное его служением искусству. Однако он не мог предвидеть, что природа разрушит его планы.

Некоторое недоумение вызывало то, что в завещании не перечислено никаких книг или литературных рукописей. Однако это не столь уж странно, как может показаться. Шекспир не располагал рукописями своих пьес — они принадлежали «труппе слуг его величества». Книги могли быть отдельно перечислены в посмертной описи, но таковой не сохранилось. Во всяком случае, они, должно быть, составляли часть имущества, унаследованного Холлами и, возможно, таким образом нашли свое место на полках доктора рядом с его медицинскими трактатами. Если это так, особый интерес вызывает «кабинет с книгами», о котором Холл упоминает в своем устном завещании 1635 г., в котором он предоставлял своему зятю «располагать книгами как угодно». Два года спустя Сьюзан и ее зять в канцелярском суде обвинили Болдуина Брукса (впоследствии ставшего бейлифом Стратфорда) в том, что он подговорил заместителя шерифа и нескольких приставов, «людей низкого звания», взломать двери дома Нью-Плейс и кабинета в нем и поспешно захватить «всевозможные книги» и «другое весьма ценное имущество»⁴⁴. Попытка Брукса претендовать на имущество Холлов потерпела неудачу в суде.

Во время гражданской войны королева Генриетта-Мария, двигавшаяся со своей армией победным маршем из Ньюарка в Кайнтон, соединилась с принцем Рупертом и его войсками в Стратфорде. В июле 1643 г. королева со своим двором в течение трех дней оставалась в Стратфорде и два раза ночевала в доме Нью-Плейс. Возможно, тогда Сьюзан Холл подарила полковнику Ричарду Грейсу, гофмейстеру герцога Йорка, книгу Анри Этьена «Удивительные беседы о жизни Екатерины Медичи», ту, на сохранившемся экземпляре которой есть надпись, сделанная почерком, характерным для XVII в. (но не почерком Сьюзан): «*Liber R.: Gracei ex dono amicae D. Sussane Hall*» («Книга Р. любезно подарена в знак дружбы»). Возмож-

но также, что это была одна из книг, составлявших когда-то библиотеку ее отца. Но к сожалению, как бы ни была привлекательна эта гипотеза, нет никаких данных о том, что Грейс был в свите королевы, когда она проходила через Стратфорд.

Сведения о рукописях Шекспира начали впервые распространяться в XVIII столетии. В 1729 г. Джон Робертс, называвший себя «бродячим актером», сокрушался о том, что «два больших сундука, полные неразобранных бумаг и рукописей этого великого человека, находившиеся в руках одного невежественного булочника из Уорика (женившегося на женщине из рода Шекспиров) были разбиты, а их содержимое небрежно разбросано и раскидано, как чердачный хлам и мусор, о чем подробно известно сэру Уильяму Бишопу, и все это погибло во время пожара и разрушения города». Сэр Уильям Бишоп (1626—1700) действительно жил в шекспировских краях, и большой пожар нанес значительный ущерб Уорику в 1694 г.; но мы не знаем ни о каких потомках Шекспиров или Хартов, проживавших в то время в Уорике⁴⁵. Мэлон сообщает, что в 1742 г. сэр Хью Клоптон, родившийся через два года после смерти внучки поэта Элизабет, рассказывал актеру Маклипу «старинное предание о том, что она [Элизабет] увезла с собой из Стратфорда много бумаг своего деда»⁴⁶.

Шекспир назначил исполнителями своего завещания Томаса Рассела и Фрэнсиса Коллинза. Документ подписали пять свидетелей: Коллинз, Джули (или Джулинс) Шоу, Джон Робинсон, Гамнет Сэдлер и Роберт Уоткотт. Последний свидетельствовал в пользу Сьюзан, когда она подала в суд за клевету в 1613 г. Робинсон был наемным работником. Уоткотт и Робинсон, возможно, были слугами Шекспира или Холлов⁴⁷. Холлы были назначены душеприказчиками. Заверенная подписью Шекспира запись на третьем листе удостоверяет, что завещание было засвидетельствовано Джоном Холлом 22 июня 1616 г.

Шекспир был погребен в алтаре церкви св. Троицы у северной стены. Согласно сообщению, относящемуся к концу XVII в., «его положили на глубине метров пяти-шести, достаточно глубоко». Но это кажется маловероятным, так как совсем близко протекал Эйвон⁴⁸. На плите, покрывающей могилу поэта — «простой дикий камень», как описы-

вал его в 1693 г. Даудел, и можно разобрать следующие слова:

Друг, ради господ, не рой
останков, взятых сей земель;
нетронувший блажен в веках,
и проклят — тронувший мой прах.

Несколько свидетелей конца XVII в. утверждают, что Шекспир сам придумал эту эпитафию и распорядился высечь ее на своей могильной плите⁴⁹.

Запись о погребении Уильяма Шекспира, 25 апреля 1616 г.

Проклятие тому, кто потревожит прах, выраженное в общепринятой форме, было обращено не к случайному прохожему — он едва ли мог прийти в церковь с заступом в руках — а к церковному сторожу, которому из-за недостатка места для захоронений в церкви порой приходилось разрывать могилы и переносить кости в примыкавший к церкви склеп. Уильяму Холлу, который впоследствии стал пребендарием собора св. Павла, было что рассказать об этом могильном склепе и об этом проклятье «дорогому Недди» (известному знатоку англосаксонской литературы Эдварду Твейтсу), которому он писал в 1694 г.:

В этой церкви есть место, которое называют помещением для костей, — в нем хранятся все вырытые кости, которых так много, что ими можно было бы нагрузить множество телег. Поэт, желавший, чтобы его кости остались нетронутыми, призвал проклятие на голову того, кто тронет их; и поскольку он обращался к причетникам и церковным сторожам, по большей части невежественным людям, создавая надпись, он опустил ее до их низкого умственного уровня, сбросив с себя одеяние того искусства, которое никто из его современников не носил более безупречно⁵⁰.

Написал ли это проклятие Шекспир или кто иной, оно с успехом выполнило свое назначение, ибо ни один церковный сторож, причетник или маньяк не тронул костей, погребенных в этой могиле. Однако в середине XVIII в. сама могильная плита (писал Холиуэл-Филиппс) ушла в землю ниже уровня пола и так обветшала, что приходские попечители храма заменили ее.

Было высказано предположение, что останки Шекспира захоронены в храме, а не на церковном кладбище не потому, что он был знаменитым лондонским поэтом-драматургом, а потому, что покупка части десятинных земель Стратфорда делала его как бы мирским священнослужителем. Как бы то ни было, еще до окончания XVII столетия люди нашли дорогу к церкви св. Троицы, куда они приезжали «навестить прах великого Шекспира, который погребен в этой церкви». Они задерживались так же, как все бесчисленные паломники той поры, перед бюстом, установленным на высоте примерно полутора метров над могилой, в северной стене алтаря. Не позже чем в 1634 г. лейтенант Хаммонд, проезжая через Стратфорд, отметил, что этот «скромный памятник» достоин внимания⁵¹. Из одной рукописной заметки в альманахе 1653 г. мы узнаем, что памятник был выполнен Джерардом Джонсоном⁵².

Это имя является нормальным англоязычным вариантом имени Герарта Янсена, чей отец (тоже Герарт) переселился из Амстердама в Лондон около 1567 г. и организовал каменотесную мастерскую в Саутуорке неподалеку от «Глобуса». Двое из пяти его сыновей помогли ему в его процветающем деле. Янсены воздвигли гробницы в Боттесфордской церкви в Лестершире для трех графов Ретлендов, последняя из которых была заказана тем самым шестым в роду графом, для которого эмблему выполнили Шекспир и Бербедж. Когда старший Янсен в 1611 г. умер, его семья продолжала дело. Возможно, Шекспир и его собратья знали эту мастерскую. Несомненно, семье поэта было известно надгробие в виде лежащей фигуры в мантии, которую Герарт-младший выполнил для Джона Комба. В своем завещании Комб выделил 60 фунтов стерлингов на этот памятник в стратфордской церкви.

Для памятника Шекспиру, выполненному в стиле Ренессанса времен Джеймса, Янсен в основном использовал

белый и черный мрамор для двух коринфских колонн, а также черный базальт для инкрустированных панелей. Колонны поддерживают карниз, на котором расположены два маленьких херувима: левая фигура с лопатой в руках символизирует труд; правая с черепом и опрокинутым факелом — покой. Они расположены по обе стороны от знакомого нам герба Шекспира — на котором изображены наплевник и геральдически украшенный щит, высеченные в виде барельефа на прямоугольной каменной плите. Верхняя часть памятника выполнена в форме пирамиды, на вершине которой помещен еще один череп с пустыми глазами и без нижней челюсти.

Естественно предположить, что почтительное чувство, возбуждаемое этим бюстом — фигурой в половину человеческого роста, высеченной из мягкого голубоватого котсуолдского известняка, — вызвано не столько качеством работы художника, сколько предметом изображения и окружающей обстановкой. Одетый в мантию без рукавов поверх кафтана, Шекспир держит в правой руке гусиное перо; левая рука лежит на листе бумаги; обе руки покоятся на подушечке. Вид у него цветущий — высокий лоб без морщин, лысина, толстая короткая шея. Локоны на висках закручены; усы и борода хорошо ухожены; глаза (слишком близко поставленные) безучастно глядят вперед. Приходится напомнить себе, что неразумно ожидать воплощения живости и естественности в заказной надгробной скульптуре, которая, как правило, отличается формальностью и невыразительностью; это скульптурное изображение по типу схоже с изображением Джона Стоу (умершего в 1605 г.) в лондонской церкви св. Эндрю-под-пилем.

Доверу Уилсону кажется, что из полукруглой ниши памятника выглядывает какой-то «самодовольный колбасник». Возможно, оно и так; однако не все пожилые удачливые писатели выглядели так утонченно, словно они больны чахоткой. Нравится он или нет, портрет, выполненный Янсенем, является аутентичным изображением. Все остальные, кроме одного, вторичны, либо поддельны, либо в той или иной мере сомнительны. Памятник в храме св. Троицы был заказан и оплачен, по-видимому, одним или несколькими из оставшихся в живых взрослых членов

семьи Шекспира: это могли быть вдова, две дочери, два зятя и сестра Шекспира. Вероятнее всего, хлопоты о памятнике принял на себя Холл. Кто бы ни занимался этим

Бюст Шекспира.

и независимо от того, вполне ли удовлетворила семью скульптура, домочадцы, вероятно, сочли сходство приемлемым. Возможно даже, что Янсен, работавший, как прежде, в Бенксайде, воспользовался советами бывших коллег

Шекспира по группе его величества. И как бы ни походил он на бюргера, все же перед нами — поэт, а не собственник, ибо уста его открыты, чтобы произнести только что сочиненные стихи.

Мемориальная доска под каменной подушечкой воздает хвалу именно писателю:

Judicio pilium, genio Socratem, arte Maronem:
Terra tegit, populus mœret, Olympus habet.

[Умом подобного Нестору, гением — Сократу, искусством — Марону, его земля покрывает, народ оплакивает, Олимп приемлет.]

Стой, путник, и прочти, коли учен,
Кто здесь завистливою смертью заключен
В кумире — сам Шекспир — угас с ним мир живой;
Сей камень с именем какой ценить ценой? —
В сей жизни, словно паж, служить должна
Поэзия плодам его ума.

Orbit año do 1616

Ætatis 53 die 23 apr

[Скончался в 1616 г. по Р. Х.
в возрасте 53 лет в день 23
апр.]

Резчик по камню по ошибке вырезал «sieh» вместо «sith» [«ибо»], но огрехи резца обычны в надписях на надгробиях всех веков. Более серьезную ошибку допустил неизвестный панегирист, предположив, что смерть поместила поэта позади его кумира (т. е. изображения). Из биографических сведений он сообщает лишь о том, что Шекспир умер 23 апреля на 53-м году жизни.

Примерно в середине XVII в. сэр Уильям Дагдейл, родившийся в Уорикшире в день, когда (счастливого предзнаменование) пчелы роились в палисаднике его отца, посетил Стратфорд, собирая материалы для своего огромного труда «Памятники древности Уорикшира с иллюстрациями, обнаруженные в документах, летописях, рукописях, хартиях, свидетельствах, на гробницах и гербах, украшенные картами, видами и портретами», опубликованного роскошным фолио в 1656 г. Хотя компиляция Дагдейла бесценна, гравюра, выполненная Холларом или его помощником Гейвудом с авторского наброска памятника Шекспиру, озадачивает, поскольку ее трудно отождествить со знакомым скульптурным изделием в алтаре. На иллюстрации

в «Древностях» капители колонн украшают головы леопардов, а по самым краям карниза фигуры Покоя и Труда держатся неустойчиво, причем в руках у первой из фигур вместо факела — песочные часы. Поэт расстался с гусиным пером и бумагой и, расставив локти, вцепился в подушку — уж не должна ли она символизировать богатство? Его щеки сморщены, а усы безнадежно свисают вдоль крепко сжатых губ. Самодовольный колбасник преобразился в унылого портного⁵³.

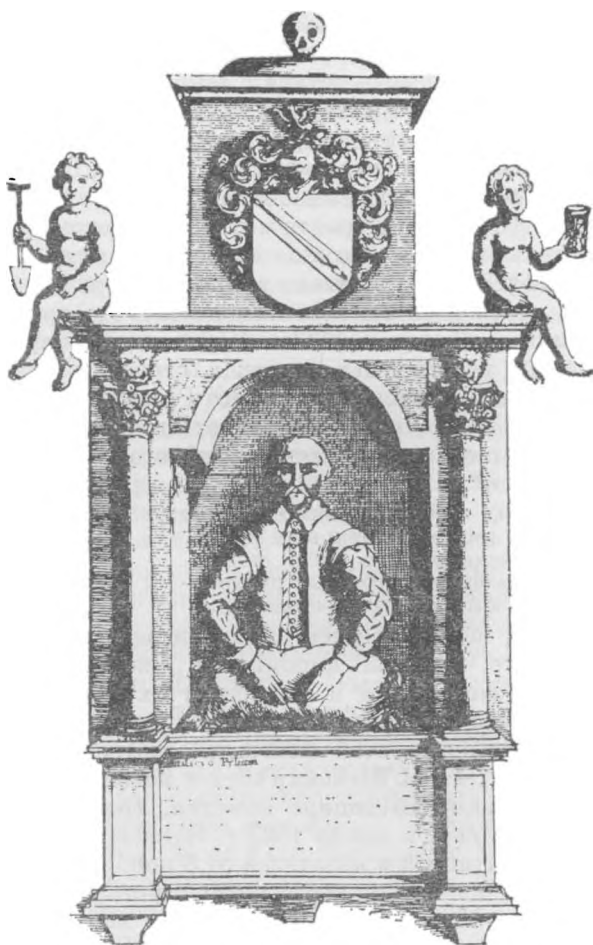
Это заставляет вспомнить, что у этого памятника тоже есть своя история. С течением времени он разрушался, пока в 1748 г. скульптуру, у которой уже было ампутировано несколько пальцев, не пришлось восстановить и украсить, и эту работу при поддержке местных пожертвователей завершил в следующем году «Джон Холл, портретист». Позже, Мэлон в минуту странного помрачения убедил стратфордского священника выкрасить бюст в белый цвет и за свою заботу был вознагражден эпиграммой, вписанной в стратфордскую «Книгу посетителей»:

Грядущий созерцатель монумента,
Зови на Мэлона проклятие поэта;
Взял дикий вкус над рвением перевес:
Испортил памятник он, как собранье пьес⁵⁴.

В 1861 г. неизвестный художник наложил на бюст новые краски; здоровый румянец заиграл на щеках Шекспира; его локоны стали рыжеватыми, а кафтан — алым*. Не ясно, совпадала ли новая раскраска с раскраской Янсена, однако никакая реставрация не в состоянии превратить памятник, изображенный на гравюре Дагдейла, в то изображение, которое находится в стратфордской церкви**.

* Цвета эти описаны в работе M. H. Spielmann, Shakespeare's Portraiture: in Studies in the First Folio written for the Shakespeare Association (1924), p. 14; cited by ЕКС, ii, 184. С тех пор цвет лица Шекспира, потемнев, стал темно-коричневым, а глаза — почти черным. В вопросах, связанных с этим памятником, Шпильман и Чемберс — мои главные авторитеты. Последний со знанием дела резюмирует результаты научных исследований (ii, 182—5). Шпильман (p. 4—5) указал на сходство бюста с надгробием Стоу.

** Позднее оно было вновь осквернено. Вечером 22 октября 1973 г. незваные гости сняли с памятника бюст, отбив часть цоколя. Полиция полагала, что они «искали ценные рукописи, написан-

Бюст Шекспира, как он изображен в «Памятниках древности Уорикшира» Дагдейла (1656 г.).

Согласно лучшему и простейшему объяснению, эта иллюстрация, подобно другим иллюстрациям в «Древностях», искажает объект в соответствии с теми вольностями, которые были приняты в гравюрах XVII в. Дагдейла, ставшего впоследствии геральдмейстером ордена Подвязки, более всего интересовали родословные, надписи и т. п. На гравюре геральдические принадлежности герба вычерчены очень тщательно. (Сравнение гравюры с тем рисунком, с которого она сделана, возможно еще сохранившимся, могло бы многое разъяснить.) Памятник в храме св. Троицы с его не слишком вдохновляющим бюстом достаточно аутентичен.

Он был установлен в 1623 г. В тот год Леонард Диггз, оксфордский ученый, переводчик и страстный любитель Шекспира (он был пасынком Томаса Рассела, упомянутого Шекспиром в завещании), упоминает янсеновское изделие в своем стихотворении «Памяти покойного автора, мастера У. Шекспира» *:

Друзья открыли наконец, Шекспир,
Твои творенья миру: свой кумир
Переживешь ты в имени своем.
Пусть бюст надгробный рухнет — мы пойдем
Тебя живым в твоих созданных.

«Друзья», которым здесь выражено одобрение — в таком контексте, который напоминает знакомые места в «Сонетах», — это Хеминг и Кондел; и их благодеяние состоит в том, что они собрали и опубликовали пьесы первого фолио. Благодаря этой книге действительно, согласно предсказанию Диггза, Шекспир «будет новым во все века».

«Г-на Уильяма Шекспира комедии, хроники и трагедии» вышли в свет в конце 1623 г. Запись о регистрации в гильдии печатников и издателей от 8 ноября перечисляет 16 пьес, «официально не зарегистрированных другими лицами». Этот список включает некоторые из самых популярные Бардом» (Birmingham Evening Mail, 30 October 1973). Жаль, что они их не нашли. Бюст, который я осматривал вскоре после этого инцидента, был лишь незначительно поврежден.

* В библиотеке Белиол-Колледжа есть экземпляр третьего издания «Rimas» Лопе де Вега (Мадрид, 1613) с надписью: «Господину Мэб»; в ней Диггз говорит, что по этой книге видно, почему испанцы ценят своего Лопе де Вега так же, как в Англии мы должны ценить нашего Уильяма Шекспира. (Paul Morgan, *Our Will Shakespeare and Lope de Vega: An Unrecorded Contemporary Document*, Shakespeare Survey 16 (Cambridge, 1963), p. 118—120.)

лярных произведений Шекспира — «Бурю», «Двенадцатую ночь», «Юлия Цезаря», «Макбета» — и представляет все стадии его литературной карьеры; эти пьесы впервые напечатаны в этом фолио. В регистрационной записи не упомянуты «Укрощение строптивой» («The Taming of the Shrew») и «Король Джон», которые тоже были помещены в этом томе. Хотя эти пьесы печатались впервые, возможно, они не нуждались в регистрации, поскольку считались переизданиями «Укрощения одной строптивицы» («The Taming of the Shrew») и анонимной пьесы «Беспокойное царствование Джона, короля Англии»; последняя пьеса была напечатана в 1591 г. и, возможно, была источником шекспировской пьесы. Хеминг и Кондел не включили в фолио «Перикла» и «Двух благородных родственников». Финансировала издание этой большой и дорогой книги целая группа печатников, однако в конце концов ее издателями стали Эдвард Блаунт и Айзек Джаггард. Может показаться странным, что Джаггард вообще фигурирует в этом предприятии, не говоря уже о том, что он занимает в нем столь видное положение, поскольку его отец Уильям был виноват не только в том, что издал «Страстного пилигрима», но также в том, что через несколько лет выпустил совместно с Томасом Пэвиером сомнительную серию шекспировских кварто. Джаггард и Пэвиер не слишком беспокоились о качестве выбранных ими текстов, в число которых была включена апокрифическая «Йоркширская трагедия», и, когда «слуги его величества» пожаловались лорд-камергеру, им было приказано прекратить эту деятельность. Джаггард обошел этот запрет, датировав более ранним годом напечатанные в его типографии издания «Венецианского купца», «Сна в летнюю ночь» и других пьес; так, на титульном листе «Короля Лира», изданного в 1619 г., он проставил 1608 г. Очевидно, Хеминг и Кондел, ведущие члены труппы короля, недолго сердились на Джаггарда за его пиратские приемы. Последний умер 4 ноября 1623 г., когда фолио находилось в печати, и управление типографией перешло в руки его сына. Экземпляр этого тома был переплетен в Бодлевской библиотеке 17 февраля 1624 г. — это самое раннее упоминание о напечатанном первом фолио.

На титульном листе был помещен портрет автора, под

которым в нижнем левом углу стояла подпись гравера Мартина Дройсхута⁵⁵. Дройсхут принадлежал к третьему поколению семьи фламандских художников, перебравшихся в Лондон; его дед Джон Дройсхут, художник и столяр, приехал из Брюсселя в 1566 г. Мартину было всего пятнадцать лет, когда умер Шекспир, и двадцать два года, когда вышло фолио; едва ли он имел большой опыт в своем ремесле. Каким образом он получил этот заказ, мы не знаем; возможно, его гонорар был столь же скромным, как и его дарование. За время печатания книги офортная доска Дройсхута на меди дважды заменялась. На исключительно редкой первой доске (или доске первой корректуры) плочный воротник не затенен под ухом. Этот недостаток исправлен на второй доске; на третьей, оттиски которой наиболее распространены, впоследствии будет обнаружен один-единственный неприбранный волос с правой стороны от силуэта. Для последующих изданий фолио в XVII в. использовалась та же самая доска, которая в конце концов стерлась. В 1685 г., когда было напечатано четвертое (и последнее) фолио, щетина покрыла подбородок, и цвет лица стал казаться темным, а блики — маслянистыми.

Нельзя сказать, что у этого портрета нет почитателей. «Какое сильное впечатление он производит, — восторгается доктор Рауз, — этот внимательный взгляд всепонимающих глаз, и что за лоб, что за мозг!»⁵⁶ Однако гравер изобразил не мозг, а всего лишь лоб, который другому зрителю показался «ужасным, как при водянке». Недостатки дройсхутовского портрета, увы, слишком очевидны. Огромная голова на блюде, образованном отворотами плочного воротника, над кафтаном, который непропорционально мал. Один глаз расположен ниже и больше по размерам, чем другой, с одной стороны лица волос меньше, чем с другой, свет исходит из нескольких точек. Непохоже, чтобы Дройсхут когда-нибудь рисовал Шекспира с натуры. Вероятно, он пользовался предоставленным ему рисунком, сделанным карандашом или пером. И все же редакторы фолио, хорошо знавшие Шекспира, не отрицали сходства, и Джонсон смог заставить себя написать несколько превосходных похвальных строк, напечатанных на соседнем с портретом листе. Без сомнения, лишь чрезмерно пропитательный читатель обнаружит скрытую насмешку в за-

ключительных словах Джонсона: «Черты, которых в меди нет, вам явит книга — не портрет».

На нескольких предшествующих тексту листах напечатаны посвящение этого фолио Уильяму Герберту, тре-

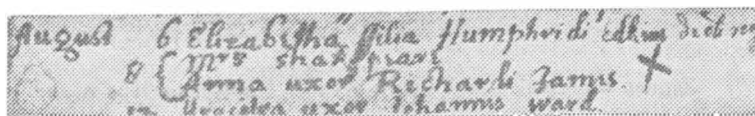

Гравюра работы Дройсхута, 1623 г.

тѣму в роду графу Пембруку (лорд-камергеру) и его младшему брату Филиппу, первому в роду графу Монтгомери, а также похвальные отзывы о драматурге в стихах и в прозе. В послании «К великому множеству читателей» издатели прославляли счастливую легкость, с которой писал их друг и коллега: «Его мысль всегда попевала за пером, и задуманное он выражал с такой легкостью, что в его рукописях мы не нашли почти никаких помарок». Они заявляли также, что пьесы, «которые ранее были исковерканы в различных краденых и незаконно добытых текстах, искалеченных и обезображенных плутами и ворами, обманно издавшими их, теперь представлены вашему вниманию вычлененными, и все их части в полном порядке: вместе с ними здесь даны в полном составе и все его прочие пьесы в том виде, в каком они были созданы их творцом». Рассмотреть, что подразумевается под этим утверждением, вызвавшим многие тома толкований, не входит в задачи биографа⁵⁷. Затем следуют стихи Джонсона, посвященные памяти сладкоголосого лебедя Эйвона, лучшие из стихотворений такого рода на английском языке. К ним тоже написано множество комментариев, и начиная с 1693 г., когда Драйден охарактеризовал их как «надменный, скудный и возмутительный панегирик», некоторые читатели стали различать подспудное поношение, скрытое под комплиментами. Указывалось и на то, что похвалы по большей части скупы и условны. Это, несомненно, так, однако по крайней мере пишущему эти строки отношение Джонсона представляется достаточно благожелательным⁵⁸. Далее следуют другие хвалебные стихотворения, написанные Хью Холландом, Леонардом Диггзом и А. М. и после них — текст тридцати шести пьес.

Вдова Шекспира дожила до того дня, когда она смогла увидеть памятник, установленный ему в стратфордской церкви; однако она умерла незадолго до опубликования этого фолианта. Медная доска на ее могильной плите в алтаре слева от плиты ее мужа сообщает нам, что она «ушла из сей жизни августа 6 дня; 1623. Будучи 67 лет от роду». Латинская эпитафия под этой надписью увековечивает память о матери — дарительнице жизни и млека. Из приходской книги мы узнаем, что она была похоронена 8 августа. Сюзан умерла 11 июля 1649 г. в возрасте

60 лет и через шесть дней была предана земле справа от своего мужа в том же алтаре. Дагдейл записал эпитафию, позднее стершуюся, а еще позднее восстановленную.

Запись о погребении Энн Шекспир, 8 августа 1623 г.

Джудит дожила до Реставрации. 9 февраля 1662 г., менее чем через две недели после того как ей исполнилось 77 лет, «Judith, uxor Thomas Quiney, Gent.» [«Джудит, супруга Томаса Куини, джент.»] была похоронена, как предполагают, на церковном кладбище. Она пережила своего брата-близнеца Гамнета на 66 лет. В этом роду женщины жили дольше мужчин. В 1693 г. Даудел сообщил предание, согласно которому «жена и дочери» Шекспира «хотели, чтобы их положили в одну могилу с ним», но, «боясь проклятия», никто не посмел «тронуть его могильную плиту».

Единственный ребенок Холлов дочь Элизабет в 1626 г. вышла замуж за Томаса Нэша. Он был старшим сыном Энтони Нэша, которому поэт завещал поминальное кольцо. Томас изучал право в «Линкольн инн», но никогда, по-видимому, не практиковал, имея возможность жить обеспеченно: помимо земли, он унаследовал на Бридж-стрит постоянный двор под названием «Медведь». Вероятно, эта чета жила в доме, который сейчас называют «Нэш-Хаус»; он примыкает к Нью-Плейс. Томас умер в 1647 г. пятидесяти лет от роду, и на его могильной плите был высечен герб Нэшей, Холлов и Шекспиров. Спустя два года,

Запись о погребении Сюзан Холл, 16 июля 1649 г.

5 июня 1649 г., Элизабет вышла вторично замуж за Джона Бернарда (или Барнарда) из поместья Эбингтон в Норт-

гемптоншире. Бракосочетание происходило в деревушке Билсли, в шести километрах к западу от Стратфорда.

Запись о погребении Джудит Куини, 9 февраля 1662 г.

У сорокалетнего провинциального сквайра, вдовца Бернарда было восемь детей от первой жены. После смерти своей матери Элизабет унаследовала объединенное состояние Шекспиров и Холлов, включая дом, где родился поэт, и Нью-Плейс, однако до конца своих дней жила с мужем в эбингтонском поместье. 25 ноября 1661 г. король Карл II пожаловал Бернарду титул баронета, поскольку тот сослужил чем-то государству во время гражданской войны. Леди Бернард умерла бездетной в 1670 г. на 61-м году жизни и, вероятно, была погребена вместе с другими Бернардами в сельской церкви, но ни памятника, ни могильной плиты не сохранилось*. К этому времени уже не было в живых сыновей Джудит Куини. «Он был лучшим в своем роду, — сказал Даудел о Шекспире, посетив стратфордскую церковь в 1693 г., — однако мужская линия семьи угасла». В настоящее время вся прямая линия родства — женская и мужская — прекратила свое существование.

Дома на Хенли-стрит перешли к Хартам, и они владели ими до 1806 г. Дом Нью-Плейс в конце концов вернулся к Клоптонам, которые первоначально построили его. В 1702 г. сэр Джон Клоптон значительно перестроил дом на неоклассический манер. Последний владелец, приходский священник Фрэнсис Гастрелл из Фродшема, снес Нью-Плейс в 1759 г. До наших дней сохранились лишь колодец и несколько камней фундамента. Нет здесь больше ни шекспировской лозы, ни шекспировской шелковицы, зато другая старинная шелковица, выросшая из побега той, которую, по преданию, посадил Шекспир, украшает лужайку большого сада около бывшего дома Шекспира.

* Элизабет была крещена 21 февраля 1608 г. и похоронена 17 февраля 1670 г., за два дня до своего дня рождения, когда ей должно было исполниться 62 года.

ПОСТСКРИПТУМ

В постскриптумах обычно приводятся слишком поздно полученные сведения или высказываются несколько запоздалые мысли. Ричард Хозли, чью главу о театральных помещениях из «Нового спутника для шекспировских исследований» (1971) мы цитировали (с. 191), вновь пересмотрел имевшиеся данные, на этот раз в более полном объеме, в своем труде «История английской драмы» под редакцией Клиффорда Лича и Т. У. Крейка (1975), гл. I, с. 119—235. Хотя Дж. Блейкмор Эванс включил шекспировское дополнение к сцене о «злосчастном майском дне» к пьесе «Сэр Томас Мор» в издание «Риверсайд Шекспир» (1974), в вопросе об авторстве Шекспира нет единодушия, о чем свидетельствуют две недавние скептические работы — эссе Хейза (см. ниже, с. 423, прим. 49) и статья Поля Рэмзи «Шекспир и новое рассмотрение «Сэра Томаса Мора» или суд над Маунти» (Paul Ramsey «Shakespeare and Sir Thomas More Revisited: or, a Mounty on the Trail Papers of the Bibliographical Society of America, LXX (1976). 333—346). Джеймс Фергюсон из Килкерана опубликовал полезные рассуждения о Лоуренсе Флетчере (см. с. 251) в книге «Кто скрывается за Макбетом и другие исследования» (L. Fergusson «The Man Behind Macbeth and other Studies (1969) p. 13—21), что касается супруги Шекспира (см. с. 135—136), то я получил письмо, датированное 19 октября 1976 г., от Жана Адемара, главного хранителя кабинета эстампов Национальной библиотеки. Он пишет: *La dame en question porte la fraise d'avant 1577; sa coiffure ne semble pas figurer dans les dessins français* *. Роланд Машет Фрай нашел сходство между этим изображением и работами неизвестного мастера, служившего у графини Уорик, написанными между 1567 и 1569 гг.

В 1977 г. Терри Хандс в своих постановках возродил все три части «Генри VI» (см. с. 215) в Королевском

* «Эта дама носит платье, характерное примерно для 1577 г., ее прическа не встречается на французских рисунках [этой эпохи]» (франц.).

шекспировском театре в Стратфорде-на-Эйвоне. Эти постановки с Алапом Хауардом в роли Генри, Эмрисом Джеймсом в роли Йорка и Хеллен Миррен в роли Маргариты довольно полно воспроизводили текст (каждая часть шла примерно два с половиной часа), к которому отнеслись с уважением, и все три, особенно вторая часть «Генри VI», были тепло приняты зрителями. На единовременное представление сразу в один день всех трех пьес билеты были распроданы за несколько месяцев до спектакля.

Что касается предполагаемой неграмотности Джона Шекспира, то я могу поделиться с читателями сообщением (от 24 марта 1977 г.), полученным мной от Дэвида Кресси, который изучает проблему уровня грамотности в тюдоровской и стюартовской Англии. Профессор Кресси пишет:

Все данные о системе образования в елизаветинскую эпоху предполагают, что дети учились писать лишь после того, как овладевали первоначальными навыками чтения. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что многие лица, получившие скромное образование, к числу которых принадлежали люди, подобные Джону Шекспиру, были неспособны написать свое имя, хотя, вероятно, могли читать. В большинстве случаев пользование знаком означает малограмотность или неграмотность. В середине XVII в., в период, который хорошо освещен документально, около 70% англичан-мужчин не умели подписать свое имя. У их сестер и жен дела обстояли хуже — 90% женщин были неграмотны. Эти цифры говорят о повышении уровня образования с середины эпохи Тюдоров. Поколение Уильяма Шекспира было более грамотным, чем поколение его отца. Революция в образовании, происшедшая при Елизавете, сказалась в повышении грамотности всех социальных групп. К 1600 г. уровень грамотности может быть выражен следующим образом в % (проценты представляют неспособных расписаться):

Духовенство и ученые профессии	0
Нетитулованное мелкопоместное дворянство	2

Йомены	35
Торговцы и ремесленники	44
Земледельцы	79
Наемные рабочие	85
Женщины всех слоев общества	89

Среди ремесленников, как я обнаружил, приблизительно 44% перчаточников не умели расписаться. Эти цифры извлечены из данных о Восточной Англии (Норидж и окружающая сельская местность), но я предполагаю, что они равно могут быть отнесены к Стратфорду и Уорикширу.

Что касается недостаточности познаний Шекспира в библии (с. 94—95), то Лоуренс Дж. Росс не считает доказательным объединение Шекспиром в одном лице Сатаны и Люцифера; Росс также замечает, что приветствие «All hail» * встречается в «Плодотворных поучениях страсти» Кавердейла, а также в «Предавших Христа» (1598) Самюэля Роулэндса, где это приветствие «порой употребляется в такой форме, чтобы противопоставить Марию и Иуду» (Two Supposed «Defects in Shakespeare's Biblical knowledge», Notes and Queries, sciii (1958) 462—463).

Соглашение между Боттом и Клоптоном в 1563 г. (см. с. 300) находится в Фолджеровской шекспировской библиотеке (MS. Z. с. 36(100)). В нем упомянуты «весь его основной жилой дом и относящийся к нему сад» на Чэпел-стрит. Этими сведениями я обязан Марку Экклзу.

Неясно, кто перестраивал Нью-Плейс — Джон Клоптон (см. с. 400) или его второй сын, Хью, которому отец передал права на него в пожизненное пользование 20 января 1700 г. По-видимому, за этим семейным предприятием стоит нечто большее, чем рассказывают те несколько документов, которыми располагает архив дома-музея Шекспира. Однако разумно заключить, что перестройку осуществил сэр Джон, хотя, возможно, на одолженные деньги, которые затем обязался возратить Хью. Такой интерпретации сложной и порой запутанной последовательности событий я обязан хранителю архива дома-музея Шекспира Роберту Берману, который отвечал на мои запросы терпеливо и скрупулезно.

* См. с. 95.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

1. ГОРОД СТРАТФОРД И СТРАТФОРДСКАЯ ЦЕРКОВЬ

1. При изложении истории Стратфорда я в основном использовал работу: *Levi Fox, The Borough Town of Stratford-upon-Avon*, (Stratford-upon-Avon 1953), и в чуть меньшей степени труд *Sidney Lee, Stratford-on-Avon from the Earliest Times of the Death of Shakespeare* (rev. ed., 1907); а также работу: *R. B. Wheeler, History and Antiquities of Stratford-upon-Avon* (Stratford-upon-Avon 1806), и работу *Philip Styles, Borough of Stratford-upon-Avon* в книге «*The Victoria History of the County of Warwick* (1904—69), iii. 221—82. В работе *A. L. Rowse, William Shakespeare* (1963) воскрешаются детали уорикширского окружения.

2. *William Harrison, The Description of England*, в *Raphael Holinshed, The First and Second Volumes of Chronicles* (1587), i. 202.

3. *John Leland, Itinerary*, ed. *Lucy Toulmin Smith* (1907—10), ii. 48.

4. В процитированной фразе содержится первое упоминание о кирпичных домах в Стратфорде; кирпич использовался лишь для кладки труб дымохода и стал распространенным материалом лишь после Реставрации (*Victoria History*, iii. 223).

5. Подробное описание церкви св. Троицы (которое показалось мне наиболее ценным) изложено в работе: *Harvey Bloom, Shakespeare's Church, otherwise the Collegiate Church of the Holy Trinity of Stratford-upon-Avon* (1902); описание технических деталей см. также в: *Victoria History*, iii. 269—76.

6. «*A Short History of Stratford-on-Avon, Written in Ballad Form by an Old Warwickshire Boy*» (Privately Printed, 1926), verse 12. Эта анонимная баллада написана *A. K. Хэндзом*.

7. *Уильям Холл* сообщает об этом в письме (1694) к *Эдварду Туэйтсу* (Bodleian Library, MS. Rawlinson D. 377, f. 90; S S, item 205, p. 251).

8. См. гл. 3 «*Потомки Джона Шекспира*».

9. «*The registers of Stratford-on-Avon, in the County of Warwick*», ed. *Richard Savage* (Parish Register Society, 1897—1905), i, pref., pp. vi-vii; ME, 51.

10. «*Registrum Annalium Collegii Mertonensis 1483—1521*», ed. *H. E. Salter* (Oxford Historical Society Publications, lxxvi; Oxford, 1923), pp. xxxiv, 98; Роберт Берли упоминал эту публикацию в письме в «*Таймс*» от 3 мая 1976 г.

2. СЕМЕЙСТВО ШЕКСПИРОВ: ИЗ СНИТЕРФИЛДА В СТРАТФОРД

1. Более подробное описание Снитерфилда см. в работе: L. F. Saltzman, 'Snitterfield', *The Victoria History of the County of Warwick* (1904—69), iii. 167—172. ME (7—12) кратко очерпывает все, что нам известно о Ричарде и его сыновьях.

2. Этот документ из архива гражданских актов (E 202/327, 2 Eliz), прежде неизвестный ученым, был найден покойным Тэнджи Лином.

3. Henry Swinburne, *A Briefe Treatise of Testaments and Last Willes* (1590), f. 220; процитирован в: J. O. Halliwell-Phillips, *Outlines of the Life of Shakespeare* (7th ed., 1887), ii. 245.

4. См.: Charles Isaac Elton, *William Shakespeare: His Family and Friends* (1904), pp. 349—350.

5. F. P. Wilson, *The Plague in Shakespeare's London* (Oxford, 1927), p. 26.

6. Edgar I. Fripp, *Shakespeare: Man and Artist* (1938), i. 73.

7. См.: G. R. French, *Shakespeareana Genealogica* (1869), pp. 416—524; EKC, ii. 28—32; и ME, 12—15. Последний также содержит авторитетные сведения по вопросам, связанным с родом Арденов из Уилмкота (15—23).

8. Более подробное техническое описание дома см. в работе: Philip Styles, Aston Cantlow, *Victoria History*, iii. 32—33.

3. ПОТОМКИ ДЖОНА ШЕКСПИРА

1. Завещание и опись имущества Бретчгердла были расшифрованы Ричардом Сэвиджем и опубликованы в труде: Edgar I. Fripp, *Shakespeare Studies, Biographical and Literary* (1930), pp. 23—31. О Дайосе и Бретчгердле см. «Minutes and Accounts of the Corporation of Stratford-upon-Avon», ed. Richard Savage and Edgar I. Fripp; *Publications of the Dugdale Society* (Oxford and London, 1924—30), i, pp. xlvii—xlviii, 101—2; ii, 110; Fripp, *Shakespeare: Man and Artist* (1938), i. 37—8, 41—2.

2. Sidney Lee, *A Life of William Shakespeare* (4th ed. of revised version, 1925), p. 8.

3. В вопросе об определении даты рождения я пользовался главным образом EKC (ii. 1—2), где резюмированы и проанализированы предшествующие исследования, но, кроме этого, я справлялся с работой: Fripp, *Shakespeare: Man and Artist*, i. 38; и Charles Isaac Elton, *William Shakespeare: His Family and Friends* (1904), p. 22—25, еще достаточно полезной, чтобы игнорировать ее.

4. Fripp, *Shakespeare*, i. 40.

5. William Shakespeare, *Plays and Poems*, ed. Edmond Malone (1790), vol. i, pt. 1, p. 124n. Полет фантазии Мэлона показался чрезмерным одному из современных читателей, преподающему Джону Хорну Туку; в своем экземпляре книги он небреж-

но написал рядом с этим отрывком: «Увы, ежедневно, господин Мэлон!», а затем выразил свою неприязнь одним сильным выражением: «Ну и ну!» (Folger Shakespeare Library, PR 2752. 1790c. Sh. Col., сору 4).

6. Дж. О. Холиуэл-Филиппс («*Outlines of the Life of Shakespeare*» (7th ed., 1887), ii. 298) обнаружил это судебное дело в архиве. Не обнаружив имени Гилберта Шекспира в приходской книге Св. Бригитты и в сборниках отчетов Достопочтенной гильдии галантерейщиков (в которых, однако, сообщалось имя некоего Гилберта Шепарда (Shepherd), подтвердившего свои права в 1579 г.) и не будучи готовой к тому, чтобы «одолеть от начала до конца все эти 6 томов, содержащих составленные мелким почерком краткие отчеты на латыни о судебных делах, образующие *Coram Rege Roll* за 1597 г.», Ш. К. Стоупс пришла к заключению, что Холиуэл-Филиппс, должно быть, ошибался. (*Shakespeare's Environment* (1914), pp. 64—65). Но неправа была она, а он был прав.

7. ME, 108.

8. См. ниже.

9. В работе Stopes, *Shakespeare's Environment*, pp. 333—334, приводятся несколько таких записей.

10. История домов на Хемли-стрит авторитетно рассказана в работе: Levi Fox, *The Heritage of Shakespeare's Birthplace, Shakespeare Survey 1* (Cambridge, 1948), pp. 79—88.

11. E. R. C. Brinkworth, *Shakespeare and the Bawdy Court of Stratford* (1972), pp. 110, 141. Марк Экклз в своем отзыве на эту работу Бринкворта делает предположение о существовании проступка (Mark Eccles, *Modern Language Review*, lix (1974), 373).

12. G. E. Bentley, *Shakespeare: A Biographical Handbook* (New Haven, 1961), p. 81.

13. «*The Great Frost; cold doings in London*» (1608); цитируется Фриппом (Edgar J. Fripp, *Shakespeare*, ii. 687), который высказывает предположение о роли Шекспира в организации похорон.

4. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ

1. Edgar J. Fripp, *Shakespeare: Man and Artist* (1938), i. 36. Фрипп не документирует эту передачу. ME (p. 8) просто указывает на то, что «Джон Шекспир, возможно, продал свой копигольд, поскольку его имя не появляется в протоколах манориального суда за 1574 и последующие годы».

2. Сэмюэль Танненбаум напечатал полный текст этого документа в «*A Neglected Shakespeare Document*», *Shakespeare Association Bulletin*, vi (1931), 111—2. ME (32) ошибочно указал в качестве даты 19 июля 1586 вместо 1587.

3. Этот документ, находящийся среди саквильских бумаг, помещенных в архиве графства Кент, был опубликован в: Hugh A. Hanley, *Shakespeare's Family in Stratford Records, The Times Literary Supplement* (21 May 1964), 441.

4. Sir Richard Phillips, в *The Monthly Magazine; or British Register*, xlv (1818), 2; EKC, ii. 299.

5. Leslie Hotson, *Three Shakespeares, Shakespeare's*

Sonnets Dated and Other Essays (1949), p. 23f. Хотсон обнаружил это судебное дело.

6. Две из четырех попыток Хигферда были ранее отмечены Эдгаром Фриппом (см. «Shakespeare: Man and Artist» (1938), i. 71n). Две другие были описаны в бумагах Тэнджи Лина, сославшегося на Public Record Office, CP 40 1352, Hilary 20 Eliz., and CP 40 1356, Easter 20 Eliz.

7. «Minutes and Accounts of the Corporation of Stratford-upon-Avon» ed. Richard Savage and Edgar I. Frupp; Publications of the Dugdale Society (Oxford and London, 1921—30), i, pp. xxi—xxii, xxxiv—xxxv; см. также Шекспир Уильям. Полн. собр. соч., т. 2, с. 191

8. Frupp, Shakespeare, i. 34; *The Victoria History of the County of Warwick* (1904—69), iii. 254.

9. Frupp, Shakespeare, i. 43. Подробностями жизни городской корпорации и местных обычаев я обязан главным образом Фриппу.

10. Трест по опеке над домом-музеем У. Шекспира хранит образец такой распорки перчаточника в музейном собрании в доме Мэри Арден.

11. John Ferne, *The Blazon of Gentry* (1586), the first part, *The Glorie of Generositie*, pp. 58—60; цитируется (частично) в ЕКС, ii. 25.

12. См. с. 293—296.

13. ME, 29—30.

14. Там же, p. 31.

15. Любопытно, что три имени, использованные Шекспиром в «Генри V», — Флюэллен, Бардольф и Корт — появляются в этом списке — Флюэллен и Бардольф среди девяти, а Корт — в следующей группе.

16. ME, 34—4. Помощь ME неоценима во всем, что касается карьеры Джона Шекспира.

17. Сборник отчетов муниципального совета цитируется в Frupp, *Master Richard Quyn* (Oxford, 1924), p. 132. Дуглас Хеймер обращал внимание на экономические условия в своем отзыве на мою книгу «Shakespeare's Lives» (Oxford, 1970) в: *Review of English Studies*, n. s., xxxii (1971), 483—4.

18. Lewis Bayly, *The Practise of Pietie* (1613 ed.), p. 554; цитировано (в изд. 1699) в работе: Frupp, Quyn, p. 101. К 1842 г. этот поучительный трактат выдержал семьдесят пять изданий. О двух стратфордских пожарах см. также Frupp, Shakespeare, i. 402—403, 419.

5. ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ДЖОНА ШЕКСПИРА

1. ME, 36—37.

2. Письмо, датированное 14 июня 1784 г., цитируется в работе: J. O. Halliwell-Phillips, *Outlines of the Life of Shakespeare* (7th ed., 1887), ii. 399.

3. William Shakespeare, *Plays and Poems*, ed. Edmond Malone (1790), vol. i, pt. 2, pp. 161—162.

4. Там же, pp. 162—166. Я модернизировал написание этих статей и следующие.

5. Malone, An Inquiry into the Authenticity of Certain Miscellaneous Papers and Legal Instruments (1796), pp. 198—9.

6. Вопросы поставил Джеймс Дж. Макменуей в работе «John Shakespeare's «Spiritual Testament», *Shakespeare Quarterly*, xviii (1967), 197—205; перепечатано в книге: McManaway, *Studies in Shakespeare, Bibliography, and Theater*, ed. Richard Hosley, Arthur C. Kirsch, and John W. Velz (New York, 1969), pp. 293—304.

7. Sidney Lee, *A Life of William Shakespeare* (4th ed. of revised version, 1925), p. 647.

8. «Testamento o Ultima Voluntad del Alma hecho en Salud para asegurarse el christiano de las tentaciones del Demonio, en la hora de la muerte»; Herbert Thurston, *A Controverted Shakespeare Document. The Dublin Review*, clxxiii (1923), 165. Я привожу перевод Терстона.

9. Цитировано в: John Henry de Groot, *The Shakespeares and 'The Old Faith'* (New York, 1946), p. 88.

10. «The Contract and Testament of the Soule», pp. 45—50. Этот уникальный экземпляр духовного завещания, находящийся теперь в Folger Shakespeare Library (shelfmark: STC 5645.5), факсимильно воспроизведен в книге SS, 44—5 (item 52).

11. Это высказывание секретаря городской корпорации Томаса Уилкса приводится в: Peter Milward, *Shakespeare's Religious Background* (Bloomington and London, 1973), p. 21.

12. «Minutes and Accounts of the Corporation of Stratford-upon-Avon», ed. Richard Savage and Edgar I. Fripp; *Publications of the Dugdale Society* (Oxford and London, 1921—30), i. 138; ii, pp. xxv, 47, 49, 54.

6. ВЕРА И ЗНАНИЕ

1. То, что он был капелланом,— разумное предположение ЕКС, ii 256.

2. «Articles of Grindal and Sandys», вышедшие в 1571; их цитирует преподобный Рональд Бейн в главе «Religion» в «Shakespeare's England» (Oxford, 1916) i. 63. Бейн дает краткий обзор этого вопроса.

3. По поводу этого отрывка Бейн замечает: «Эти слова, видимо, выражают некоторую гордость по поводу отказа облачаться в стихарь и все же предполагают уважение к религиозному рвению тех, кто носит черную рясу» («Religion», i. 56).

4. Richmond Noble, *Shakespeare's Biblical Knowledge and Use of the Book of Common Prayer as Exemplified in the Plays of the First Folio* (1935), pp. 14—15.

5. «Articles of Grindal and Sandys», их цитирует Бейн в «Religion», i. 63.

6. Noble, *Shakespeare's Biblical Knowledge*, p. 20. Сведениями об использовании Шекспиром Библии я в особенности обязан Ноблу.

7. Там же, pp. 69, 86—87.

8. Edgar J. Fripp, *Shakespeare: Man and Artist* (1938), i. 85—86.
9. Alfred Hart, *Shakespeare and the Homilies* (Melbourne, 1934), pp. 9—76; см. в особенности p. 67.
10. A. L. Rowse, *William Shakespeare: A Biography* (1963), p. 43.
11. Там же, p. 451.
12. См.: V. Roland Lewis, *The Shakespeare Documents* (Stanford, 1940), ii. 481—482; и ниже, с. 377. Эту точку зрения ранее высказал Холиуэл-Филиппс в своей работе «*Outlines of the Life of Shakespeare*» (7th ed., 1887), i. 263—264. Разумеется, католики сознавали, что завещания будут утверждаться англиканскими властями.
13. См. ниже с. 362—363.
14. См. весьма ценное приложение, 'The Roman Catholic Censorship of Shakespeare: 1641—1651', которое сделал к своей работе Роланд Машет Фрай (Roland Mushat Frye, *Shakespeare and Christian Doctrine*) (Princeton, 1963), pp. 275—293, esp. 282—288. Эти изъятия делались в экземпляре фолио 1632, предназначенного для учащихся Английского колледжа в Вальядолиде, Испания.
15. Frank Mathew, *An Image of Shakespeare* (1922), p. 391; цитируется в: John Henry de Groot, *The Shakespeares and 'The Old Faith'* (New York, 1946), p. 170. Я в основном обязан де Грооту всеми сведениями, касающимися, говоря его словами, «положительных указаний на уважительное отношение Шекспира к старой вере», но я также пользовался более современным исследованием: Peter Milward, *Shakespeare's Religious Background* (Bloomington and London, 1973), хотя пользоваться этой пристрастной работой следует осторожно.
16. Frye, *Shakespeare and Christian Doctrine*, pp. 262—263.
17. Milward, *Shakespeare's Religious Background*, pp. 24, 78.
18. Alexander Nowell, *A Catechisme, or first Instruction and Learning of Christian Religion*, transl. T. Norton (1570), sig. B1.
19. О женском образовании см. главу, касающуюся этого предмета в: Carrol Camden, *The Elizabethan Woman* (Houston, 1952), pp. 37—58.
20. Исчерпывающее описание системы обучения см. в: T. W. Baldwin, *William Shakspeare's Petty School* (Urbana, Ill., 1943).
21. Наилучшим образом изложенный и наиболее достоверный рассказ об этих педагогах см. в: М. Е., 54—8; см. также Fripp, *Shakespeare*, i. 89—92.
22. John Brinsley, *Ludus Literarius: or, The Grammar Schoole* (1612), p. 88; цитируется по изд. 1627 г.) в: Baldwin, *William Shakspeare's Small Latine and Lesse Greeke* (Urbana, Ill., 1944), i. 567.
23. Fane MS., f. 177, напечатано в: E. M. Martin, *Shakespeare in a Seventeenth Century Manuscript*, *English Review*, li (1930), 484—9; см. также Fripp, *Shakespeare*, i. 401—402, and ME, 57.
24. John Clarke, *An Essay upon the Education of Youth*

in *Grammar-Schools* (1720), pp. 86—87; цитируется в: *Baldwin, Shakspeare's Small Latine*, i. 594n.

25. «*Colloquia Mensalia*: or, Dr Martin Luther's Divine Discourses...», transl. Henry Bell (1652), p. 532; цитируется в: *Baldwin, Shakspeare's Small Latine*, i. 609.

26. *Brinsley, Ludus Literarius*, p. 191; цитируется (по изд. 1627) в: *Baldwin, Shakspeare's Small Latine*, i. 380.

27. См: *Philip J. Finkelpearl, John Marston of the Middle Temple: An Elizabethan Dramatist in His Social Setting* (Cambridge, Mass., 1969).

28. *Baldwin, Shakspeare's Small Latine*, ii. 663. Болдуин должен считаться главным авторитетом во всех вопросах, связанных с образованием, которое давала грамматическая школа в этот период. Этот предмет широко обсуждался. Из более ранних трактовок глава «*Schooling*» в книге *Joseph Quincy Adams, A Life of William Shakespeare* (Boston and New York, 1923), pp. 48—60, хотя книга в настоящее время, как и следовало ожидать, несколько устарела, представляет полезный общий обзор и включает в себя много подходящих упоминаний Шекспира об обучении в школе. Превосходное более позднее эссе — *M. H. Curtis, 'Education and Apprenticeship'*, *Shakespeare Survey* 17 (Cambridge, 1964), pp. 53—72. Он помещает систему школ в определенный контекст: «Стройная, четкая система» школ в тюдоровской Англии представляет собой достижение, «проникнутое и вдохновленное духом века».

29. *Bodleian Library, MS. Arch. F. c. 37* (ранее *Aubrey MS. 6, f. 109*); *SS. item 57, p. 58*.

30. *ME*, 62 в порядке рабочей гипотезы предполагает, что Шекспир завещал Ричарду Тейлеру-старшему 26 шиллингов 8 пенсов на покупку поминального кольца, но впоследствии заменил его уже именем Гамнета Сэдлера; см. ниже, с. 379.

7. РАННИЕ ЗАНЯТИЯ И РАННИЙ БРАК

1. *Nicholas Rowe, Some Account of the Life, &c. of Mr. William Shakespear in Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i. pp. ii—iii.

2. *Thomas Elyot, The Booke Named the Governour* (1531 ed.), f. 60 (sig. H4). Цитируется в: *Joseph Quincy Adams, A Life of William Shakespeare* (Boston and New York, 1923), pp. 61—62.

3. *Bodleian Library, MS. Arch. F. c. 37* (ранее *Aubrey MS. 6, f. 109*); *SS. item 57, p. 58*.

4. Этим соображением я обязан отзыву Дугласа Хеймера (*Douglas Hamer*) на мою работу «*Shakespeare's Lives*» (*Oxford, 1970*) в *The Review of English Studies*, n.s., xxxii (1971), 484.

5. *Edgar I. Fripp, Shakespeare: Man and Artist* (1938), i. 79—80.

6. Работа *Joseph William Gray, Shakespeare's Marriage* (1905), остается наиболее полной и самой авторитетной трактовкой этого предмета, хотя я равным образом пользовался также *ЕКС* (ii. 43—52) в последующем изложении. *ME* (63—70) также представляет цен-

ность. По поводу этого эпизода у биографа было достаточно материала.

7. *Sidney Lee, A Life of William Shakespeare* (4th ed. of revised version, 1925), p. 29. Ли нашел возможным оставить этот отрывок (напечатанный в изд. 1898) в этом последнем прижизненном издании без изменения несмотря на то, что двадцатью годами ранее Грей опроверг заключение Ли в своей работе «*Shakespeare's Marriage*», pp. 48—57.

8. Более подробное описание дома Энн Хетеуей см. в: *The Victoria History of the County of Warwick* (1904—69), iii. 235; менее специальными, но не менее достоверными являются описания Леви Фокса в: *Levi Fox, Pictorial Guide, Anne Hathaway's Cottage* (1964), and *The Shakespearian Properties* (1964).

9. Дж. О. Холиуэл-Филиппс говорит о «Mrs Ann Shakespeare», которая «в тогдашней транскрипции упоминается] в записи о погребении (*Outlines of the Life of Shakespeare* (7th ed., 1887), ii. 372).

10. См. ME, 63, где содержатся приведенные и иные примеры.

11. Вустерские печати изучены Греем в «*Shakespeare's Marriage*», pp. 33—35.

12. *Anthony Burgess, Shakespeare* (New York, 1970), pp. 57—60. Разумеется, имена оглашались один раз, а не два.

13. *Lee, Life of William Shakespeare*, p. 31.

14. О Фрите см. ME (66), чьи транскрипции я цитирую; Темпл Графтон подробно описан Philip Styles, в *Victoria History*, iii. 94—100.

15. *S. W. Fulford, History of William Shakespeare, Player and Poet: with New Facts and Traditions* (1862), p. 202.

16. О причудах Фултона см.: *S. Schoenbaum, Shakespeare's Lives* (Oxford, 1970), pp. 479—482.

17. *Gray, Shakespeare's Marriage*, p. 236.

18. *William Harrington, The Commendations of Matrimony* (n.d.), sig. A4^v.

19. Об Элис Шоу и Уильяме Холдере см. свидетельские показания на их процессе в: *Halliwell-Phillips, Outlines*, i. 64—5; *Gray, Shakespeare's Marriage*, pp. 190—192; ME, 66.

20. *Andrew Gurr, Shakespeare's First Poem: Sonnet 145, Essays in Criticism*, xxi (1971), 221—226.

21. См. *F. W. Bateson's postscript to Gurr*, p. 226.

22. О портрете Колгейта см.: *George M. Friend, A Possible Portrait of Anne Hathaway, Philobiblon*, No. 9 (Spring 1972), 44—51. Дуглас Хеймер писал позднее: «Рисунок скопирован с портрета, автором которого почти несомненно был Клуэ (умер в 1572 г.), и который является французским, а не тюдоровским». Это интересная и достаточно неясно изложенная гипотеза. Я показал рисунок доктору Гарольду Йоахиму, хранителю гравюр и рисунков в Чикагском институте искусств; он не считает, что это Клуэ или во всяком случае рисунок французского происхождения.

23. ME, 70.

24. Цитировано ME, 51.

8. УТРАЧЕННЫЕ ГОДЫ

1. William Shakespeare, Works, ed. Sir Thomas Hanmer (2nd ed., 1770), vi, *Glossary*, s.v. *Wincote*; ЕКС, ii. 288.

2. «Letter from the Place of Shakespear's Nativity», *British Magazine, or Monthly Repository for Gentlemen and Ladies*, iii (1762), 301.

3. John Jordan, из «рукописи, написанной около 1770 г.», напечатано в: J. O. Halliwell-Phillipps, *Outlines of the Life of Shakespeare* (7th ed., 1887), ii. 326. Рукопись в настоящее время находится в Folger Shakespeare Library (shelfmark: S.a. 118), но текст ее не полон.

4. Samuel Ireland, *Picturesque Views on the Upper, or Warwickshire Avon...* (1795), p. 233.

5. R. B. Wheeler, *Collectanea de Stratford*, p. 202, in Shakespeare Birthplace Trust Records Office; shelfmark: MS.ER 1/8.

6. Nicholas Rowe, *Some Account of the Life, &c. of Mr. William Shakespear*, в: Shakespeare, Works, ed. Rowe (1709), i, p.v.

7. Там же, i, pp. xvii, xviii.

8. A. L. Rowse, *The Elizabethan Renaissance: The Life of the Society* (New York, 1971), p. 205, Пауз отмечает страсть елизаветинцев к браконьерству и перечисляет ряд духовных лиц и учащихся Белиол-Колледжа, которые предавались этому занятию в свободное время.

9. Shakespeare, *Plays and Poems*, ed. Edmond Malone (1790), vol. i, pt. 1, pp. 106—107n. Мэлон вновь напечатал эти стихи в этом собрании сочинений с комментариями и вариантами (*Variorum*), недвусмысленно объявив их стихотворной подделкой «некой поэтессы-песенницы из Стратфорда» (ii. 144). Рукопись «Истории театра», видимо, исчезла.

10. Shakespeare, Works, ed. George Steevens (1778), i. *The Merry Wives of Windsor*, p. 223n.

11. «William Shakespeare», *Biographia Britannica* (1747—66), vol. vi, pt. 1, p. 3628. Перепечатано в ЕКС, ii, 287. Рукописная пометка на титульном листе экземпляра, хранящегося в Бодлевской библиотеке (Оксфорд), отождествляет «Р» с Филипом Никольсом (Philip Nichols), который написал ряд статей для *Biographia Britannica*. Стрелой, о которой говорится в отрывке, является комедия «Виндзорские насмешницы».

12. Mary Elizabeth Lucy, *Biography of the Lucy Family, of Charlecote Park, in the County of Warwick* (1862), pp. 12—13.

13. Henry James, *English Hours* (1905), p. 201. Глава «In Warwickshire» датирована 1877 г.

14. Живое описание дома и его местоположения содержатся в: Alice Fairfax-Lucy, *Charlecote and the Lucys: The Chronicle of an English Family* (1958), pp. 10—11, 68ff. В этой увлекательной и информативной книге я нашел много фактов и подробностей для данной главы. О Люси и об эпизоде с браконьерской охотой очень много написано. Из самых ранних авторитетов наиболее

полезен Малон (E. Malone, *Shakespeare, Plays and Poems* (1821), ii. 118—49); наиболее авторитетное современное описание эпизода содержится по обыкновению в ЕКС, ii. 18—21, которому я (и не один я) многим обязан. Я также пользовался работой: John Semple Smart, *Shakespeare: Truth and Tradition* (1928), pp. 89—104.

15. William Blackstone, *Commentaries on the Laws of England* (1765—9), ii. 38; цитируется в: Edmond Malone, *The Life of William Shakspeare* (*Shakespeare, Plays and Poems*, ed. Malone (1821), ii. 147).

16. Samuel Ireland, *Picturesque Views on the Upper, or Warwickshire Avon...* (1795), p. 154.

17. *The Journal of Sir Walter Scott*, ed. W.E.K. Anderson (Oxford, 1972), p. 454.

18. Fairfax-Lucy, *Charlecote and the Lucys*, p. 9.

19. 1584 г. дается в качестве даты в ME, 76; 1583 — в Fairfax-Lucy, *Charlecote and the Lucys*, p. 85. Возможно, причиной расхождения в датировке является несоответствие старого и нового стилей.

20. Процитировано в: Fairfax-Lucy, *Charlecote and the Lucys*, p. 13. Я переписал эпитафию непосредственно с могильной плиты.

21. Относительно других гербов, на которых изображались щуки, см. Leslie Hotson, *Shakespeare versus Shallow* (1931), p. 92.

22. Fairfax-Lucy, *Charlecote and the Lucys*, pp. 129—130.

23. Там же, p. 5.

24. Folger Shakespeare Library, MS. V.a. 74; SS, item 218, p. 262.

25. 'An Attempt to Ascertain the Order in which the Plays of Shakspeare Were Written', в: Shakespeare, *Plays and Poems*, ed. Edmond Malone (1790), vol. i, pt. 1, p. 307; см. также p. 104n.

26. John Campbell, *Shakespeare's Legal Acquirements Considered* (1859), p. 23.

27. William J. Thomas, *Was Shakespeare Ever a Soldier?*, *Three Notelets on Shakespeare* (1865), p. 136. Запись в роуингтонском списке сначала заметил Роберт Лемон из Государственного архива (State Paper Office) и передал Дж. Пейну Коллиеру, который обсуждает эти сведения, не приходя к какому-либо положительному заключению во втором издании 'The Life of William Shakespeare', опубликованном в 1858 г. в «Shakespeare» (i. 181).

28. Bodleian Library, MS. Arch. F.c. 37 (ранее Aubrey MS. 6, f. 109); SS, item 57, p. 58.

29. Согласно обособванному суждению Дж. Э. Бентли; см. его рассказ о Бпстоне в G. E. Bentley, *The Jacobean and Caroline Stage* Oxford, 1941—68), ii. 363—70.

30. Как предполагает ЕКС.

31. Thomas Fuller, *The Holy State and Profane State* (Cambridge, 1642), p. 109; цитировано в: Joseph Quincy Adams, *A Life of William Shakespeare* (Boston and New York, 1923), p. 93.

32. «Autobiography», цитируется в ME, 73—4. «Autobiography»

перепечатана в: A. L. Rowse, *Simon Forman* (1974), pp. 267—278.

33. ME, 83; он соответствующим образом ссылается на «Двух веронцев».

34. Об Уильяме Шекспифе см.: Oliver Baker, *In Shakespeare's Warwickshire and the Unknown Years* (1937), pp. 297—319; E. K. Chambers, *William Shakeshafte, Shakespearean Gleanings* (1944), pp. 52—56 (эссе, датированное 1943 г., было впервые опубликовано в этом сборнике); Leslie Hotson, John Jackson and Thomas Savage, *Shakespeare's Sonnets Dated and Other Essays* (1949), pp. 125—140 (впервые опубликовано в этом сборнике); Robert Stevenson, *William Shakespeare and William Shakeshafte, Shakespeare's Religious Frontier* (The Hague, 1958), pp. 67—83; Douglas Hamer, *Was William Shakespeare William Shakeshafte?*, *The Review of English Studies*, n.s., xxi (1970), 41—48; Peter Milward, *Shakespeare's Religious Background* (Bloomington and London, 1973), pp. 40—42. О Ричарде Шекспифе — Шекстафе см. также: John Pym Yeatman, *The Gentle Shakspeare: A Vindication* (Birmingham, 1911), p. 172; C. C. Storey, *Shakespeare's Environment* (1914), p. 16; ЕКС, ii. 27; ME, 7—8. Цитата из Милуорда — на p. 42

35. [Robert Laneham], *A Letter: Whearin, part of the entertainment untoo the Queenz Majesty, At Killingwoorth Castl, in Warwik Sheer in this Soomerz Progress 1575. iz signified...* (n.d.), p. 43.

36. ЕКС, i. 39—41.

37. Открытием истории об убийстве Нелла мы обязаны ME, 82—83, рассказу которого я следовал.

9. ЛОНДОН И ЛОНДОНСКИЕ ТЕАТРЫ

1. Bodleian Library, MS. Arch. F.c. 37 (ранее Aubrey MS. 6, f. 109); SS, item 57, p. 58.

2. В этом маршруте я следовал в основном за Генри Уитли. См.: Henry W. Heathley, *London and the Life of the Town, Shakespeare's England* (Oxford, 1916), ii. 153, однако в работе Charles Isaac Elton, *William Shakespeare: His Family and Friends* (1904), pp. 179—193, я нашел некоторые детали. Для общей картины елизаветинского Лондона мне показались наиболее подходящими два более ранних описания: T. Fairman Ordish, *Shakespeare's London* (2nd ed., 1904) и H. T. Stephenson, *Shakespeare's London* (New York, 1905); а также, разумеется, книга Стоу (см. прим. 9) была для меня неоценимым пособием, в то время как в кратком обозрении Уитли я нашел несколько подробностей.

3. John Taylor, *Taylor on Thame Isis: or the Description of the Two Famous Rivers of Thame and Isis...* (1632), sig. B1v.

4. «The Diary of Henry Machyn», ed. John Gough Nichols (Camden Society, 1848), p. 196; цитируется в: A. L. Rowse, *The England of Elizabeth* (1950), pp. 213—214. Мне очень помогла глава «London and the Towns» Пауза.

5. Michael Drayton, *Polyolbion* (1613), p. 259.

6. «Paul Hentzner's Travels in England, During the Reign of Queen Elizabeth», transl. Richard Bentley (1797), p. 3. На титульном листе перевод ошибочно приписан Хорасу Уолполу.

7. Frederick, Duke of Württemberg, A True and Faithful Narrative of the Bathing Excursion..., «England as Seen by Foreigners in the Days of Elizabeth and James the First», transl. and ed. William Brenchley Rye (1865), p. 9. Повествование о путешествиях герцога фактически написано его компаньоном и личным секретарем Якобом Ратгебом.

8. «JLl. erected» в шекспировском тексте означает не «плохо построенный», а «построенный с дурными последствиями». Это замечание я заимствовал у Rowse, *The Tower of London in the History of the Nation* (1972).

9. John Stow, *A Survey of London* reprinted from the text of 1603, ed. C. L. Kingsford (Oxford, 1908), i. 59; Wheatley, 'London', p. 157.

10. Этот знакомый эпизод впечатляюще пересказан в: Rowse, *Tower of London*, pp. 74—75.

11. G. B. Harrison, *Shakespeare under Elizabeth* (New York, 1933), pp. 310—311.

12. Leslie Hotson, Mr. W. H. (1964), pp. 244—255.

13. См. с. 226, 238, а также S. Schoenbaum, *Shakespeare's Lives* (Oxford, 1970), pp. 456—458, 683—688, 739—740, et passim.

14. Stow, *Survey*, ii. 71.

15. Там же, ii. 70.

16. *Hentzner's Travels*, p. 31.

17. Цитируется Кингсфордом (C. L. Kingsford) в Stow, *Survey*, ii. 368.

18. Относительно условий, способствовавших распространению чумы, наиболее ценные сведения я нашел в работе: F. P. Wilson, *The Plague in Shakespeare's London* (Oxford, 1927).

19. Более полное и увлекательное описание флоры тогдашнего Лондона содержится в гл. «Nature and London» в: Ordish, *Shakespeare's London*, pp. 83—134.

20. Stow, *Survey*, i. 93, ii. 236; E. K. Chambers, *The Elizabethan Stage* (Oxford, 1923), ii. 363.

21. Stow, *Survey*, ii. 73, 262; Chambers, *Elizabethan Stage*, ii. 363.

22. Thomas Heywood, *An Apology for Actors* (1612), sig. F3.

23. *Hentzner's Travels*, p. 29.

24. Там же, pp. 29—30.

25. Цитировалось в: *England as Seen by Foreigners*, p. 88; см. также Chambers, *Elizabethan Stage*, ii. 358.

26. Показания Катберта Бербеджа, Уинфреда Робинсона и Уильяма Бербеджа, данные ими по делу, разбиравшемуся 1 августа 1635; Public Record Office, LC/5/133, pp. 50—51 (SS, item 81, p. 104). Сведениями об этих театрах и других первоначальных помещениях для представлений я обязан главным образом Чемберсу, хотя я не без пользы обращался также к более раннему исследованию: Joseph Quincy Adams, *Shakespearean Playhouses* (Boston,

1917). В работе *Chambers* (Elizabethan Stage, ii. 384—386) я нашел топографические подробности — в данном параграфе и в иных местах.

27. 'Robin Goodfellow', *Tarltons Newes out of Purgatorie* (1590), pp. 1—2, 52; цитируется в: *Chambers*, Elizabethan Stage, ii. 386n.

28. [Thomasa] White], A Sermon preached at Pawles Crosse on Sunday the thirde of November 1577. in the time of the Plague (1578), p. 47; *Chambers*, Elizabethan Stage, iv. 197.

29. William Harrison, MS. 'Chronologie', цитировано в *Chambers*, Elizabethan Stage, iv. 269.

30. Ernest Schanzer, Thomas Platter's Observations on the Elizabethan Stage, *Notes and Queries*, cci (1956), 466.

31. Adams, *Shakespearean Playhouses*, pp. 119—122.

32. Современная реконструкция начальной истории театрального помещения Ньюингтон-Батс содержится в: William Ingram, *The Playhouse at Newington Butts: A New Proposal*, *Shakespeare Quarterly*, xxi (1970), 385—398.

33. *Chambers*, Elizabethan Stage, ii. 405; iv. 313.

34. C. W. Wallace, *The First London Theatre, Materials for a History*, в *Nebraska University Studies*, xiii (1913), 2. У Уоллеса так и не дошли руки опубликовать источник этого утверждения.

35. О проституции в этом районе см. David J. Johnson, *Southwark and the City* (1969), pp. 64—67.

36. О значении этого термина см.: *Henslowe's Diary*, ed. R. A. Foakes and R. T. Rickert (Cambridge, 1961), pp. xxx—xxxii.

37. *Chambers*, Elizabethan Stage, ii. 441.

38. Об этом эпизоде см. с. 259—261.

39. Фрэнсис Иатс предполагает такие возможности в своем восхитительном, хоть и несколько запутанном исследовании; Franks A. Yates, *Theatre of the World* (1936), см. в особенности pp. 125—126.

40. Adams, *Shakespearean Playhouses*, pp. 167—168. Полный текст заметки де Витта на латыни см. в: «A Note on the Swan Theatre Drawing», *Shakespeare Survey* 1 (Cambridge 1948), pp. 23—4; а также *Chambers*, Elizabethan Stage, ii. 361—2. Рисунок со знанием дела описан в: Richard Hosley, *The Playhouses and the Stage, A New Companion to Shakespeare Studies*, ed. Kenneth Muir and S. Schoenbaum (Cambridge, 1971), pp. 23—24. Более ранний весьма ценный подробный анализ содержится (наряду с другими интересными материалами) в: *Chambers*, Elizabethan Stage, ii. 524—47.

10. ВОРОНА-ВЫСКОЧКА

1. См. с. 156, SS, item 218, p. 262.

2. Nicholas Rowe, *Some Account of the Life, &c. of Mr. William Shakespear*, в издании *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i, p. vi.

3. «The Lives of the Poets of Great Britain and Ireland, To the Time of Dean Swift...» By Mr Cibber (1753), vol. i, pp. 130—131.

То, что источником сведений является Джонсон, предположил Чемберс в Е К С, ii. 285.

4. *William Shakespear*, Plays, ed. Samuel Johnson (1765), i. p.c.

5. Е К С, i. 60.

6. *Shakespear*, Plays and Poems, ed. Edmond Malone (1821), ii. 164.

7. «Supplement to the Edition of Shakspeare's Plays Published in 1778 by Samuel Johnson and George Steevens», ed. Malone (1780), i. 67. Мэлон вставил слова «мальчиком на побегушках или» перед «помощником суфлера» в своем издании Шекспира 1790 г. («Plays and Poems», vol. i, pt. 1, p. 107).

8. *Shakespear*, Plays and Poems, ed. Malone (1821), ii. 166—7.

9. В этом вопросе наиболее полезным авторитетом является Е К С 27—56. Подробный и полный рассказ см. в работе: G. M. P i n c i s s, *The Queen's Men, в 1583—1592*, в *Theatre Survey*, xi (1970), 50—65.

10. *Chambers*, *The Elizabethan Stage* (Oxford, 1923), ii. 118—119.

11. British Library, MS. Harley 3885, f. 19.

12. Биография Грина изложена более полно Дж. Чертоном Коллинзом в предисловии, написанном им к своему изданию Грина — «Plays and Poems» (Oxford, 1905), которая, несмотря на свои недостатки, является самым полным рассказом о жизни Грина на английском языке. Более современным исследованием является: René P r u v o s t, *Robert Greene et ses romans (1558—1592)* (Paris, 1938).

13. 'Cuthbert Cunny-Catcher', *The Defence of Conny Catching* (1592), sig. C₃^v.

14. [G a b r i e l H a r v e y], *Four Letters, and certaine Sonnets* (1592), p. 4 Харви оказал нам несколько небольших услуг; из данного памфлета мы заключаем, что жену Грина звали Доротеей, ибо сам Грин называл ее Долл в своем предсмертном письме, в том виде как оно напечатано в *Four Letters* (p. 12).

15. *Robert Greene*, *Groats-worth of witte, bought with a million of Repentance* (1592), sig. A₃^v.

16. A. L. R o w s e, *Shakespeare the Man* (1973), p. 60.

17. *Greene*, *Groats-worth*, sig. Flv.

18. *Greene*, *Francescos Fortunes: Or the second part of Greenes Never too Late...* (1590), sigs. B4^v—Cl.

19. Артур Фриман обратил внимание на данный отрывок из Брэгзюйта в «Notes on the Text of «2 Henry VI», and the «Upstart Crow», *Notes and Queries*, ccxiii (1968), 129—130.

20. J. D o v e r W i l s o n, *Malone and the Upstart Crow, Shakespeare Survey 4* (Cambridge, 1951), p. 65. Мне много дал ценный и тщательный анализ этого отрывка, сделанный Уилсоном.

21. T h o m a s N a s h e, *Pierce Penilesse his Supplication to the Divell*, в *Works*, ed. Ronald B. McKerrow (rev. F. P. Wilson; Oxford, 1958), i. 154.

22. Henry Chettle, *Kind-Harts Dreame* (1592?), sigs. A3^a—4.

23. Dover Wilson, *The Essential Shakespeare: A Biographical Adventure* (Cambridge, 1932), p. 62.

24. См.: William A. Ringer, Jr., Spenser, Shakespeare, Honor, and Worship, *Renaissance News*, xiv (1961), 159—161.

25. Warren B. Austin, *A Computer-Aided Technique for Stylistic Discrimination. The Authorship of Greene's Groatworth of Wit* (U.S. Department of Health, Education and Welfare, 1969).

26. В своей работе, изданной в 1844 г. (J. Payne Collier. «*Life of William Shakespeare*»), Дж. Пейн Коллиер первым предположил, что «возможно» Четл написал «На грош ума», а Дж. О. Холиуэл-Филлипс развил это предположение в своей книге J. O. Halliwell-Phillipps «*Life of William Shakespeare*» (1848), p. 143. В *Folger Shakespeare Library* имеется экземпляр книги Коллиера (shelfmark: PR2894.H 28.1848) с замечанием на полях, сделанным К. М. Инглби рядом с этим отрывком: «Абсурдное предположение. Сочинения Грина свидетельствуют о его таланте, в то время как Четл был бедарен и едва владел английским языком». Остин по крайней мере показал, что это предположение не настолько абсурдно, как считал Инглби.

27. Несколько строгих критических суждений об этом исследовании содержится в отзывах на работу Остина; см.: R. L. Widman, *Shakespeare Quarterly*, xxiii (1972), 214—5, и T. R. Waldon, *Computers and the Humanities*, vii (1972), 109—10. В *The Shakespeare Newsletter* (December 1974, pp. 47, 49) сообщается о диссертации Барбары Крейфельтц, защищенной в Кельнском университете, в которой она поддерживает теорию Остина.

28. *Greenes Funeralls*, ed. McKerrow (1911), p. 81.

29. Austin, 'A Supposed Contemporary Allusion to Shakespeare as a Plagiarist', *Shakespeare Quarterly*, vi (1955), 373—80.

30. John Semple Smart, *Shakespeare: Truth and Tradition* (1928), p. 196.

31. К такому заключению пришел ЕКС, i. 58.

11. ПЬЕСЫ, ЧУМА И ПОКРОВИТЕЛЬ

1. См. выше с. 110.

2. Подробности о контракте Броума, заключенном в 1635 г. и пересмотренном в 1638 г., известны из дела Хитон против Броума, разбиравшемся в суде по ходатайствам в 1640 г. Анни Хаакер опубликовала расшифровку документов по этому делу в: Anne Hakker, *The Plague, the Theater, and the Poet, Renaissance Drama*, n.s., i (1968), 283—306. См. также: G. E. Bentley, *The Profession of Dramatist in Shakespeare's Time 1590—1642* (Princeton. N. J., 1971), pp. 113—144, 264—268. В этой работе содержится полное и авторитетное описание особенностей профессии драматурга.

3. Thomas Nashe, *Pierce Penilesse his Supplication to the Divell*, in Nashe, *Works*, ed. Ronald B. McKerrow (rev. F. P. Wilson; Oxford, 1958), i. 212.

4. Marchette Chute, Shakespeare of London (1951), p. 85. Она одна из способнейших популярных биографов Шекспира. См. S. Schoenbaum, Shakespeare's Lives (Oxford, 1970), pp. 757—759.

5. Это убедительное предположение сделано в работе: Peter Alexander, Shakespeare's Henry VI and Richard III (Cambridge, 1929), p. 8.

6. «Ben Jonson», ed. C. H. Herford and Percy and Evelyn Simpson (Oxford, 1925—1952), vi. 16.

7. Такое заключение сделано Максуэллом в его New Arden ed. of «Titus Andronicus», 1953, introd., p. xxvii.

8. Edward Ravenscroft, Address 'To the Reader', *Titus Andronicus, or The Rape of Lavinia* (1687), sig. A2; в ЕКС, ii. 254—5.

9. William Shakespeare, *Titus Andronicus*, ed. J. Dover Wilson (The New Shakespeare; Cambridge, 1948), p. 99; см. также: Wilson, «Titus Andronicus» on the Stage in 1595, *Shakespeare Survey* 1 (Cambridge, 1948), pp. 17—22.

10. W. Moelwyn Merchant, Shakespeare and the Artist (1959), p. 13. В *Shakespeare and his Players* (1972), pp. 150—154, Мартин Холмс подробно обсуждает доспехи, изображенные на рисунке, но его утверждения не согласуются с данным свидетельством, когда он говорит, что рисунок «иллюстрирует постановку труппы Хенсло».

11. Поллард предполагает, что «Шекспир примыкал к «слугам ее величества» в своем вступлении к Alexander, Shakespeare's Henry VI and Richard III, pp. 13—21. Позднее это утверждение подробно рассмотрено в: G. M. Pinciss, Shakespeare, Her Majesty's Players and Pembroke's Men, *Shakespeare Survey* 27 (Cambridge, 1974), pp. 129—136.

12. Александр упоминает несколько случаев такого дублирования (Alexander, Shakespeare's Henry VI and Richard III, pp. 191—192); см. также the New Arden 1 Henry VI, ed. Andrew S. Cairncross (1962), p. xxxiii.

13. Shakespeare, 2 Henry VI, ed. J. Dover Wilson (The New Shakespeare; Cambridge, 1952), pp. xii—xiv.

14. См. «Extracts from the Letters and Journals of William Cory», ed. Francis Warre Cornish (1897), p. 168; ЕКС, ii. 329.

15. Mary Edmond, Pembroke's Men, *Review of English Studies*, n.s., xxv (1974), 129—136.

16. Цитируется в F. P. Wilson, *The Plague in Shakespeare's London* (Oxford, 1927), p. 52.

17. E. K. Chambers, *The Elizabethan Stage* (Oxford, 1923), iv. 313.

18. Там же, iv. 314—315.

19. См. статью Марио Праза «Italy», в *The Reader's Encyclopedia of Shakespeare*, ed. Oscar James Campbell and Edward G. Quinn (1966), pp. 388—393; а также John S. Smart, Shakespeare's Italian Names, *Modern Language Review*, xi (1916), 339. Этот «перевоз» связывал Венецию с материком.

20. Смарт (p. 339) пишет о Бассанио и Лукезе. Последнее имя

является исправлением (которое первым предложил Кейпелл) имени *Lussicos*, которое Сمارт и другие считали опечаткой. Примеры топографических ошибок, следующие ниже, отмечены Празом (р. 391).

21. См. A. L. Rowe, *Shakespeare the Man* (1973), pp. 106 ff. Он неприметным образом пересмотрел свой рассказ об Эмилии в своей работе «*Simon Forman*» (1974), pp. 99—117. Стэнли Уэллс исправил слово «brown» (Stanley Wells, *The Times Literary Supplement*, 11 May 1973, p. 528).

22. John Sanford, *Apollinis et Musarum Euktika Eidyllia* (Oxford, 1592), цитировано и переведено в G.P.V. Akrigg, *Shakespeare and the Earl of Southampton* (1968), p. 36. Акриг и Пауз (*Shakespeare's Southampton, Patron of Virginia* (1965)) выпускают краткие современные биографии Саутгемптона.

23. N a s h e, *The Unfortunate Traveller*, In Works, ed. McKerrow, ii. 202.

24. S h a k e s p e a r e, Works, ed. Alexander Dyce (1857), i. p. xlv; цитируется Хайдером Эдвардом Роллинсом (Hyder Edward Rollins) в the New Variorum edition of *The Poems* (Philadelphia and London, 1938), p. 385.

25. Превосходный и полный рассказ о Филде содержится в A. E. M. Kirwood, *Richard Field, Printer, 1589—1624, The Library*, 4th Ser., xii (1931), 1—39.

26. C. C. Stopes, *Shakespeare's Environment* (2nd ed., 1918), p. 155. Госпожа Стоупс дает госпоже Филд имя Жакнета, объединяя таким образом жену печатника с деревенской девушкой из «Бесплодных усилий любви».

27. «The First Part of the «Return from Parnassus» в «The Three Parnassus Plays (1598—1601)», ed. J. B. Leishman (1949), pp. 185, 192—193.

28. См. к примеру: Joseph Quincy Adams, *A Life of William Shakespeare* (Boston and New York, 1923), p. 238; а также Rowe, *Shakespeare the Man*, p. 75.

29. ЕКС, i. 61—2.

30. «The Second Part of the Return from Parnassus» в «Three Parnassus Plays, ed. Leishman, p. 244.

31. Nicholas Rowe, *Some Account of the Life, & c, of Mr. William Shakespear* в: *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i., p. x. Не зная о существовании «Обещанной Лукреции», Роу назвал «Венеру и Адониса» «единственным поэтическим произведением, которое он [Шекспир] когда-либо сам опубликовал».

32. Rowe, *Shakespeare the Man*, p. 215; см. также то же автора «*Shakespeare's Southampton*, p. 85, где рассказ о щедром вознаграждении, полученном от графа, назван достоверным преданием.

33. См.: Akrigg, *Shakespeare and the Earl of Southampton*, pp. 38—39, 47.

34. *Shakespeare, The Sonnets*, ed. Rollins (New Variorum; Philadelphia and London, 1944), ii. 53.

35. Henry Willobie, *Willoibe his Avis* (1594), sigs. L1v—L2.

36. См.: Arthur Acheson, *Mistress Davenant* (1913) и *Shakespeare's Sonnet Story* (1922).

37. B. N. De Luna, *The Queen Declined: An Interpretation of Willobie his Avis* (Oxford, 1970), pp. 5—43. Ее теории подвергнуты беспощадному анализу Дугласом Хеймером (Douglas Hamer) в *The Review of English Studies*, n.s., xxii (1971), Хеймер полагает, что «W.S.» проживал поблизости от Мира, графство Уилтшир; возможно, он являлся «неким Уильямом Стауртоном, однако доказать это трудно».

38. *Willobie*, *Willobie his Avis*, sig. A4.

39. См. ниже, с. 243—244.

12. СЛУГА ЛОРД-КАМЕРГЕРА

1. G. E. Bentley, *Shakespeare: A Biographical Handbook* (New Haven, 1961), p. 119. Должности «директора» театра тогда еще не существовало.

2. Кеннет Муир делает такое заключение в своей работе. Kenneth Muir, *Shakespeare the Professional* (1973), pp. 3—4.

3. «Gesta Grayorum: or, the History of the High and Mighty Prince, Henry Prince of Purpoole...» (1688), p. 22.

4. William Shakespeare, *A Midsummer Night's Dream*, ed. Stanley Wells (New Penguin Shakespeare; 1967), introd., pp. 13—14.

5. Francis Meres, *Palladis Tamia. Wits Treasury* (1598), sig. A2.

6. Дон Камерон Аллен (Don Cameron Allen) кратко анализирует источники Мереца в своем предисловии к академическому факсимильному изданию «*Palladis Tamia*» (New York, 1938), pp. vii—viii. См. также того же автора D. C. Allen, *Francis Meres's Treatise 'Poetrie': A Critical Edition* (Urbana, Ill., 1933).

7. Meres, *Palladis Tamia*, ff. 281^v—282.

8. T. W. Baldwin, *Shakespeare's Love's Labour's Won: New Evidence from the Account Books of an Elizabethan Bookseller* (Carbondale, Ill., 1957), p. 15. Хантер предположительно датирует комедию «Конец делу венец» в том виде, в каком она дошла до нас, 1603—1604 гг. См. обзор его доказательств в его предисловии к *New Arden edition* (1959), pp. xviii—xxv.

9. Leslie Hotson, 'Love's Labour's Won', *Shakespeare's Sonnets Dated and Other Essays* (1949), pp. 37—56.

10. Augustus Ralli, *A History of Shakespearian Criticism* (1932), i.1.

11. C. S. Lewis, *English Literature in the Sixteenth Century Excluding Drama* (Oxford History of English Literature; Oxford, 1954), p. 430; см. также Bentley, *Shakespeare*, pp. 199—203.

12. Thomas Fuller, *The Church-History of Britain: from the Birth of Jesus Christ, until the year 1648* (1655), bk. iv, cent. xv, p. 168.

13. Fuller, *The Worthies of England* (1662), ii. 253. Он умер в 1661 г.

14. 'N. D.' [Nicholas Dolman, псевдоним Роберта Персонса] *The*

Third Part of a Treatise, Intituled: of three Conversions of England: An Examen of the Calendar or Catalogue of Protestant Saints. by John Fox (1604). *The Last Six Monethes* (1604), p. 31; цитировано в ЕКС ii. 213.

15. См. ниже с. 344—345.

16. Bodleian Library, MS. James 34; SS, item 101, p. 143.

17. Nicholas Rowe, 'Some Account of the Life, & c. of Mr. William Shakespear', в *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i, p. ix.

18. John Dennis, Epistle Dedicatory 'To the Honourable George Granville, Esq.', в «*The Comickall Gallant: or the Amours of Sir John Falstaffe*» (1702), sig. A2.

19. Dennis, 'The Person of Quality's Answer to Mr. Collier's Letter' (1704), p. 4; цитируется в ЕКС, ii. 263.

20. Rowe, Account, в *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i, pp. viii—ix.

21. Charles Gildon, Remarks on the Plays of Shakespear, в *Shakespeare, Works* (1710), vii. 291.

22. Shakespeare, *The Merry Wives of Windsor*, ed. H. J. Oliver (New Arden Shakespeare; 1971), introd., p. xlv.

23. Проблемы, часто сложные, связанные с этой пьесой, компетентно рассматриваются в: William Green, *Shakespeare's Merry Wives of Windsor* (Princeton, N. J., 1962).

24. Hotson, *Shakespeare versus Shallow* (1931), p. 24. Хотсон подробно описывает участников процесса и судебное разбирательство.

25. О местожительствах Шекспира в Лондоне см. с. 285—289.

26. John Davies of Hereford, *The Scourge of Folly* (n.d.; Stationers' Register: 8 October 1610), Epig. 159, p. 76.

27. «*Historia Histrionica: an Historical Account of the English Stage... In a Dialogue, of Plays and Players*» (1699), p. 4.

28. Rowe, Account, в *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i, p. vi.

29. Shakespeare, *Plays*, ed. Samuel Johnson and George Steevens (1778), i. 204.

30. Edward Capell, Notes and Various Readings to Shakespeare (1779), vol. i, pt. 1, p. 60.

31. Sir Walter Scott, *Kenilworth*, ch. xviii.

32. Rowe, Account, в *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i, pp. xii—xiii.

33. Richard Ryan, *Dramatic Table Talk; or Scenes, Situations and Adventures, Serious and Comic*, in *Theatrical History and Biography* (1825), ii. 156—7.

34. Этими соображениями не пренебрег Бентли (G. E. Bentley *Shakespeare*, p. 9), который анализирует те же самые моменты, которых касаюсь я.

35. British Library, MS. Harley 5353, f. 29v; SS, item 115, p. 152.

36. В вопросах, связанных со строительством здания «Глобуса» и других театров, моими основными источниками являются E K Chambers, *The Elizabethan Stage* (Oxford, 1923), ii, и Joseph Quincy Adams, *Shakespearean Playhouses* (Boston, 1917).

37. [Edward Guilpin], *Skialetheia, or, a shadowe of Truth, in certaine Epigrams and Satyres* (1598), sig. D6.

38. C. W. Wallace, *The First London Theatre: Materials for a History*, в *Nebraska University Studies*, xiii (1913), 278—279.

39. Так в старину называлась нынешняя приходская церковь Спасителя.

40. John Stow, *A Survey of the Cities of London and Westminster... Corrected, Improved, and very much Enlarged...* by John Strype (1720), vol. ii, bk. iv, p. 28; цитировано в: Adams, *Shakespearean Playhouses*, p. 243.

41. Wallace, *First London Theatre*, pp. 275—276.

42. Ernest Schanzer, *Thomas Platter's Observations on the Elizabethan Stage, Notes and Queries*, cci (1956), 466.

43. Судебное дело «Уиттер против Хеминга и Конделла» было обнаружено в архиве гражданских актов Чарлзом Уилльямом Уоллесом, который объявил о своей находке в: Wallace, 'Shakespeare's Money Interest in the Globe Theatre', *The Century Magazine*, lxxx (1910), 500—512. Уоллес опубликовал тексты десяти документов, составляющих судебное дело, в *the Nebraska University Studies*, x («Shakespeare and his London Associates as Revealed in Recently Discovered Documents»). Вопрос о финансовом участии Шекспира в «Глобусе» и «Блэкфрайарзе» наиболее авторитетно обсуждается в: E K C, ii, 52—71; Чемберс приводит в сокращенном виде объяснения по делу Хеминга и Конделла. Те же данные и те же расшифровки протоколов обсуждаются в: B. Roland Lewis, *The Shakespeare Documents* (Stanford, 1940), ii, 508—520.

44. *The Folger Shakespeare Library*, MS. V.a. 292 (пане MS. 2073.5), f. 140; SS, item 116, p. 155.

45. Sidney Lee, *A Life of William Shakespeare* (4th ed. of revised version, 1925), p. 315.

46. M. M. Reese, *Shakespeare: His World and his Work* (1953), p. 365. Сначала он более осторожен, когда говорит о судьбе паев драматурга в «Глобусе» и «Блэкфрайарзе», как об «одной из неразгаданных тайн в жизни Шекспира» (p. 214).

47. Arthur Collins, *Letters and Memorials of State ... written and collected by Sir Henry Sydney, Sir Philip Sydney, Sir Robert Sydney, etc.* (1746), ii, 175; цитируется в: E K C, ii, 322.

48. *British Library*, MS. Harley 5353, f. 12v; SS, item 117, p. 156.

49. Эдвард Монд Томпсон цитируется в: R. C. Bald, *The Booke of Sir Thomas More and its Problems, Shakespeare Survey 2* (Cambridge, 1949), p. 55. В этом очерке содержится мастерски выполненный обзор связанных с этим вопросом проблем. Другой обстоятельный разбор, более новый, содержится в приложении Гарольда Дженкинса (Harold Jenkins) к изданию «Sir Thomas More» Грегга (W. W. Greg), опубликовавшему в 1961 г. литографическую перепечатку этой книги, а также в *Malone Society Collections*, vi (1961 (1962)), pp. 179—192. Следует отметить, что Дженкинс предпочитает датировать пересмотр пьесы приблизительно 1594—1595 гг. Работа Michael L. Hays, *Shakespeare's Hand in Sir Thomas More: Some Aspects of the Paleographic Argument, Shakespeare Studies VIII* (1975), 241—253, появилась слишком поздно и здесь мы,

не давая ей оценки, лишь ссылаемся на нее, однако поставленные Хейзом вопросы об обоснованности палеографических свидетельств заслуживают по крайней мере вдумчивого рассмотрения.

50. См.: R. W. Chambers, *The Expression of Ideas—Particularly Political Ideas—in the Three Pages and in Shakespeare* в работе: Alfred Pollard et al., *Shakespeare's Hand in the Play of Sir Thomas More* (Cambridge, 1923), pp. 142—187, в особенности 158—160. Об упомянутом общем месте см.: F. P. Wilson, *Shakespeare's Reading, Shakespeare Survey 3* (Cambridge, 1950), pp. 19—20.

51. «The Book of Sir Thomas More», ed. W. W. Greg (Malone Society Reprints, 1911), ll. 584—92; цитируется в Wald, p. 53.

52. J. Dover Wilson, *The Essential Shakespeare: A Biographical Adventure* (Cambridge, 1932), p. 103.

53. ЕКС, ii. 326—7.

54. Wilson, *Essential Shakespeare*, pp. 104—7.

13. СОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

1. Alexander Pope, *Imitations of Horace*, ed. John Butt (2nd ed., 1953), p. 199 (The Twickenham Pope, vol. iv).

2. «A Life of William Shakespeare», в: *Shakespeare, Works*, ed. J. O. Halliwell-Phillipps (1853—65), i. 151.

3. Пять документов, обсуждаемых в этом разделе, подробно проанализированы в M. S. Giuseppe, 'The Exchequer Documents Relative to Shakespeare's Residence in Southwark, *Transactions of the London and Middlesex Archaeological Society*, N.S., v (1929), 281—288. Подход, содержащийся в этом анализе, общепринят, хотя работу ЕКС (ii. 88—90) тоже непременно нужно иметь в виду. Полезная работа: N. E. Evans, *Shakespeare in the Public Records* (1964), pp. 9—12; не следует пренебрегать также работой: B. Roland Lewis, *The Shakespeare Documents* (Stanford, 1940), i. 262—271. Относительно истории субсидий и системы десяти и пятнадцатипроцентного налогообложения, с которой она связана, см. работу: Stephen Dowell, *A History of Taxation and Taxes in England* (2nd ed., 1888), ii 67—71, в некоторых отношениях устаревшую, но по-прежнему сжато информативную.

4. Большую часть этих деталей я нашел у Стоу; см. также: A. L. Rowse, *William Shakespeare* (1963), pp. 280—281.

5. Этими сведениями я обязан профессору Уильяму Инграму.

6. Edmund Malone, *An Inquiry into the Authenticity of Certain Miscellaneous Papers and Legal Instruments* (1796), pp. 215—216.

7. См. с. 332 и далее.

8. Arthur H. Nethercot, *Sir William D'Avenant, Poet Laureate and Playwright-Manager* (Chicago, 1938), p. 20. Нетеркот подробно описывает таверну (pp. 16—20).

9. Joseph Spence, *Observations, Anecdotes, and Characters of Books and Men, Collected from Conversation*, ed. James M. Osborn (Oxford, 1966); i. 184.

10. Bodleian Library, MS. Hearne, Diaries 20, f. 127; SS, item 126, p. 165.

11. Shakespeare, Plays, ed. Samuel Johnson and George Steevens (1778), i. 203—204.

12. Spence, Observations, ed. Osborn, i. 185.

13. Перепечатано в: «All the Works of John Taylor the Water-Poet...» (1630), p. 184 (sig. Qq^{4v}).

14. Gerard Langbaine, The Lives and Characters of the English Dramatick Poets..., ed. Charles Gildon (1698), p. 32.

15. William Chetwood, A General History of the Stage... (1749), p. 21n.

16. Эта точка зрения высказана в содержательном очерке: Raymond Carter Sutherland, The Grants of Arms to Shakespeare's Father, *Shakespeare Quarterly*, xiv (1963), 379—385.

17. Пропущенные слова во втором черновике восстанавливаются по первому, как в ЕКС (ii. 19).

18. Это суждение содержится в работе: C. W. Scott-Giles, Shakespeare's Heraldry (1950), p. 33. Этим разделом работы я особо обязан непретенциозному и авторитетному рассказу Скотта-Джайлза (pp. 27—41). Он удачно ссылается на «Сон в летнюю ночь» (см. ниже с. 298).

19. Charles Crisp, Shakespeare's Ancestors, *Coat of Arms*, vi (1960), 105—109; цитируется в: Sutherland, p. 384.

20. J. O. Halliwell[-Phillipps], An Historical Account of the New Place, the Last Residence of Shakespeare (1864), p. 10; ME кратко излагает историю дома Нью-Плейс (86—89). О семье в Андерхилл см.: J. H. Morrison, The Underhills of Warwickshire (Cambridge, 1932), в особенности pp. 152—156, 183—185.

21. Это происшествие было открыто Тэнджи Лином, среди частных бумаг которого я обнаружил относящиеся к этому делу расшифровки документов архива гражданских актов. Шифр хранения показаний Уилера — SP12/79. В том же томе содержатся документы процесса Алфорд против Гревилля и Портера, датированные июнем 1571.

22. Число каминов установлено по отчету о налогах на камины за 1663 г.; см.: Halliwell[-Phillipps], *Historical Account*, p. 162.

23. Stowe MSS. Хранится в Huntington Library; «A Document Concerning Shakespeare's Garden», *The Huntington Library Bulletin*, i (1931), 199—201; ME, 91. Я придерживаюсь расшифровки ME.

24. Joseph Quincy Adams, A Life of William Shakespeare (Boston and New York, 1923), p. 259. В действительности Стэрли не был, как прежде считали, родственником Куини.

25. Письмо Стэрли (Shakespeare Birthplace Trust Records Office, Misc. Doc. I, 136) было сильно повреждено водой во время второй мировой войны. Письмо не удалось разобрать и с помощью ультрафиолетовых лучей, я не мог также найти его фото. Холиуэл-Филиппс, однако, напечатал факсимиле выдержек из письма (*Shakespearean Facsimiles...* (1863), Plate IX, item 1); в «Outlines of the Life of Shakespeare» (7th ed., 1887), ii. 59—60; он приводит полный текст письма. Письмо было впервые опубликовано в приложении к по-

смертному изданию Мэлоне. *Malone, Life of William Shakespeare* в «1824 Variorum» (ii. 569—572). Частичная расшифровка письма содержится в ЕКС ii. 103; МЕ, 95 приводит один отрывок. Другое письмо Стэрли к Куини (Misc. Doc. I, 135; ЕКС, ii, 101—102) подобным же образом было повреждено.

26. См. ниже с. 369.

27. См. выше с. 122.

28. О такого рода судебных делах см.: ЕКС ii. 113—118; МЕ, 91—92, 107.

29. *Malone, Supplement to the Edition of Shakspeare's Plays Published in 1778 by Samuel Johnson and George Steevens* (1780), ii. 369—70: Примечание Джорджа Стивенса к пьесе «Сэр Джон Олдкасл».

30. *Shakespeare, Plays*, ed. Johnson and Steevens (1778), i. 205.

31. *Nicholas Rowe, Some Account of the Life, &c. of Mr. William Shakespear*; в издании *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i, p. xxxvi.

32. «A Relation of a short Survey of 26. Counties... By a Captaine, a Lieutennant, and an Ancient. All three of the Military Company in Norwich», British Library, MS. Lansdowne 213, f. 332v; ЕКС, ii. 243.

33. *Francis Peck, Explanatory & Critical Notes on Divers Passages of Shakespeare's Plays* в книге «New Memoires of the Life and Poetical Works of Mr. John Milton» (1740), pp. 222—223.

34. MS., Shakespeare Library, Birmingham Public Library; shelfmark: S977, pp. 25—26. Джорден неоднократно записывал эту историю, см. ЕКС, ii. 293—294.

35. Эдвард Дауден, очевидно, первым связывал размышления Гамлета с интересом его создателя к недвижимости («Shakspeare: A Critical Study of his Mind and Art» (1875), p. 35); см. также *S. Schoenbaum, Shakespeare's Lives* (Oxford, 1970), pp. 492ff.

36. МЕ, 103.

37. ЕКС, ii. 125.

38. В ранних биографиях «Huband» (Хьюбэнд). О вариантах написания этого имени см. МЕ, он собрал данные о Хьюбоде (Hubaud) (105).

39. Третьим свидетелем был Уильям Хьюбод.

14. СЛУГА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

1. Некоторые заходили так далеко; они были убедительно опровергнуты Ричардом Левином; *Richard Levin, The King James Version of Measure for Measure*, Clio, iii (1974), 129—163. На актуальных ассоциациях пьесы настаивал, среди прочих, Дэвид Ллойд Стивенсон в работе: *David Lloyd Stevenson, The Historical Dimension in Measure for Measure: The Role of James I in the Play*, приложение к «The Achievement of Shakespeare's Measure for Measure» (Ithaca, N.Y., 1966), pp. 134—166.

2. Подробное описание этого события см. в: *David M. Bergeron, English Civic Pageantry 1558—1642* (1971), pp. 66—89.

3. B. R o l a n d L e w i s, *The Shakespeare Documents* (Stanford, 1940), ii. 368.

4. Перечисление титулов посланника дается в: J o s e p h Q u i n c y A d a m s, *A Life of William Shakespeare* (Boston and New York, 1923), p. 364, а событие подробно описано в: E r n e s t L a w, *Shakespeare as a Groom of the Chamber* (1910).

5. G. E. B e n t l e y, *Shakespeare and the Blackfriars Theatre, Shakespeare Survey 1* (Cambridge, 1948), p. 40.

6. Advertisement to Lintot's Edition of Shakespeare's *Poems* (c. 1709), sig. A2^v.

7. ЕКС, ii. 280.

8. J o h n D a v i e s, *Microcosmos* (1603), p. 215; цитируется в ЕКС, ii. 213.

9. W i l l i a m B a r k s t e d, *Mirra the Mother of Adonis: or, Lustes Prodegies* (1607), sig. El; цитируется в ЕКС, ii. 216.

10. Bodleian Library, MS. Arch. F. c. 37 (ранее Aubrey MS. 6, f. 109); SS, item 57, p. 58.

11. N i c h o l a s R o w e, *Some Account of the Life, & c. of Mr. William Shakespeare*, в издании: S h a k e s p e a r e, *Works*, ed. Rowe (1709), i, pp. viii, xxxv—xxxvi.

12. Более обстоятельно я рассматриваю этот предмет в «Shakespeare and Jonson: Fact and Myth», *The Elizabethan Theatre II*, ed. David Galloway (Toronto, 1970), pp. 1—19. См. также ниже с. 398. О приведенных рассказах см. British Library, MS. Harley 6395, f. 2 (L'Estrange); Bodleian Library, MS, Ashmole 38, p. 181 (Burgh); MS. 25, ff. 77, 161, в the Plume Library at Maldon, Essex (Plume); SS, items 167—9, p. 206.

13. T h o m a s F u l l e r, *The History of the Worthies of England* (1662), «Warwickshire», p. 126.

14. B e n J o n s o n, *Timber: or, Discoveries; Made upon Men and Matter* (1641), в издании: B e n J o n s o n, *Workes* (1640 title-page), pp. 97—98.

15. Эта легенда проанализирована S. A. Shapiro в «The «Mermaid Club»», *Modern Language Review*, xlv (1950), 6—17.

16. См. ниже, с. 348. Лесли Хотсон изучал карьеру Джопсона (L e s l i e H o t s o n, *Shakespeare and Mine Host of the Mermaid, Shakespeare's Sonnets Dated and Other Essays* (1949), pp. 76—88).

17. Упоминания в этом месте о Силвер-стрит и ее окрестностях основаны на: J o h n S t o w, *A Survey of London*, ed. C. L. Kingsford (Oxford, 1908), i. 291 ff. Приведенные слова о галерее в соборе св. Павла заимствованы из: J o h n E a r l, *Microcosmographie* (1628), sig. III^v. Несколько подробностей взято мной из работы: L. R o w s e, *Shakespeare the Man* (1973 p. 197).

18. Эти факты обнаружил А. Л. Роуз (A. L. R o w s e, *Secrets of Shakespeare's Landlady*, *The Times*, 23 April 1973, p. 6). См. также работу: A. L. R o w s e, *Simon Forman: Sex and Society in Shakespeare's Age* (1974), pp. 98—99.

19. C. W. W a l l a s e, *New Shakespeare Discoveries: Shakespeare as a Man among Men*, *Harper's Monthly Magazine*, cxh (1910), 489—510. В том же году Уоллес опубликовал расшифровки 26 документов, которые, как он считал, имели отношение к этому делу

(«Shakespeare and his London Associates as Revealed in Recently Discovered Documents», *Nebraska University Studies*, x (1910), pp. 261—360). ЕКС приводит выдержки из основных документов, а также их анализ (ii. 90—5). Полезное описание содержится в: Adams, *Life of William Shakespeare*, (pp. 378—387, 393—395).

20. Adams, *Life of William Shakespeare*, pp. 380—381.

21. Вопросы, связанные с публичными и частными театрами, их аудиторией и репертуаром, анализируются в авторитетной работе: Alfred Harbage, *Shakespeare and the Rival Traditions* (New York, 1952).

22. G. E. Bentley, *Shakespeare and his Theatre* (Lincoln, Neb., 1964), p. 88. Недавно опубликованный тщательный критический разбор работы Бентли см. в: J. A. Lavín, *Shakespeare and the Second Blackfriars*, *The Elizabethan Theatre* III, ed. David Gallo-way (Toronto, 1973), pp. 66—81.

23. Bodleian Library, MS. Ashmole 208, ff. 200—13; ЕКС, ii. 337—41. Заметки Формана о «Цимбелине» приводятся в: SS, item 176, p. 215.

24. ЕКС, ii. 62—71.

25. Предисловие к «Troilus and Cressida», 1609, sig. 2.

26. Peter Alexander, *Shakespeare* (1964), p. 247.

27. Shakespeare, *Works*, ed. Richard Grant White (Boston, 1865, i. 152; цитировано Хайдером Эдвардом Роллинсом в *New Variorum Sonnets* (Philadelphia and London, 1944), ii. 166.

28. Hotson, Mr. W. H. (1964).

29. Thomas Heywood, *An Apology for Actors* (1612), sig. G4r-v.

30. Logan Pearsall Smith, *The Life and Letters of Sir Henry Wotton* (Oxford, 1907), ii. 17; приводится в ЕКС, ii. 153.

31. Hotson, *Shakespeare's Sonnets Dated*, pp. 111—140, 207—217.

Эпитафия Илайесу Джеймсу, приписываемая Шекспиру (N^m: Shakespeare) появилась в Bodl. Rawlinson Poet. MS. 160, f. 41, и датируется «приблизительно 1650 г.» в the Catalogue; ЕКС приводит этот текст (i. 551).

32. Такую юридическую точку зрения высказал Чарлз Илтон Сидни Ли (Sidney Lee, *A Life of William Shakespeare* (4th ed. of revised version, 1925)), p. 488n.

33. Там же, pp. 488—489.

34. Halliwell-Phillipps, *Outlines of the Life of Shakespeare* (7th ed., 1887), ii. 36—7. О покупке надвратного дома см.: ЕКС ii. 154—169.

35. ME, 112.

36. Smith, Wotton, ii. 32—3.

37. E. K. Chambers, *The Elizabethan Stage* (Oxford, 1923), ii. 421.

15. И ВНОВЬ СТРАТФОРД

1. William Shakespeare, *Dramatic Works*, ed. Thomas Campbell (1838), p. lxiv. Оценку высказываний Кэмпбелла

о Шекспире см.: S. Schoenbaum, *Shakespeare's Lives* (Oxford, 1970), pp. 312—315.

2. Nicholas Rowe, *Some Account of the Life, &c. of Mr. William Shakespear*, в: *Shakespeare, Works*, ed. Rowe (1709), i, p. xxxv.

3. Это предположение сделано Эклзом в ME 133, где глава «The Final Years» (131—144), как и остальные, безоговорочно лаконична.

4. Чемберс замечает, что обсуждение законопроектов о ремонте больших дорог было прекращено в комиссии в 1610 и 1614; EKC; ii. 153.

5. Описание расположения этого амбара в: Richard Savage, *The Atheneum*, 29 August 1908, p. 250.

6. «Original Collections on Shakespeare and Stratford-on-Avon», by John Jordan, the Stratford Poet..., ed. J. O. Halliwell-Phillipps (1864), p. 50. См. также ME, 133.

7. ME, 135—136.

8. Об огораживании в Уэлкомбе см.: EKC, ii. 141—52; C. M. Ingleby, *Shakespeare and the Enclosure of Common Fields at Welcombe* (Birmingham, 1885); ME, 136—138.

9. Shakespeare Birthplace Trust, Corporation Records, Misc. Doc. XII, 103; Halliwell-Phillipps, *Outlines of the Life of Shakespeare* (7th ed., 1887), ii. 378. Грин датировал свой меморандум 9 сентября.

10. Эдгар Фрипп в работе «Shakespeare: Man and Artist» (1938), ii. 806, оценивает капиталовложения Грина в 300 фунтов, однако цифра кажется заниженной: в 1617 г. с него требовали 590 фунтов за эту аренду, однако они сошлись на 400 (ME, 129).

11. Shakespeare Birthplace Trust Records Office, Corp. Rec., Misc. Doc. XIII, 26a; SS, item 190, p. 233.

12. ME, 137.

13. ME, 138.

14. Инглби в работе «Shakespeare and the Enclosure of Common Fields» приводит полные тексты письма Комба и ответа корпорации (pp. 16—18). Грин отмечает в своем дневнике, что Комб осознал безнадежность положения в апреле (Ingleby, p. 12).

15. Это правдоподобное толкование предлагается в: E. R. C. Brinkworth, *Shakespeare and the Bawdy Court of Stratford* (1972), p. 46. Книга Бринкуорта, содержащая много полезных сведений о судопроизводстве в приходском церковном суде, последовала за значительной статьей: Hugh A. Hanley, *Shakespeare's Family in Stratford Records*, *The Times Literary Supplement*, 21 May 1964, p. 441.

16. ME, 115.

17. Деятельность Холла в качестве врача анализируется в: Harriet Joseph, *Shakespeare's Son-in-Law: John Hall, Man and Physician* (Hamden, Conn., 1964); см. также ME, 114—115.

18. John Hall, *Select Observations on English Bodies...*, transl. James Cooke (1657), pp. 227—228.

19. Fripp, *Shakespeare*, ii. 885—891.

20. Hall, *Select Observations*, pp. 47—51.

21. ME, 113.

22. Hall, *Select Observations*, sig. A3r-v.
23. Это собрание включало в себя в общей сложности 200 «наблюдений», остальные не принадлежали Холлу.
24. ME, 139.
25. Public Record Office, *Star Chamber Proceedings, James I, 26/10*, т. 2; цитировано в книге: Frigg, *Shakespeare*, ii. 824, и ME, 140. Вообще Фрипп и ME наиболее авторитетные специалисты в вопросах, связанных с семьями Куини и Холлов.
26. Источником таких сведений об эпизоде с Уилер и его последствиях, а также о непричастии Сьюзан являются работы: A. Hanley, *Shakespeare's Family in Stratford Records* и Brinkworth, *Shakespeare and the Bawdy Court*.
27. См.: Frigg, *Master Richard Quyny* (Oxford, 1924), pp. 206—207; а также его работу «Shakespeare», ii. 833.
28. ME, 140—141.
29. British Library, MS. Lansdowne 721, f. 2. О существовании этого завещания было известно ранее.
30. B. Roland Lewis, *The Shakespeare Documents* (Stanford, 1940), ii. 471.
31. G. E. Bentley, *Shakespeare: A Biographical Handbook* (New Haven, 1961), p. 61.
32. William West, *The First Part of Simboleography...* (1615 ed.), Sect. 643.
33. Brinkworth, *Shakespeare and the Bawdy Court*, pp. 80—83.
34. Справедливость требует прибавить к этому, что Комб оставил дополнительно 5 фунтов беднякам Уорика и 5 фунтов беднякам Алстера.
35. ME, 136.
36. «A Brief Discourse... of the Laudable Customs of London» (1584), pp. 24—25. По поводу сложностей в юридическом вопросе о вдовой доле я получил компетентную консультацию у преподобного Эрика Макдермотта из университета в Джорджтауне, от доктора Леви Фокса и Роберта Бэрмана из Треста по опеке над домом-музеем У. Шекспира.
37. Marchette Chute, *Shakespeare of London* (1949), p. 279.
38. «Supplement to the Edition of Shakespeare's Plays Published in 1778 by Samuel Johnson and George Steevens», ed. Edmond Malone (1780), i. 657.
39. «Diary of the Rev. John Ward...», ed. Charles Severn (1839), p. 56.
40. Elaine W. Fowler, *The Earl of Bedford's «Best Bed»*, *Shakespeare Quarterly*, xviii (1967), 80.
41. На это завещание указал ME и процитировал этот характерный пункт (164—165).
42. Цитировано в: G. R. Potter, *Shakespeare's Will and Raleigh's Instructions to his Son, Notes and Queries*, clviii (1930) 364. Отрывок появился в посмертно опубликованных Raleigh, «Remains».
43. «Borough Customs», ed. Mary Bateson (*Publications of the Selden Society*, 21; 1906), ii. 142—143, 144.

44. Текст «The Joint and several Answers of Susan Hall, widow, and Thomas Nashe, gent.», см. в: Frank Marcham, William Shakespeare and his Daughter Susannah (1931), pp. 66—71.

45. «An Answer to Mr. Pope's Preface to Shakespear... «By a Stroing Player (1729), pp. 45—46; Е К С, ii. 272.

46. William Shakespeare, Plays and Poems, ed. Malou (1790), vol. i, pt. 1, p. 136.

47. ME, 142.

48. Сообщение сделано Уильямом Холлом; см. Bodleian Library, MS. Rawlinson D. 377, f. 90; SS, item 205, p. 251. Чемберс указывает на неправдоподобие сведений о могиле глубиной в 17 футов (Е К С, ii. 181).

49. Даудел (S S, item 218, p. 262) и Холл считают, что эпитафию сочинил Шекспир, того же мнения автор анонимного рукописного примечания, «написанного на исходе семнадцатого столетия» на одном из экземпляров третьего фолио. Холиуэл-Филиппс напечатал эту заметку в Halliwell-Phillipps *Outlines* (ii, 357), а Е К С перепечатал ее в ii, 261.

50. Bodleian Library, MS. Rawlinson D. 377, f. 90; S S, item 205, p. 251.

51. Е К С, ii. 242—3; British Library, MS. Lansdowne 213, f. 332^v; см. также выше с. 312.

52. Эта заметка сделана Дагдейлом; см. «The Life, Diary, and Correspondence of Sir William Dugdale, ed. William Hamper (1827), p. 99.

53. Унылый портной пришел на ум Чемберсу (Е К С, ii. 185).

54. R. B. Wheeler, *The Gentleman's Magazine*, lxxxv (1815), 390.

55. Более всего сведений об этой гравюре, так же как и о памятке, я нашел у Чемберса и Спильмена.

56. A. L. Rowse, *The English Spirit: Essays in Literature and History* (rev. ed.; 1966), p. 6.

57. Мастерское и краткое описание первого фолио содержится в предисловии Ч. Хинмена к Norton Facsimile, *The First Folio of Shakespeare* (New York, 1968). Авторитетными обстоятельными исследованиями являются: W. W. Greg, *The Shakespeare First Folio*, а также Hinman, *The Printing and Proofreading of the First Folio of Shakespeare* (Oxford, 1963), 2 vols. Хинмен описывает три оттиска гравюры Дройсхута (i. 248—9).

58. Иную точку зрения см. в: T. J. В. Спенсер, Ben Jonson on his beloved, *The Author Mr. William Shakespeare, The Elizabethan Theatre IV*, ed. G. R. Hibbard (Toronto, 1974), pp. 22—40.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
От автора	24
Дополнительные замечания	28
1. Город Стратфорд и стратфордская церковь	29
2. Семейство Шекспиров: из Снитерфилда в Стратфорд	42
3. Потомки Джона Шекспира	52
4. Взлет и падение	61
5. Духовное завещание Джона Шекспира	79
6. Вера и знание	91
7. Ранние занятия и ранний брак	113
8. Утраченные годы	139
9. Лондон и лондонские театры	166
10. Ворона-высочка	195
11. Пьесы, чума и покровитель	213
12. Слуга лорд-камергера	242
13. Состоятельный джентльмен	285
14. Слуга его величества	319
15. И вновь Стратфорд	353
Постскриптум	401
Ссылки на источники	404

С. Шенбаум

ШЕКСПИР

ИБ № 3134. Редактор *Е. Л. Левина*. Мл. редактор *Н. В. Дейнеко*. Художник *А. В. Лисицин*. Художественный редактор *Ю. В. Булдаков*. Технический редактор *Н. И. Касаткина*. Корректор *Г. А. Локина*. Сдано в набор 13.07.84. Подписано в печать 25.12.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура новая обыкновенная. Печать высокая. Условн. печ. л. 22,68. Усл. кр.-отт. 22,89. Уч.-изд. л. 23,21. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3587. Цена 1 р. 50 к. Изд. № 38846. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 17. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

600.000 руб

С. Шенбаум

ШЕКСПИР

краткая документальная биография

В своей книге известный американский шекспировед С. Шенбаум в строго хронологической последовательности, обстоятельно и научно объективно излагает собранные в течение нескольких веков факты и документы, относящиеся к биографии великого английского поэта, одного из выдающихся драматургов мира.

Не касаясь творчества Шекспира, С. Шенбаум описывает историю города Стратфорда-на-Эйвоне, где он родился и похоронен, родословную поэта, рассказывает о его семье и потомках, о Стратфордской грамматической школе, где будущий драматург познакомился с античной мифологией, историей и литературой, получившими широкое отражение в его пьесах.

В книге воссозданы конкретные исторические условия, в которых протекала жизнь Шекспира, показано начало его актерской карьеры и драматургической деятельности, а также последние годы жизни в Стратфорде, приведены сведения о театрах и театральной жизни Лондона в конце XVI—начале XVII в., рассказано о нескольких современниках Шекспира, причастных к его судьбе, и о некоторых бытовых подробностях того времени.

ШЕКСПИР

С. Шенбаум

Издательство Прогресс

1 р. 50 к.

